

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 12, № 4, 2019

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscs.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к.с.н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHES), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кшиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентий С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 12, no. 4, 2019

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tizgin Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztopka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© VoIRC RAS, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит –
важнейшее условие реализации национальных проектов 9

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Минакир П.А., Леонов С.Н. Государственный региональный долг:
тенденции и особенности формирования 26

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

- Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Свириденко М.В.
Процессы урбанизации в контексте закономерностей
пространственного развития муниципальных образований,
находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов 42

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

- Наумов И.В., Трынов А.В. Моделирование инвестиционной привлекательности
видов экономической деятельности в регионе с использованием матрицы
финансовых потоков 53
- Литвинова А.В., Талалаева Н.С., Парфенова М.В. Развитие методических подходов
к оценке результативности импортозамещения в России 67

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

- Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием
некоммерческого сектора на региональном уровне 86

ЭКОНОМИКА АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

- Отмахова Ю.С., Усенко Н.И., Девяткин Д.А., Сонгкассири В.
Оценка экспортного потенциала страны с учетом глобального спроса
на мировом рынке продовольствия 104

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Добыча охотничьих ресурсов в системе налогово-бюджетных отношений (на примере северных регионов России) 123

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Белехова Г.В., Басова Е.А. Финансовое поведение населения в период экономического кризиса 2014–2015 годов 137

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Беляева Л.А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение 154

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода 167
- Пасовец Ю.М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи 183
- Нацун Л.Н. Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения 200

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Геренчер И. Роль индивидуальной ответственности в территориальном развитии 220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Медведева О.О., Жук А.О. Эффективное управление экономическим журналом: тренды, тенденции, вызовы 234

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 239
- Правила приёма статей 247
- Информация о подписке 253

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Nationally Oriented Rotation of the Elites – the Most Important Condition for the Implementation of National Projects 9

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

- Minakir P.A., Leonov S.N. Regional Public Debt: Trends and Formation Specifics 26

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Okrepilov V.V., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Sviridenko M.V. Urbanization Processes in the Context of Spatial Development Patterns of Municipalities in the Zone of Influence of Megacities 42

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Naumov I.V., Trynov A.V. Modeling the Investment Attractiveness of the Types of Economic Activities in the Region with the Use of the Matrix of Financial Flows 53
- Litvinova A.V., Talalaeva N.S., Parfenova M.V. Development of Methodological Approaches to Assessing the Effectiveness of Import Substitution in Russia 67

ADMINISTRATION IN TERRITORIAL SYSTEMS

- Shabunova A.A., Kosygina K.E. Public Administration Issues in the Development of the Non-Profit Sector at the Regional Level 86

ECONOMICS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

- Otmakhova Yu.S., Usenko N.I., Devyatkin D.A., Songkasiri W. Assessing Export Potential of the Country in the Context of Global Demand in the World Food Market 104

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Procurement of Hunting Resources in the System of Fiscal Relations (Case Study of the Northern Regions of Russia) 123

PUBLIC FINANCE

- Belekhova G.V., Basova E.A. Financial Behavior of the Population during the 2014–2015 Economic Crisis 137

THEORETICAL ISSUES

- Belyaeva L.A. Social Capital: Problem Field and Empirical Research 154

SOCIAL DEVELOPMENT

- Barsukov V.N. From the Demographic Dividend to Population Ageing: World Trends in the System-Wide Transition 167
- Pasovets Yu.M. Secondary Employment of Students as a Factor in the Professionalization and Social Integration of Young People 183
- Natsun L.N. The Increase in the Number of Disabled Population in European Countries as an Indicator of the Effectiveness of Their Health Policies 200

FOREIGN EXPERIENCE

- Gerencsér I. The Role of Individual Responsibility in Territorial Development 220

SCIENTIFIC LIFE

- Medvedeva O.O., Zhuk A.O. Managing an Economic Journal Efficiently: Trends and Challenges 234

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 239
- Manuscript Submission Guidelines 247
- Subscription Information..... 253

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Национально ориентированная ротация элит — важнейшее условие реализации национальных проектов

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В предыдущих выпусках журнала¹ мы неоднократно обращались к проблеме неэффективности выполнения Правительством поручений главы государства, которые В. Путин озвучивал в посланиях Федеральному Собранию, «майских указах» и т.д. В политическом цикле 2018–2024 гг. основные направления государственной политики реализуются посредством 12 национальных проектов, и комплексный анализ экспертных мнений вынуждает в очередной раз говорить об угрозе срыва их выполнения. В нижеследующих материалах анализируется сущность национальных проектов, динамика их реализации, начиная с момента их принятия (2005 г.), в период III президентского срока В.В. Путина (2012–2018 гг.), а также специфика современной общественно-политической ситуации в России в 2018–2019 гг., настоятельно требующая качественного повышения ответственности элит за исчерпывающее достижение целевых ориентиров, указанных в национальных проектах 2018–2024 гг.

Ключевые слова: национальные проекты, эффективность государственного управления, национальные интересы, Президент.

¹ См., например, статьи от главного редактора в выпусках журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»: Т. 11, № 2 (2018 г.); Т. 10, № 3 (2017 г.); № 2(26) (2013 г.); № 6 (30) (2013 г.); № 3 (21) (2012 г.).

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Национально ориентированная ротация элит — важнейшее условие реализации национальных проектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Nationally oriented rotation of the elites — the most important condition for the implementation of national projects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol.12, no. 4, pp. 9–25. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.1

История приоритетных национальных проектов в России насчитывает уже почти 15 лет: 5 сентября 2005 г. на совещании с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета Президент РФ В. Путин поставил вопрос о «создании новых механизмов для существенного повышения качества жизни граждан России», особо отметив свое личное участие в работе над реализацией приоритетных направлений, таких как здравоохранение, образование, жилье: «Ход этой работы намерен постоянно держать в поле зрения. Для этого будет создан совет по реализации приоритетных национальных проектов, деятельность которого буду контролировать лично»².

С тех пор одной из основных характеристик национальных проектов можно назвать **преемственность**³: преемственность целей, задач, ключевых направлений, основных принципов реализации и т.д. Это характеризует государственную политику по реализации нацпроектов как системную, рассчитанную на долгосрочную перспективу работу с соответствующей формулировкой конкретных критериев, показателей, указанием сроков их достижения и ответственных исполнителей.

Однако есть у этой преемственности и «слабые» места, заключающиеся в последовательном воспроизводстве практики недостижения

² Выступление В. Путина на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета 5 сентября 2005 г. / Официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23157>

³ Приоритетный национальный проект «Здоровье» (2006–2018 гг.), так же как и национальный проект «Здравоохранение» (2019–2024 гг.), направлены на снижение смертности населения, повышение доступности и качества медицинской помощи, развитие профилактической направленности здравоохранения.

Приоритетный национальный проект «Жилье» (2006–2018 гг.) и национальный проект «Жилье и городская среда» (2019–2024 гг.) направлены на повышение доступности жилья для семей со средним достатком (в них, в частности, запланированы увеличение объемов жилищного строительства, увеличение объемов ипотечного жилищного кредитования и т.д.).

Приоритетный национальный проект «Образование» (2006–2018 гг.), так же как национальный проект «Образование» (2019–2024 гг.), предусматривали поддержку инновационных вузов, обновление материально-технической базы образовательных учреждений и т.д.

запланированного результата. Об этом уже много высказывались эксперты – ученые, представители гражданского общества⁴. Многие из них отмечают, что главным тормозом на пути развития российской экономики является «оппортунистическое поведение государственной бюрократии и крупных предпринимателей».

По своим масштабам и глубине воздействия на жизнь российского общества особое влияние оказывает **оппортунистическое поведение российской бюрократии**. Отдельные ее представители игнорируют задачи реформ либо проводят их с ориентацией на свои групповые интересы. Это проявляется в расхищении государственного бюджета, коррупции и т.п... Часть обогатившихся за годы реформ россиян обоснованно воспринимает структурные и технологические инновации, а также необходимые социальные сдвиги как потенциальную угрозу своему привилегированному положению и молчаливо им противодействует. **Фактически наблюдается отлынивание российского бизнеса, прежде всего крупного, от решения задач технологической модернизации экономики и ее диверсификации. Сходной позиции придерживаются и отдельные представители российской бюрократии...**

Значительные масштабы оппортунистического поведения больших групп населения сигнализируют о нарастающем несоответствии существующих институциональных реформ потребностям развития общества и о необходимости их замены...Основной вывод состоит в том, что трудности, возникшие на пути подъема российской экономики, являются издержками оппортунистического поведения государственной бюрократии и крупных предпринимателей⁵.

⁴ См., например:

Глазьев С.Ю. Нацпроекты – иллюзия или реальность? // Журнал «Золотой лев». 2007. № 101–102. http://www.zlev.ru/101/101_52.htm;

Башкатова А. Забытые нацпроекты // Независимая газета. 2009.29.12. http://www.ng.ru/economics/2009-12-29/1_nazprojects.html; Материалы заключительной пленарной сессии XVII Апрельской международной конференции по проблемам развития экономики и общества 19–22.04.2016 / Официальный сайт ГУ ВШЭ <https://www.hse.ru/news/science/181135658.html>

⁵ Власов Ф. Издержки оппортунистического поведения социальных групп // Общество и экономика. 2019. № 6. С. 42.

Это означает, что указанные субъекты «реализуют свои интересы, игнорируя закон, злоупотребляя рыночной властью и служебным положением... фактически отлынивая от решения задач технологической модернизации экономики и ее диверсификации»⁶.

Наиболее осознанной силой российской элиты является либеральный клан, служащий глобальным финансовым спекулянтам против своего народа и рвущийся в благословенные для него 90-е годы... Победы либерального клана – переназначение в 2018 году правительства Медведева, пенсионная реформа, повышение НДС, безумный налоговый манёвр (одновременно взвинтивший цены на бензин и сделавший убыточным его производство) и рост недовольства общества...⁷

В этих условиях становятся вполне объяснимыми критика и пессимистические прогнозы экспертов относительно реалистичности выполнения нацпроектов 2019 года (*вкладка 1*)⁸.

В 2019 г. сотрудниками Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН) был проведен анализ паспортов и экспертных мнений относительно национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Жилье и городская среда», а также Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года. По итогам данного обзора было сделано заключение о недостаточности финансовой поддержки мероприятий, направленных на реализацию поставленных целей, неучете в нацпроектах ряда объективных демографических и социально-экономических тенденций, а также о недостаточном качестве используемых критериев оценки эффективности деятельности.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Делягин М.Г. Перспективы Собянина // Газета «Завтра». 2019. № 32. http://zavtra.ru/blogs/perspektivi_sobyatina

⁸ Во вкладке 1 представлена лишь малая часть проанализированных экспертных мнений, их квинтэссенция. Тем не менее она в полной мере отражает общий скептицизм экспертов в отношении перспектив реализации национальных проектов.

В концентрированном виде экспертные оценки обобщены⁹ во *вкладке 2*. Из приведенных данных видно, что национальные проекты до начала их реализации не проходили широкого, масштабного обсуждения ни в экспертном сообществе, ни в рамках общественных дискуссий, хотя это позволило бы устранить многие недоработки, которые возникают сегодня в ходе реализации нацпроектов.

Психология масс – область психологии, предметом исследований которой являются природа, сущность, закономерности возникновения, формирования, функционирования и развития толп и масс, как специфических форм сообществ людей. Создана в конце XIX века французским социологом и психологом Лебоном, итальянским психологом и юристом С. Сегеле (1868–1913) и др.... К числу традиционных предметов исследовательского интереса психологии масс принято относить различные собрания людей, демонстрации, митинги, явления массовой эйфории, агрессии, паники и т.д.

В определенной мере психология масс ориентируется на сформулированный Г. Лебоном «психологический закон духовного единства толпы», согласно которому в позднейшей фазе формирования организованной толпы в ней происходит **нивелирующая деперсонализация и деиндивидуализация людей**, в силу чего на основе общих качеств, управляемых бессознательным, образуется временная «коллективная душа» толпы¹⁰.

Истоки идеи психологии масс были заложены в концепции подражания Г. Тарда, с точки зрения которого, социальное поведение не имеет другого объяснения, кроме как при помощи идеи подражания¹¹.

⁹ Более подробно с полным перечнем экспертных оценок указанных нацпроектов и Комплексного плана можно ознакомиться в следующих материалах:

Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок: науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. В.А. Ильина, Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 93 с.;

Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.

¹⁰ Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов. 1999. / https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/993/%D0%9F%D0%A1%D0%98%D0%A5%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF

¹¹ Гадаев А.В. Психология масс / Информационный ресурс «Проза.ру» <https://www.proza.ru/2011/12/21/502>

Представленные во вкладках 1 и 2 экспертные оценки позволяют говорить о высокой степени вероятности очередного воспроизведения практики невыполнения целевых показателей национальных проектов, а, значит, суть их не столько экономическая и не столько политическая (поскольку разрабатываются и реализуются они уже после начала нового политического цикла), а скорее психологическая, связанная с тем, что они используются как инструмент политической риторики в классическом варианте управления психологией масс.

Основоположники психологии масс (Г. Лебон¹², Г. Тард¹³, С. Сигеле¹⁴) поначалу рассматривали массу исключительно в негативном контексте, как скопление людей «преимущественно с преступными наклонностями, одержимых пагубными страстями и стремлением к разрушению; не занимающих никакой полезной деятельностью и не имеющих своего места в обществе»¹⁵. Однако по мере развития самой психологической науки и, в частности, активизации интереса к психологии групп представление о массах утратило свой негативный окрас и стало в большей степени трактоваться более нейтрально – как «относительно стабильное образование людей, имеющих свою цель и общие намерения»¹⁶ (это произошло в середине XX века). Нельзя не отметить, что этому, во многом, способствовало возникновение термина «народные массы», получившего распространение во второй половине XIX века в рамках марксистской философии: термин «народные массы» означал «трудящихся, то есть людей, занятых в сфере материального производства и играющих решающую роль в развитии общества; народные массы становились главной силой в эпоху революций и противопоставлялись правящей и интеллектуальной элите»¹⁷.

¹² Le Bon G. «Les Lois Psychologiques de l'Évolution des Peuples» (1894); «La Psychologie des Foules» (1895).

¹³ Tarde G. «La foule criminelle» (1892); «Études de psychologie sociale» (1898).

¹⁴ Sighele S. La coppia criminale (1892); «La delinquenza settaria» (1897).

¹⁵ Голубева М.В. Социальные массы – это что, психология масс, особенности, характеристики. Серая масса людей // Информационный ресурс «Советы психолога» / <https://psychologist.tips/2814-sotsialnye-massy-eto-cto-psiologiya-mass-osobennosti-harakteristiki-seraya-massalyudej.html>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Некритичность и гиперболичность мышления; игнорирование фактов; простота и эмоциональность восприятия; уважение силы и потребность в лидере – все эти и многие другие закономерности психологии масс, выделяемые еще классиками данного научного направления, в полной мере присутствуют сегодня в нашей стране.

«Образы, поражающие воображение толпы, всегда бывают простыми и ясными. Не факты сами по себе поражают воображение толпы, а то, как они предъясняются ей... Толпа не рассуждает и не обдумывает. Она способна воспринимать лишь те идеи, которые упрощены до предела. Суждения толпы всегда навязаны ей и никогда не бывают результатом всестороннего обсуждения. Толпа никогда не стремится к правде. Она отворачивается от очевидности, которая не нравится ей, и предпочитает поклоняться заблуждениям и иллюзиям, если только они прельщают ее»¹⁸.

«Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое. Масса подпадает под поистине магическую власть слов» ...¹⁹

Не правда ли, все эти уже давно изученные характеристики крайне подходят для описания современных взаимоотношений, сложившихся между обществом и властью? Они вполне объясняют, например, почему в пиковые моменты (коими, безусловно, являются выборы) Президент и партия власти набирают рекордное число голосов поддержки, в то время как на протяжении всего политического сезона в обществе сохраняется высокий уровень неудовлетворенности тем, как в рамках реализуемого ими же политического курса решаются вопросы, связанные с динамикой уровня и качества жизни (*рис. 1*).

¹⁸ Стариков Н.В. Девять цитат Пюстава Лебона // Официальный блог Н. Старикова. 2016. 07.01. <https://nstarikov.ru/blog/61667>

¹⁹ Фрейд. З. «Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Современные проблемы, Н. А. Столляр, 1926. Реж. дост.: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/freud001.htm>

Вкладка 1

Оценка национальных проектов российских экспертами

Эксперт	Оценка / мнение	Источник
<p>Гонтмахер Е.Ш. (д.э.н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)</p>	<p>Национальный проект «Здравоохранение» «Даже 3,6% от ВВП — крайне низкий по мировым меркам уровень государственных расходов на здравоохранение. В странах — членах Организации экономического сотрудничества и развития, куда мы еще недавно хотели войти, эта доля — 6,5%, а в таких странах как Германия, Франция, США — и того больше.... При такой картине не очень верится в то, что будут достигнуты амбициозные цели по снижению заболеваемости и смертности населения, повышению (чуть ли не в 4 раза по сравнению в 2017 году) экспорта медицинских услуг».</p>	<p>Почему триллионные траты на нац-проекты не улучшают ситуацию // Эхо Москвы 9 апр. 2019. https://echo.msk.ru/blog/orpmedia/2404337-echo/</p>
<p>Симчера В.М. (д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, член Изборского клуба) Калигин П.В. (д.филос.н., проф.) Аверьянов В.В. (д.филос.н., директор Института динамического консерватизма, член Изборского клуба)</p>	<p>Национальный проект «Образование» «Уже в самой преамбуле паспорта «Образование» заложено противоречие, конфликт между воспитанием и образованием. «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности» предлагается осуществлять «на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»; образование же, напротив, будет строиться на принципах «обеспечения глобальной конкурентоспособности» и «вхождения Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования»... Здесь видна порочность самой философии дела, которой руководствуются чиновники. То ли по инерции, то ли умышленно они продолжают использовать ранее заложенный во всю систему госуправления лживый количественный и рейтинговый подход к качественным вещам»</p>	<p>Симчера В., Калигин П., Аверьянов В. На изломе поколений. Человеческий «капитал» или человеческий «балласт»? http://zavtra.ru/blogs/na_izlome_pokolenij</p>
<p>Ульянов А. (экономист, общественный деятель, эксперт по вопросам анти-монопольной и демографической политики)</p>	<p>Национальный проект «Демография» «Многие меры, предлагаемые в национальном проекте «Демография», напоминают попытки вытереть пол под текущей крышей, вместо того чтобы заделать дыру.... В Национальном проекте не сказано ни слова про смертность трудоспособного населения... Также в национальной программе ничего не сказано об абортax: в России за выведение абортов из ОМС было собрано сто тысяч подписей, и только три тысячи — против. Это нонсенс, что деньги налогоплательщиков продолжают тратить на эту операцию, особенно в условиях демографического кризиса»</p>	<p>Национальный проект демография решит проблему рождаемости? // Интернет-журнал «Елизы медиа». URL: https://media.elizy.ru/news/nacionalnyj-proekt-demografiya-reshit-problemy-rozhdaemosti</p>
<p>Кирилл Д. (зам. председателя комиссии Общественной палаты по вопросам развития культуры и сохранения духовного наследия, глава правления Межрегионального независимого профсоюза актеров театра и кино)</p>	<p>Национальный проект «Культура» «...Проект предусматривает региональное софинансирование, которого зачастую просто нет. Да и вообще, первичен вопрос эффективности расходования средств в регионах... Для такой огромной страны, как Россия, 113,5 миллиардов — не та сумма, которая может полностью решить все насущные вопросы, провести серьезную реконструкцию с ремонтами и переоборудованием.»</p>	<p>Главная проблема для проекта «Культура» - регионы // Сайт Культуромания. http://kulturomania.ru/column/item/denis-kiris-glavnya-problema-dlya-proekta-kultura-regiony/</p>
<p>Косарева Н. (президент Фонда «Институт экономики города» и руководитель комиссии в сфере жилищной политики Общественного совета при Минстрое РФ)</p>	<p>Национальный проект «Жилье и городская среда» «...Четыре федеральных подпроекта внутри нацпроекта «Жилье и городская среда» не сбалансированы между собой... Пока что качество городской среды свелось к благоустройству дворовых территорий, парков и скверов. Это не комфортная городская среда, а какие-то точечные улучшения»</p>	<p>Эксперты предлагают уточнить параметры Национального проекта «Жилье и городская среда» // Сайт «Правда о СРО». URL: https://pravdaosro.ru/news/yekspertypredlagayut-utocnit-paramet</p>
<p>Авдонина А. (старший научный сотрудник Центра экономического моделирования энергетики и экологии РАНХиГС)</p>	<p>Национальный проект «Экология» «...Перенесение сроков реформы обращения с ТКО в 15 регионах на 1.01.2020; непроработанность механизма сбора, хранения и транспортировки ценных вторичных ресурсов; отсутствие обязательного раздельного накопления и сбора ТКО в территориальных схемах большинства регионов РФ. Особое беспокойство вызывает ввоз ТКО и строительных отходов из Москвы и Подмосковья в регионы, где отсутствует инфраструктура для обращения с отходами... Такие факты вызывают социальную напряженность, протесты, недоверие к власти... Итогом может стать блокирование действий власти в сфере обращения с отходами.... что, в свою очередь, создаст препятствия для реализации НП «Экология»....»</p>	<p>Нацпроект «Экология» — робкие шаги. https://www.finam.ru</p>

Окончание вкладки 1

Эксперт	Оценка / мнение	Источник
Цопов Д. (эксперт тематической площадки ОНФ «Безопасные и качественные автомобильные дороги»)	<p>Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги».</p> <p>Эксперты ОНФ изучили паспорт национальности проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», который подготовило правительство РФ. Выяснилось, что из 31 предложения в итоговой редакции документа полностью были учтены только два – именно в той форме и с тем посылом, какой закладывали в эти предложения общественники... «Нам по меньшей мере кажется странным, что множество вопросов, отраженных в экспертных предложениях и имеющих большую значимость для населения, кабин не включил в паспорт нацпроекта. При таком раскладе решение задач, поставленных главой государства, не представляется возможным».</p>	<p>ОНФ будет добиваться включения своих предложений в нацпроект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» / ПРОЕКТ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА «Дорожная инспекция ОНФ / Карта убитых дорог» 13.11.2018 https://dorogi-onf.ru/news/5730/</p>
Заварухин Д. (директор Института проблем развития науки РАН)	<p>Национальный проект «Наука».</p> <p>«...Выполнить задачи нацпроекта при бюджетном финансировании фундаментальной науки в объемах ниже 0,3% ВВП, а науки в целом из бюджетных и внебюджетных источников – ниже 2% (к такому объему Президент РФ планирует прийти в 2035 году) практически невозможно...»</p>	<p>Пресс-конференция профсоюза работников РАН Профсоюз РАН: «Мы проваливаем национальный проект». https://indicator.ru/</p>
Корочкин В. (первый вице-президент «ОПОРЫ РОССИИ»)	<p>Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».</p> <p>«...Участники дискуссии отметили, что в целом предпринимательская среда в России пока что не улучшается – сокращается число предприятий, растет безработица...»</p> <p>«...За 2018 год количество работников, занятых в малом бизнесе, уменьшилось на 200-300 тыс. человек или 1,5%, тогда как мы ставим цель увеличивать их число на 1,5 млн человек каждый год. Количество малых компаний сократилось в 78 регионах...»</p>	<p>Расширенное заседание Совета регионов «ОПОРЫ РОССИИ» 22.03.2019 / Официальный сайт «Опора России». http://opora.ru</p>
Оценка рабочей группы Экспертного совета при Правительстве РФ	<p>Национальный проект «Цифровая экономика».</p> <p>«Законопроектная деятельность в рамках «Цифровой экономики» не предусматривает общественного обсуждения, оценки регулирующего воздействия и антикоррупционной экспертизы... Поскольку большинство отраслей экономики будут иметь свои планы по цифровизации, то порядок прохождения законодательных инициатив без общественного обсуждения будет применяться к здравоохранению, образованию, промышленности, сельскому хозяйству и другим отраслям. Новые правила также исключают возможность независимой экспертизы инициатив и делают невозможным контроль со стороны бизнеса, общества, а зачастую и органов власти. К реализации «Цифровой экономики» будут привлечены только крупный бизнес и политические деятели, в то время как малый и средний бизнес, ассоциации и экспертное сообщество будут исключены из процесса, это расширит возможности манипуляций для заинтересованных структур».</p>	<p>Тяшина Ю. «Цифровой экономике» доверяют руплевых» / Коммерсант 03.10.18. https://www.kommersant.ru/doc/3759007 (по итогам оценки нацпроекта экспертным советом при правительстве РФ)</p>
Ветлужских А. (член Центрального штаба ОНФ, депутат Госдумы)	<p>Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости».</p> <p>«В проекте занижены показатели производительности труда, которых должна достичь промышленность страны к 2024 году... Согласно паспорту нацпроекта, в 2024 году соотношение роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых отраслей экономики к предыдущему году без реализации национального проекта составит 103,2 и 105% с реализацией национального проекта – 105%. Учитывая положение России по отношению к передовым экономикам мира, указанные показатели представляются заниженными».</p>	<p>Парламентская газета ОНФ предлагает подкорректировать нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости» https://www.pnp.ru/social/onf-predlaetae-podkorrektirovat-nacproekt-proizvoditelnost-truda-i-podderzhka-zanyatosti.html</p>
Хайков В. (председатель правления Национальной ассоциации нефтегазового сервиса, член Общественного совета Минпромторга России)	<p>Национальный проект «Международная кооперация и экспорт».</p> <p>«Нацпроект необходимо детализировать. Обозначены достаточно длинные сроки – их нужно сокращать, потому что задачи по экспорту являются критически важными. Очень важно предусмотреть в нацпроекте синхронизацию с регионами... Финансирование: не понятно, на какое направление скооперации выделяется, не понятно, насколько целесообразна такая сумма – значит, мы не можем оценить эффективность. Вопрос об эффективности: должны быть ключевые показатели эффективности (KPI), должен быть обозначен вклад конкретной задачи в итоговый результат».</p>	<p>Общественная палата РФ, Круглый стол «Обсуждение национального проекта «Международная кооперация и экспорт» https://nangs.org/</p>

Вкладка 2

Экспертная оценка сотрудников Вологодского научного центра РАН (резюме)

<p>Национальный проект «Демография»:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ Материальные меры стимулирования рождаемости воздействуют лишь на условия реализации потребности в детях, но не влияют на саму потребность в детях (на ценностную составляющую репродуктивного поведения). ✓ Предлагаемые меры финансовой поддержки семей с детьми недостаточны для получения устойчивого позитивного эффекта, а именно для повышения суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 ребенка на 1 женщину к 2024 году. Незначительный объём средств отводится на поддержку рождения третьего и последующих детей в семьях. ✓ Создание дополнительных мест в организациях дополнительного образования лишь частично решает проблему занятости женщин, находящихся в декретном отпуске по уходу за ребёнком до 3-х лет. Большое значение помимо этого имеет создание гибких форм трудоустройства для данной категории женщин, однако названная мера не отражена в направлениях нацпроекта. ✓ В нацпроекте не оговариваются инфраструктурные условия для реализации направления «Организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста». ✓ Направления проекта «Старшее поколение» лишь частично охватывают положения Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, а именно вопросы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц предпенсионного возраста, совершенствования систем социального обслуживания и охраны здоровья граждан старшего поколения. Остаются не затронутыми такие её направления, как стимулирование занятости людей пенсионного возраста; антидискриминационная политика в части трудовой деятельности пенсионеров; формирование условий для организации досуга граждан старшего поколения; обеспечение доступа данной категории населения к информационным и образовательным ресурсам и т.д. ✓ Для мониторинга состояния здоровья старшего поколения целесообразнее использовать индикатор «ожидаемая продолжительность здоровой жизни в возрасте 60 лет». ✓ Мотивация на здоровый образ жизни лишь частично отражается в целевом показателе «обращаемость в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни». Она зависит не только от медицинской активности человека (его обращаемости в учреждения), но и непосредственно от самих практик ЗОЖ (отказ от курения/алкоголя, сбалансированное питание, физическая активность, соблюдение режима труда и отдыха и пр.). ✓ Не ясен принцип выбора регионов (приоритетные территории / не входящие в состав приоритетных территорий) для строительства физкультурно-оздоровительных центров и комплексов. Не понятно, в одних и тех же или в разных субъектах РФ будут строиться перечисленные в плане мероприятия спортивные объекты (крытые катки, футбольные манежи). Аналогичная ситуация возникает с поставкой нового оборудования и инвентаря. 	<p>Национальный проект «Здравоохранение»:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ Неадекватное понимание развития первичной медико-санитарной помощи нередко воспринимается как способ удешевления здравоохранения, минимизации затрат, что неверно. Первичная медицинская помощь также требует инвестиций. ✓ Существует риск фрагментации усилий и программ, когда одни направления медицинской помощи, в том числе по отдельным нозологическим группам, поддерживаются, а другие – игнорируются. ✓ Недостаточный объём средств, заложенный в рамках национального проекта для развития сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрения инновационных медицинских технологий ✓ Риск информационной безопасности, а также фрагментации информационного поля, формальный характер решения проблем в сфере создания единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ) ✓ Существует риск того, что формальное решение задачи развития экспорта медицинских услуг, например рост экспорта услуг только в рамках стран СНГ, заменит реальный рост конкурентоспособности российского здравоохранения на международном уровне.
--	--

Окончание вкладки 2

<p>Нацпроект «Жилье и городская среда»:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ Падение реальных доходов населения в течение шести лет подряд существенно ограничивает возможность развития рынка ипотечного кредитования и спрос на жильё в ближайшие годы. ✓ В нацпроекте детально не рассмотрены варианты решения жилищных проблем населения с низким уровнем доходов, жителей небольших населённых пунктов. ✓ Запланированные темпы увеличения объёмов жилищного строительства являются труднодостижимыми, поскольку объёмы строительства жилья в России сокращаются несколько лет подряд и во многих регионах ниже уровня 2014 г., а запустить большинство объектов (исходя из цикла их строительства) необходимо в 2019–2021 гг. ✓ Введение новой системы финансирования строительных работ с использованием эскроу-счетов со значительной вероятностью приведёт к удорожанию жилья. ✓ Не понятно, как коррелирует запланированное удорожание квадратного метра жилья в 2019–2024 гг. почти на 30% с повышением его доступности для населения (даже с учётом снижения ставки по ипотеке). ✓ Какие-либо новые механизмы улучшения жилищных условий населения (социальное, арендное жильё и т. п.) в нацпроекте не предложены. ✓ Не разработаны инструменты государственной поддержки коммунального комплекса и модернизации инженерных сетей. ✓ Используемые в методике критерии не позволяют дать объективную оценку качества проживания в городе: в ней не учтены важные составляющие быта граждан, которые определяют качество жизни в данном населённом пункте. ✓ Реальные объёмы аварийного и ветхого жилья могут быть значительно выше, поскольку большое количество домов по факту являются аварийными, но таковыми в настоящее время не признаны. ✓ Запланированные показатели по улучшению жилищных условий граждан отстоят от темпов нарастания ветхости и аварийности жилищного фонда, что не позволяет полноценно решить данную проблему. 	<p>Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ Недостаточная согласованность механизма разработки Комплексного плана (план утверждён в 2018 г., а методика ранжирования отдельных проектов, включаемых в транспортную часть, – в 2019 г.), а также проектов развития отдельных видов транспорта друг с другом. ✓ Короткий горизонт планирования реализации проектов в сфере транспорта (всего 6 лет); отсутствие предварительного планирования мероприятий на период после 2024 г. ✓ Некоторые целевые показатели являются труднодостижимыми (например, улучшение на 24 позиции места России в рейтинге стран по индексу эффективности грузовой логистики). ✓ Недостаточно обоснована и конкретизирована связь транспортных проектов с задачами по развитию экономики регионов России. ✓ Недостаточно чётко детализированы мероприятия по реализации Комплексного плана (например, в сфере развития аэропортовой инфраструктуры). ✓ Тяготение к мегапроектам в ущерб точечным инвестиционным проектам, которые могут оказать значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов. ✓ Риски неравномерности распределения нагрузки на производителей стройматериалов и риски их неспособности удовлетворить потребности в ресурсах в рамках Комплексного плана. ✓ Риск неосвоения бюджетных средств или возникновения потребностей в дополнительном финансировании ввиду отсутствия информации по энергетической части Комплексного плана. ✓ Недостаточная проработанность и неясность механизма реализации может служить сдерживающим фактором при привлечении частных инвестиций в реализацию проектов. ✓ Отсутствие детальной проработки инструментов развития альтернативной энергетики, получившей широкое распространение за рубежом, с перспективой использования её на территории всей страны, а не только в изолированных энергорайонах.
--	---

Рис. 1. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемой подъёма экономики и роста благосостояния граждан? (в % от числа опрошенных)

И так же точно формулировка основных целей национальных проектов (впервые озвученных в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию РФ) раз за разом звучит по-новому обнадеживающе, хотя более половины россиян, как показывают социологические исследования, не верят, что обозначенные ориентиры развития будут реально достигнуты.

Напомним, что после оглашения Президентом Послания Федеральному Собранию РФ в 2018 г. большинство россиян (53%) отметили, что поставленные им задачи не будут выполнены. Причем, по мнению 47% из них, они не будут выполнены «из-за коррупции и бюрократии во власти», и только 3% видят причину в том, что «предложения Президента слишком общие, неконкретные»²⁰ (рис. 2). По данным Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН), от 30 до 46% россиян посчитали, что самые важные задачи

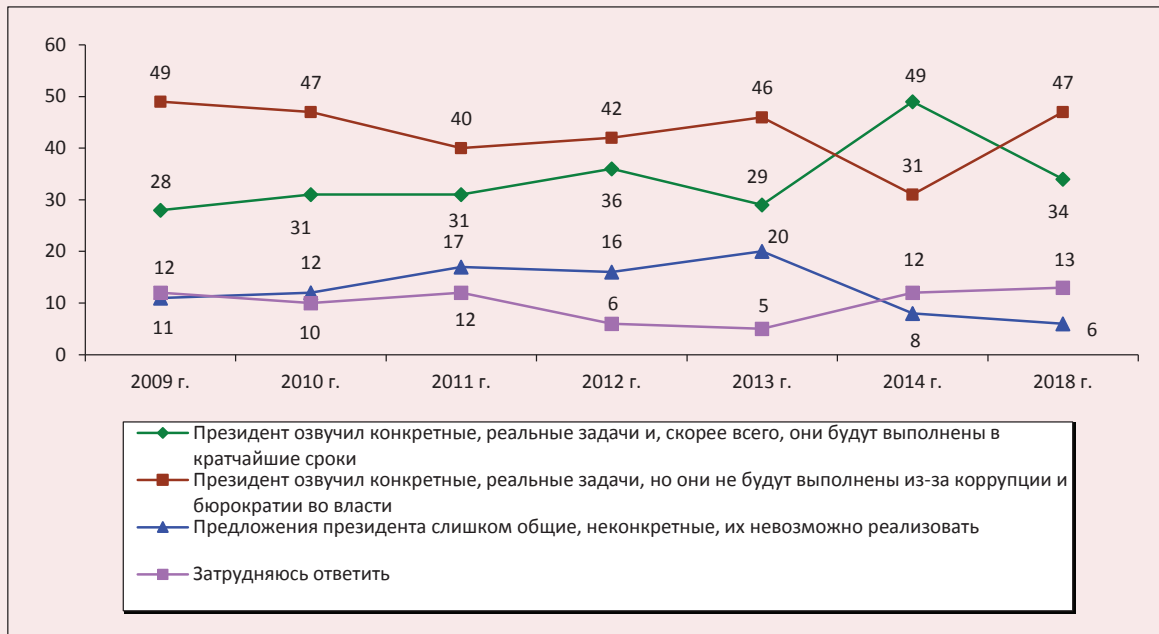
президентского послания 2018 г. (увеличение средней продолжительности жизни россиян до 80 лет, рост реальных доходов работающего населения и увеличение размеров пенсий, повышение доступности и качества медицинской помощи и образовательных услуг и т.д.) не будут реализованы²¹.

Практика государственного управления на основе законов психологии масс, судя по всему, продолжает воспроизводиться и в политическом сезоне 2018–2024 гг. По крайней мере, ее реализуют те же самые люди, которые не обеспечили выполнение предыдущих поручений Президента; критика нацпроектов 2018–2024 гг. указывает на всё те же самые «болевы точки», что и приоритетных национальных проектов 2006–2018 гг. (недостаточное финансирование, непродуманность критериев оценки и т.д.), а, тем временем, в политической системе продолжается

²⁰ Послание Президента Федеральному Собранию: первые впечатления: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. №3602. 13 марта. Реж. дост.: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116743>

²¹ Филина О. Синицы превратились в журавлей: что думают россияне о выполнении стратегических задач государства // Коммерсант. 2018. 28 мая. <https://www.kommersant.ru/doc/3635558>

Рис. 2. Как Вы считаете, насколько реалистичны задачи, которые Президент озвучил в своем Послании Федеральному Собранию РФ, и будут ли они выполнены или нет? (общероссийские данные ВЦИОМ, закрытый вопрос, один ответ; в % от числа тех, кто следил за Посланием или узнал его содержание из новостей)

Источник: Послание Президента Федеральному Собранию: первые впечатления: пресс-выпуск ВЦИОМ. 2018. № 3602. 13 марта. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116743>

всё та же борьба различных группировок за власть, о которой еще в 2012 г. писали специалисты аналитической группы «Минченко-консалтинг»: «Процесс властвования нацелен, в первую очередь, на поддержание сложившегося межкланового баланса... Российская власть – это конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы»²².

Сегодня, возможно, меняются лица, но не меняется суть: политическая система «перестраивается» исходя из результатов «подковерных игр» элитарных групп, а не из интересов национального развития и потребностей большинства населения, и это также указывает на «преемственность» основных принципов выстраивания взаимоотношений между обществом и властью.

...На фоне институциональных предложений о модернизации системы и рассуждений о смычке власти и народа **российская политическая история продолжает деградировать**. Осенние губернаторские выборы пройдут в зачищенном конкурентном поле – именно таким образом решено гарантировать стабильность результатов...Но важно другое. **Попытка легитимировать власть в условиях перед транзитом, во время и после него с помощью изменений в системе госуправления, но без опоры на реальные интересы общества способна привести только к еще большему дистанцированию элиты и народа. Хорошо бы перемены начинались не с «живой Конституции», а с живых людей**²³.

²² Большое Правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0.: доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг». 2012. С. 2.

²³ Скоробогатый П. Здоровая эволюция политики // Эксперт. 2019. № 30. С. 49.

Однако неспособность политической системы к динамичной трансформации входит в противоречие с качественными изменениями, произошедшими за последние почти 20 лет в российском обществе. За этот период социум изменился кардинально: демографически, экономически, психологически... Не все из этих изменений носят позитивный характер, однако важно подчеркнуть, что **итогом социальных трансформаций стал рост осознания обществом своей субъектности**. Сегодня это выражается в тенденциях роста потребности в переменах²⁴, в увеличении количества россиян, не рассчитывающих на поддержку государства²⁵, а также в чуткости и остроте общественной реакции на разнообразные эпизоды социальной несправедливости, которые продолжают допускаться властью по отношению к населению, — от несогласованного места строительства храма в Екатеринбурге до недопуска независимых кандидатов на выборы в Мосгордуму.

От результатов исследования Института психологии Российской академии наук о динамике психологического состояния нашего общества, которые были опубликованы в конце 2013 года, все пришли в ужас... **за 30 последних лет у россиян выросли все отрицательные характеристики** (вседозволенность, насилие, агрессивность, ненависть, враждебность, наглость, алчность, злоба, жестокость, хамство), **а положительные** (дисциплинированность, надежность, порядочность, человечность, доброта, сочувствие, бескорыстие, взаимоуважение, альтруизм), **наоборот, уменьшились. Вот вам и разница между двумя мирами – социалистическим и капиталистическим...**²⁶

Отметим, что и по данным ВЦИОМ в целом по стране, и по данным Вологодского научного

центра, проводящего свои исследования на региональном уровне, вероятность протестных выступлений и, главное, готовность людей принять в них участие так и не снизились до тех значений, которые предшествовали публичному озвучиванию проекта пенсионной реформы (в июне 2018 г.). 27% россиян и 20% жителей Вологодской области, готовых принять участие в акциях протеста, — это не только много и создает ситуацию, при которой «нередко разворачиваются бурные события»²⁷; это больше, чем в первые годы каждого президентского срока В.В. Путина (рис. 3 и 4).

По мере политического и гражданского «взросления» социума традиционно используемые властью механизмы влияния на общественное сознание будут всё в большей мере утрачивать свою состоятельность, однако альтернативы им пока нет.

Об этом свидетельствует текущая и перспективная ситуация в стране, которая продолжает деградировать демографически, экономически, морально и (как мы видим по росту общественной напряженности) социально-психологически:

✓ «демографическая ситуация такова, что мы только за четыре месяца 2019 г. вышли на естественную убыль населения в 149 тысяч человек... Фактически такую убыль мы имели в 2007 году. Это откат на двенадцать лет назад»²⁸;

✓ «треть российских регионов живет очень близко к черте бедности»²⁹;

✓ «учитывая текущую экономическую политику (жесткая налоговая политика и жесткая денежно-кредитная политика) и слабый эффект национальных проектов, техническая рецессия в экономике может быть зафиксирована уже в 2019, а не в 2021 году»³⁰.

²⁴ Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.

²⁵ Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 4–16.

²⁶ Сапожникова Г. За 30 лет россияне стали наглее, злее и алчнее (материалы интервью с заведующим отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН проф. С. Ениколоповым) // Комсомольская правда. 2014. 09.01. <https://www.vologda.kp.ru/daily/26179.4/3068438/>

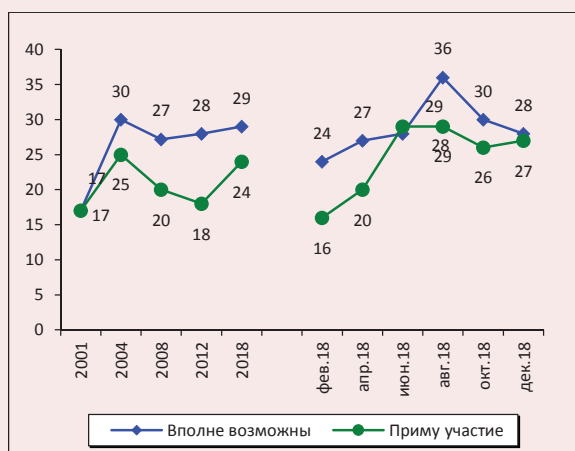
²⁷ Шейнис В.Л. Исторический транзит: российская драма // Независимая газета. 2017. 27 янв. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-27/5_6914_drama.html (дата обращения: 28.01.2017).

²⁸ Сысоев Т. Остаться в живых // Эксперт. 2019. № 28. С. 51.

²⁹ Обухова Е., Маврина Л. Выживание, но не жизнь // Эксперт. 2019. № 29. 15–21 июля. С. 18.

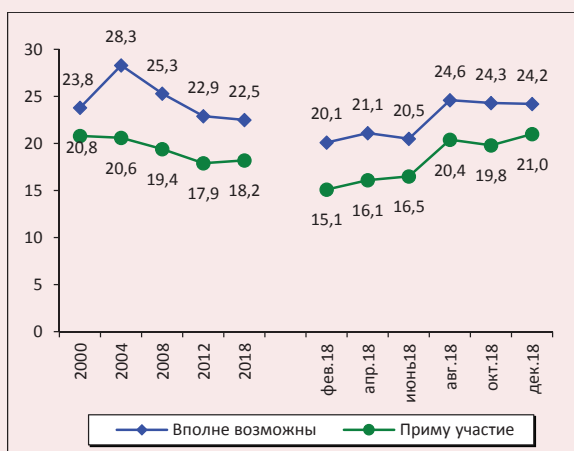
³⁰ Эксперты Титова предсказали рецессию в 2019 году // Сайт РБК 5 авг. 2019. https://www.rbc.ru/economics/05/08/2019/5d443a6d9a79470cb3c28cbc?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Рис. 3–4. Доля людей, считающих возможным возникновение массовых акций протеста и готовых принять в них свое участие (в % от числа опрошенных)

Данные ВЦИОМ (по России)

Формулировка вопроса: «Как Вы думаете, насколько возможны сейчас в Вашем городе/сельском районе массовые акции протеста выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав? Вы лично примете в них участие или нет?». Источник: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/

Данные ВолНЦ РАН (по Вологодской области)

Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, могут ли в Вашем населенном пункте состояться массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни? Вы лично примете в них участие?». Источник: база данных ВолНЦ РАН.

Самое удивительное, что сейчас (в отличие от середины 2000-х), когда исследуешь бедность в России, больше не испытываешь ни шока, ни удивления. И это равнодушие опасно, так как характеризует привычную общественную депрессию. Нет удивления, потому что бедны в России не только бедные, бедна практически вся Россия. Медианный доход во многих регионах страны составляет всего 250–300 долларов в месяц. По этому показателю наши когда-то промышленные регионы сравнялись с самыми бедными республиками СНГ и со странами Африки. Для большей части среднего класса авиаперелет, отпуск, образование детей, качественная медицинская помощь – труднодоступные или вовсе недоступные блага³¹.

Достаточно пессимистическая картина, вырисовывающаяся в экспертном мнении относительно настоящего и будущего российской экономики и демографической ситуации, непосредственно связана с моральной безответственностью властвующих элит, допускающих

³¹ Неперспективный народ (редакционная статья) // Эксперт. 2019. № 29. 15–21 июля. С. 11.

невыполнение прямых поручений главы государства и игнорирующих тенденции общественного мнения. Однако в своих публичных выступлениях Президент (соглашаясь, по сути, с тем, что не все планируемые в паспортах национальных проектов показатели удастся реализовать в полном объеме) регулярно говорит о том, что без постановки амбициозных целей мы бы не имели сегодня тех результатов, о которых можем говорить с гордостью (вкладка 3).

Изначальный посыл главы государства, таким образом, исходит из того, что важно не столько достичь цели нацпроектов, сколько обеспечить устойчивую и, главное, реально осязаемую для широких слоев населения динамику роста уровня и качества жизни. «Людам неинтересны абстрактные обещания, – как отметил В. Путин на одном из совещаний по реализации нацпроектов, – гражданам важен результат, и не в отдалённом будущем, а сейчас. Во всяком случае, люди должны видеть, что идёт процесс, он позитивный и приводит к этим результатам»³².

³² Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 мая 2019 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60485>

Вкладка 3

Президент РФ В.В. Путин о ходе реализации нацпроектов

Источник	Цитата
<p>Вступительное слово В. Путина на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов 7 апреля 2006 г.</p>	<p>«Это наша вторая встреча в таком формате для обсуждения вопросов, связанных с реализацией национальных проектов. Кое-что за это время сделано. Прошло четыре месяца с нашей последней встречи. Важно, что к работе подключились и подключаются все активные и активные регионы, дополняя проекты собственными программами. Необходима федеральная правовая база практически создана. Национальные проекты обсуждены законодателями и Государственным советом России... Сегодня мы должны предметно рассмотреть, пусть первые, но какие-то результаты. Нам предстоит так же оценить, что удалось сделать и где проблемы, к сожалению, до сих пор сохраняются. Сразу скажу, что это в основном системные управленческие вопросы, а также известные всем общие барьеры на пути эффективного рыночного регулирования. Так, проектные меры должны стать стимулом и катализатором системных преобразований в отраслях. Однако значимых структурных сдвигов здесь пока не происходит.»</p>
<p>Вступительное слово В. Путина на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов 13 сентября 2007 г.</p>	<p>«Много было у нас сомнений по поводу того, как пойдут национальные проекты. Ну и первые шаги были непростые... Были опасения, что просто деньги отдадим, и поскольку они ложатся на неподготовленную инфраструктуру и на неподготовленные кадры, то будут просто утрачены государством и никакого эффекта не дадут. Я очень рад, что этого не случилось, – а наоборот. Конечно, проблема в стране, как мы говорим и знаем, гораздо больше, чем те, которые решены с помощью национальных проектов. Больше того, с помощью национальных проектов мы и не сможем решить все проблемы. Это, как мы и говорили, только катализатор. Это просто толчок в нужную сторону, но толчок по некоторым направлениям ощутимый... Я говорил уже о тех впечатлениях, которые у меня есть после знакомства с людьми, которые работают в рамках национальных проектов по всем направлениям, и в целом и целом, конечно, смотрел положительные примеры. Но в целом в этих отраслях проблем еще очень и очень много. Так что у нас не должно быть никаких розовых очков. Нужно смотреть правде в глаза. Очень много проблем! И нам всем нужно напряженно работать по всем этим направлениям.»</p>
<p>Заседание Государственного совета РФ «О ходе реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2007 г.» 19 декабря 2007 г.</p>	<p>«Убежден, мы в состоянии и обязаны эффективно использовать взятые государством планки развития, использовать все обязательства и обещания. И вместе мы можем сделать качественные новые шаги к подъёму России, к росту благосостояния людей. Но я уже сейчас не говорю о том, что нам не удалось сделать, хотя мы с вами прекрасно это понимаем. Вопросы, связанные с макроэкономическими показателями, являются весьма актуальными.»</p>
<p>Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.</p>	<p>«Всем очевидны и главные проблемы, ничего нового здесь тоже не скажу, – это низкая эффективность государственной власти и коррупция. Без качественного современного государственного управления, без высокой персональной ответственности тех, кто этим занимается, мы не решим задач, стоящих перед обществом и страной.»</p>
<p>Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г.</p>	<p>«Много было сделано в ходе реализации майских указов 2012 года. Должен сказать, что есть какие-то недовыполнения, но в целом, как бы высоко ни были подняты планки этих указов, если бы их не было, то не было бы и результатов, которые мы имеем сегодня»</p>
<p>Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 мая 2019 г.</p>	<p>«...К сожалению, вынужден об этом сегодня прямо сказать, мы вновь нередко, не всегда, но нередко сталкиваемся с инертным бюрократическим подходом, с желанием переложить ответственность, сдвинуть массив содержательной работы «на потом». То и дело бесосновательно, буквально по своему усмотрению переносятся сроки подготовки нормативных актов и реализации мероприятий нацпроектов. Одна задержка тнет за собой целую цепочку других, в итоге работа буксует.»</p>

Вкладка 4

Президент РФ В.В. Путин об общественном мнении как критерии эффективности реализации нацпроектов

Цитата	Источник
« За этой работой, конечно же, пристально и очень заинтересованно следят граждане нашей страны. И они ждут здесь абсолютно конкретных результатов – по качеству медицинских и образовательных услуг, в строительстве доступного жилья и развитии сельских территорий».	Вступительное слово В.Путина на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов 7 апреля 2006 г.
«Самый главный результат – это даже не количество оборудования, которое приобретено в системе здравоохранения, в его первичном звене. И даже не количество машин скорой помощи, хотя мы полностью переоснастили парк «скорой». И даже не гранты, может быть, как таковые в системе образования и не новое оборудование... Мне кажется, что все-таки главный результат – это то, что люди поверили, что государство повернулось к ним лицом ».	Вступительное слово В.Путина на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов 13 сентября 2007 г.
«...на ближайшие годы поставлены крупные системные задачи. С их решением связаны как дальнейший рост и повышение конкурентоспособности экономики, так и формирование сильной, ориентированной на интересы граждан социальной политики. Всё это в конечном итоге должно обеспечить России прочный статус одного из мировых лидеров... Ответственность перед гражданами – это совсем не то, что делалось несколько лет назад, когда мы всё обещали, действовали в условиях несбалансированного бюджета и загоняли целые отрасли экономики в тупик, потом не знали, как из этого выбраться. Поэтому ответственность перед гражданами означает честный диалог с обществом ».	Заседание Государственного совета РФ «О ходе реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2007 г.» 19 декабря 2007 г.
«Ключевыми для новой модели государственного управления должны стать следующие принципы. Первое. Ориентация работы всех звеньев госмеханизма и уровней власти на измеримый, прозрачный и понятный для общества результат работы ».	Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.
« В основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв... Что должно быть приоритетом для нас? Повторю: считаю главным, ключевым фактором развития благополучие людей, достаток в российских семьях ».	Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г.
« Именно на основе мнения, оценок граждан в начале следующего года подведём первые итоги работы по национальным проектам. И сделаем соответствующие выводы о качестве и результатах работы всех уровней исполнительной власти ».	Послание Президента Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г.

Источник: официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru>

Более того, оценить эффект от реализации нац-проектов, в конечном итоге, должны именно те, для кого они создаются, — сами россияне. В Послании В. Путина Федеральному Собранию РФ 2019 года эта мысль прозвучала особенно отчетливо, но прозвучала также не впервые (вкладка 4).

Такой подход, основанный на приоритетной реализации национальных интересов не только во внешней, но и во внутренней политике, нельзя не поддержать. Однако реальная практика показывает, что властвующие элиты его не разделяют.

«Вокруг Путина за двадцать лет власти образовался круг ему лично преданных доверенных людей, но нет никаких признаков круга единомышленников, людей, разделяющих одну идеологию, способных мыслить не категориями годового бюджета и сиюминутными задачами, а представляющих, каким должно быть будущее России через десять лет и через пятьдесят. Нет футурологов, нет настоящих идеологов, нет социальных конструкторов. Пытаться заглянуть за горизонт двух-трёх лет считается моветоном. Поэтому до сих пор не только не запущен глобальный мобилизационный проект Развития, но толком не запущен ни один из объявленных национальных проектов»³³.

Как следствие, национальные интересы остаются лишь на уровне целеполагания и публичных выступлений лично В. Путина. И поэтому во всей политической системе нашей страны российское общество не случайно «доверяет только первому лицу»³⁴. **Но объективно тяжелая экономическая и демографическая ситуация в стране; решение ключевых проблем, волнующих население (связанных прежде всего с высоким уровнем социального неравенства, бедности, неэффективности работы «социальных лифтов» и т.д.); стабильный уровень социальной напряженности в обществе — всё это по-прежнему остается остро актуальным и представляет собой реальную угрозу национальной безопасности.**

³³ Шурьгин В. Либерал-упыри и кризис власти // Газета «Завтра». 2019. № 32. http://zavtra.ru/blogs/liberal-upiri_i_krizis_vlasti

³⁴ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019.11.02. Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

Уровень доверия В. Путину по данным ВЦИОМ на 2019 г. составляет 70–73%. Для сравнения: Д.А. Медведеву и В.В. Жириновскому – 34–37%, Г.А. Зюганову – 30–34%; С.М. Миронову – 27–29%³⁵.

Таким образом, сложно не согласиться с экспертами, обращающими внимание на то, что для появления новых, эффективных механизмов деятельности в системе государственного управления нужна ротация элит, и поэтому главная задача, которая стоит сегодня перед Президентом (потому что только он реально имеет возможность осуществить ее), — сделать данный процесс максимально управляемым и ориентированным на реализацию национальных интересов. Важно не допустить, чтобы ротация элит носила стихийный характер (как это происходит в настоящее время), поскольку в этом случае она становится борьбой за политическое будущее различных групп и игроков. Как отмечают эксперты, «в тисках предтранзитной турбулентности и необходимости показать экономический рост российская элита обречена генерировать новые идеи и реформы. Это не значит, что значительная их часть может быть реализована, поскольку у одних авторов не хватает мотивации, у других — ресурсов. Но все обязаны быть динамичными и заметными, чтобы оставаться в игре и претендовать на карьерные лифты»³⁶.

Итак, общество реально не участвует в ротации элит и поэтому не имеет возможности повлиять на то, чтобы в мотивах и приоритетах их деятельности приоритетное место занимали национальные интересы. В этих условиях изменившийся за постсоветский период социум может «отреагировать» двумя способами: либо «уйти в себя», отстранившись от вопросов общенационального развития и сосредоточившись на достижении индивидуального успеха (что мы наблюдаем в настоящее время в виде увеличения слоя «самодостаточных» россиян, принимающих ответственность на себя, но, вместе с тем, готовых с легкостью преступить черту нравственных норм и неспособных «добиться успеха без отказа от моральных

³⁵ База данных ВЦИОМ. Реж. дост.: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam_1/

³⁶ Скоробогатый П. Здорная эволюция политики // Эксперт. 2019. № 30. С. 46.

ориентиров»³⁷); либо кардинально поменять, повысить «градус» своих требований к действующей власти. Оба варианта несут в себе серьезные угрозы для российской государственности, и неизвестно, какой из них лучше. Потому что в первом случае речь идет об утрате общенационального характера ключевых вопросов развития (в частности, таких как воспитание личности, гражданина, чувства патриотизма и национальной идентичности), а во втором случае велика вероятность резкой актуализации социальных потрясений, в том числе необратимых, сравнимых с событиями 1991 года.

«Времени для раскачки» в решении задачи эффективного транзита политической системы в новый политический цикл у Президента, действительно, практически нет. Не только

За 50 лет в целом всё общество заметно деградировало, и выбирать умных руководителей просто неоткуда... Деграция общества началась в позднесоветская время и продолжается сейчас. Никакие усилия КПСС и сменившей её элиты не смогли остановить процесс глобального поглупления населения, живущего в атмосфере глобальной массовой культуры и потребительских ценностей. Никакая реформа системы образования не способна заменить собой среду, в которой формируется современный человек как на Западе, так и в России. И то, что системы образования одна другой хуже, также следствие того, что их создают уже деградировавшие продукты общества.

Сводить деграцию образования только к конспирологическому заговору мировой элиты тоже неверно – сама эта элита за последние полвека значительно поглупела. Она уже не в состоянии саму себя спасти от катастрофы и плывёт по воле волн, как пробка или какая-то другая субстанция. Проблема ротации элит не в том, что старые не пускают новых, а в том, что новых физически не существует. А то, что существует, то ещё более плохое, чем то, что есть...³⁸

³⁷ Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 4–16.

³⁸ Халдей А. Эпоха Путина // Газета «Завтра». 2019.03.08. Реж. дост.: http://zavtra.ru/blogs/epoha_putina

потому, что 2018–2024 годы – это его последний (согласно действующей Конституции РФ) президентский срок. Но и потому, что морально-нравственная деграция общества выхолащивает потенциальный управленческий корпус будущего, делает его просто непригодным для управления страной.

В начале 2018 года В. Путин озвучил свои намерения на ближайшую «шестилетку»: «Нужно принять давно назревшие, непростые, но крайне необходимые решения»³⁹. Однако пока что проблемы эффективности государственного управления и динамичного роста уровня и качества жизни населения остаются актуальными. Фактор времени работает против главы государства, с каждым месяцем и годом всё ту же затягивая узел общественного нетерпения и недовольства тем, как обстоят дела в стране, как общается власть с народом (особенно на местах), какие шаги предпринимает Правительство для реализации целей национального развития.

Дальнейшее будущее нацпроектов (как, впрочем, и сохранение российской государственности в целом, решение ключевых внутренних и внешних задач) будет зависеть от того, насколько Президенту удастся преодолеть формальный, «трафаретный» подход к выполнению его поручений представителями бюрократии федерального и регионального масштабов. Без энергичной ротации элит, основанной на принципах высокой профессиональной компетентности и служения национальным интересам, проблемы эффективности государственного управления вряд ли удастся решить. С этой точки зрения велика вероятность продолжения вялотекущей политической и экономической ситуации в стране, то есть условий, которые противоречат стратегическим целям национального развития, объявленным В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 2018 года, и которые не способны обеспечить успешный транзит общества и власти в новый политический цикл 2024 года.

³⁹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

Литература

1. Власов Ф. Издержки оппортунистического поведения социальных групп // Общество и экономика. 2019. № 6. С. 35–44.
2. Глазьев С.Ю. Нацпроекты – иллюзия или реальность? // Золотой лев. 2007. № 101–102. http://www.zlev.ru/101/101_52.htm
3. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.
4. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 4–16.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Nationally Oriented Rotation of the Elites – the Most Important Condition for the Implementation of National Projects

Abstract. In the previous issues of our journal we have repeatedly addressed the problem of ineffectiveness of the Government's implementation of the President's instructions, which Vladimir Putin voiced in his Addresses to the Federal Assembly, in "May Decrees", etc. In the 2018–2024 political cycle, the main directions of state policy are implemented through 12 national projects. The comprehensive analysis of expert opinions urges us to talk about the threat of disruption of their implementation once again. The following materials analyze the essence of national projects, the dynamics of their implementation, since their adoption (2005), during V. Putin's third presidential term (2012–2018), as well as the specifics of the current socio-political situation in Russia in 2018–2019, which urgently requires a qualitative increase in the responsibility of the elites for the comprehensive achievement of the targets specified in the national projects for 2018–2024.

Key words: national projects, public administration efficiency, national interests, President.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.2

УДК 336.27, ББК У9(2)261.2

© Минакир П.А., Леонов С.Н.

Государственный региональный долг: тенденции и особенности формирования

**Павел Александрович
МИНАКИР**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, 153

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662; ResearcherID: K-1507-2018

**Сергей Николаевич
ЛЕОНОВ**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, 153

E-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

Аннотация. Показано, что сложившиеся проблемы российской экономической ситуации имеют в значительной степени внутренний характер, внешние факторы лишь мультиплицируют их. Значимой причиной возникновения регионального государственного долга в современной России явилась нестабильность основных видов бюджетных доходов на фоне растущих расходных обязательств, рост которых в существенной степени доминировался директивами федерального центра, в том числе первой и второй редакциями «майских указов» Президента, как правило, не обеспеченных или лишь частично обеспеченных трансфертами из федерального бюджета. При этом в структуре региональных бюджетов постоянно увеличивалась доля обязательных к исполнению социальных расходов и сокращалась доля капитальных вложений. Показано, что в этих условиях субъекты Федерации занимают не для стимулирования инвестиционного региональ-

Для цитирования: Минакир П.А., Леонов С.Н. Государственный региональный долг: тенденции и особенности формирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 26–41. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.2

For citation: Minakir P.A., Leonov S.N. Regional public debt: trends and formation specifics. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 26–41. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.2

ного развития, а для решения социальных проблем. На смену «остаточному» принципу финансирования социальной сферы приходит «остаточный» принцип финансирования региональной экономической сферы развития производства и региональной инфраструктуры. Эмпирическим путем установлено, что инвестиционная активность региональных властей предполагает активизацию заемно-долговой деятельности. Сравнительный анализ объемов и динамики долговых обязательств субъектов РФ с обеспеченностью расходов бюджетными доходами показал, что быстрый рост долговых обязательств органов власти субъектов РФ, увеличение долговой нагрузки на субфедеральные бюджеты представляет реальную угрозу для устойчивости территориальных бюджетных систем и экономической безопасности как регионов, так и государства. Показано, что территориальная конвергенция регионального государственного долга в разрезе федеральных округов скрывает увеличившуюся под нагрузкой обязательств по выполнению «майских указов» и при сохраняющейся чрезвычайно высокой дифференциации доходов региональных бюджетов дивергенцию регионального долга в пространстве.

Ключевые слова: региональный государственный долг, долговая нагрузка, инвестиции, социальные обязательства, бюджетные трансферты, дрейф экономических и социальных обязательств, экономическая безопасность.

Введение

Фундаментальный перелом российских экономических и социальных трендов, который произошел на рубеже первого и второго десятилетий XXI века, коснулся практически всех компонентов национальной социально-экономической динамики. Важнейшими формами проявления вытеснения позитивных трендов негативными выступают снижение инвестиционной активности [1], замедление, а затем и изменение знака прироста доходов населения и характера потребительского поведения [2], общая стагнация, а затем и сокращение совокупного спроса и последовавшее за этим снижение темпов роста вплоть до появления в 2015–2016 гг. отрицательных значений.

Попытки связать перелом тенденций с внешними экономическими и политическими шоками представляются неубедительными. Сокращение совокупного спроса, спад инвестиционной активности, замедление роста доходов населения начались в период, когда еще фиксировались высокие мировые цены на нефть, а восстановление не только российской, но и мировой экономики уже началось (см., напр., [3]). Более того, стагнация экономики продолжилась и после окончания периода падения нефтяных цен, восстановления профицитности федерального бюджета, возобновления роста международных резервов и преодоления банковского кризиса. Это свидетельствует о наличии фундаментальных внутренних причин перелома социально-экономических тенденций в России.

Одно из проявлений перелома тенденций развития, стабилизации негативных ожиданий как инвесторов, так и домохозяйств представляет постоянный рост государственного долга, отражающий увеличивающийся разрыв доходного потенциала федерального бюджета, с одной стороны, и расходных обязательств социального и инвестиционного характера (включая военные расходы, расходы на внутреннюю безопасность и содержание расширяющегося административно-бюрократического аппарата) – с другой. За период 2011–2019 гг. совокупный (внешний и внутренний) государственный долг РФ в текущих ценах и с учетом официальных курсов рубля увеличился с 5,2 до 13,2 трлн. руб., то есть в 2,5 раза. При этом внутренний долг увеличился с 4,1 до 10 трлн. руб. (в 2,4 раза), а внешний долг вырос с 35,8 до 51,3 млрд. долл. США (в 1,4 раза)¹. Прирост внутреннего федерального долга за 2011–2019 гг. составил 5,9 трлн. руб. при суммарном дефиците федерального бюджета за этот период 3,4 трлн. руб.

С середины 2000-х годов начала возрождаться практика 1990-х годов – передача на региональный уровень ответственности за поддержание экономического роста и финансирование всё более увеличивающихся расходных полномочий, которые не обеспечены адекват-

¹ Рассчитано по данным [4]. Реж. дост.: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/06/main/STR_WEB_2019.xlsx (дата обращения: 6.07.2019); https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 6.07.2019).

ными по величине доходными статьями [5]. Это повлекло за собой нарастание вслед за федеральным государственным долгом и долговых обязательств регионального и муниципального уровней. Причиной стало не только переложение на бюджеты регионов значительной части ответственности за выполнение социальных стандартов, но и принуждение регионов к активизации инвестиционной деятельности.

Ситуация в региональных финансах усугубляется еще и тем, что тянувшаяся из 1990-х годов проблема дефицита ресурсов региональных органов власти и управления для финансирования экономического и социального развития в своих регионах получила в последнее время неожиданное проявление в форме предложений о внедрении системы «модельных бюджетов». Подаваемая как способ совершенствования системы межбюджетных трансфертов, эта идея в действительности провоцирует дальнейшее «разбегание» регионов по уровню обеспеченности собственными доходами и в целом по уровню социально-экономического развития [6].

В настоящей статье исследуются проблемы регионального государственного долга, который превращается не только в один из вызовов пространственному экономическому равновесию, но и в важный фактор реализации целей социально-экономического развития страны, с учетом усиления переноса центра тяжести общеэкономического и социального развития РФ на региональный уровень, о чем свидетельствует, в частности, утвержденная в этом году Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года².

Государственный долг: генезис теории и политических следствий

Проблемам формирования и развития института государственного долга, который, конечно, не является собственно российским феноменом, а рассматривается неотъемлемой формой существования и развития государственной фискальной системы, посвящена обширная научная и публицистическая литература, которую также следует принимать во

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Реж. дост.: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 6.03.2019).

внимание, учитывая воздействие государственного долга на все аспекты не только экономической, но и общественной жизни (см., например, [7–11]). При этом оценки содержания и практических последствий формирования государственного долга претерпели существенные изменения за сравнительно короткий период времени. От изначально негативного отношения экономической науки и общества самых разных стран к государственному долгу и государственному кредиту оно с течением времени все более дрейфовало в сторону «приемлемой нормы» в полном соответствии с теорией «окна Овертона», в рамках которой отношение к какому-либо явлению, событию или теории постепенно меняется от крайне негативного на лояльное, а впоследствии видится нормой³.

Публичные долги исторически возникли вследствие неисполнения денежных обязательств со стороны власти, от неуплаты жалований, установленных сумм поставщикам и т.п., поэтому само наличие долга было признаком экономической несостоятельности, обусловленной крайним неумением вести хозяйственные дела или неуместной расточительностью. Публичные долги воспринимались как стремление правительства к «легким» деньгам вместо работы по накоплению и сбережению средств.

Экономическая теория и практика воспринимали саму идею и последствия формирования государственных долгов критически с самого начала развития промышленного капитализма и вплоть до 30-х годов XX века.

А. Смит утверждал: «Рост громадных долгов, которые в настоящее время гнетут и, в конечном счете, вероятно, разорят все великие нации Европы, почти везде происходил однообразно. Нации ... начинали обыкновенно занимать ... под свой личный кредит, не предоставляя или не закладывая никакого специального фонда в обеспечение уплаты долга, а когда этот способ отказался служить, они перешли к займам под обеспечение или под залог специальных фондов» [12, с. 651]. Резко отрицательную оценку госдолга в связи с особенностями его погашения и влиянием на экономическое поведение давал и Д. Рикардо, отмечавший, что «никакой

³ The Overton window. Реж. дост.: <https://www.mackinac.org/OvertonWindow#visual> (дата обращения: 6.03.2019).

фонд погашения не поможет ... в деле уменьшения долга, если он будет получаться не от перевеса государственных доходов над расходами» [13, с. 206], а система займов «имеет тенденцию делать нас менее бережливыми — обманывать нас насчет нашего действительного положения» [13, с. 205].

С.Ю. Витте считал недопустимым формирование государственного долга в рамках нормально функционирующей экономики: «Вступление государства на путь прожиточного кредита тотчас же отражается на его дальнейшей кредитоспособности, а с тем вместе дискредитирует и всю массу его прежних долговых обязательств, ибо доверие к исправности платежей покоится на финансовом благоустройстве страны» [14]. Единственную возможность государственного займа С.Ю. Витте допускал в условиях чрезвычайных обстоятельств в качестве временной меры покрытия дефицита.

Первая мировая война привела к коренному пересмотру роли государства в экономике, сместив вектор общественного восприятия государственного долга к точке «приемлемо». Но наиболее существенные коррективы в оценки государственных заимствований внесла великая депрессия 1930-х годов, сделав более популярными аргументы Бодина (Bodin), Пети (Petty), Стюарта (Stewart), Пинто (Pinto) и А. Хамилтона (A. Hamilton) в восприятии государственных заимствований (см. [15]) и сдвинув в целом общественное мнение по вопросу государственного кредита ко второму этапу «окна Овертона» — от «немыслимо» к «радикально».

Теория Дж.М. Кейнса произвела окончательный переворот если не в теоретических постулатах относительно государственного долга, то определенно в умах значительной части политиков, поскольку она объясняла способности госдолга стимулировать экономический рост. Дж.М. Кейнс выступал за политику дефицитного финансирования, так как это помогало вкладывать дополнительные средства в развитие нового производства и стимулировать рост потребления. Популярными идеи наращивания госдолга сделали именно доводы и объяснения Кейнса о способности непроизводительных расходов, финансируемых с помощью государственных займов, в итоге обогатить общество. Лишь отчасти теоретики, но в подавляющем большинстве политики и финансисты

позитивно восприняли конструкцию Дж. Кейнса в части, доказывающей, что финансируемые с помощью займов расходы и, соответственно, прирост задолженности государственных и местных органов власти благотворно воздействуют как на расширение инвестиций, так и на увеличение склонности к потреблению [16, с. 195].

Предложенный Кейнсом и ставший популярным новый взгляд на сущность государственного долга на длительное время явился оправданием и даже стимулом для активных государственных заимствований. А после того как в начале 1970-х годов Международный валютный фонд официально признал нормальным 3-х-процентный (от величины ВВП) уровень дефицита, что напрямую связано с ростом государственной задолженности, в общественном сознании вполне оформилось восприятие факта наличия государственного долга как «нормы». И хотя уже к концу 1970-х годов, в значительной мере вследствие проведения долговой политики, во многих странах (особенно в США) обострились проблемы с инфляцией и безработицей, что существенно подорвало господство «эпохи кейнсианства» и ускорило переход к экономической политике, основанной на идеях неоклассиков, позиции государственного долга как одного из важнейших инструментов государственной экономической политики остались непоколебимы.

Несмотря на то, что конец XX и первое десятилетие XXI вполне определенно проиллюстрировали превращение государственного долга в условиях глобализации финансовых рынков в один из наиболее мощных факторов финансово-экономических кризисов национального (США, Великобритания, Мексика, Россия, Греция, Республика Корея и пр.), мирового и субглобального масштабов (1997–1998, 2007–2008 гг.), этот инструмент экономической политики к настоящему времени фактически не имеет альтернатив. Вероятно, именно поэтому лица, принимающие решения в рамках практической финансовой и экономической политики не склонны подвергать сомнению утверждения о положительном воздействии государственного долга на рост экономики, хотя затраты на обслуживание долга всегда рассматривались экономистами как контрпродуктивные, формирующие «долговую ловушку», в ко-

торуую втягиваются все государства, имеющие долговое бремя, а также большая часть их регионов.

В 2018 г. более 120 стран мира имели государственную задолженность на уровне более 40% ВВП, а для 38 стран этот уровень превышал 80%⁴. Российский государственный долг к настоящему времени и в соответствии с краткосрочными прогнозами в основном укладывается в интервалы относительной безопасности с точки зрения макроэкономической устойчивости

(табл. 1), но в то же время прослеживается тенденция увеличения долговой нагрузки.

Как видно, в российском случае государственный долг характеризуется как устойчивый. В значительной степени это связано с низкой долей внешнего долга в его общем объеме. Правда, при этом речь идет не о всем внешнем долге государства, а только о той его части, которая связана с заимствованиями самого государства (без региональных заимствований) и Центрального банка (табл. 2). Безусловно,

Таблица 1. Показатели устойчивости государственного долга в РФ, %

Показатель	2016	2018	2019 (оценка)	2021 (прогноз)	Пороговое значение
Государственный долг РФ, % ВВП	12,9	13,6	14,9	16,5	<50
Доля внутреннего долга в его общем объеме	72,0	71,4	73,8	77,1	>50
Доля расходов на обслуживание госдолга в общем объеме расходов федерального бюджета	3,8	4,7	4,7	5,8	<10
Отношение годовой суммы платежей по погашению и обслуживанию госдолга к доходам федерального бюджета	9,2	8,0	9,9	10,1	<10
Отношение годовой суммы платежей по погашению и обслуживанию государственного внешнего долга к годовому объему экспорта товаров и услуг	1,4	1,4	2,1	0,7	<25

Источник: Государственный долг в странах мира и в России – проблема или необходимость? / <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/gosudarstvennyiy-dolg-v-stranax-mira-i-v-rossii-problema-ili-neobходimost-20190319-14090/> (дата обращения: 11.07.2019).

Таблица 2. Размер и динамика государственного долга РФ

Год	Сальдо платежного баланса, млрд. долл. США	Сальдо федерального бюджета, млрд. руб.	Внешний долг, млрд. долл. США/ млрд. руб.		Внутренний долг, млрд. руб. (на конец года)	Совокупный госдолг, млрд. руб.
			всего	правительства и ЦБ		
2013	33,0	-323	636,4	77,0/2464	4998	7462
2014	15,5	-375	727,1	54,4/2611	5722	8333
2015	67,5	-1962	599,5	50,0/3350	7241	10591
2016	23,7	-2956	518,5	51,2/3328	7307	10635
2017	32,2	-1331	511,7	49,8/3237	8003	11240
2018	112,3	2741	518,9	48,6/3110	9137	12247
2019*	33,7	1885	453,7	50,7/3194	10029**	13223**

* Оценка.
** На 1.07.2019 г.
Источники: рассчитано по: Государственный внутренний долг РФ / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 6.07.2019); Статистика: внешний долг России / <https://ruхpert.ru/> / Статистика: Внешний долг России (дата обращения: 6.07.2019); Государственный долг РФ / http://budget.gov.ru/epbs/faces/p/Бюджет/Государственный%20долг?_adf.ctrl-state=9hjzhdzsv_4&regionId=45 (дата обращения: 6.07.2019); Внешний долг РФ (аналитическое представление) / https://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/debt_an_new.htm (дата обращения: 6.07.2019); Объем государственного внутреннего долга Российской Федерации / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/internal/structure/total/printable.php?id_38=20965&print_38=1&area_id=38&page_id=842&popup=Y (дата обращения – 6.07.2019); https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/06/main/STR_WEB_2019.xlsx (дата обращения: 6.07.2019).

⁴ Государственный долг в странах мира и в России – проблема или необходимость? / <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/gosudarstvennyiy-dolg-v-stranax-mira-i-v-rossii-problema-ili-neobходimost-20190319-14090/> (дата обращения: 11.07.2019).

общий размер внешнего долга значительно больше за счет обязательств частного сектора и государственных коммерческих структур.

«Хронически положительный» платежный баланс даже в условиях очередного экономического спада, начавшегося с 2014 г. под влиянием внешних финансово-политических шоков, наложившихся на негативные инвестиционно-потребительские тренды на внутреннем рынке, обусловил постепенное снижение уровня общего внешнего долга (номинарованного в иностранной валюте). Одновременно столь же «хронически дефицитный» вплоть до 2018 г. федеральный бюджет обусловил прирост внутреннего долга, номинарованного в рублях, к чему прибавилось увеличение внешнего долга в рублевом выражении в связи с девальвацией национальной валюты.

В целом российский государственный долг монотонно увеличивается, и при этом в последние годы произошел переход в заимствованиях государства для покрытия дефицитов бюджета с внешнего на внутренний рынок. В общем случае увеличение размеров государственного долга, конечно, находится в прямой зависимости от соотношения скорости роста доходов бюджета и скорости увеличения бюджетных расходов. Первое определяется темпами роста экономики и «налоговой ликвидностью» экономической структуры, второе зависит от уровня социальных ожиданий и степени огосударствления экономики. Очевидно, именно поэтому в 2018–2019 гг. рост государственного внутреннего долга продолжился, несмотря на изменение знака сальдо доходов и расходов с отрицательного на положительный.

Государственный региональный долг

Основная часть регионального государственного долга формируется на уровне субъектов РФ, долг которых составляет более 85% всего консолидированного долга регионов, и связана в основном с дефицитностью бюджетов, которая приобрела хронический характер для значительного числа регионов. Дефициты бюджетов формировались в результате нестабильности основных видов бюджетных доходов, размер которых существенно зависит от общеэкономической динамики в том или ином субъекте РФ. Нестабильность и замедление роста доходов на фоне эха кризиса 2009 г. и последующего срыва экономики в стагнацию на-

ложились на стабильное увеличение расходной части региональных бюджетов, в том числе генерированных директивами федерального центра по реализации первой и второй редакций «майских указов» Президента. Конфликт между нестабильностью роста доходов и монотонностью роста расходов обусловил «выбросы» региональных государственных долгов в отдельные отрезки времени, когда расходы на региональном уровне нужно увеличивать, а корректировка на федеральном уровне еще не произведена.

Поэтому в целом за период 2008–2018 гг. соотношение федерального и регионального государственного долга выглядит благоприятно для последнего. Темпы роста регионального долга в среднем значительно уступают темпам роста федерального долга. За отмеченный период размер федерального государственного долга увеличился в 7 раз, а величина консолидированного регионального государственного долга – в 3,7 раза (табл. 3). При этом если в 2008 г. консолидированный региональный долг составлял 49,2% от уровня федерального долга, то к началу 2019 г. эта доля составила 26,2%.

Долговая нагрузка в среднем на региональном уровне за последнее десятилетие снижалась при одновременном ее росте на федеральном уровне (см. табл. 3, рис. 1). Это, в общем, противоречит широко распространенному тезису об «эксплуатации» субъектов Федерации федеральным центром, который «сбрасывает» в регионы социальные обязательства и значительную часть государственных инвестиционных затрат. Напротив, как свидетельствует сравнительная динамика, прирост регионального долга и долговая нагрузка на региональные бюджеты после 2015 г. стали снижаться при соответствующем увеличении этих параметров для федерального долга.

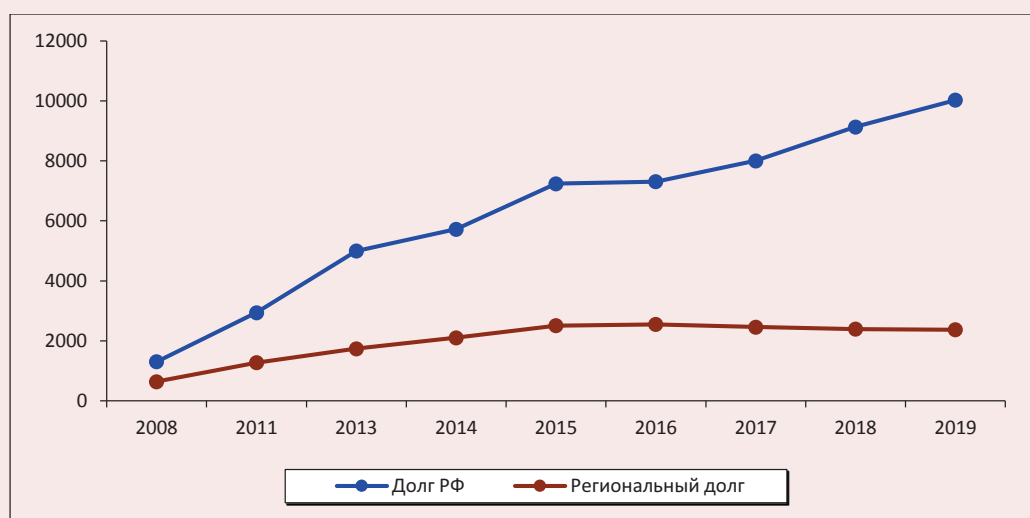
Вместе с тем благополучие среднестатистической картины маскирует две содержательные проблемы. Во-первых, уже упомянутую выше асинхронность во времени роста расходов регионов на выполнение федеральных стандартов и нормативов, с одной стороны, и федеральную компенсацию этого увеличения, в том числе за счет прироста размеров федерального государственного долга, с другой стороны. Эта асинхронность порождает в регионах «долговые импульсы», которые и формируют прирост регионального долга.

Таблица 3. Региональный государственный долг (на 1 декабря соответствующего года, млрд. руб.)

Показатель	2008	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Обеспеченность расходов собственными доходами консолидированного бюджета субъекта РФ, %	87,7	77,4	77,2	75,5	77,4	81,1	84,0	83,8
Внутренний госдолг РФ	1301	2940	4998	5722	7241	7307	8003	9137
Консолидированный региональный долг	640	1272	1740	2104	2509	2548	2458	2394
В том числе:								
долг субъектов РФ	535	1072	1491	1822	2191	2208	2142	2055
муниципальный долг	105	198	249	282	318	340	343	339
Долговая нагрузка федерального бюджета	14,0	25,9	38,2	39,5	53,0	54,3	53,0	46,9
Долговая нагрузка бюджетов субъектов РФ	10,3	20,0	33,0	35,4	36,5	33,8	30,5	25,3

Примечание. Долговая нагрузка – отношение объема государственного долга к объему налоговых и неналоговых доходов бюджета в отчетном году без учета безвозмездных поступлений. Источники: рассчитано по: Доходы Федерального бюджета РФ / https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/?id_65=80041&page_id=3847&porip=Y&area_id=65 (дата обращения: 13.07.2019); Регионы России. Социально-экономические показатели, 2018 г.; Объем государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 25.06.2019); Регионы России. Социально-экономические показатели – 2008 год / http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_14p/IssWWW.exe/Stg/d3/23-02-2.htm (дата обращения: 14.07.2019).

Рис. 1. Динамика государственного долга в РФ, млрд. руб.

Построено по данным табл. 3.

Во-вторых, чрезвычайно высока степень дифференциации размеров и качества государственного долга по регионам. В целом уровень долговой нагрузки (отношение государственного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета) остается высоким, а по ряду регионов величина долга сравнима или даже превышает объем собственных доходов региональных бюджетов (табл. 4). В 2010–2018 гг. долговые обя-

зательства полностью отсутствовали только у одного-двух субъектов⁵ РФ. Если в 2010 г. уровень долговой нагрузки в диапазоне 0,01–50% отмечался у 58 субъектов, 50,01–100% – у 22 регионов и лишь в двух (Республика Северная

⁵ В 2010 г. региональных государственных долгов не имел Ямало-Ненецкий АО, в 2011–2013 гг. – Ненецкий АО, в 2014 г. – Ненецкий АО и Сахалинская область, в 2015–2018 гг. – Сахалинская область и г. Севастополь.

Таблица 4. Группировка субъектов РФ по уровню государственной долговой нагрузки в 2010–2018 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Число субъектов РФ	83	83	83	83	83	85	85	85	85
из них с долговой нагрузкой, %:									
0,0 (долг отсутствует)	1	1	1	1	2	2	2	2	2
0,01–10,0	13	12	10	7	4	7	7	7	12
10,01–25,0	18	16	14	8	7	5	6	10	7
25,01–50,0	27	31	25	23	15	14	16	19	22
50,01–75,0	17	12	21	21	26	20	21	21	24
75,01–100,0	5	9	10	16	19	23	25	19	16
Более 100,01	2	2	2	7	10	14	8	7	2
Средняя долговая нагрузка по субъектам РФ, %	21,8	20,0	26,1	33,0	35,4	36,5	33,8	30,5	25,3
Максимальная долговая нагрузка по субъектам РФ, %	125,5	175,2	179,7	172,1	144,4	182,5	176,0	225,7	236,9
Источники: рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.07.2019); Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/ (дата обращения: 14.07.2019).									

Осетия – Алания и Республика Мордовия) превышал предельную норму в 100%, то в 2015 году ситуация ухудшилась: число регионов, попавших в диапазон 0,01–50%, снизилось более чем в 2 раза (до 26 субъектов) при одновременном почти двукратном увеличении числа регионов, находившихся в диапазоне 50,01–100% (43 субъекта РФ). Число субъектов Федерации, нарушивших бюджетное законодательство, т.е. тех, где долговая нагрузка превысила 100%, достигло четырнадцати⁶. При этом за рассматриваемый период наблюдался рост средней долговой нагрузки по субъектам РФ до 36,5% и максимальная долговая региональная нагрузка увеличилась со 125,5% в 2010 г. до 182,5% в 2015 г. (в обоих случаях речь идет о Республике Мордовия).

На этапе 2016–2018 гг. самым значимым фактом явился выход 12 субъектов РФ из критической зоны, где долговая нагрузка превышает 100%, а также снижение средней долговой нагрузки по субъектам Федерации до 25,3%, что практически сопоставимо с уровнем 2012 г. При этом около половины регионов (40 из 85 субъектов РФ) остается в зоне 50–100% долговой нагрузки, а Республика Мордовия, несмотря

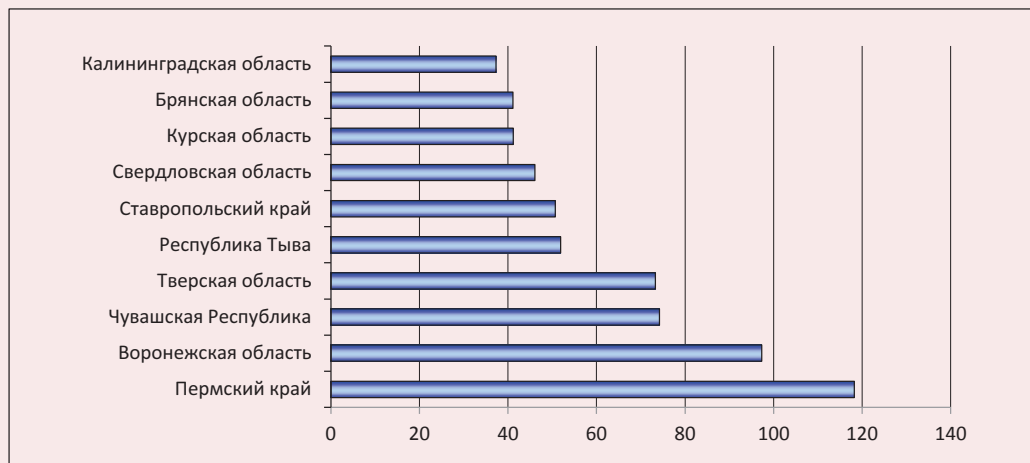
⁶ Можно предположить, что фактическое число регионов-нарушителей значительно превышало фиксируемое число (14), так как, согласно бюджетному законодательству, для высокодотационных регионов долговая нагрузка не должна быть выше 50%.

на введенное «прямое внешнее управление»⁷, остается «долговым лидером», демонстрируя рост величины долговой нагрузки до 236,9% (абсолютный «антирекорд» по итогам 2018 г.)

Низкий уровень долговой нагрузки, когда государственный долг составляет менее 10% от объема налоговых и неналоговых доходов бюджета, на протяжении 2010–2018 гг. наблюдался менее чем в 13 субъектах Федерации. Хотя сам по себе факт превышения субъектом РФ предельного бюджетного норматива долговой нагрузки на начало финансового года не является свидетельством предбанкротного состояния, так как необходимо учитывать временную структуру долга, а также особенности графика выплат по долгам и возможности регионального бюджета, но регулярное привлечение новых кредитов для покрытия расходов и финансирования бюджетного дефицита перед новым го-

⁷ В 2018 г. федеральным центром был проведен эксперимент. Три региона с наиболее высокой долговой нагрузкой (Республика Мордовия, Костромская область и Республика Хакасия) были переведены на казначейское сопровождение, фактически означавшее жесткий внешний контроль за региональной бюджетной политикой со стороны Минфина РФ и Федерального казначейства. Если в Костромской области и Хакасии удалось уменьшить общий объем госдолга на 7 и 11,2% соответственно, то долговой кризис в Мордовии преодолеть не удастся. Госдолг республики вырос за год на 12,5% при росте доли коммерческих кредитов с 39,6 до 49,5% за это же время (см. сайт Национального рейтингового агентства www.ranational.ru).

Рис. 2. Темпы прироста государственного долга в декабре 2018 г., %

Источник: данные Национального рейтингового агентства (www.ra-national.ru).

дом существенно осложняет для многих регионов стабилизацию финансового положения. Например, в декабре 2018 г. суммарная долговая нагрузка субъектов РФ выросла на 7,4% в связи с тем, что 36 регионов активно занимались привлечением новых долгов, причем у 10 регионов-«лидеров» темп прироста государственного долга составил порядка 40–120% (рис. 2).

Некоторое снижение темпов роста как государственного, так и муниципального долга в 2016–2018 гг. объясняется рядом экономических и политических причин.

Во-первых, можно предположить, что в условиях финансовой нестабильности региональные правительства начинают в большей степени экономить и более аккуратно взвешивать кредитные риски. Во-вторых, для бюджетов субъектов РФ 2018 год был наиболее благополучным в сравнении с предыдущими годами, что было обусловлено ростом цен на экспортные ресурсы и федеральной финансовой поддержкой в связи с президентскими выборами. Доходы консолидированных бюджетов увеличились относительно 2017 г. на 15% за счет прироста поступлений от налога на прибыль (на 23%) и безвозмездных поступлений из федерального бюджета (на 22%)⁸. Прирост

⁸ Информация об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ на 1 января 2019 года / http://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/analysis/

трансфертов в 2018 году был самым значимым за последнее десятилетие (даже в год предыдущих президентских выборов он составлял лишь 12%). Максимальную трансфертную добавку регионы получили в четвертом квартале, что, видимо, связано со снижением рейтингов власти во второй половине 2018 г. и с выборами губернаторов в ряде субъектов Федерации в сентябре. Благодаря увеличению в 2018 году трансфертов на 22% и собственных доходов на 14% только 15 субъектов РФ закончили год с дефицитом бюджета (в 2017 г. таких регионов было 47). Наиболее значимые дефициты бюджетов были зафиксированы в Республике Мордовия (17% от доходов), Хабаровском крае (8%), Московской, Сахалинской⁹ областях и ЕАО (5%).

Несмотря на общий рост доходов бюджетов в 2018 г. на 15%, консолидированный региональный долг сократился только на 3,9%. Снизили долг 57 субъектов РФ и значительнее всего – наименее проблемные регионы. Существенно вырос долг в регионах с дефицитом бюджета – Московской области (на 32,4%), Хабаровском крае (19,4%), Республике Мордовия (на 13%).

⁹ Существенные потери доходов бюджета Сахалинской области возникли из-за изъятия в федеральный бюджет большей части налога на прибыль от проекта «Сахалин-2», которые не были компенсированы ростом трансфертов в 2018 г. на 17,9 млрд. рублей (более 11% доходов бюджета области) (см. [2, с. 55]).

При этом в структуре региональных бюджетов постоянно увеличивается доля обязательных к исполнению социальных расходов и сокращается доля капитальных вложений. Социальная направленность расходов региональных бюджетов – это мировой тренд [17; 18], но общая минимизация инвестиционных компоненты бюджетов – тенденция, прямо противоположная формированию экономических предпосылок практики стратегического планирования. Другими словами, регионы занимают не для стимулирования инвестиционного развития, а для решения социальных проблем, ориентируясь не на стратегию развития, а на стратегию выживания. На смену «остаточному» принципу финансирования социальной сферы приходит «остаточный» принцип финансирования региональной экономической сферы, развития производства и региональной инфраструктуры.

Одним из последствий формирования долговой зависимости регионов является трансформация понятия «критерий эффективности долговой политики». Теоретически целью региональной долговой политики является формирование и функционирование механизма чрезвычайного (долгового) финансирования социально-экономического развития, то есть сама политика должна быть консервативна и нацелена на снижение долговых обязательств, что обеспечивается созданием (наличием) развитой социально-экономической хозяйственной системы в регионе, обеспечивающей устойчи-

вость территориально-бюджетной системы при отсутствии безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Имеется в виду, что создание (развитие) такой системы осуществляется в том числе и на основе финансовых заимствований. В реальности проводимая (как правило, вынужденно) долговая политика в регионах ведет к росту долговых обязательств, увеличению долговой нагрузки на бюджет и расходов на обслуживание и погашение долга, так как нацелена на выполнение определенных социальных обязательств. В результате регионы начинают считать эффективной именно такую политику.

Структура государственного долга субъектов РФ

Рассмотрим изменения в структуре государственного долга в разрезе элементов госдолга и в разрезе федеральных округов и субъектов РФ.

Структура элементов государственного долга субъектов РФ за десятилетний период существенно не изменилась (табл. 5). Наиболее значимыми источниками финансирования дефицита региональных бюджетов являются прямые государственные заимствования субъектов РФ в форме эмиссии облигаций внутреннего государственного займа и получения кредитных ресурсов. Однако в разные периоды происходили изменения в соотношении этих элементов, которые по степени предпочтительности и стоимости затрат на их обслуживание можно расположить в следующей последовательности: государственные гарантии, бюджетные кредиты, ценные бумаги (облигации), кредиты банков.

Таблица 5. Структура государственного долга субъектов РФ по видам обязательств, % (на начало года)

Год	Государственный долг субъектов РФ по видам обязательств				
	Государственные ценные бумаги	Кредиты от кредитных организаций	Бюджетные кредиты от других бюджетов бюджетной системы РФ	Государственные гарантии	Иные долговые обязательства
2010	42,4	24,3	19,7	13,5	0,1
2011	37,2	21,2	31,0	10,6	0,0
2012	29,3	25,6	35,8	9,3	0,1
2013	27,8	32,4	31,5	8,2	0,0
2014	25,9	39,8	27,1	7,2	0,0
2015	21,2	42,5	31,0	5,3	0,0
2016	18,7	41,6	34,9	4,4	0,4
2017	19,4	34,4	42,1	3,8	0,3
2018	23,7	28,8	43,6	3,5	0,4
2019	25,0	28,8	42,6	3,0	0,6

Источник: расчеты авторов по данным Минфина России.

Реагируя на усложнение макроэкономической ситуации, в частности на повышение ключевой ставки после 2014 г., государство усилило свое участие в формировании «дешевого» долга регионов путем увеличения доли бюджетных кредитов (с 19,7% в 2010 г. до 35–43% в 2016–2019 гг.). Доля коммерческих кредитов, миновав пик 41,6–42,5% в 2015–2016 гг., закрепилась на отметке 28,8%. Удельный вес ценных бумаг, стабильно снижавшийся с 2010 г. (42,4%) до 2016 г. (18,7%), за три последних года вырос с 19,4% (2017 г.) до 25% (2019 г.). Прочие долговые инструменты, включая государственные гарантии, стали маловостребованными, и их доля стабильно снижалась – с 13,5% (2010 г.) до 3,0% (2019 г.).

То, что структура государственного долга субъектов РФ остается достаточно стабильной на протяжении 3-х последних лет, может свидетельствовать о том, что она при сложившейся макроэкономической ситуации и пространственном распределении параметров финансовой устойчивости и конкурентоспособности субъектов РФ наиболее (а возможно и единственно) рациональна, так как возможности регионов по привлечению коммерческих кредитов и выпуску региональных ценных бумаг (облигаций) ограничены высокой стоимостью этих источников финансирования. Поэтому программа Министерства финансов РФ по замещению банковских кредитов бюджетными являлась вынужденной мерой для снижения стоимости региональных долговых обязательств, а по существу – переноса регионального долга на федеральный уровень, что в некоторой степени объясняет отмеченное выше опережение скорости увеличения федерального долга по отношению к региональному.

Однако вопрос о возможности федерального центра придерживаться данного нерыночного инструмента заимствований является открытым, хотя для ряда субъектов РФ программа федерального кредитования региональных бюджетов остается единственно реальной моделью поддержания устойчивости их бюджетных систем. Например, для Владимирской области, республик Ингушетия и Крым, Алтайского края, Калужской области, отчасти Приморско-

го края на бюджетные кредиты приходится до 100% общей суммы их долговых обязательств¹⁰.

Территориальная структура долга

После 2010 г. регионы начали резко наращивать бюджетные расходы в связи с требованиями федерального центра выполнить «майские указы» Президента. Это обусловило существенный рост долговой активности регионов и, соответственно, увеличение общей суммы регионального государственного долга к 2019 г. почти в 2,5 раза (табл. 6). При этом наибольшие темпы роста долга наблюдались как раз в федеральных округах, для которых в 2010 г. были характерны наименьшие доли совокупного регионального долга.

Статистически это выразилось в «выравнивании» федеральных округов с точки зрения удельного веса в госдолге к 2019 г. Если в 2010 г. сумма максимального долга (Центральный округ) превышала сумму минимального долга (Северо-Кавказский округ) почти в 35 раз, то к 2019 г. разрыв сократился до 6,6 раза, хотя разница между максимальным и минимальным значениями совокупных налоговых и неналоговых доходов по-прежнему составляла двузначную величину (24,6 раза) и даже если исключить из суммы доходов по Центральному округу бюджетные доходы по г. Москве (которая фактически не формирует государственный долг), разница все равно составит 21,7 раза.

Естественно, что еще больше дифференциация по налоговым и неналоговым доходам бюджетов субъектов РФ. Даже при исключении из расчета городов Москвы и Санкт-Петербурга, а также Московской области, доходы которых в разы превышают доходы наиболее «богатых» регионов в силу эксплуатации ими столичной ренты и наведенного ею агломерационного эффекта, бюджетные доходы самого богатого (Ханты-Мансийский национальный округ) и самого бедного (Республика Алтай) субъектов РФ различаются в 65,6 раза. Это проявилось как разительный контраст между концентрацией региональной задолженности, с одной стороны, и концентрацией долговой нагрузки – с другой (табл. 7).

¹⁰ Подробнее см.: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.07.2019)

Таблица 6. Государственный долг субъектов РФ в разрезе федеральных округов (на начало года)

Федеральный округ	Долг всего, млрд. рублей		Территориальная структура долга, %		Темп роста долга, раз 2019/2010	Налоговые и неналоговые доходы, млрд. руб., 2019 г.	Долговая нагрузка, %, 2019 г.
	2010	2019	2010	2019			
Центральный	509,7	493,6	57,2	22,4	0,97	3441,0	14,3
Северо-Западный	57	213,8	6,4	9,7	3,75	1057,0	20,2
Южный	30,2	253,9	3,4	11,5	8,41	525,4	48,3
Северо-Кавказский	14,6	74,3	1,6	3,4	5,09	139,7	53,2
Приволжский	149,6	531,6	16,8	24,1	3,55	1162,9	45,7
Уральский	27,2	140,8	3,1	6,4	5,18	1026,2	13,8
Сибирский	70,8	292,5	7,9	13,3	4,13	749,0	39,0
Дальневосточный	31,7	205,9	3,6	9,3	6,50	573,6	35,9
Итого	890,8	2206,4	100	100	2,48	8720,8	25,3

Источники: рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.07.2019); Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 14.07.2019).

Таблица 7. ТОП-10 субъектов РФ по «долговым критериям», на 1.01.2019 г.

Субъекты РФ с максимальной суммой долга	Сумма госдолга, млрд. руб.	Долговая нагрузка, %	Субъекты РФ с максимальной долговой нагрузкой бюджета	Сумма госдолга, млрд. руб.	Долговая нагрузка, %
Краснодарский край	140,2	66,6	Республика Мордовия	56,2	236,9
Московская область	128,8	28,1	Костромская область	20,4	115,2
Красноярский край	103,9	52,3	Псковская область	16,3	92,0
Республика Татарстан	95,0	40,4	Смоленская область	29,3	90,4
Нижегородская область	75,1	55,9	Республика Хакасия	21,8	90,4
Свердловская область	72,8	32,6	Чукотский автономный округ	10,4	90,3
Республика Мордовия	56,2	236,9	Еврейская автономная область	5,2	89,8
Самарская область	54,7	37,5	Курганская область	16,6	88,3
Волгоградская область	51,1	72,7	Удмуртская республика	47,0	85,7
Республика Саха-Якутия	50,6	36,4	Республика Карачаево-Черкессия	5,3	84,7
Итого	828,4	45,0	Итого	228,5	108,0

Источники: рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.07.2019); Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда / <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 14.07.2019).

Основная часть регионального долга (38%) приходится на 10 субъектов РФ, в бюджетах которых консолидируется около 30% налоговых и неналоговых доходов всех региональных бюджетов за исключением бюджета г. Москвы, что позволяет им сохранять среднюю долговую нагрузку на вполне приемлемом уровне (45%). Зато на 10 субъектов РФ, средняя долговая нагрузка которых составляет 108%, варьируясь от 85 до 237%, приходится лишь 10,5% совокупного регионального долга, но совокупные доходы их бюджетов составляют только 3,3% налоговых и неналоговых доходов всех региональных бюджетов за исключением бюджета г. Москвы.

Считается [19–21], что увеличение доли инвестиционных расходов в региональном бюджете приводит в перспективе к росту собственных доходов региона и наращиванию его экономического потенциала. Это гипотетически означает, что не только увеличение расходов на выполнение социальных и инфраструктурных обязательств, но и рост инвестиционных расходов стимулирует активизацию заемно-долговой деятельности субъектов Федерации. Для проверки этого предположения сопоставим официальные данные Минфина России о величине государственного долга субъектов РФ и данные Национального рейтинга состояния инвестиционного

климата, ежегодно публикуемого Агентством стратегических инициатив (далее – Национальный рейтинг)¹¹, отражающего состояние инвестиционного климата и мотивацию региональных органов власти по проведению политики улучшения инвестиционного климата регионов.

Сопоставим долговые параметры у группы из 8 регионов, стабильно входящих в ТОП-15 лучших по интегральной оценке состояния инвестиционного климата, и у 7 регионов с наиболее низкими интегральными оценками Национального рейтинга состояния инвестиционного климата (табл. 8).

Предположение о том, что активная долговая политика, проводимая руководством субъектов РФ, тесно связана с инвестиционной политикой, должно подтверждаться тем, что лучшие по инвестиционному климату регионы должны иметь и более значимые показатели по величине госдолга.

Как видно по данным таблицы, на выходе из кризиса, в 2010 г., это предположение подтверждается. Суммарный долг 8 лучших по версии Национального рейтинга регионов, в которых производилось 31,1% ВРП страны, составлял 314,4 млрд. рублей, или 35,3% государственного регионального долга российских регионов, и почти в 11 раз превышал долг 7 регионов с худшими условиями для инвестирования.

Однако на этапе роста социальных нагрузок региональных бюджетов (2012–2015 гг.) и последовавшего затем периода экономии долговая политика регионов с развитым инвестиционным климатом приняла более рациональный характер, что привело к снижению темпа роста государственного долга названной группы регионов и к снижению доли «лучших» регионов в общей величине госдолга. К 2019 г. доля регионов с лучшим по рейтингу состоянием инвестиционного климата уменьшилась более чем в 2 раза – до 16%.

Таблица 8. Государственный долг субъектов РФ (на начало года), млрд. рублей

Субъект	2010	2012	2015	2018	2019
<i>Регионы, стабильно входящие в ТОП-15 Национального рейтинга состояния инвестиционного климата</i>					
Республика Татарстан	36,7	80,3	93,2	93,3	95,0
Республика Чувашия	8,2	9,0	12,3	14,1	12,9
г. Москва	243,1	234,1	161,7	34,3	30,0
Тюменская область	0,7	1,4	0,3	1,6	3,6
Калужская область	11,1	16,3	24,4	30,2	28,7
Тулльская область	5,5	6,2	15,9	18,7	17,9
Краснодарский край	7,0	39,9	136,3	149,1	140,2
Ульяновская область	2,1	5,2	17,4	25,1	24,9
Суммарный долг 8 субъектов РФ	314,4	392,4	461,5	366,4	353,2
Совокупный долг 83 субъектов РФ	890,9	1171,8	2089,5	2315,4	2206,3
Доля долга 8 субъектов РФ,%	35,3	33,5	22,1	15,8	16,0
<i>Регионы с наиболее низкими интегральными оценками Национального рейтинга состояния инвестиционного климата</i>					
Республика Северная Осетия-Алания	4,0	6,4	8,6	9,3	9,1
Рязанская область	7,8	15,0	27,1	24,4	22,8
Республика Алтай	1,3	1,7	2,0	1,5	1,5
Амурская область	3,0	11,6	28,2	27,7	27,4
Забайкальский край	3,6	5,3	20,0	28,3	27,6
Иркутская область	9,2	4,5	11,8	18,6	12,3
Республика Тыва	0,1	0,4	2,0	2,3	2,0
Суммарный долг 7 субъектов РФ	29,0	44,9	99,7	112,1	102,7
Доля долга 7 субъектов РФ,%	3,3	3,8	4,8	4,8	4,7
Источники: составлено по: Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ / https://asi.ru/investclimate/rating/ (дата обращения: 14.07.2019); Объем государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований / https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения: 14.07.2019).					

¹¹ См.: Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ / <https://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 14.07.2019).

Следовательно, долговая политика регионов оказалась тесно связанной с проводимой ими инвестиционной политикой только на этапе выхода из кризиса 2008–2010 гг. Именно в этот период инвестиционная активность региональных властей предполагала активизацию заемно-долговой деятельности и ставку на рост регионального долга, что можно интерпретировать как попытку долгового финансирования экономического развития. Однако на этапе роста социальных нагрузок региональных бюджетов (2012–2015 гг.) и последовавшего затем периода экономии на первый план в заемной политике регионов выходит социальная направленность регионального госдолга.

Заключение

Для субъектов РФ проблема государственного долга носит более драматичный характер, чем для страны в целом, и объясняется это как экономическими, так и политическими причинами. В современной России наблюдается расхождение в трактовке понятия «критерий эффективности долговой политики». Если долговая политика ведет к росту долговых обязательств, увеличению долговой нагрузки на бюджет и расходов на обслуживание и погашение долга, но при этом нацелена на выполнение определенных социальных обязательств, то в современных российских условиях региональные органы власти начинают трактовать такую политику как эффективную.

Структура расходов бюджетов субъектов РФ в современных условиях отвечает интересам текущего потребления, связанного с социальным развитием регионов. Преобладание непроизводительных расходов сдерживает развитие экономического потенциала региона и увеличение собственной налогооблагаемой базы. На смену «остаточному» принципу финансирования социальной сферы приходит «остаточный» принцип финансирования региональной эко-

номической сферы, развития производства и региональной инфраструктуры.

Стабильность структуры элементов государственного долга субъектов РФ на протяжении трех последних лет показывает, что федеральный центр рассматривает данную ситуацию как достаточно приемлемую, но вряд ли ее можно трактовать таковой с точки зрения обеспечения долговой устойчивости самих регионов. Остается открытым вопрос о возможности федерального центра поддерживать данную ситуацию, чтобы снижать стоимость региональных долговых обязательств, пусть и искусственным путем (бюджетными кредитами).

Территориальная конвергенция регионального государственного долга в разрезе федеральных округов скрывает увеличившуюся под нагрузкой обязательств по выполнению «майских указов» и при сохраняющейся чрезвычайно высокой дифференциации доходов региональных бюджетов дивергенцию регионального долга в пространстве.

Показано, что активная долговая политика, проводимая руководством субъектов РФ, стабильно входящих в ТОП-15 Национального рейтинга состояния инвестиционного климата, слабо связана с проводимой ими инвестиционной политикой. Точнее, на этапе выхода из кризиса 2008–2010 гг. инвестиционная активность региональных властей субъектов РФ с лучшими показателями состояния инвестиционного климата действительно предполагала активизацию заемно-долговой деятельности и ставку на рост регионального долга, что интерпретировалось как долговое финансирование экономического развития. Однако на этапе роста социальных нагрузок региональных бюджетов (2012–2015 гг.) и последовавшего затем периода экономии долговая политика «передовых» регионов приняла более сдержанный, рациональный характер.

Литература

1. Строев П.В., Власюк Л.И. Долговая нагрузка регионов и региональная политика // *Финансы: теория и практика*. 2017. Т. 21. Вып. 5. С. 90–92.
2. Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: итоги 2018 г. // *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 26, № 3. С. 52–55.
3. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // *Пространственная экономика*. 2018. № 1. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015
4. Шевченко М.В., Петросян А.А. Современное состояние и структура государственного долга России // *Экономические исследования и разработки*. 2018. № 1. С. 7–16.

5. Минакир П.А. Региональные стратегии и имперские амбиции // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 7–11.
6. «Модельные» бюджеты: последствия для субъектов Российской Федерации / Р.С. Афанасьев, Л.Н. Богданов, Р.В. Гулидов, С.Н. Леонов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. №1. С. 132–156. DOI: 10.14530/se.2019.1.132-156
7. Белов А.В. Эффективен ли централизм? Оптимизация бюджетных отношений в Российской Федерации. SAARBRÜCKEN: LAP, LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 с.
8. Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // *Вопросы экономики*. 2017. № 11. С. 5–32.
9. Качанова Е.А., Коротина Н.Ю. Методические аспекты оценки российской модели бюджетного федерализма с позиции асимметричности экономических критериев // *Социум и власть*. 2018. № 5. С. 71–81.
10. Россия и проблемы бюджетно-налогового федерализма / под ред. К. Валлих. М.: Известия, 1993. 207 с.
11. Albouy D. *Evaluating the Efficiency and Equity of Federal Fiscal Equalization*. NBER Working Paper 16144. Issued in July 2010, Revised in May 2012. Available at: <http://www.nber.org/papers/w16144> (accessed: 6.03.2019).
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1962. 681 с.
13. Рикардо Д. Сочинения : в 4-х т.: научное издание: пер. с англ. Т. 1. : Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 306 с.
14. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. Фонд экономической книги «Начала», 1997 / https://www.e-reading.mobi/bookreader.php/100825/Vitte_-_Konspekt_lekcii_o_narodnom_i_gosudarstvennom_hozyaistve.html (дата обращения: 6.03.2019).
15. Мартынов А.В. Управление государственным долгом: ретроспективный анализ теоретических аспектов политической экономии // *Сибирская финансовая школа*. 2009. № 1. С. 59–62.
16. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.Г. Милейковского, И.М. Осадчей. М.: Прогресс, 1978. 497 с.
17. Kelleher C.A., Yackee S.W. An empirical assessment of devolution's policy impact. *The Public Studies Journal*, 2004, vol. 32, pp. 253–270.
18. Boadway R., Shah A. (Eds.). *Intergovernmental Fiscal Transfers: Principles and Practice*. Public Sector. Washington, D.C.: The World Bank, 2007. 624 p.
19. Солдаткин С.Н. Эффективность региональной долговой политики через призму инвестиционной активности // *Региональная экономика: теория и практика*, 2015. №30. С. 46–57.
20. Леонов С.Н. Оценка результативности инструментов управления социально-экономическим развитием региона // *Регионалистика*. 2018. Т. 5. № 6. С. 53–69. DOI: 10.14530/reg.2018.6.53
21. Соболева Г.В., Попова И.Н. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5. Экономика. 2014. № 1. С. 5–26.

Сведения об авторах

Павел Александрович Минакир — доктор экономических наук, академик РАН, научный руководитель, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Сергей Николаевич Леонов — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Minakir P.A., Leonov S.N.

Regional Public Debt: Trends and Formation Specifics

Abstract. The paper shows that current problems in the Russian economy are largely internal; external factors only multiply them. A significant reason for the emergence of regional public debt in modern Russia lies in the instability of the main types of budget revenues amid growing expenditure obligations. Their growth was significantly dominated by the directives of the federal center, including the first and second editions of the President's May Decrees, which are, as a rule, only partially supported with transfers from the federal budget or not supported with them at all. At the same time, the structure of regional budgets has been experiencing a continuous increase in the share of mandatory social expenditures and a continuous decrease in the share of capital investments. We show that in these conditions constituent entities of Russia borrow funds to address social issues rather than to stimulate regional investment development. The "residual" principle of financing the social sphere is replaced by the "residual" principle of financing the regional economic sphere of production development and regional infrastructure. It is empirically established that the investment activity of regional authorities involves intensification of debt activity. Having compared the volume and dynamics of debt obligations of Russia's constituent entities with the provision of expenditures with budget revenues we see that the rapid growth of debt obligations of the authorities of Russia's constituent entities and the increase in the debt burden on sub-federal budgets pose an actual threat to the stability of territorial budget systems and economic security of regions and the state. We show that territorial convergence of regional public debt in the context of federal districts hides the territorial divergence of regional debt that has increased under the load of obligations to implement the May Decrees and under the lingering and extremely high differentiation of regional budget revenues.

Key words: regional public debt, debt burden, investments, social obligations, budget transfers, drift of economic and social obligations, economic security.

Information about the Authors

Pavel A. Minakir – Doctor of Sciences (Economics), RAS Academician, Scientific Director, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: minakir@ecrin.ru)

Sergei N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 31.07.2019.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3

УДК 325.111: 338.24, ББК 65.04

© Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Свириденко М.В.

Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов*

**Владимир Валентинович
ОКРЕПИЛОВ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: info@iresras.ru
ORCID: 0000-0003-0830-2081; ResearcherID: B-6290-2015

**Сергей Валентинович
КУЗНЕЦОВ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3460-2574

**Николай Маратович
МЕЖЕВИЧ**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: Mez13@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3513-2962; ResearcherID: T-3015-2019

**Марина Владимировна
СВИРИДЕНКО**

Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190013, ул. Серпуховская, д. 38
E-mail: Mv_svir@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8660-139X

* В рамках исследования темы «Развитие теоретико-методологических основ управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов» в Институте проблем региональной экономики РАН, №170-2014-0004 по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Для цитирования: Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Свириденко М.В. Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 42–52. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3

For citation: Okrepilov V.V., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Sviridenko M.V. Urbanization processes in the context of spatial development patterns of municipalities in the zone of influence of megacities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 42–52. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3

Аннотация. В современном мире процессы урбанизации стали мировыми и всеобъемлющими. Как справедливо отмечается в подготовленном и принятом Федеральном законе о региональной политике «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», развитие агломераций является важнейшим условием обеспечения конкурентоспособности экономики российских регионов, экономического роста и технологического прорыва. Можно констатировать, что значимая роль развития мегаполисов как драйверов роста национальной экономики официально закреплена на федеральном уровне управления социально-экономическим развитием территорий. Различные модификации организации экономического пространства глобальной экономики в последние годы актуализируют новые направления научных фундаментальных и прикладных научных исследований, предметом которых должны стать социально-экономические механизмы функционирования мегаполисов и образующихся на их основе городских агломераций, а также изучение их влияния на муниципальную, региональную, национальную и мировую экономику в условиях глобализации. Для достижения высокой степени эффективности применения в нашей стране опыта стран США, Западной и Восточной Европы необходимо интерпретировать результаты международной деятельности в определенном контексте с сохранением основных целевых параметров. Межнациональные процессы урбанизации в российском практикоприменении претерпевают значительные изменения и реализуются в несколько иной интерпретации западного опыта, — субурбанизации. Некоторые результаты анализа активности агломерационного движения в российской и мировой практике демонстрируют некоторое запаздывание нашей страны, что отражается в недостаточном количестве муниципальных образований сверхагломерационного типа — конурбаций и т.д. Изучение теории урбанизации и процессов пространственного и социально-экономического развития, протекающих на территории муниципальных образований, прилегающих к границам мегаполисов, должно стать важнейшей задачей дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: субурбанизация, агломерация, пространственное развитие, муниципальное образование, зарубежный опыт, мегаполис.

Введение. Теория урбанизации и ее практика имеют значимое территориальное преломление. В известной степени нет общеприменимой теории и, тем более, универсальной практики. Есть несколько базовых теоретических положений, прошедших проверку временем. Прежде всего, укажем на классическую, философскую позицию о том, что «мировой город и провинция — основные понятия всякой цивилизации... Вместо мира — город, отдельный пункт, в котором сосредоточивается вся жизнь обширных областей, тогда как все остальное засыхает» [1]. Тезис Шпенглера следует признать важным и весьма актуальным, тем не менее прогнозу уже сто лет, он реализуется, но в достаточно долгой исторической перспективе, в сложнейшей стадийности. Именно поэтому современная версия подобного прогноза выглядит менее категоричной: «глобализующийся мир — это мир городов и окружающих их территорий» [2]. С нашей точки зрения «окружающие их территории» — указание на потенциал

и проблемы субурбанизации. «В наше время в ходе индустриализации и урбанизации экономически развитых стран город перестал быть самой высшей и сложной формой организации совместной жизни людей и начал все явственнее и чаще входить в качестве составной части в более сложные общественно-географические образования — агломерации городов» [3]. Акцентируем внимание на том, что это было написано в СССР почти шестьдесят лет назад, но сохраняет свою эффективность и актуальность и в настоящее время.

Для достижения высокой степени результативности применения в России опыта западных стран необходимо интерпретировать результаты международной деятельности в определенном контексте с сохранением основного целевого антуража. Это проблема, как отмечал выдающийся российский экономико-географ, специалист по географии США, и смысл его высказывания заключался в том, что известные специалистам межнациональные процессы ур-

банизации в российском практикоприменении претерпевают значительные изменения и реализуются в несколько иной интерпретации западного опыта (в качестве примера - субурбанизация).

У нас, в отличие от Запада, речь идет не о переселении в пригород, а о садовых участках и дачах, которыми обладает большинство жителей городов, то есть о втором доме, а не первом и единственном» [4]. Американский опыт субурбанизации действительно самый интересный, но для постсоветского пространства и самый неприменимый. Американские практики опережают постсоветские и в том числе прибалтийские, как минимум на один этап. Завершение этапа «классической» субурбанизации (утратившей свою актуальность в развитии американского практикоприменения) рассматривают как начало абсолютно нового периода в урбанизационных и субурбанизационных процессах в США [5]. На самом деле формирование метрополитенских ареалов – ключевая форма урбанизации/субурбанизации в США не закончилась, наступает новый этап, характеристики которого и, тем более, теоретическое осмысление которого еще не оформились. В этих условиях следует быть предельно осторожными в заимствовании западного опыта. Это мнение стало достаточно представленным в литературе: завлекательные стремления и эксперименты соотнести эволюционные процессы в пригородах российских регионов с пригородами в западных странах представляются, в настоящих экономических и политических условиях, несвоевременными [6].

Методика исследования территориального (пространственного) развития. Современные представления о территориальной организации общества, как правило, сводятся к рассмотрению ее как модели, позволяющей минимизировать экономические затраты при максимальном социальном эффекте. Закономерно, что проблематика систем расселения в этом случае приобретает особое значение. Особенно явно это проявляется в современных условиях, когда понятие «экономика» в большинстве случаев ассоциируется с городской экономикой или, в крайнем случае, с экономикой субурбанизированных зон.

Специфика теорий пространственного развития заключается в том, что они, как правило, ставят под сомнение справедливость известного утверждения – даже при перестановке слагаемых сумма изменению не подлежит. Вопрос этот нельзя считать академически новым, он получил исчерпывающее освещение в трудах московской и ленинградской (петербургской), новосибирской экономических школ [7].

Применительно к территориальному или пространственному развитию (в данной статье эти понятия используются как синонимы) перестановка экономических «слагаемых» по географическому пространству означает изменение их «суммы». Она может увеличиваться по сравнению с изначально заданными величинами или уменьшаться [8]. В первом случае следует говорить об эффекте или эффективности размещения, во втором случае – о неэффективности [9]. «В странах с полицентричной системой крупных городов выше и показатель ВВП на душу населения, в отличие от стран, где население сконцентрировано в нескольких мегагородах. Вероятно, это связано с тем, что с увеличением количества метрополий возрастает и площадь окружающих их территорий, которые выигрывают от близкого расположения к городской экономике» [10]. Об этом же писал известный специалист по американской и советской урбанизации Блэр Рубл: по его мнению город (как административная единица), в международном масштабе, оказывает решающее влияние в процессе воспроизводства национальных богатств, социального развития, мобилизации инвестиций, применения технических (технологических), кадровых ресурсов в рамках реализации целей в части роста производительности и уровня конкурентоспособности субъекта [11].

Стремление к эффективности неизбежно ведет к концентрации населения в крупных агломерационных зонах. По результатам исследования McKinsey Global Institute: «1,5 млрд. человек или 22% населения проживает в 600 городах и производит более 50% мирового ВВП или 30 трлн. долл. (2007 год), при этом 100 ведущих городов производит 21 трлн. ВВП или 38% мировой экономики... К 2025 году уже 2 млрд. человек или 25% населения будут производить

60% мирового ВВП или 64 трлн. долл.» [12]. Серьёзность этого процесса признана ООН и ее институтами. Так, специалистами, в ежегодном Докладе Всемирного банка о мировом развитии «Новый взгляд на экономическую географию» (2009 г.), выделяется ряд значимых факторов (влияющих на динамичное экономическое региональное развитие):

1) агломерационный эффект (активный рост густоты населения территориальных пунктов);

2) активность миграционных потоков потенциальных работников;

3) передислокация субъектов предпринимательства в рамках нивелирования территориального разрыва со сбытовыми рынками, что достигает максимальных значений на региональном и локальном уровнях (утрачивая, при этом, степень своего предпринимательско-производственного значения) [13].

Это влияет не только на понимание практики, но и на теорию вопроса. Так, известный специалист по урбанистике Блэр А. Рубл отмечает, что существует реальная потребность в пересмотре определения конституитета города – растущие города снижают процент ландшафтной территории посредством распространения на многие сотни квадратных миль в различных направлениях. Кроме того, при прогнозируемом повышении уровня моря растёт и число горожан, живущих на побережье или вблизи него, – в том числе 2/5 всех городов-миллионников мира и пятнадцать из двух дюжин мегаполисов (с населением свыше 10 миллионов каждый) [11]. Безусловно, можно увидеть в агломерационных процессах и тяготение к «охвату» всего свободного пространства, как это делает профессор С.С. Артоболевский: «Можно долго спорить о том, связаны ли между собой однонаправленные миграции населения и хозяйства, но остаётся фактом, что усилилась тяга хозяйства сначала к субурбанизированным ареалам, а позднее и к внеагломерационным пространствам. Недаром возник даже термин «green-field location» [14]. Несколько позже данный вопрос получил развитие в трудах С.В. Кузнецова и Н.М. Межевича, указавших на то, что субурбанизация – это не столько трансформация «зеленого поля» в городское пространство, сколько развитие квази-города в нормальную субурбию европейского типа [15].

Такой подход предполагает долгую этапность, характерную для этих процессов в Западной Европе:

1. «Довоенный»: стимулирование роста – перегрузили.

2. «Послевоенный»: разгрузка – субурбанизация (новые и расширяющиеся города) – переразгрузили.

3. «Текущий» – стимулирование роста внутренних ареалов, джентрификация [16].

Рассмотрим несколько подробнее эти процессы. Во второй половине XX века во Франции внимательно изучали советский опыт регулирования развития сверхкрупных городов, конечно же, в контексте регулирования роста Парижа. После второй мировой войны во Франции была сформирована система мер региональной, в т.ч. экистической, политики, предусматривающая дополнительное налогообложение предприятий, создающихся в Париже или выводимых в Париж. Равным образом налоговые ставки относительно уменьшались в Руане, Лионе, Бресте, Гренобле, Марселе, Тулузе. Лишь с середины 80-х гг. с ослаблением конкурентоспособности Парижа ограничительные меры были смягчены, но при этом было сохранено государственное финансирование расходов на перемещение предприятий из Парижа.

Еще несколько слов о мировом опыте. Прежде всего, посмотрим на американскую практику. Она не предполагает резкое деление на высокоэффективный центр и периферию. В США принята иная в сравнении с российской группировка городов и городских поселений. Здесь условно небольшая территория (населенный пункт городского типа) обеспечивает проживание порядка 2,5 тыс. человек. Кроме общепринятых классификационных категорий «город», «населенный пункт городского типа», в Соединенных Штатах Америки включены такие категории, как городские или метрополитенские пространства. Главное для нас в том, что «две трети американских агломераций-миллионеров лежат не в одном, а в двух, а то и трех штатах. По нашим понятиям, такое несовпадение административного деления и общественного районирования должно сильно затруднять жизнь в этой стране, тем более что штаты сильно отличаются друг от друга по законодательству, по деловому климату и т.п.» [17]. Эта проблематика рассматривается и Стейном Рок-

каном, для этого он вводит категории «центр» и «периферия». «Центр» характеризуется им как обладающая преимущественными правами во всех секторах жизнедеятельности территориальная окрестность в рамках государства. Исключительные права, бонусы и преференции в данной местности обусловлены как уровнем инвестиционной привлекательности, так и степенью влияния факторов организационно-культурного характера.

Специфика провинции (периферия) отражается в ряде экономических параметров (реализации субъектной деятельности) в контексте социально-статусного выстраивания расположения: центральная часть – провинция [18]. Здесь расположение центральная часть – провинция рассматривается в корреляции позиций ресурсных составляющих со степенью их территориального дистанцирования (но не от пространственно-географического соотношения).

При этом социально-статусная близость к центральной части территорий предоставляет возможность получения ресурсов, что предполагает высокую степень достижения целей деятельности (социально-экономического развития). Что имеет обратный эффект в части периферийного расположения субъектов предпринимательства (ресурсное ограничение, замкнутая жизненная позиция).

Эту позицию разделяет и Стейн Роккан, по мнению которого, периферия, находясь в подчиненном положении, контролируя (не всегда) лишь собственные ресурсы, ощущает силу факторного влияния как на ближних, так и на дальних рынках, а также разобщена с другими регионами (кроме доминирующего) [19].

Необходимо подчеркнуть, что «центры» располагаются и в национально-территориальных границах, и за их пределами. Данная концепция, обусловленная непростым механизмом соглашений среди политических субъектов центра и провинции, выстраивалась со временем (годами, столетиями) в рамках оптимальных условий [20].

Таким образом, можно констатировать, что если в основе содержания теоретических концепций развития городов, как правило, лежит доминирующая парадигма экономического мышления, то практика (и, соответственно, инструменты) управления городами в значительной степени зависит от уровня социально-

экономического развития конкретной страны, системы управления, а также подвижности населения.

В связи с этим, на наш взгляд, в России было бы целесообразно уделять серьезное внимание изучению практического опыта в этой сфере в более «продвинутых» с экономической точки зрения странах с целью систематизации и адаптации его для выработки будущей политики в области управления развитием городов и агломераций.

По мнению профессора С.С. Артоболевского, вопросы практикоприменения Западом управления колоссами агломераций расположены в дискуссионном секторе, однако необходимо владеть информацией о различных мнениях в данной области исследований [21]. Результаты исследований международного опыта развитых стран демонстрируют следующее: формирование совместной деятельности в среде административных единиц (где территориально реализуется агломерация) представляет собой ключевой инструмент управления агломерациями.

При этом очерченный вектор административных единиц, в международной практике, обуславливает создание конкурентоспособного положения: повышение цен на недвижимость (в пределах территориальной принадлежности), которая представляет собой базовый элемент формирования их бюджета. Тогда как в России финансирование административных единиц происходит из бюджета региона.

Отметим, что рассредоточение функций государственной деятельности, вследствие мирового процесса, детерминирует возрастание обязательств административных единиц. Возрастание численности населения в небольших городах осложняет муниципалитетам выполнение задач в части планирования и менеджмента. Что требует инициировать реализацию новых подходов к формированию алгоритмов по реализации планирования и управления, если принимать во внимание факторное влияние (в частности, прирост населения) [22].

Мировой и отечественный опыт пространственного развития и результаты анализа развития агломераций

Общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в

крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации.

В настоящее время активно идут процессы реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, предполагающей формирование «пространственного каркаса» территории страны с целью развития перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации, ускорением темпов экономического роста и технологического развития агломераций.

Результаты анализа активности агломерационного движения как в российской, так и в практике международного опыта демонстрируют запаздывание России, что отражается в малом количественном составе форм и альтернатив расселения населения по типу «городская агломерация», недостаточное количество муниципальных средоточений сверхагломерационного типа — конурбаций и т.д. Тем не менее «если раньше население столичных агломераций концентрировалось в Москве и Ленинграде, то, начиная с 90-х годов, оно впервые стало перераспределяться в пользу их областей» [23]. В начале второго десятилетия текущего века данные процессы получили отражение в работах сотрудников Института проблем региональной экономики РАН и Санкт-Петербургского государственного университета [24, 25, 26].

Созданная в советские годы и действующая в настоящее время так называемая моноцентричная модель развития агломераций с концентрацией рабочих мест в ядре мегаполиса имеет ряд объективных недостатков. К наиболее очевидным из них можно отнести значительную загруженность транспортного комплекса (в первую очередь улично-дорожной сети) направленными в одностороннем режиме центр-периферийными потоками, а также снижение инвестиционной привлекательности мегаполиса вследствие высокой стоимости объектов жилого фонда в границах центра агломерации. Современный российский и зарубежный опыт имеет достаточно много примеров расположения в удаленных точках роста агломераций ряда центральных функций, включая научную, культурно-образовательную, исследовательскую и инновационную, администра-

тивно-деловую, торгово-развлекательную, что создает необходимые предпосылки для развития на периферии мегаполиса привлекательных ареалов.

Например, на наш взгляд, для крупных агломераций, таких как Московская и Санкт-Петербургская, наиболее актуально размещение двух функциональных видов деятельности с целью развития территорий Московской и Ленинградской областей, прилегающих к границам мегаполисов:

- размещение образовательной, научно-исследовательской и инновационной функций;
- размещение деловой и торгово-развлекательной функций.

Размещению образовательной, научно-исследовательской и инновационной функций было положено начало еще в 1899 году, когда на северо-востоке Санкт-Петербурга начинает формироваться комплекс Политехнического института. В 1950-е годы на Воробьевых горах, являющихся в то время юго-западной окраиной Москвы, строится научно-образовательный комплекс Московского государственного университета. В этот же рассматриваемый период времени в крупных региональных центрах страны (Новосибирск, Иркутск, Красноярск и др.) на окраине развиваются крупные комплексы научно-исследовательских институтов, вокруг которых формируются академгородки. Вблизи Москвы постепенно формируется кольцо наукоградов и центров высокотехнологичных производств (Дубна, Королев, Зеленоград, Троицк, Фрязино, Черноголовка, Протвино и пр.). Классическими примерами развития научно-образовательной функции в 1950–1970-е годы на территории Ленинградской агломерации являются формирование учебно-научного комплекса Ленинградского государственного университета в Петродворце и размещение Института ядерной физики в Гатчине.

В постсоветский период сохранился вектор в размещении образовательных, научных и инновационных объектов в периферийных частях агломерации, который можно проиллюстрировать известными примерами развития инновационного центра Сколково под Москвой, города-спутника Иннополис под Казанью; на территории Санкт-Петербургской агломерации — по развитию нанопарка в Гатчине, проекта размещения кампуса Высшей школы менед-

жмента в Петродворце, потенциальных планов по переезду части кампуса Университета ИТМО в город-спутник Южный.

Мировой передовой опыт демонстрирует большое количество примеров значительных и развитых инновационных, технико-внедренческих кластеров и деловых центров в высокотехнологичных секторах экономики в периферийных зонах агломераций. К наиболее известным примерам можно отнести:

- Кремниевая долина в Калифорнии (Соединенные Штаты Америки), сформировавшаяся вокруг Стэнфордского университета в городе Паоло-Альто на периферии агломерации Сан-Хосе;

- Наугорад Цукуба (Япония), получивший развитие вокруг целого ряда университетов и научно-образовательных центров на периферии агломерации Токио;

- многофункциональный район Лаошань на восточной окраине Циндао (Китай) с крупными образовательными, научными центрами и исследовательскими организациями, выставочными комплексами, промышленной зоной по освоению высокотехнологичных отраслей экономики;

- деловой район One Noth, сформировавшийся вокруг одноименной станции метро на юго-западной окраине Сингапура, где действуют национальный и политехнический университеты, несколько высокотехнологичных кластеров (biopolis, fusionopolis, mediapolis и др.);

- многофункциональный район Адлерсхоф на юго-восточной окраине Берлина (Германия), который развивается в качестве кампуса университета Гумбольдта и связанные с ним научные учреждения, деловой район, медиакластер, современный жилой район, производственная зона высокотехнологичных компаний.

Советский опыт формирования и комплексного развития научно-исследовательских видов деятельности на территории агломерации (например, Новосибирский академгородок) относился к безусловно важным административным и прорывным с точки зрения пространственного развития решениям и послужил базой для похожих решений во многих странах мира. При этом отечественные центры науки формировались изначально на основании принципа замкнутой экосистемы,

а их зарубежные аналоги, интегрирующиеся в транспортную систему агломерации, были рассчитаны на кадровые ресурсы всего мегаполиса. Можно сделать вывод, что именно транспортная доступность в сочетании со значительными государственными инвестициями сыграла ключевую роль в формировании многофункциональных кластеров на базе действующих научных центров.

Создание новых рабочих мест и развитие периферийной части агломерации возможно также на базе формирования и развития деловой и торгово-развлекательной функций.

Российский опыт формирования и комплексного размещения многофункциональных общественно-деловых пространств на периферии агломерации широко представлен крупными торгово-развлекательными комплексами вблизи автомобильных кольцевых дорог таких крупнейших мегаполисов, как Москва и Санкт-Петербург (например, комплексы «Мега» на территориях Московской и Ленинградской областей, прилегающие к границам Москвы и Санкт-Петербурга соответственно). В границах периферийной зоны Санкт-Петербургской агломерации размещены крупные многофункциональные проекты (деловые районы «Лахта-Центр», «Аэрополис-Пулков», «Экспофорум») с развитием конгрессно-выставочных и деловых центров, офисных помещений. В современных условиях основным сдерживающим фактором полномасштабной реализации данных проектов является слабый уровень обеспеченности транспортной инфраструктурой. Московский опыт комплексного размещения в зоне агломерации общественно-деловых пространств позволяет выделить такие примеры, как:

1. Многофункциональное общественно-деловое пространство, расположенное у съезда с МКАД рядом со станцией метро Мякинино (город Красногорск, Московская область). Здесь располагаются крупнейшие торгово-развлекательные комплексы (Вегас, Крокус-Сити молл и др.), выставочный комплекс Крокус Экспо, концертный зал Крокус-Сити холл, комплекс зданий Правительства Московской области.

2. Деловой район вблизи развязки МКАД и Киевского шоссе. Здесь сформированы бизнес-парки Румянцево и Comcity.

3. Многофункциональный общественно-деловой район Путилково вблизи развязки МКАД и Новокуркинского шоссе. В рамках данного района развивается крупный деловой район Гринвуд и комплекс торгово-развлекательных центров.

Зарубежный опыт пространственного развития агломераций демонстрирует многочисленные примеры комплексного развития крупных общественно-деловых подцентров на периферии мегаполиса, имеющих превосходную транспортную доступность со стороны центрального делового района. К успешным примерам размещения общественных и деловых пространств, располагающихся в периферийной зоне агломераций и имеющих хорошую транспортную доступность, могут быть отнесены:

– деловой район Уэстчейз на западной окраине Хьюстона (США), где разместились многочисленные бизнес-центры;

– торговый город Монтигала на северо-восточной окраине Барселоны (Испания) на въезде в город со стороны транспортной магистрали В20.

– многофункциональный район Хааберсти на западной окраине Таллинна (Эстония), где разместились крупнейшие торговые центры, ряд спортивных комплексов, бизнес-центры, гостиницы.

Также к успешным примерам развитых общественно-деловых пространств, дислоцирующихся в периферийной зоне агломераций и ориентированных на доступность на основании скоростного рельсового транспорта, могут быть отнесены:

– многофункциональный район Зличин-Стодулки на западной окраине Праги (Чехия), где на базе двух станций метро развивается крупнейший общественно-деловой район с многочисленными торговыми центрами, офисными парками;

– многофункциональный район Итаке-скус на восточной окраине Хельсинки (Финляндия) вокруг одноименной станции метро, где расположились многочисленные торговые комплексы;

– многофункциональный район Дорнах на восточной окраине Мюнхена (Германия), где вблизи остановки S-Bahn Мюнхен-Рим разместились офисы многочисленных высокотехнологичных компаний;

– многофункциональный район Матам, сформировавшийся в южной части агломерации Хайфы (Израиль) вблизи транспортно-пересадочного узла Хоф-Акармель, где получили развитие офисы и производственные площадки высокотехнологичных компаний, крупные торгово-развлекательные центры, спортивный комплекс.

Развитие деловой и торгово-развлекательной функций в периферийных районах городских агломераций является распространенной практикой, причем не только в США и Западной Европе, но и в странах Восточной Европы. В отличие от размещения крупных государственных научных центров, данный тип развития территории ориентирован прежде всего на привлечение частных инвесторов и является следствием перераспределения потоков в структуре мегаполиса.

Заключение. Подводя итоги, можно констатировать, что российские процессы субурбанизации имеют тот же генезис, что и аналогичные процессы за рубежом. Однако стадийность в первом и во втором случае различна. С нашей точки зрения процессы урбанизации в России отстают на один, возможно, на два этапа от американских. Россия втягивается в процессы субурбанизации, а в Соединенных Штатах Америки субурбанизация достигла своего предельного развития и трансформируется, в том числе, в явление «возврат в обновленный город». Возможен и целесообразен учет версии и практик процессов субурбанизации в Центральной Европе. Здесь субурбанизация в ряде случаев прошла гораздо дальше, чем в России. Более того, социально-экономические условия, практики трансформации и модернизации здесь близки к российским. Соответственно и верификация результатов субурбанизации в ЦВЕ применительно к России возможна. Пригородные пространства, имеющие традиционное дробное муниципальное деление, не соответствуют стандартам управления урбанизированными территориями. Именно поэтому государства поощряют преобразование муниципальных образований путем их объединения [27, 28]. Это происходит через предоставление дополнительных субсидий, т.е. стимулируется экономически, также возможен и иной вариант — реформа административным путем, через принуждение.

Таким образом, в рассматриваемой перспективе актуализируются новые направления фундаментальных и прикладных научных исследований, предметом которых должны быть социально-экономические механизмы функционирования агломераций и изучение их влияния на развитие муниципальных образований, находящихся в их ареале, а также на региональную, национальную и мировую экономики в условиях глобализации.

Важнейшей задачей дальнейших научных изысканий является изучение теории урбанизации и процессов пространственного и соци-

ально-экономического развития, протекающих на территории муниципальных образований, прилегающих к границам мегаполисов, развивающихся положений и выводы данного исследования.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов с точки зрения совершенствования систем управления агломерационными процессами в социально-экономическом пространстве Российской Федерации, а также муниципальными образованиями, так или иначе входящими в зону влияния крупных мегаполисов.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 43.
2. Ковальский Н.А. О соотношении глобализации и регионализма // Глобализация и регионализм. М., 2001. С. 108.
3. Дубровин П.И. Агломерации городов // Вопросы географии. География городов и сельских поселений. Сб. 45. М., 1959. С. 56.
4. Смирнягин Л.В. Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 56–71.
5. Gallagher L. *The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving*. New York, 2014; De Jong J.K. *New SubUrbanisms*. London: Routledge, 2013.
6. Бреславский А.С. Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. 2016. № 1. С. 89.
7. Кузнецов С.В. Межевич Н.М. Исследования экономического пространства России в трудах А.Г. Гранберга // Современные проблемы пространственного развития. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти и 75-летию со дня рождения академика А.Г. Гранберга / СОПС, ИЭОПП СО РАН. М., 2012.
8. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Lachininskii S.S. The spatial recourses and limitations of the Russian economy modernization: the example of the North-West macro region. *Journal "Economy of Region"*, 2015, no.3.
9. Кузнецов С.В. Межевич Н.М. Экономическое пространство России: теория и практика. СПб., 2012.
10. Урбанизация и ее последствия: век мегаполисов / Институт социологии РАН // Наука за рубежом. 2015. № 41. С. 12.
11. Рубл А. Блэр. Мировой опыт в эпоху городских агломераций: уроки для управления Москвой // Логос. 2013. № 4. С. 269.
12. *Urban World: Mapping the Economic Power of Cities*. Richard Dobbs and & - McKinsey Global Institute. McKinsey & Company. March 2011. P. 62.
13. Новый взгляд на экономическую географию: доклад о мировом развитии. М.: Весь Мир, 2009. 384 с.
14. Артоболевский С.С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 3 (18). С. 8.
15. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Проблемы прогнозирования пространственного развития на примере Стратегии социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; отв. ред. В.И. Герасимов. 2018. С. 987–989.
16. Артоболевский С.С. Регулирование городских агломераций (аналитический материал) // Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира». 2011. // [http.: www.archipelag.ru/](http://www.archipelag.ru/)
17. Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. Серия «Научные доклады». № 63. М.: Московский общественный научный фонд, 1998. С. 15.
18. Портер М. Конкуренция. М., 2001. С. 245.

19. Rokkan S., Urwin D.W. Introduction: centres and peripheries in Western Europe. In: Rokkan S., Urwin D.W. (Eds.). *The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism*. London, Beverly Hills, New Delhi, 1982. P. 5.
20. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Геоэкономические ограничители в обновленной стратегии Северо-Западного макрорегиона России // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2015. № 15 (20). С. 97–100.
21. Артоболовский С.С. Крупнейшие агломерации и региональная политика: от ограничения роста к стимулированию развития (европейский опыт) // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск: Прометей, 2013. 280 с. С. 261–271.
22. Народонаселение мира – 2007. Программа Хабитат. С. 2.
23. Пчелинцев О.С. Переход от урбанизации к субурбанизации// <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit04.php>
24. Межевич Н.М., Лачининский С.С., Береснев А.Е. Эффекты местоположения и экономическое развитие Санкт-Петербургского крупногородского ареала // Псковский регионологический журнал. 2016. № 2 (26). С. 9–20.
25. Межевич Н.М. Пространственное развитие Санкт-Петербургской агломерации: некоторые исторические параллели современных экономических практик // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2015. № 15 (20). С. 82–86.
26. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Вопросы теории территориально-политической и хозяйственной организации пространства // Экономика и управление. 2015. № 9 (119). С. 8–13.
27. Свириденко М.В. Управление социально-экономическим развитием сельских поселений в контексте изменения статуса муниципального образования и исполняемых полномочий // Модернизация российской экономики. Прогнозы и реальность: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. С. 535–544.
28. Свириденко М.В. Бюджетно-финансовое обоснование изменения статуса муниципального образования в контексте активизации его социально-экономического развития // Региональная экономика и развитие территорий / под ред. Л.П. Совершаевой. СПб.: ГУАП, 2017. №1 (11). С. 217–222.

Сведения об авторах

Окрепилов Владимир Валентинович – академик РАН, д.э.н., профессор, научный руководитель, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: info@iresras.ru)

Сергей Валентинович Кузнецов – д.э.н., профессор, директор, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru)

Николай Маратович Межевич – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, профессор, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: Mez13@mail.ru)

Марина Владимировна Свириденко – к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: Mv_svir@mail.ru)

Okrepilov V.V., Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Sviridenko M.V.

Urbanization Processes in the Context of Spatial Development Patterns of Municipalities in the Zone of Influence of Megacities

Abstract. In the modern world, urbanization processes have become global and comprehensive. The federal law on regional policy “Fundamentals of the state policy of regional development in the Russian Federation for the period up to 2025” points out that the development of agglomerations is the most important condition for ensuring the competitiveness of the economy of the Russian regions and for providing economic growth and technological breakthrough. It can be stated that the significant role of the development of megacities as drivers of national economic growth is officially declared at the federal level of management of socio-economic development of territories. Due to the presence of various modifications of the organization of the economic space of the global economy in recent years, it becomes relevant to find new directions of scientific fundamental and applied research, the subject of which should be the socio-economic mechanisms of functioning of megacities and urban agglomerations formed on their basis, as well as the study of their impact on the municipal, regional, national and world economy in the context of globalization. In order to achieve a high degree of effectiveness in applying the experience of the United States, Western and Eastern Europe in our country, it is necessary to interpret the results of international activities in a certain context while maintaining the main target parameters. International processes of urbanization in the Russian practice are undergoing significant changes and are implemented in the form of suburbanization, a slightly different interpretation of the Western experience. Some of the results of the analysis of the activity of agglomeration movement in the Russian and international practice show that our country is lagging behind other countries, which is reflected in the presence of an insufficient number of municipalities that are larger and more populous than agglomerations: conurbations and others. We see the most important task of further research in studying the theory of urbanization and the processes of spatial and socio-economic development occurring in the territory of municipalities adjacent to the boundaries of megacities.

Key words: suburbanization, agglomeration, spatial development, municipality, foreign experience, megacity.

Information about the Authors

Vladimir V. Okrepilov – RAS Academician, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Scientific Director, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: info@iresras.ru)

Sergei V. Kuznetsov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: s.kuznetsov09@yandex.ru)

Nikolai M. Mezhevich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, professor, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: Mez13@mail.ru)

Marina V. Sviridenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Regional Economic Studies, Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation; e-mail: Mv_svir@mail.ru)

Статья поступила 04.07.2019.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.4

УДК 332.14, ББК 65.04

© Наумов И.В., Трынов А.В.

Моделирование инвестиционной привлекательности видов экономической деятельности в регионе с использованием матрицы финансовых потоков*

Илья Викторович

НАУМОВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29

E-mail: Iia_naumov@list.ru

ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

Александр Валерьевич

ТРЫНОВ

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29

E-mail: trynovv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2969-2536; ResearcherID: C-5565-2014

Аннотация. Актуальность работы обусловлена возросшей на фоне ограничения внешних источников финансирования инвестиционных процессов потребностью в повышении эффективности государственной инвестиционной политики. Целью работы является разработка методического инструментария оценки влияния изменения объема инвестиций в основной капитал на темпы экономического роста регионов для выявления видов экономической деятельности, обладающих наибольшей отдачей с точки зрения развития народного хозяйства. Новизна авторского подхода заключается в интеграции двух инструментов оценки эффективности инве-

* Статья подготовлена в соответствии с утвержденным Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

Для цитирования: Наумов И.В., Трынов А.В. Моделирование инвестиционной привлекательности видов экономической деятельности в регионе с использованием матрицы финансовых потоков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 53–66. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.4

For citation: Naumov I.V., Trynov A.V. Modeling the investment attractiveness of the types of economic activities in the region with the use of the matrix of financial flows. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 53–66. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.4

стиций: производственной функции Кобба–Дугласа, использующейся для расчета прироста валового выпуска в результате ввода в действие основных фондов, а также балансовой модели движения финансовых потоков в регионе (матрицы финансовых потоков) для расчета прямых и косвенных экономических эффектов, возникающих в результате инвестиционной деятельности. В статье проведены расчет и анализ отраслевых производственных функций четырех областей – Свердловской, Вологодской, Челябинской и Курганской, обладающих различной специализацией и уровнем социально-экономического развития, а также расчет предельной отдачи от капитала в 16 видах экономической деятельности. Построены матрицы финансовых потоков представленных регионов за 2016 год, на основе которых выполнен расчет четырех групп отраслевых мультипликаторов, отражающих влияние прироста валового выпуска в отдельной отрасли на совокупный прирост валового выпуска (в экономике региона в целом), добавленной стоимости, доходов домашних хозяйств и доходов консолидированного регионального бюджета. В работе показано, что совокупный эффект в виде прироста ВРП и налоговых доходов регионального бюджета от прироста основного капитала может, в зависимости от отрасли отличаться в несколько раз. В ходе исследования были выявлены статистические аномалии, свидетельствующие о существенных недостатках имеющейся информации, препятствующих получению более точных результатов. Авторский подход и полученные результаты могут использоваться органами власти при формировании инвестиционной политики, с учетом региональной отраслевой специфики формирования мультипликативных экономических эффектов.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, регион, инвестиции, производственная функция Кобба–Дугласа, матрица финансовых потоков, мультипликативный эффект, инвестиционная политика.

Введение

Инвестиции являются основой экономического развития любого государства, поэтому поддержание и стимулирование инвестиционной активности является одной из приоритетных задач всех субъектов экономики. Однако в настоящее время многие российские экономисты сходятся во мнении, что в инвестиционной сфере РФ накопился ряд проблем, препятствующих достижению приемлемых темпов экономического развития. Во-первых, наблюдается недостаток ресурсов, направляемых на восполнение и расширение производственной базы. С 2011 по 2016 год доля валового накопления в валовом выпуске в РФ не превышала 22%, при этом наблюдается постоянный, волнообразный отток капитала. А.Г. Аганбегян отмечает, что при доле инвестиций в ВВП на уровне 20–15% можно обеспечить среднегодовые темпы экономического роста в размере 2,5–3%, как это происходит в развитых странах. Для обеспечения темпов экономического роста на уровне 5–6% норма инвестиций должна поддерживаться на уровне 30–35%. Если же ставится задача поддержания темпов экономического развития на 7, 8 и более процентов, то это осуществимо, как правило, только при норме инвестиций, превы-

шающей 40%, как, например, в настоящее время в Китае и Индии и как это было в Японии, Южной Корее и на Тайване в периоды их ускоренного развития [1, с. 11-12].

Второй важной проблемой в инвестиционной сфере является структурный дисбаланс. Т.В. Ускова, проведя анализ инвестиционных процессов в России, пришла к выводу, что «структура инвестиций в основной капитал является неоптимальной; удельный вес средств, инвестируемый в сельское хозяйство, обрабатывающие производства и строительство сокращается; крайне низкой является доля средств в машиностроительное производство – сферу, определяющую состояние производственного потенциала страны. Финансирование сектора знаний и отраслей, направленных на развитие человеческого капитала, осуществляется по остаточному принципу» [2, с. 45]. Можно сказать, что «российская экономика находится в состоянии структурно-технологического неравновесия, характеризующегося неэффективным распределением факторов производства и финансовых ресурсов, которое препятствует формированию устойчивой экономической динамики» [3, с. 10]. В этой же работе отмечается, что ключевым компонентом экономи-

ческой политики становится ее составляющая – структурно-инвестиционная политика, под которой понимается «комплекс мер, которые нацелены на сглаживание диспропорций отраслевого, технологического и пространственного характера, затрудняющих взаимодействие между секторами экономики и не устранимых традиционными рыночными механизмами, и которые включают систему целенаправленных действий по развитию механизмов финансирования инвестиций в основной капитал» [3, с. 10]. Таким образом, одним из главных недостатков проводимой сегодня экономической политики остается отсутствие в ней системности и научного подхода к формированию инвестиционной стратегии экономического развития государства и регионов, совершенствованию механизма организации и управления инвестиционными отношениями [4, с. 29]. Реализация системной и научно обоснованной инвестиционной политики нуждается в соответствующем инструментарии прогнозирования результатов предпринимаемых мер.

Методический подход к оценке инвестиционной привлекательности видов экономической деятельности в региональной системе

Особенности деятельности государства как представителя общественных интересов обуславливают ряд важнейших методологических особенностей процесса принятия решений в инвестиционной сфере. А именно необходимость учета всей совокупности возникающих экономических эффектов. Основы данного подхода были заложены Р. Масгрэйвом [5], Уильямсом [6] и другими исследователями. Важное место в этой концепции занимает разделение выгод и издержек на внутренние и внешние в зависимости от того, возникли ли они внутри или вне юрисдикции, в которой реализуется проект. Многие государственные программы, реализуемые на одной территории, могут оказывать определенное влияние и на соседние регионы. Такая же ситуация характерна для отдельных фирм и инвестиционных проектов, реализация которых может привести как к выгоде контрагентов (потребителей продукции, поставщиков сырья и оборудования, сотрудников компании и т.д.), так и к потерям конкурентов. При реализации проекта частной компанией она, во многих случаях, может пренебрегать внешними эффектами. Однако при

реализации государственной политики такие эффекты необходимо включать в оценку. Важнейшим проявлением внешних экономических эффектов служат так называемые мультипликативные эффекты. Под ними понимается комплекс внешних по отношению к реализуемому проекту эффектов, проявляющихся в активизации деятельности в смежных с проектом видах экономической деятельности (ВЭД). Мультипликативные эффекты включают в себя рост валового выпуска, добавленной стоимости в смежных отраслях, а также увеличение доходов домашних хозяйств и налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

В практике, для оценки влияния различных факторов на экономику государства, используется широкий класс экономико-математических моделей общего равновесия (General equilibrium model – GEM). Подобные модели предлагают формальный аппарат как для анализа источников флуктуации экономики, так и для исследования макроэкономической политики. Значительные успехи в развитии CGE (computable general equilibrium) моделей стимулировали повышенный спрос со стороны центральных банков как развитых, так и развивающихся стран, а также крупнейших международных экономико-финансовых институтов. В качестве примеров можно привести модели Банка Канады (Terms-of-Trade Economic Model – ToTEM), ФРС США (SIGMA), европейского центрального банка (New area – Wide Model (NAWM), а также модели мировой экономики МВФ (GEM и Global integrated monetary and fiscal GIMF). В России подобные модели разрабатываются и используются как органами власти (Министерством финансов и Центральным банком РФ), так и научными организациями. В данном направлении можно выделить работы научного коллектива под руководством академика В.Л. Макарова [7], а также работу А.В. Полбина [8] и др. Разработка таких моделей для отдельных регионов представляет сложную практическую задачу из-за отсутствия достоверных статистических данных по ряду ключевых показателей экономического кругооборота. Во-первых, отсутствуют корректные данные о межрегиональном движении товаров и услуг. Во-вторых, в имеющихся статистических данных не отражены сложные корпоративные связи, что приводит к статистической

концентрации валовой добавленной стоимости в местах регистрации главных офисов крупнейших российских корпораций. Таким образом, построение детализированных моделей отдельных регионов РФ представляется на данный момент невозможным. Однако это не отменяет потребности федеральных и региональных органов власти в адекватном экономико-математическом инструментарии, позволяющем моделировать влияние отдельных мер государственной политики в области инвестиций на динамику социально-экономического развития отдельных субъектов РФ.

Для исследования экономических процессов на региональном уровне значительное распространение получили модели на основе балансового метода. Первые подобные модели появились еще в 20–30-х годах XX в. Среди научных исследований в этой области широкую известность приобрели работы нобелевских лауреатов по экономике В. Леонтьева, Л.В. Конторовича, Р. Стоуна и ряда других выдающихся учёных. В дальнейшем в зарубежной практике наибольшее распространение получила модифицированная модель межотраслевого баланса – Матрицы Социальных Счетов – МСС (Social Accounting Matrix – SAM) или, другими словами, матрицы финансовых потоков. В отличие от стандартной модели межотраслевого баланса в матрице финансовых потоков (МФП), наряду с промежуточным и конечным потреблением, а также валовой добавленной стоимостью, дополнительно рассматриваются трансфертные платежи между институциональными секторами (домашними хозяйствами, фирмами и правительством), а также распределение факторных платежей внутри каждого сектора. Основы использования МФП как эффективного инструмента в изучении структуры экономической системы, особенностей воспроизводственного процесса и формирования и распространения мультипликативных эффектов были заложены в работах Г. Пятта, Дж. Раунда [9], Е. Торбэка, Дж. Дефорни [10] и др. Примером современной методологии разработки и анализа МСС является работа П.Л. Скандицо и С. Феррарези [11]. Балансовый подход в исследовании экономики отдельных регионов широко используется и российскими учеными. Были построены модели отдельных регионов [12; 13; 14; 15]: Свердловской, Курганской,

Челябинской областей, Республики Бурятия, Хабаровского края и др. На основе этих моделей исследователи разрабатывают методические рекомендации для оценки общественной эффективности реализации отдельных инвестиционных проектов. В данном направлении можно отметить работы Т.С. Новиковой [16], Н.Н. Михеевой и В.И. Сулова [17], А.Б. Кога на [18]. Кроме того, в нашей предыдущей работе мы предложили методику оценки эффективности реализации инвестиционных проектов на основе матрицы финансовых потоков [19]. Была сформирована МФП Свердловской области и на ее основе рассчитаны мультипликаторы валового выпуска, ВРП, прибыли, доходов домашних хозяйств, налоговых поступлений в региональный бюджет. Счет «Отрасли» МФП был разделен на 16 видов экономической деятельности в соответствии с классификацией ОКВЭД, что дает возможность анализа результатов реализации инвестиционного проекта в отраслевом разрезе. Было отмечено, что данный подход применим только для оценки конкретного инвестиционного проекта, при известных объемах инвестиций и будущего объема выпуска продукции. Однако государственная инвестиционная политика в основном состоит из мер, оказывающих влияние на общий объем инвестиций на территории. Изменения налогового режима как одного из ключевых инструментов государственной инвестиционной политики проанализированы в работах Звика, Махона [20], Хауса и Шапиро [21], а также Холла и Йоргенсена [22]. Примером таких мер является изменение налоговой и монетарной политики. Анализ их влияния на инвестиционную активность предприятий посвящено достаточно большое число работ. Наиболее распространенным и точным методом прогнозирования валового выпуска является производственная функция вида Кобба–Дугласа. Теоретико-методологические и практические аспекты её построения и использования подробно описаны в многочисленных научных публикациях как российских, так и зарубежных авторов [23; 24; 25; 26; 27]. Построение данной функции для отдельной отрасли дает возможность оценить, насколько изменится валовой выпуск в указанной сфере при увеличении использования капитала на одну единицу. В дальнейшем полученную информацию можно ис-

пользовать для расчета мультипликативных эффектов с помощью матрицы финансовых потоков и установить совокупный экономический эффект от инвестиций в конкретный ВЭД. Таким образом, алгоритм оценки влияния увеличения основного капитала на темпы экономического роста регионов состоит из двух этапов:

1. Расчет суммы прироста валового выпуска, вызванного увеличением объема основного капитала. Для этой цели строятся отраслевые производственные функции вида Кобба–Дугласа, а также вычисляется предельная отдача от капитала. Полученное значение предельной отдачи от капитала в отрасли показывает, на сколько увеличится валовой выпуск в этом ВЭД при увеличении основного капитала на 1 рубль. Сравнение предельной отдачи от капитала в различных отраслях позволяет выявить сектора с относительным избытком и недостатком капитала.

2. Расчет прямых и косвенных экономических эффектов от роста выпуска продукции. Увеличение валового выпуска приводит, во-первых, к увеличению добавленной стоимости и налоговых поступлений в анализируемой отрасли. Во-вторых, стимулирует спрос на продукцию смежных отраслей, что порождает возникновение косвенных экономических эффектов (рост добавленной стоимости и бюджетных доходов при росте промежуточного потребления).

Новизна авторского подхода заключается в интеграции двух инструментов оценки эффективности инвестиций: производственной функции Кобба–Дугласа, используемой для расчета прироста валового выпуска в результате ввода в действие основных фондов в тех или иных видах экономической деятельности и предельной отдачи от данных инвестиций, а также балансовой модели движения финансовых потоков в регионе (матрицы финансовых потоков) для расчета мультипликативных эффектов, возникающих в результате инвестиционной деятельности: прямых – от осуществления инвестиций и косвенных, отражающих прирост спроса в смежных отраслях.

Предложенный подход позволит не только оценить эффективность инвестиций в отдельном виде экономической деятельности, но и определить направления, привлечение инве-

стиций в которые обеспечит более высокие темпы экономического роста региональной системы в целом.

Результаты расчетов

Основой выбора регионов для исследования послужили проведенные ранее исследования по классификации регионов РФ по финансово-экономическим источникам развития [28]. В соответствии с полученными ранее результатами регионы РФ были разделены на четыре группы: 1) финансово-самодостаточные регионы; 2) финансово устойчивые регионы, развивающиеся преимущественно за счет внутренних финансово-экономических источников; 3) регионы, развивающиеся с привлечением значительных внешних (бюджетных и внебюджетных) инвестиционных источников; 4) регионы, развивающиеся преимущественно за счет внешних финансово-экономических источников. Для более подробного анализа было выбрано по одному региону из каждой группы. Таким образом, объектом исследования стали Свердловская, Вологодская, Челябинская и Курганская области, имеющие ряд структурных отличий и отличий в уровне социально-экономического развития. В частности, выбранные регионы обладают различными отраслевой структурой ВРП и структурой инвестиций в основной капитал. Кроме того, у них отличаются уровень фискальной отдачи отраслей в расчете на один рубль выпуска и добавленной стоимости, уровень бюджетной обеспеченности и самодостаточности, уровень диверсификации экономики, а также степень вовлеченности в процессы межрегиональной и международной торговли. Все указанные особенности оказывают прямое влияние на величину мультипликативных экономических эффектов, а предлагаемая для их оценки балансовая модель в виде МФП позволяет проводить анализ с учетом данных особенностей.

Этап №1: построение производственных функций и расчет предельной отдачи от капитала.

Для расчетов использовались статистические данные за 2005 – 2016 гг., на основе которых строились отраслевые производственные функции вида Кобба–Дугласа, отвечающие таким требованиям, как постоянная отдача от масштаба, положительная и убывающая предельная отдача факторов производства:

$$Q = A \times K^\alpha \times L^\beta \quad (1)$$

Q – объем выпущенной продукции;

K – объем капитальных вложений (основных фондов или основного капитала);

L – объем трудовых ресурсов или трудовых затрат;

A – коэффициент, отражающий технологический уровень производства;

α – коэффициент эластичности по труду;

β – коэффициент эластичности по капиталу.

Экспериментально было установлено, что для достижения высокой достоверности при построении производственных функций исходные данные должны быть преобразованы к линейному типу с помощью процедуры линеаризации (извлечения натурального логарифма по всем переменным в модели). В результате выражение (1) было приведено к классическому уравнению двухфакторной линейной регрессии. В качестве аргумента функции были взяты данные о среднегодовой численности занятых по отдельным видам экономической деятельности, а также данные о стоимости основных фондов. Особенностью применённой методики исчисления производственных функций стало использование данных о величине годового валового выпуска товаров и услуг. Отметим, что в большинстве работ [24; 25; 26], в качестве зависимой переменной авторы использовали величину валового регионального продукта. После получения отраслевых производственных функций были рассчитаны значения предельной отдачи от капитала, показывающие взаимосвязь изменения валового выпуска продукции в рублях при изменении объема основного капитала на 1 рубль. Исходя из цели исследования, расчет предельной отдачи от труда не проводился. Результаты представлены в *таблице 1*. Анализ полученных коэффициентов показал, что в регионах существует значительная межотраслевая дифференциация значений. Так, в Свердловской области наибольшее значение предельной отдачи от капитала – МРС (marginal productivity of capital) зафиксировано в секторе «Строительство» (0,867), наименьшее в секторе «Транспорт и связь» (0,051); Челябинской области – «Оптовая и розничная торговля» (0,966), «Обрабатывающие производства» (0,085), соответственно; Курганской области – «Строительство» (5,312), «Транспорт и связь»

(0,053); Вологодской области – «Строительство» (3,733), «Производство и распределение электричества, газа и воды» (0,038). Кроме того, существует и значительные межрегиональные отличия в отдельных отраслях. Так, наибольшее значение предельной отдачи от капитала в секторе сельского хозяйства наблюдается в Курганской области (1,098).

В Свердловской области данное значение составляет 0,35, а в Челябинской и Вологодской областях – 0,19 и 0,185 соответственно. Различные значения МРС в одних и тех же отраслях в различных регионах говорят о недостатке или избытке капитала относительно других факторов производства.

Этап №2: построение матриц финансовых потоков региона и расчет матриц мультипликаторов. В наших предыдущих работах достаточно подробно раскрыты теоретико-методологические и методические вопросы построения матрицы финансовых потоков регионов.

Кроме того, представлены возможности дезагрегирования счетов «Отрасли» и «Домашние хозяйства». Ранее нами уже были рассчитаны агрегированные МФП Челябинской и Курганской областей за 2012 год, а также дезагрегированная МФП Свердловской области за 2015 год. В данной статье сформированы дезагрегированные матрицы финансовых потоков четырех регионов (Свердловская, Челябинская и Курганская области) за 2016 год и представлена впервые разработанная МФП Вологодской области за 2016 год (*табл. 2*).

Структура матриц финансовых потоков, ее переменные и анализ выявленных в результате взаимосвязей подробно описаны в [12, с. 22-39]. В дальнейшем была проведена дезагрегация счета «Отрасли» по видам экономической деятельности и рассчитана матрица мультипликаторов МФП. Методика расчета матрицы мультипликаторов МФП и интерпретация полученных значений представлены в работе авторов [29]. Мультипликаторы валового выпуска, добавленной стоимости, доходов домашних хозяйств и консолидированного регионального бюджета даны в *таблице 3*.

Можно сказать, что в отдельном регионе значения различных мультипликаторов МФП в разных отраслях не имеют кардинального отличия. Например, в Свердловской области наибольшее значение имеет мультипликатор

Таблица 1. Производственные функции Кобба–Дугласа для различных видов экономической деятельности в субъектах РФ

ВЭД*	Свердловская область		Вологодская область		Челябинская область		Курганская область	
	Производственная функция	МРС**	Производственная функция	МРС	Производственная функция	МРС	Производственная функция	МРС
I	$Y = K^{0.35} \times L^{0.65}$	0,352	$Y = K^{0.12} \times L^{0.86}$	0,185	$Y = K^{0.2} \times L^{0.81}$	0,190	$Y = K^{0.55} \times L^{0.47}$	1,098
II	$Y = K^{0.34} \times L^{0.46}$	0,098	$Y = K^{0.10} \times L^{0.91}$	0,572	$Y = K^{0.2} \times L^{0.81}$	0,975	$Y = K^{0.09} \times L^{0.8}$	0,309
III	$Y = K^{0.13} \times L^{0.94}$	0,158	$Y = K^{0.4} \times L^{0.52}$	0,235	$Y = K^{0.53} \times L^{0.49}$	0,308	$Y = K^{0.42} \times L^{0.63}$	0,172
IV	$Y = K^{0.34} \times L^{0.74}$	0,748	$Y = K^{0.11} \times L^{0.99}$	0,257	$Y = K^{0.039} \times L^{1.05}$	0,085	$Y = K^{0.42} \times L^{0.64}$	0,926
V	$Y = K^{0.23} \times L^{0.85}$	0,147	$Y = K^{0.1} \times L^{0.97}$	0,038	$Y = K^{0.26} \times L^{0.8}$	0,119	$Y = K^{0.25} \times L^{0.78}$	0,051
VI	$Y = K^{0.3} \times L^{0.77}$	0,867	$Y = K^{0.42} \times L^{0.70}$	3,733	$Y = K^{0.43} \times L^{0.98}$	0,283	$Y = K^{0.72} \times L^{0.45}$	5,312
VII	$Y = K^{0.14} \times L^{0.91}$	0,725	$Y = K^{0.30} \times L^{0.71}$	0,867	$Y = K^{0.27} \times L^{0.75}$	0,966	$Y = K^{0.05} \times L^{0.91}$	0,133
VIII	$Y = K^{0.33} \times L^{0.71}$	0,516	$Y = K^{0.19} \times L^{0.76}$	0,244	$Y = K^{0.24} \times L^{0.76}$	0,330	$Y = K^{1.03} \times L^{0.067}$	2,319
IX	$Y = K^{0.33} \times L^{0.67}$	0,051	$Y = K^{0.21} \times L^{0.81}$	0,036	$Y = K^{0.51} \times L^{0.48}$	0,213	$Y = K^{0.28} \times L^{0.71}$	0,056
X	$Y = K^{0.65} \times L^{0.23}$	0,152	$Y = K^{0.71} \times L^{0.2}$	0,299	$Y = K^{0.22} \times L^{0.64}$	0,046	$Y = K^{0.62} \times L^{0.21}$	0,132
XI	$Y = K^{0.54} \times L^{0.45}$	0,244	$Y = K^{0.27} \times L^{0.7}$	0,060	$Y = K^{0.36} \times L^{0.61}$	0,096	$Y = K^{0.68} \times L^{0.22}$	0,182
XII	$Y = K^{0.54} \times L^{0.45}$	0,327	$Y = K^{0.29} \times L^{0.69}$	0,185	$Y = K^{0.13} \times L^{0.87}$	0,088	$Y = K^{0.53} \times L^{0.47}$	0,747
XIII	$Y = K^{0.29} \times L^{0.66}$	0,212	$Y = K^{0.04} \times L^{0.84}$	0,023	$Y = K^{0.2} \times L^{0.72}$	0,106	$Y = K^{0.59} \times L^{0.36}$	0,486
XIV	$Y = K^{0.32} \times L^{0.69}$	0,471	$Y = K^{0.15} \times L^{0.82}$	0,205	$Y = K^{0.16} \times L^{0.82}$	0,185	$Y = K^{0.48} \times L^{0.50}$	0,565
XV	$Y = K^{0.68} \times L^{0.29}$	0,467	$Y = K^{0.2} \times L^{0.67}$	0,082	$Y = K^{0.67} \times L^{0.28}$	0,473	$Y = K^{0.58} \times L^{0.33}$	0,307

* Виды экономической деятельности: I – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; II – рыболовство, сельское хозяйство; III – добыча полезных ископаемых; IV – обрабатывающие производства; V – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; VI – строительное; VII – оптовая и розничная торговля, ремонт; VIII – гостиницы и рестораны; IX – транспорт и связь; X – финансовая деятельность; XI – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; XII – государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование; XIII – образование; XIV – здравоохранение и предоставление социальных услуг; XV – предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

** Предельная отдача от капитала.

Источники: исходные данные территориальных органов Федеральной службы статистики Свердловской, Вологодской, Челябинской и Курганской областей; модельные расчеты авторов.

Таблица 2. Агрегированная матрица финансовых потоков Вологодской области, 2016 г.

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
		Товары и услуги	Отрасли	Капитал	Труд	Домохо- зяйства	Регио- наль- ный бюджет	Феде- раль- ный бюджет	Вне- бюд- жет- ные фонды	Инве- стиции	Экспорт	Сумма
1	Товары и услуги		613 456			214350	38 671	25 107	13 425	114115	301 004	1320128
2	Отрасли	1 099 667										1099667
3	Капитал		290 841				3 351					294192
4	Труд		183 602									183602
5	Домохозяй- ства			38 830	141851		15 127	559	64 861			261228
6	Региональ- ный бюджет		3 013	22 691		29 711		11 806				67221
7	Федеральный бюджет		8 755	3 245							65 808	77808
8	Внебюджет- ные фонды				41751			36 535				78 286
9	Сбережения			77 401		17 167	5 386	3 801			10 360	114 115
10	Импорт	220 461		152 025			4 686					377 172
11	СУММА	1 320 128	1 099 667	294 192	183602	261228	67 221	77 808	78 286	114115	377 172	

Источник: составлено авторами на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, Федеральной налоговой службы и Федерального казначейства.

Таблица 3. Соотношение ключевых мультипликаторов отраслей регионов*

		Мультипликаторы			
		валового выпуска	добавленной стоимости	доходов домашних хозяйств	доходов регионального бюджета
Свердловская область	Макс. значение	2,837 (5)	1,664 (13)	1,299 (13)	0,234 (10)
	Мин. значение	2,312 (13)	1,364 (4)	1,067 (4)	0,133 (12,14)
	Соотношение	22,7%	22,1%	21,7%	75,9%
Челябинская область	Макс. значение	3,341 (5)	1,782 (13)	1,384 (13)	0,244 (10)
	Мин. значение	2,551 (14)	1,676 (5)	1,303 (5)	0,147 (12)
	Соотношение	31,0%	6,6%	6,2%	66,0%
Вологодская область	Макс. значение	1,933 (5)	1,328 (13)	0,967 (13)	0,146 (10)
	Мин. значение	1,356 (9)	1,076 (4)	0,684 (4)	0,087 (12)
	Соотношение	42,6%	22,7%	41,4%	71,3%
Курганская область	Макс. значение	2,413 (5)	1,557 (13)	1,22 (13,7)	0,172 (10)
	Мин. значение	1,779 (13)	1,367 (5)	1,097 (5)	0,107 (12)
	Соотношение	36,2%	14,0%	11,2%	60,7%

* В скобках указан номер соответствующего вида экономической деятельности.
Источник: расчеты авторов.

валового выпуска в обрабатывающей промышленности (2,837), а наименьшее – в секторе образования (2,312). Следовательно, первый коэффициент больше на 22%, что с учетом всех допущений не представляется критичным. Для мультипликаторов валовой добавленной стоимости и доходов домашних хозяйств ситуация аналогичная. Максимальная разница состави-

ла 22 и 21% соответственно. Анализ отраслевых мультипликаторов доходов консолидированного регионального бюджета показал более значительные отличия. Здесь разница между значениями в секторе здравоохранения (0,133) и секторе финансовых услуг (0,234) составляет 76%. Результаты сравнения по другим исследуемым регионам приведены в таблице 3.

Таблица 4. Матрица отраслевых мультипликаторов регионов 2016 года

	От- расли	Предель- ная отдача капитала	Мультипликаторы МФП				Мультипликаторы МФП с учетом предельной отдачи капитала			
			валового выпуска	ВДС	доходов домашних хозяйств	доходов регионального бюджета	валового выпуска	ВДС	доходов домашних хозяйств	доходов регионального бюджета
Свердловская область	I	0.352	2.677	1.484	1.160	0.149	0.942	0.522	0.408	0.052
	II	0.098	2.516	1.562	1.231	0.200	0.247	0.153	0.121	0.020
	III	0.158	2.693	1.439	1.133	0.175	0.426	0.227	0.179	0.028
	IV	0.748	2.837	1.364	1.067	0.139	2.122	1.02	0.798	0.104
	V	0.147	2.796	1.383	1.083	0.144	0.411	0.204	0.159	0.021
	VI	0.867	2.682	1.472	1.151	0.146	2.325	1.276	0.998	0.127
	VII	0.725	2.534	1.568	1.228	0.161	1.837	1.137	0.890	0.117
	VIII	0.516	2.700	1.462	1.144	0.153	1.393	0.754	0.590	0.079
	IX	0.051	2.609	1.516	1.188	0.160	0.133	0.077	0.061	0.008
	X	0.152	2.683	1.424	1.134	0.234	0.408	0.217	0.172	0.036
	XI	0.244	2.509	1.589	1.246	0.175	0.612	0.388	0.304	0.043
	XII	0.327	2.478	1.556	1.214	0.133	0.810	0.508	0.397	0.043
	XIII	0.212	2.312	1.664	1.299	0.142	0.490	0.352	0.275	0.030
	XIV	0.471	2.453	1.579	1.232	0.133	1.155	0.744	0.580	0.063
	XV	0.467	2.530	1.543	1.207	0.147	1.181	0.72	0.564	0.069
Челябинская область	I	0.190	2.946	1.746	1.354	0.172	0.560	0.331	0.257	0.033
	II	0.975	2.770	1.763	1.368	0.175	2.701	1.719	1.334	0.170
	III	0.308	2.926	1.722	1.346	0.205	0.901	0.53	0.414	0.063
	IV	0.085	3.237	1.696	1.317	0.170	0.275	0.145	0.112	0.014
	V	0.119	3.341	1.676	1.303	0.171	0.398	0.2	0.155	0.020
	VI	0.283	3.029	1.728	1.341	0.170	0.857	0.489	0.379	0.048
	VII	0.966	2.828	1.753	1.362	0.178	2.732	1.693	1.315	0.172
	VIII	0.330	3.032	1.726	1.342	0.180	1.001	0.57	0.443	0.059
	IX	0.213	2.726	1.768	1.374	0.181	0.581	0.376	0.293	0.039
	X	0.046	3.005	1.699	1.337	0.244	0.138	0.079	0.062	0.011
	XI	0.096	2.770	1.764	1.372	0.187	0.266	0.17	0.132	0.018
	XII	0.088	2.698	1.744	1.353	0.147	0.237	0.154	0.119	0.013
	XIII	0.106	2.387	1.782	1.384	0.156	0.253	0.189	0.147	0.017
	XIV	0.185	2.551	1.766	1.369	0.149	0.472	0.327	0.253	0.028
	XV	0.473	2.749	1.745	1.357	0.171	1.300	0.825	0.642	0.081
Вологодская область	I	0.185	1.774	1.13	0.733	0.094	0.328	0.209	0.136	0.017
	II	0.572	1.391	1.218	0.754	0.096	0.796	0.697	0.431	0.055
	III	0.235	1.750	1.146	0.766	0.112	0.411	0.27	0.180	0.026
	IV	0.257	1.916	1.076	0.684	0.093	0.492	0.276	0.176	0.024
	V	0.038	1.933	1.082	0.704	0.099	0.073	0.041	0.027	0.004
	VI	3.733	1.884	1.105	0.726	0.092	7.032	4.124	2.709	0.345
	VII	0.867	1.553	1.186	0.781	0.138	1.346	1.028	0.677	0.120
	VIII	0.244	1.814	1.13	0.751	0.102	0.443	0.275	0.183	0.025
	IX	0.036	1.356	1.222	0.751	0.101	0.049	0.044	0.027	0.004
	X	0.299	1.773	1.116	0.738	0.146	0.530	0.334	0.221	0.044
	XI	0.060	1.574	1.191	0.791	0.127	0.094	0.072	0.047	0.008
	XII	0.185	1.725	1.205	0.850	0.087	0.319	0.223	0.157	0.016
	XIII	0.023	1.394	1.328	0.967	0.105	0.032	0.03	0.022	0.002
	XIV	0.205	1.614	1.239	0.876	0.095	0.331	0.254	0.180	0.019
	XV	0.082	1.608	1.217	0.839	0.106	0.132	0.1	0.069	0.009
Курганская область	I	1.098	2.199	1.489	1.206	0.124	1.414	1.635	1.324	0.136
	II	0.309	2.207	1.463	1.186	0.142	0.682	0.453	0.366	0.044
	III	0.172	2.195	1.45	1.179	0.169	0.378	0.249	0.203	0.029
	IV	0.926	2.363	1.398	1.123	0.115	2.188	1.294	1.040	0.106
	V	0.051	2.413	1.367	1.097	0.119	0.123	0.07	0.056	0.006
	VI	5.312	2.285	1.426	1.145	0.119	2.136	7.575	6.082	0.634
	VII	0.133	2.057	1.513	1.220	0.139	0.274	0.201	0.162	0.018
	VIII	2.319	2.231	1.448	1.164	0.123	5.173	3.358	2.700	0.286
	IX	0.056	2.189	1.488	1.206	0.133	0.123	0.083	0.068	0.007
	X	0.132	2.255	1.418	1.154	0.172	0.298	0.187	0.152	0.023
	XI	0.182	2.137	1.483	1.194	0.134	0.389	0.27	0.217	0.024
	XII	0.747	1.858	1.534	1.204	0.107	1.388	1.145	0.899	0.080
	XIII	0.486	1.779	1.557	1.220	0.110	0.865	0.756	0.593	0.054
	XIV	0.565	1.931	1.508	1.186	0.108	1.091	0.852	0.670	0.061
	XV	0.307	2.076	1.486	1.187	0.125	0.637	0.457	0.364	0.038

Источник: составлено авторами.

Поскольку мультипликатор – это численный коэффициент, отражающий зависимость одного параметра от другого, речь в данном исследовании пойдет о влиянии роста выпуска продукции на ряд макроэкономических показателей в регионе, таких как: валовая добавленная стоимость, доходы домашних хозяйств, доходы регионального бюджета и совокупного выпуска. Очевидно, что для обеспечения роста выпуска на одну единицу в различных отраслях требуется различный объем капитальных вложений, т.к. увеличение основного капитала в разных отраслях на одну единицу вызывает различный рост валового выпуска. Чтобы учесть данный фактор, необходимо полученные отраслевые мультипликаторы скорректировать на текущие значения предельной отдачи от капитала в соответствующих отраслях. Результаты расчетов представлены в *таблице 4*.

Проведенный анализ позволил выявить виды экономической деятельности, обладающие наибольшей отдачей от увеличения основного капитала. В Свердловской области ими являются строительство и сектор оптовой и розничной торговли (значения скорректированных мультипликаторов добавленной стоимости 1,27 и 1,13 соответственно). В Челябинской области наибольшая отдача наблюдается в сфере оптовой и розничной торговли. Кроме того, значительной отдачей обладают сектор добычи полезных ископаемых и сектор гостиничных и ресторанных услуг. Отметим, что в

Челябинской области наибольшим мультипликатором ВДС обладает сектор рыболовства и рыбоводства (2,7). Несмотря на то что данный сектор вряд ли может являться основой экономического развития для данного региона, можно отметить его перспективы как одного из направлений развития малого и среднего бизнеса. В Вологодской области наибольшее значение мультипликатора имеет сектор оптовой и розничной торговли (1,34). В Курганской области наибольшую отдачу имеют сектор сельского хозяйства (1,635), сектор обрабатывающей промышленности (1,29).

Отдельно стоит отметить сектор строительства в Вологодской и Курганской области, а также сектор «гостиницы и рестораны» в Курганской области, поскольку в данных отраслях значения мультипликаторов ВДС оказались значительно выше средних. Можно предположить, что причиной такого сильного отклонения являются особенности статистического учета основных средств и трудовых затрат в этих ВЭД. Тем не менее данный аспект требует дополнительного изучения.

Анализ отраслевых мультипликаторов, скорректированных на величину предельной отдачи от капитала, показывает существенное изменение отдачи от капитала в различных отраслях. Так, в Свердловской области наибольшее значение имеет мультипликатор валового выпуска в секторе «Строительство» (2,325). Близким по величине мультипликатором об-

Таблица 5. Соотношение ключевых мультипликаторов отраслей регионов с учетом предельной отдачи от капитала

		Мультипликаторы			
		Валового выпуска (ВВ)	Добавленной стоимости (ДС)	Доходов домашних хозяйств (ДДХ)	Доходов регионального бюджета (ДРБ)
Свердловская область	Макс. значение	2,325 (6)	1,276 (6)	0,998 (6)	0,127 (9)
	Мин. значение	0,133 (9)	0,077 (9)	0,061 (9)	0,008 (9)
	Соотношение	1648,1%	1557,1%	1536,1%	1487,5%
Челябинская область	Макс. значение	2,732 (7)	1,693 (7)	1,334 (2)	0,172 (7)
	Мин. значение	0,237 (12)	0,079 (10)	0,062 (10)	0,011 (10)
	Соотношение	1052,7%	2043,0%	2051,6%	1463,6%
Вологодская область	Макс. значение	7,032 (6)	4,124 (6)	2,709 (6)	0,345 (6)
	Мин. значение	0,032 (13)	0,03(13)	0,022 (13)	0,004 (5)
	Соотношение	21875,0%	13646,7%	12213,6%	8525,0%
Курганская область	Макс. значение	5,173 (8)	7,575 (6)	6,082 (6)	0,634 (6)
	Мин. значение	0,123 (5,9)	0,07 (5)	0,056 (5)	0,006 (5)
	Соотношение	4105,7%	10721,4%	10760,7%	10466,7%

Источник: расчеты авторов.

ладает сектор «Обрабатывающие производства» (2,122). Наименьшее значение имеет мультипликатор валового выпуска в секторе «Транспорт и связь» (0,133). Таким образом, отличие в величине мультипликатора составило более 17 раз. Результаты расчетов по остальным исследуемым регионам представлены в *таблице 5*.

Анализ показал, что выраженный в приросте ВРП и доходов консолидированного регионального бюджета экономический эффект от прироста основного капитала в различных отраслях может значительно отличаться (иногда в несколько раз). Следовательно, федеральная и региональная инвестиционная политика должны проводиться с учетом данных особенностей. В соответствии с предложенным подходом общий экономический эффект от инвестиций в отдельный ВЭД, выраженный в приросте валовой добавленной стоимости, рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Эфф}_{\text{отр}} = I \times M_{\text{ВДС}} + V \times MP_k \times M_{\text{ВДС}} \quad (2)$$

где $\text{Эфф}_{\text{отр}}$ – общий экономический эффект в отрасли;

I – сумма инвестиций в отрасли;

V – величина прироста основного капитала в отрасли;

MP_k – предельная отдача от капитала в отрасли;

$M_{\text{ВДС}}$ – мультипликатор валовой добавленной стоимости матрицы финансовых потоков в отрасли.

С учетом доработки методики алгоритм расчёта общего экономического эффекта от инвестиций в конкретный ВЭД выглядит следующим образом:

1. Расчёт суммы прироста основного капитала в отраслях.
2. Расчет мультипликативного эффекта от инвестиционного спроса в экономике региона.
3. Расчёт прямого эффекта в виде прироста валового выпуска в регионе, связанного с увеличением объёма основного капитала.
4. Расчет мультипликативного эффекта от прироста валового выпуска продукции в отрасли.
5. Расчет экономического эффекта от инвестиций в отрасли путем суммирования результатов расчетов 2, 3 и 4 пунктов.

Обсуждение и выводы

Интегрирование производственной функции существенно повлияло на расчет мультипликативных эффектов, позволило точнее, на наш взгляд, определить отрасли, обладающие наибольшей отдачей от увеличения основного капитала с учетом как прямых, так и косвенных экономических эффектов. Данные, представленные в *таблице 5*, показывают, что в регионах наблюдается высокая межотраслевая дифференциация предельной отдачи от капитала. Так, например, в Свердловской области значение этого показателя варьируется от 0,051 в сфере транспорта и связи до 0,867 в строительстве. В результате анализ первичных отраслевых мультипликаторов показал, что наибольшую отдачу с позиции совокупного спроса могут принести инвестиции в обрабатывающее производство (мультипликатор 2,682), а после их корректировки и расчета полного эффекта – инвестиции в строительство (суммарный мультипликатор 5,007). Матрица отраслевых мультипликаторов регионов позволяет федеральным органам власти сравнивать эффективность инвестиций в одну и ту же сферу в разных регионах и, тем самым, более оптимально перераспределять бюджетные средства на развитие регионов.

Авторский методический подход и инструментарий могут использоваться органами федеральной и региональной власти для экспресс-анализа как конкретных инвестиционных проектов, так и государственных мер стимулирования инвестиций, дают возможность повысить эффективность управленческих решений при определении отраслевых направлений и последующей реализации инвестиционной политики.

Однако полученные в ходе исследования результаты нельзя назвать окончательными, поскольку в ходе расчетов были выявлены значительные аномалии, ставшие результатом несовершенства статистического учета ряда важнейших показателей в регионах. Наиболее ярким примером такой аномалии служит учет основных фондов в секторах «Строительство» и «Транспорт и связь» в Курганской и Вологодской областях. В итоге были получены экстремально высокие значения предельной отдачи от капитала в этих отраслях, что, очевидно, тре-

бует дополнительного исследования. Действия органов власти могут оказывать значительное влияние на относительный избыток или недостаток факторов производства.

В отдельном уточнении нуждается и анализ сектора «Финансовые услуги и страхование». Это вызвано двумя факторами. Во-первых, спецификой функционирования финансового сектора, которая не требует высокой обеспеченности физическим капиталом, лежащим в основе показателя прироста основных фондов, используемого для построения отраслевой производственной функции. Во-вторых, высокой концентрацией финансового капитала в Мо-

скве. Отдельное дополнительное рассмотрение необходимо для отраслей экономики, относящихся к сфере услуг, таких как торговля, медицина, образование и т.п.

Совершенствование методологии построения региональных МФП, а также получение дополнительных статистических данных об отдельных видах деятельности повысит точность и достоверность оценки эффективности мер государственной инвестиционной политики, что в конечном итоге позволит усилить эффективность использования общественных ресурсов и значительно повысить качество жизни и уровень национального благосостояния.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Инвестиции – основа ускоренного социально-экономического развития России // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 10–16.
2. Ускова Т.В. О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 45–59.
3. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант. 2017. 196 с.
4. Морозов В.В. Стратегические основы совершенствования управления инвестиционной деятельностью в регионе. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 363 с.
5. Масгрэйв Р.А., Масгрэйв П.Б. Государственные финансы: теория и практика / пер. с англ. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
6. Williams A. Cost-benefit analysis: bastard science? And/or insidious poison in the body politics? *Journal of Public Economics*, 1972, vol. 1, pp. 199–225.
7. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакшин С.С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. М.: Научный эксперт, 2007. 238 с.
8. Полбин А.В., Дробышевский С.М. Построение динамической стохастической модели общего равновесия для российской экономики. М.: Институт Гайдара, 2014. 156 с.
9. Ryatt G., Round J.I. Accounting and fixed price multipliers in a social accounting matrix framework. *The Economic Journal*, 1979, vol. 89, pp. 850–873.
10. Defourny J., Thorbecke E. Structural path analysis and multiplier decomposition within a social accounting matrix framework. *The Economic Journal*, 1984, vol. 94, pp. 111–136.
11. Scandizzo P.L., Ferrarese C. Social accounting matrix: A new estimation methodology. *Journal of Policy Modeling*, 2015, vol. 37, pp. 14–34.
12. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Управление финансовыми потоками на основе оценки региональных мультипликативных эффектов. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. 155 с.
13. Захарченко Н.Г. Исследование экономического пространства: синтез балансового и теоретико-игрового методов моделирования // Пространственная экономика . 2015. № 4. С. 12–38.
14. Методические проблемы формирования информационной базы динамической межотраслевой модели экономики республики Бурятия / А.О. Баранов, З.Б-Д. Дондоков, К.П. Дырхеев, В.Н. Павлов, В.И. Суслов // Регион: экономика и социология. 2016. № 4. С. 47–68.
15. Захарчук Е.А., Пасынков А.Ф. Региональная балансовая модель финансовых потоков на основе секторального подхода системы национальных счетов // Экономика региона. 2017. № 1. С. 318–330.
16. Новикова Т.С. Анализ общественной эффективности инвестиционных проектов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. 282 с.

17. Михеева Н.Н., Новикова Т.С., Суслов В.И. Оценка инвестиционных проектов на основе комплекса межотраслевых межрегиональных моделей // Проблемы прогнозирования. 2011. № 4. С. 78–90.
18. Коган А.Б. Критика доминирования оценки бюджетной эффективности при выборе инвестиций для государственного софинансирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. № 11. С. 1257–1272.
19. Трынов А.В. Методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнерства // Экономика региона. 2016. Т.12. № 2. С. 602–612.
20. Zwick E., Mahon J. Tax policy and heterogeneous investment behavior. *American Economic Review*, 2017, vol. 107, pp. 217–248.
21. House C.L., Shapiro M.D. Temporary investment tax incentives: theory with evidence from bonus depreciation. *American Economic Review*, 2008, vol. 98, pp. 737–768.
22. Hall R.E., Jorgenson D.W. Tax policy and investment behavior. *American Economic Review*, 1967, vol. 57, pp. 391–414.
23. Наумов И.В. Проблемы прогнозирования валового выпуска в региональной социально-экономической системе // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 68–83.
24. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. 824 с.
25. Кирилук И.Л. Моделирование производственных функций для российской экономики // Компьютерные исследования и моделирование. 2013. № 2. С. 293–312.
26. Горбунов В.К., Львов А.Г. Построение производственных функций по данным об инвестициях // Экономика и математические методы. 2012. № 2. С. 95–107.
27. Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. М.: Финансы и кредит, 1988. 238 с.
28. Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. Финансовый потенциал регионов и их социально-экономическая привлекательность. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. 385 с.
29. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Разработка инвестиционного паспорта региона на основе мультипликаторов матрицы финансовых потоков // Вестник УрФУ. Серия: экономика и управление. 2017. № 6. С. 909–927.

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, зав. лабораторией, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Iia_naumov@list.ru)

Александр Валерьевич Трынов – младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: trynovv@mail.ru)

Naumov I.V., Trynov A.V.

Modeling the Investment Attractiveness of the Types of Economic Activities in the Region with the Use of the Matrix of Financial Flows

Abstract. The relevance of the work is due to the increased need to improve the efficiency of the state investment policy against the background of limited external sources for financing investment processes. The goal of the paper is to develop methodological tools for assessing the impact of changes in the volume of investments in fixed capital on the economic growth of the regions for the purpose of identifying the types of economic activities that have the greatest impact in terms of national economic development. The novelty of our approach consists in the fact that we integrate two tools for assessing investment effectiveness: the Cobb-Douglas production function, which is used to calculate the growth of gross output as a result of commissioning of fixed assets; and the balance model, which shows the movement

of financial flows in the region (matrix of financial flows) and which is used to calculate direct and indirect economic effects arising from investment activities. We calculate and analyze sectoral production functions for four regions with different specialization and level of socio-economic development – the Sverdlovsk, Vologda, Chelyabinsk and Kurgan oblasts; we also calculate the marginal return on capital in 16 types of economic activity. We build matrices of financial flows for the regions under consideration for the year 2016, on the basis of which we calculate four groups of sectoral multipliers, reflecting the impact of the growth of gross output in individual industries on the aggregate growth of gross output (in the economy of the region as a whole), value added, household income and consolidated regional budget revenues. The paper shows that the cumulative effect manifested in growing GRP and tax revenues of the regional budget due to the growth of fixed capital, depending on the industry, may differ several times. Our study identifies statistical anomalies that indicate significant flaws in the data available; this fact prevents us from obtaining more accurate results. The approach we have developed and the results we have obtained can be used by the authorities to work out investment policy, taking into account the regional sectoral specifics of multiplicative economic effects.

Key words: investment attractiveness, region, investments, Cobb-Douglas production function, matrix of financial flows, multiplicative effect, investment policy.

Information about the Authors

Il'ya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), head of laboratory, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Iliia_naumov@list.ru)

Aleksandr V. Trynov – Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: trynov@mail.ru)

Статья поступила 03.04.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.5

УДК 339.972, ББК 65.03

© Литвинова А.В., Талалаева Н.С., Парфенова М.В.

Развитие методических подходов к оценке результативности импортозамещения в России*

**Алла Владимировна
ЛИТВИНОВА**

Волжский филиал Волгоградского государственного университета
Волжский, Волгоградская обл., Российская Федерация, 404133, ул. 40 лет
Победы, д. 11

E-mail: Litvinova_av@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4164-2662; ResearcherID: F-5597-2019

**Наталья Сергеевна
ТАЛАЛАЕВА**

Волжский филиал Волгоградского государственного университета
Волжский, Волгоградская обл., Российская Федерация, 404133, ул. 40 лет
Победы, д. 11

E-mail: talalaeva_ns@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7588-589X; ResearcherID: F-5617-2019

**Мария Викторовна
ПАРФЕНОВА**

Волжский филиал Волгоградского государственного университета
Волжский, Волгоградская обл., Российская Федерация, 404133, ул. 40 лет
Победы, д. 11

E-mail: Pvv_65@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5789-1364; ResearcherID: F-5590-2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Комплексная оценка результативности импортозамещения и его влияния на экономический рост в России» (проект № 19-010-00519 А).

Для цитирования: Литвинова А.В., Талалаева Н.С., Парфенова М.В. Развитие методических подходов к оценке результативности импортозамещения в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 67–85. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.5

For citation: Litvinova A.V., Talalaeva N.S., Parfenova M.V. Development of methodological approaches to assessing the effectiveness of import substitution in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 67–85. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.5

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что активно реализуемый в стране и претерпевающий подъем процесс импортозамещения требует достоверной и надежной количественной оценки его результативности. Основная идея исследования — оценить результативность импортозамещения как сложного многоаспектного явления, характеризующегося разнонаправленной и противоречивой динамикой протекающих в нем процессов в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии. Цель исследования заключается в разработке методики комплексной оценки результативности импортозамещения на базе теоретического обоснования ее принципов и положений, анализа и обобщения существующих методических подходов к его оценке. Гипотеза исследования основана на том, что разработанная методика позволяет не только достоверно оценивать результативность импортозамещения, но и прогнозировать направления ее повышения. Выполненное исследование развивает работы других авторов в области комплексной оценки результативности импортозамещения за счет разработки ранее не применявшейся развернутой системы целевых индикаторов результативности и диагностики тенденций развития процессов импортозамещения, структурированных в разрезе внутреннего производства, экспорта и импорта подвергающихся импортозамещению товаров, по степени достижения указанных индикаторов. Исследование выполнено с применением методов факторного детерминантного и структурно-динамического анализа, метода многокритериальной оптимизации. Методика апробирована на примере продовольственных товаров — флагмана отечественного импортозамещения. Выявлены процессы, тормозящие импортозамещение в продовольственной отрасли, и его позитивные тенденции, подтверждающие результативность импортозамещения. Рассчитана оптимальная структура товарных ресурсов, обеспечивающая полное достижение результативности импортозамещения продовольственных товаров. Наиболее предпочтительная область применения разработанной методики — процессы импортозамещения в отдельных товарных группах, каждая из которых имеет свои особенности в формировании импорта, экспорта, внутреннего производства и их детализации в разрезе задач исследования. Исследование будет продолжено в направлении разработки методов комплексной оценки влияния импортозамещения на экономический рост в стране.

Ключевые слова: импортозамещение; результативность, эффективность импортозамещения; оценка результативности импортозамещения; санкции; продовольственные товары.

Введение

Настигшие страну внешние ограничения и угрозы последних лет, неблагоприятная для отечественной экономики мировая рыночная конъюнктура в очередной раз продемонстрировали нерациональность внешнеторгового баланса страны и несостоятельность ее ориентации на сырьевой экспорт. Взятый курс на резкое усиление импортозамещения в чрезвычайно сложный для страны период, с одной стороны, свидетельствует об осознании чрезвычайной важности данной проблемы и необходимости ее форсированного решения, с другой стороны, дает стране еще один шанс выйти на передовые рубежи мирового экономического прогресса. При этом достоверная количественная оценка результативности реализуемого в стране импортозамещения приобретает первостепенное значение, поскольку позволяет однозначно интерпретировать состояние импортозамещения в каждый момент времени,

выявлять его проблемы, приоритеты и целевые ориентиры, прогнозировать дальнейшее развитие в соответствии с реальной ситуацией в экономике страны и состоянием ресурсного обеспечения ее экономического роста.

Актуальность и значимость количественной оценки результативности импортозамещения обуславливают необходимость решения ряда задач, к числу которых в первую очередь относятся изучение информационной базы импортозамещения; критический анализ существующих методических подходов отечественных и зарубежных ученых к оценке результативности импортозамещения; обоснование и разработка авторской методики комплексной оценки результативности импортозамещения, ее апробация на примере товарных ресурсов, претерпевающих активный процесс импортозамещения на современном этапе; выявление направлений повышения результативности импортозамещения в России.

Источником достоверной информации о результативности импортозамещения выступает официальная статистика, широко освещающая структуру и содержание внешнеторгового оборота России, ее внутреннего производства и потребления как в целом по стране, так и в разрезе отдельных товарных групп и товарных позиций.

Состав и характер использования данных показателей в научных работах различных авторов определяется целями и задачами проведенных ими исследований. При этом четко прослеживаются два типа работ. Работы первого типа задействуют показатели, которые не подвергаются экономико-статистической обработке и (или) анализируются с использованием простейших методов – измерения, сравнения, группировки и пр. Например, О.А. Мироновой [1] дана оценка результативности импортозамещения в различных отраслях экономики на основе изучения динамики абсолютных и относительных показателей импорта и экспорта РФ. В работе R. Connolly, Ph. Hanson [2] для целей оценки результативности импортозамещения проанализированы цены на энергоносители, объемы импорта и экспорта, объем валового внутреннего продукта, инвестиционная активность в стране и пр. О.А. Чернова и В.В. Климук [3] построили оценку результативности импортозамещения на анализе статистических данных об удельном весе экспорта и импорта в ВВП России в сравнении с ведущими странами мира. В работе K. Ullrich [4] оценка результативности импортозамещения в России проведена через анализ динамики таких показателей, как валовой внутренний продукт, экспорт, импорт, курс рубля, стоимость импортозамещающих программ и пр.

Несмотря на то что данные исследования не содержат новых решений в оценке результативности импортозамещения, их выводы вполне достоверны и обоснованны, поскольку опираются на данные официальной статистики. Однако, учитывая сложный многоаспектный характер импортозамещения, противоречивую, разнонаправленную, выраженную различными единицами измерения динамику его процессов, можно отметить, что использование отдельных единичных показателей затрудняет оценку общей результативности импортозамещения и в конечном итоге получение ответов

на три базовых вопроса: 1) имеет ли место реальный процесс импортозамещения в стране; 2) какое влияние на него оказывает санкционный режим развития экономики страны; 3) какие тенденции тормозят процесс импортозамещения? Четкие ответы на данные вопросы даются в исследованиях, основанных на комплексной оценке результативности импортозамещения. В основу такой оценки положено системное изучение причинно-следственных связей в процессах импортозамещения, их максимальная детализация, разработка различных способов систематизации выражающих эти процессы показателей.

Анализ исследований различных авторов в области комплексной оценки результативности импортозамещения в первую очередь демонстрирует их разноплановость. Так, методический инструментарий оценки реализован в разрезе импортозависимости национальной экономики от стран – торговых партнеров [3], государственной промышленной политики [5; 6], инновационной деятельности, осуществляемой в высокотехнологичных отраслях промышленности [7], региональной стратегии импортозамещения [8], оценки мультипликативных эффектов от реализации государственной программы импортозамещения [9] и пр.

В абсолютном большинстве исследований комплексная оценка результативности импортозамещения осуществляется путем расчета широкого спектра относительных величин на основе представленных в официальной статистике абсолютных показателей. Как правило, их авторы прибегают к расчету разнообразных коэффициентов [6; 7; 10; 11]. В ряде исследований используются относительные величины в форме индексов. Например, в работе О.А. Черновой и В.В. Климук [3] результативность импортозамещения оценивается индексом товарной импортозависимости, индексом интеграции экономики страны в глобализационные процессы и индексом внешнеторгового сальдо, приходящегося на 1 км транспортных перевозок от страны экспортера в страну импортера. В диссертационном исследовании К.А. Колотова [12, с. 80-85] предложена методика расчета агрегированного индекса эффективности импортозамещения как отношения агрегированного индекса качества импортозамещения (измеряемого соотношением значе-

ний объемов внутреннего производства в текущем периоде относительно базового) к времени протекания структурного сдвига в экономике, измеряемого с начала реализации мер импортозамещения до анализируемого периода.

В ряде исследований комплексная оценка результативности импортозамещения основана не только на расчете частных коэффициентов, но и на определении интегральных показателей эффективности. Так, И.Г. Ершовой и А.Ю. Ершовым [5] разработан интегральный показатель эффективности импортозамещения, позволяющий классифицировать регионы страны на лидирующие (высокая эффективность), медианные (средняя эффективность) и стагнирующие (низкая эффективность). В работе В.А. Боровковой и М.О. Тиханович [8] интегральный показатель эффективности рассчитывается как сумма произведений частных показателей-критериев эффективности (коэффициент импортозависимости, доля инновационной продукции, коэффициент покрытия импорта экспортом и др.) и весовых коэффициентов, характеризующих степень влияния каждого критерия на итоговый показатель.

Отдельную группу исследований составляют научные работы, авторы которых используют матричную модель оценки результативности импортозамещения. В частности, данная модель на основе системы национальных счетов с использованием метода анализа «затраты-выпуск» реализована в работах Д.А. Татаркина, Е.Н. Сидорова, А.В. Трынова [9], Л.А. Стрижковой [13]. В оценке результативности импортозамещения нашел применение также балансовый метод. Например, методика А.А. Лосева, В.И. Соловьева, А.М. Сунчалина [14] основана на соизмерении двух комплексов показателей – объемов производства и импорта товаров и объемов потребления товаров на внутреннем рынке и их экспорта.

Анализ работ разных авторов показывает наличие ряда проблем в области оценки результативности импортозамещения.

Во-первых, по нашему мнению, коэффициентный анализ плохо согласуется с целями оценки результативности (эффективности) импортозамещения, неоправданно ее упрощая и не обеспечивая надежность получаемых результатов в силу недостаточной обоснованности и,

в ряде случаев, произвольного характера рассчитываемых показателей. Более того, наблюдающееся в ряде работ объединение совокупности коэффициентов в интегральные показатели еще в большей степени снижает достоверность оценки результативности импортозамещения.

Во-вторых, в большинстве работ наблюдается необоснованная подмена понятия «результативность» понятием «эффективность». С учетом сложного, многоаспектного характера импортозамещения традиционный подход к пониманию его эффективности как соотношения получаемого эффекта к затратам на его достижение вряд ли применим. Это полностью совпадает с точкой зрения А.М. Выжитович и П.А. Ершова [15, с. 57], которые пришли к выводу, что расчет эффективности импортозамещения с таких позиций с математической точностью в сопоставимых единицах практически невозможен. В абсолютном большинстве исследований оценивается именно результативность, а не эффективность импортозамещения, поскольку в предлагаемых методиках его оценки фигурируют не эффекты, а результаты развития данного процесса. Примером многочисленных работ, авторами которых сделана попытка рассчитать собственно эффекты импортозамещения, является исследование О.А. Черновой [10].

Решение описанных проблем лежит, по нашему мнению, в плоскости разработки таких методических подходов к оценке результативности импортозамещения, которые опираются в первую очередь на выявление тенденций развития характеризующих его абсолютных и поэтому достоверных показателей в их единстве и структурном взаимодействии, а во-вторых, на определение степени достижения данными показателями их целевых значений в соответствии с приоритетами развития страны.

Развитие методических подходов к оценке результативности (эффективности) импортозамещения прослеживается и в трудах иностранных ученых. В частности, Y. Kiliçaslan, I. Temurov [16] результативность импортозамещения оценивалась в разрезе выявления корреляционной связи между импортозамещением, производительностью труда и конкурентоспособностью на примере обрабатывающих отраслей промышленности Южной Кореи и Турции.

В работе R.A. Aregbeshola [17] результативность импортозамещения исследована с позиций его влияния на экономический рост в странах группы БРИКС с применением эконометрических методов.

Ко M.L., Plasmans J. и Song-ken H. [18] предложено оценивать результативность импортозамещения через агрегированный коэффициент импортозамещения, представляющий собой сумму взвешенных коэффициентов импорта отраслей или группы отраслей, в которой мерой веса выступают относительные размеры отрасли.

H.G. Abhyankar, S. Dharmadhikari [19] осуществили оценку результативности импортозамещения на основе показателей платежного баланса, общего уровня цен и коэффициентов ценовой эластичности спроса на товары на примере Индии.

Важное значение имеют также выполненные как иностранными [20; 21], так и российскими [22; 23] учеными исследования результативности импортозамещения во взаимосвязи с санкционным режимом функционирования экономики. Все исследования в данной области объединяет один общий вывод: санкции оказывают значительное влияние на экономику стран и протекающие в ней процессы импортозамещения. Именно поэтому оценка результативности импортозамещения обязательно должна осуществляться с учетом санкционного режима функционирования экономики.

Проведенный анализ существующих методических подходов к оценке результативности (эффективности) импортозамещения, представленных в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, показал их разноплановость и соответствующий этому широкий охват методов оценки. Значительно различающиеся между собой методические подходы к оценке результативности импортозамещения были апробированы их авторами на примере различных стран, отраслей, предприятий, товарных групп. В работах отечественных ученых отчетливо вырисовывается положительный вектор развития процессов импортозамещения и его результативности. Иностранные ученые в оценке результативности импортозамещения в России более осторожны, но, тем не менее, признают, что процесс импортозамещения в стране осуществляется и в его реализации достигнуты

определенные успехи. Все сказанное резко актуализирует проблему достоверной оценки результативности импортозамещения в России.

Методы исследования

В предлагаемой методике под результативностью импортозамещения понимается степень соответствия масштабов и динамики протекающих в нем процессов, структурированных в разрезе импорта, внутреннего производства, экспорта подвергающихся импортозамещению товарных ресурсов, целевым индикаторам, отражающим приоритеты импортозамещения в России на современном этапе.

Импортозамещение признается результативным при условии соответствия значений и динамики показателей, характеризующих тенденции развития структурных составляющих модели, установленным целевым индикаторам.

Разработанная методика оценки результативности импортозамещения основана на принципах: 1) комплексности, учитывающей сложный многоаспектный характер импортозамещения, разнонаправленную и противоречивую динамику протекающих в нем процессов, описываемых широкой номенклатурой статистических показателей; 2) структурности, проявляющейся в представлении подвергаемых импортозамещению товарных ресурсов в виде трех структурных блоков (импорта, внутреннего производства, экспорта), отслеживаемых одновременно в их взаимосвязи и взаимовлиянии; 3) достоверности, обеспечиваемой использованием официальной статистической информации и отсутствием интегральных показателей, способных исказить результаты оценки; 4) актуальностью, выражающейся в ориентации на приоритеты импортозамещения, соблюдение которых отвечает экономическим интересам страны.

Выявление состава приоритетов импортозамещения, структурирование его процессов и оценка степени достижения индикаторов результативности осуществляется с учетом следующих положений.

Приоритетами импортозамещения на современном этапе развития отечественной экономики выступают:

1) снижение доли импорта в общем объеме внешнеторгового оборота (или в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка) до уров-

ня, величина которого обосновывается достижением полной экономической безопасности страны;

2) повышение объемов экспорта при одновременном снижении доли экспорта сырьевых товаров в общем объеме экспорта;

3) вытеснение товаров иностранного производства с внутреннего рынка страны, замещение их высококонкурентными (безопасными, качественными и инновационными) аналогами отечественного производства;

4) рост объемов внутреннего производства высокотехнологических (с высокой долей добавленной стоимости) товаров, их доли в общем объеме экспорта.

В экономике любой страны, в которой осуществляется внутреннее производство товаров и присутствуют экспортно-импортные операции, общий объем товарных ресурсов данного вида выражается аддитивной факторной моделью, включающей три основные составляющие: 1) объем ввезенных товаров; 2) объем товаров, произведенных внутри страны; 3) объем произведенных внутри страны товаров, отправляемых на экспорт:

$$V_{TP} = V_{И} + V_{ВП} + V_{Э},$$

где V_{TP} – объем товарных ресурсов данного вида;

$V_{И}$ – объемы импорта товаров, потребляемых на внутреннем рынке страны;

$V_{ВП}$ – объемы товаров отечественного производства, потребляемые внутри страны (без учета товаров, отправляемых на экспорт);

$V_{Э}$ – объемы товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт.

Все переменные в представленной модели выступают единичными показателями, абсолютные значения которых (импорт, экспорт – в долларах США, внутреннее производство – в рублях) широко представлены в официальной статистической информации. На первый взгляд результативность импортозамещения легко отслеживается по динамике общего объема формирующихся в стране товарных ресурсов и их составляющих. Однако результативным может быть признано множество разнонаправленных вариантов поведения одних и тех же переменных и итогового показателя модели.

Применение структурного подхода к модели формирования товарных ресурсов данного вида позволяет общий объем этих ресурсов принять равным 100%, а его составляющие выразить в долях и, тем самым, отказаться от учета тенденций изменения итогового показателя в модели. Составные части полученной структурной модели, представленные долями импорта, внутреннего производства и экспорта в общем объеме товарных ресурсов, связаны между собой и влияют друг на друга. Одновременное выявление тенденций развития каждой структурной части общего объема подвергаемых импортозамещению товарных ресурсов данного вида в их взаимозависимости и взаимовлиянии обеспечивают надежность оценки результативности импортозамещения. К тому же, только в структурном подходе есть возможность разложить переменные импорта, внутреннего производства и экспорта на их важнейшие составляющие и одновременно идентифицировать особенности их динамики.

В данном контексте модель оценки результативности импортозамещения приобретает вид:

$$V_{TP} = D_{И} + D_{ВП} + D_{Э},$$

где V_{TP} – объем товарных ресурсов данного вида, принятый за 100%;

$D_{И}$ – доля объемов импорта товаров в общем объеме ресурсов этих товаров;

$D_{ВП}$ – доля объемов товаров отечественного производства в общем объеме ресурсов этих товаров (без учета товаров, отправляемых на экспорт);

$D_{Э}$ – доля объемов товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт, в общем объеме ресурсов этих товаров.

В условиях наличия санкционных ограничений во внешнеэкономической деятельности страны, вызванных как внешними, так и внутренними воздействиями, показатели $D_{И}$ и $D_{Э}$ должны формироваться с учетом доли импорта (экспорта), подпадающего под санкции:

$$D_{И} = D_{НСИ} + D_{СИ},$$

где $D_{НСИ}$ – доля импорта, не подпадающего под санкционные ограничения; $D_{СИ}$ – доля импорта, поступающего в режиме санкций;

$$D_{\text{Э}} = D_{\text{НСЭ}} + D_{\text{СЭ}},$$

где $D_{\text{НСЭ}}$ – доля экспорта, не подпадающего под санкционные ограничения; $D_{\text{СЭ}}$ – доля экспорта, подпадающего под санкции.

Следует отметить, что санкционный режим внешней торговли страны может иметь как позитивное, так и негативное влияние на ее экономику. Примером позитивного воздействия санкций является введенное Правительством РФ в августе 2014 г. эмбарго на ввоз продовольственных товаров из ряда стран (ЕС, США, Канады и др.)¹, создавшее предпосылки для роста объемов внутреннего производства продовольствия.

С учетом того, что основным приоритетом экспорта товаров выступает рост объемов и доли высокотехнологических (инновационных) товаров, произведенных внутри страны, показатель $D_{\text{Э}}$ детализируется следующим образом:

$$D_{\text{Э}} = D_{\text{НТЭ}} + D_{\text{ВТЭ}},$$

где $D_{\text{НТЭ}}$ – доля низкотехнологических товаров в составе экспорта; $D_{\text{ВТЭ}}$ – доля высокотехнологических товаров в составе экспорта.

Кроме того, с точки зрения приоритетов импортозамещения на современном этапе в составе $D_{\text{И}}$ также необходимо учесть уровень высокотехнологических товаров для сопоставления с их величиной в составе экспорта:

$$D_{\text{И}} = D_{\text{НТИ}} + D_{\text{ВТИ}},$$

где $D_{\text{НТИ}}$ – доля низкотехнологических товаров в составе импорта; $D_{\text{ВТИ}}$ – доля высокотехнологических товаров в составе импорта.

Целевыми индикаторами результативности импортозамещения выступает одновременное соблюдение следующих условий.

1. Рыночная ниша, высвобождаемая в результате исключения из общего объема импорта той его части, которая подверглась санкциям, заполняется товарами отечественного производства, т.е. прирост внутреннего производства товаров пропорционален снижению санкци-

онного импорта до и после введения санкций: $\Delta D_{\text{СИ}} \leq \Delta D_{\text{ВП}}$.

$$\Delta D_{\text{СИ}} = D_{\text{СИ ДС}} - D_{\text{СИ ПС}},$$

где $D_{\text{СИ ДС}}$ – доля импорта из стран, подвергнутых санкционным ограничениям, до введения санкций;

$D_{\text{СИ ПС}}$ – доля импорта из стран, подвергнутых санкционным ограничениям, после введения санкций.

$$\Delta D_{\text{ВП}} = D_{\text{ВП ПС}} - D_{\text{ВП ДС}},$$

где $D_{\text{ВП ПС}}$ – доля внутреннего производства в общем объеме товарных ресурсов после введения санкций;

$D_{\text{ВП ДС}}$ – доля внутреннего производства в общем объеме товарных ресурсов до введения санкций.

Аналогичная ситуация должна иметь место в случае наличия санкций в отношении экспорта товаров.

2. Доля объемов импорта товаров в общем объеме ресурсов этих товаров имеет тенденцию к снижению ($\downarrow D_{\text{И}}$) и ограничена значением целевого индикатора для каждого вида товаров (отрасли), при этом и доля не подвергнувшегося санкциям импорта, и доля санкционного импорта в общем объеме импорта не увеличиваются, более того, имеют тенденцию к снижению: $\downarrow D_{\text{НСИ}}$, $\downarrow D_{\text{СИ}}$; доля высокотехнологических товаров в составе импорта также снижается ($\downarrow D_{\text{ВТИ}}$).

3. Положительный тренд имеют:

– доля объемов товаров отечественного производства в общем объеме ресурсов этих товаров ($\uparrow D_{\text{ВП}}$);

– доля объемов товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт ($\uparrow D_{\text{Э}}$);

– доля высокотехнологических товаров в составе экспорта: $\uparrow D_{\text{ВТЭ}}$, причем темпы роста доли высокотехнологических товаров в составе экспорта превышают темпы роста самого экспорта: $T_P D_{\text{ВТЭ}} > T_P D_{\text{Э}}$.

Назначенные критерии отражает такое состояние экономики страны, в которой идет активный процесс импортозамещения, в составе внешнеторгового оборота страны присутствует импорт, но приоритет отдается развитию вну-

¹ О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 7 августа 2014 г. № 778.

тренного производства конкурентоспособных товаров и их экспорту, преимущественно высокотехнологическому.

Условием оценки результативности импортозамещения выступает выражение в одинаковых единицах измерения объемов экспорта, импорта и внутреннего производства товаров. Последний показатель преимущественно выражается в национальной валюте России – рублях. Будучи выраженным в долларах США (по аналогии с экспортом и импортом), показатель объемов внутреннего производства товаров становится сопоставимым с показателями экспортно-импортных операций страны и отражает реальное влияние курса рубля на цены отечественных товаров в части их импортной составляющей, доходы и прибыль российских товаропроизводителей.

Модель оценки результативности импортозамещения была апробирована на примере продовольственных товаров – флагмана отечественного импортозамещения последних лет. Большинство единичных показателей, характеризующих импортозамещение в данной сфере, представлено в официальной статистической информации Росстата, однако некоторые связанные с этим аспекты реализации модели требуют пояснений.

В решении вопроса о диапазоне значений доли объемов импорта товаров в общем объеме этих товаров, потребляемых на внутреннем рынке страны, исходили из того, что в качестве целевых индикаторов доли импорта продовольствия могут выступать пороговые значения показателей, характеризующих состояние продовольственной безопасности страны по отдельным видам товаров².

В случае оценки результативности импортозамещения продовольственных товаров в целом по стране, без их дифференциации по отдельным видам товаров, в качестве целевого индикатора минимальной доли замещаемого импорта может служить его величина, выше которой возникает реальная угроза продовольственной безопасности государства и которая, по разным оценкам, составляет более 25% [24, с. 47], более 30% [25, с. 77], а также более 40% [25, с. 12] [26, с. 12]. Условно принимаем, что доля

² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120.

объемов импорта товаров в общем объеме этих товаров, потребляемых на внутреннем рынке страны, $D_{И} < 35\%$.

Величину рыночной ниши, высвобождаемой в результате наличия санкционных ограничений в импорте продовольственных товаров, и связанное с этим условие о пропорциональном приросте внутреннего производства продовольственных товаров по отношению к подвергнувшемуся эмбарго импорту этих товаров рассчитывали, исходя из суммарной доли стран, во-первых, фигурирующих в перечне стран, импорт продовольствия из которых был запрещен в 2014 г., во-вторых, стран, по которым имеется достоверная статистическая информация, в-третьих, стран, импорт из которых в докризисный период однозначно преобладал в импорте продовольствия. Поэтому величину высвободившейся рыночной ниши на внутреннем рынке страны оценивали по суммарной доле стран ЕС, США, Украины. По итогам 2014 г. доля этих стран в импорте ($D_{СИДИ}$) составила 47,8% и снизилась уже в 2015 г. до 22,9%. Начиная с 2016 г. наметилась тенденция роста доли стран ЕС, США и Украины в российском импорте (в 2016 г. она составила 23,1%, в 2017 г. – 24,0%, в 2018 г. – 25,1%).

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования представлены данными о происходящих под влиянием импортозамещения изменениях в структуре ресурсов продовольственных товаров страны за 2007–2017 гг. в разрезе трех структурных блоков (объемы импорта товаров; объемы товаров отечественного производства; объемы экспортируемых товаров отечественного производства), детализированных в соответствии с приоритетами импортозамещения на современном этапе.

В *таблице 1* приведены значения и динамика использованных в методике абсолютных (объемы ресурсов) и относительных (доли объемов в общем объеме ресурсов) показателей. В первую очередь обращает на себя внимание тенденция изменения общего объема ресурсов продовольственных товаров. Вплоть до 2012 г. наблюдалась положительная динамика их роста, которая в последующем сменилась тенденцией снижения (в среднем на 10 466 млн. долл. США в год). Лишь в 2017 г. наметилась тенденция роста значений данного показателя.

Таблица 1. Динамика показателей, применяемых в методике оценки результативности импортозамещения продовольственных товаров

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Объем товарных ресурсов, $V_{гр}$, млн. долл. США	103154	142070	118925	143807	165144	169387	177468	166032	126354	121464	137666
Объем импорта, $V_{гр}$, млн. долл. США	27626	35189	30015	36398	42544	40655	43255	39957	26650	25072	28924
Объемы прод. товаров, произведенных внутри страны, $V_{вгр}$, млн. долл. США	66438	97603	78943	98654	109276	111963	117951	107093	83489	79317	88043
Объемы прод. товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт, $V_{сп}$, млн. долл. США	9090	9278	9967	8755	13324	16769	16262	18982	16215	17075	20699
Объемы импорта прод. товаров, не подпадающего под санкционные ограничения, $V_{всп}$, млн. долл. США	10942	13583	13117	17216	19953	19392	20416	20858	20547	19280	21982
Объемы импорта прод. товаров из стран, подвергшихся эмбарго, $V_{всп}$, млн. долл. США	16684	21606	16898	19182	22591	21263	22839	19099	6103	5792	6942
Объемы импортируемых высокотехнологических прод. товаров, $V_{всп}$, млн. долл. США	5035,0	6532,4	4500,8	6013,1	6903,3	6924,1	7494,1	7022,2	4394,9	3760,2	5781,9
Объемы высокотехнологических прод. товаров, отправляемых на экспорт, $V_{всп}$, млн. долл. США	1163	1210	1037	1100	1239	1507	2343	2301	1821	2151	2782
Объемы низкотехнологических прод. товаров, отправляемых на экспорт, $V_{всп}$, млн. долл. США	7927	8068	8930	7655	12085	15262	13919	16681	14394	14924	17917
Доля объемов импорта прод. товаров в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{гр}$, %	26,8	24,8	25,2	25,3	25,8	24,0	24,4	24,1	21,1	20,6	21,0
Доля объемов прод. товаров отечественного производства в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{вгр}$, %	64,4	68,7	66,4	68,6	66,2	66,1	66,5	64,5	66,1	65,3	64,0
Доля объемов товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт, в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{сп}$, %	8,8	6,5	8,4	6,1	8,1	9,9	9,2	11,4	12,8	14,1	15,0
Доля импорта прод. товаров, не подпадающего под санкционные ограничения, в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{всп}$, %	10,6	9,6	11,0	12,0	12,1	11,4	11,5	12,6	16,3	15,9	16,0
Доля импорта прод. товаров из стран, подвергшихся эмбарго, в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{всп}$, %	16,2	15,2	14,2	13,3	13,7	12,6	12,9	11,5	4,8	4,8	5,0
Доля импортных высокотехнологических прод. товаров в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{всп}$, %	4,9	4,6	3,8	4,2	4,2	4,1	4,2	4,2	3,5	3,1	4,2
Доля высокотехнологических прод. товаров, отправляемых на экспорт, в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{всп}$, %	1,1	0,9	0,9	0,8	0,8	0,9	1,3	1,4	1,4	1,8	2,0
Доля низкотехнологических прод. товаров, отправляемых на экспорт, в общем объеме ресурсов этих товаров, $D_{всп}$, %	7,7	5,7	7,5	5,3	7,3	9,0	7,8	10,0	11,4	12,3	13,0

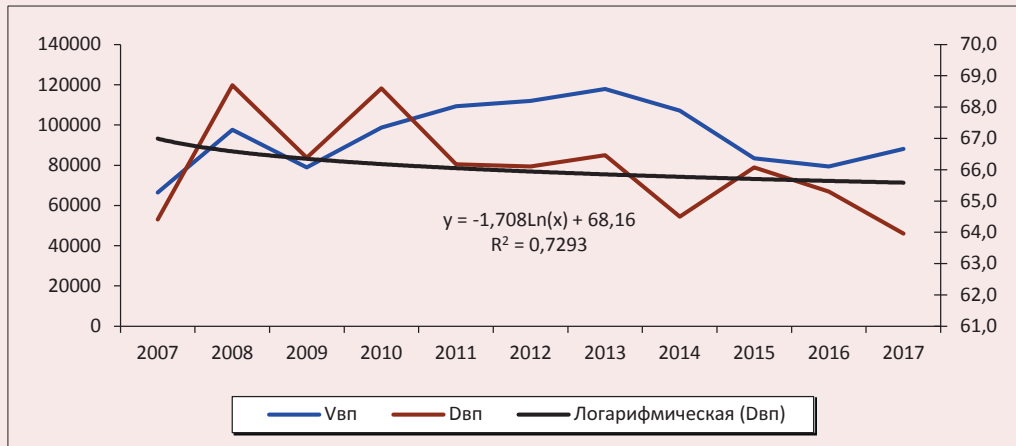
Источники: составлено по: Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>; Социально-экономическое положение России. 2015–2018 гг. Стат.сб./Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>; Статистический бюллетень Банка России. 2008–2018 гг. URL: <http://www.cbr.ru/>.

В структуре товарных ресурсов наблюдаются следующие тенденции:

– динамика доли объемов товаров отечественного производства в общем объеме ресурсов этих товаров за 2007–2017 гг. не имеет

устойчивой тенденции, но с 2010 г. прослеживается отрицательная динамика доли объемов товаров отечественного производства в общем объеме ресурсов этих товаров на фоне их замедляющегося снижения (рис. 1);

Рис. 1. Динамика объемов товаров отечественного производства и их доли в общем объеме ресурсов продовольственных товаров за 2007–2017 гг., млн. долл. США, %

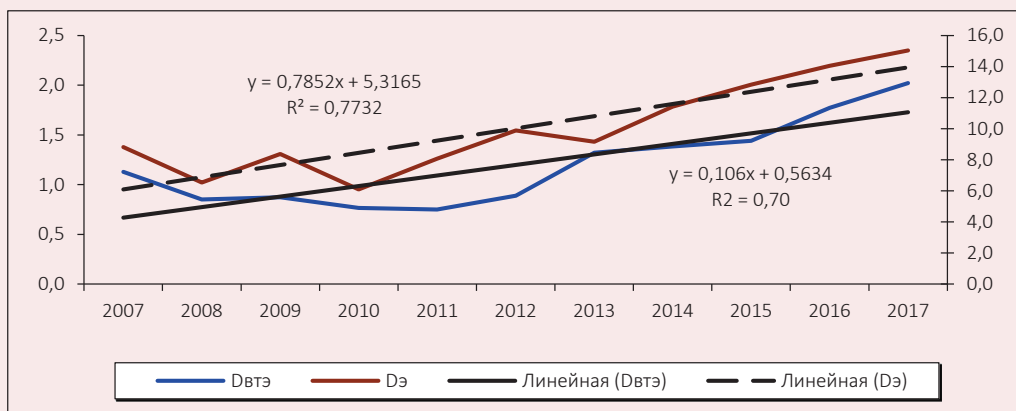

Источник: составлено авторами.

– растет доля объемов товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт (в среднем за год – на 0,79%) (рис. 2), в том числе доля высокотехнологических товаров (в сред-

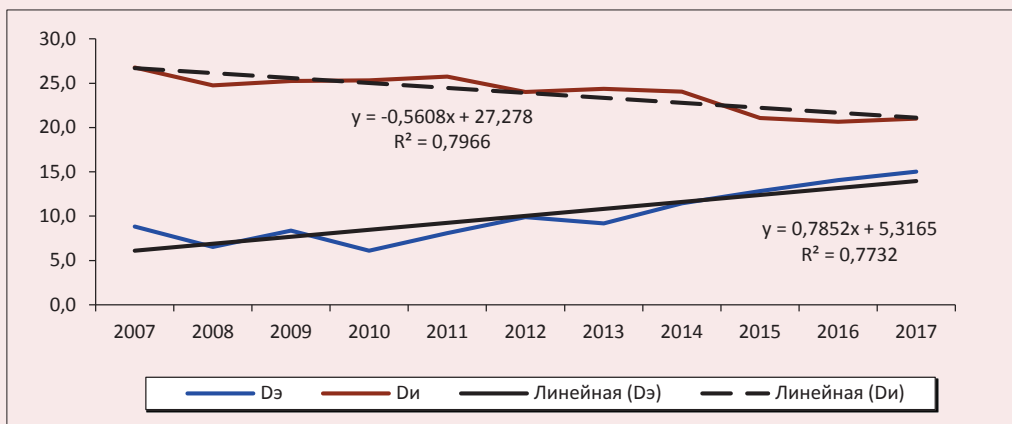
нем за год – на 0,11%); отметим, что среднегодовое снижение доли импорта в составе товарных ресурсов происходит медленнее (0,56%), чем среднегодовой рост экспорта (0,79%) (рис. 3);

Рис. 2. Динамика доли экспорта и доли высокотехнологического экспорта в общем объеме ресурсов продовольственных товаров за 2007–2017 гг., %

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Динамика доли экспорта и импорта продовольственных товаров за 2007–2017 гг., %

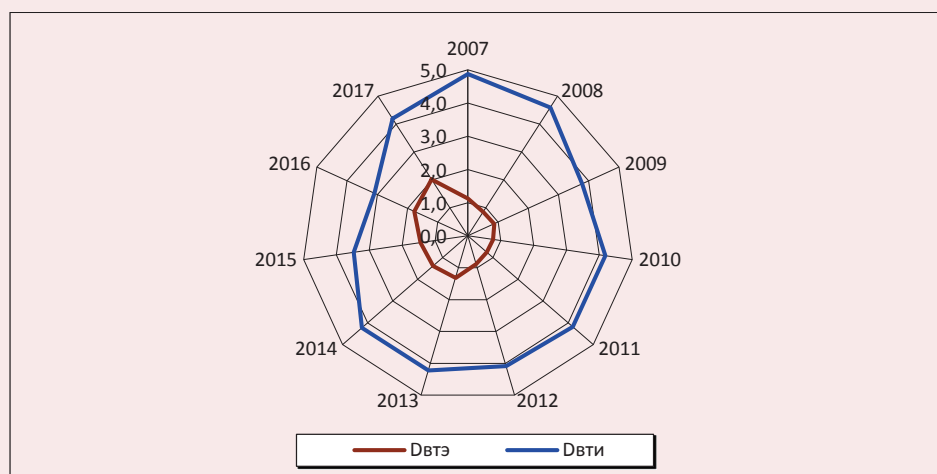

Источник: составлено авторами.

— наблюдается рост объемов и доли экспорта товаров (см. табл. 1), при этом максимальные значения показателей достигнуты в 2017 г. — 2782 млн. долл. США и 2% соответственно; сопоставление объемов и доли экспорта и импорта таких товаров в структуре общего объема товар-

ных ресурсов показывает ускоряющееся снижение соотношения объемов импорта и экспорта высокотехнологических продовольственных товаров, а также сокращающуюся разницу их долевых значений, минимальная величина которой (1,3%) была достигнута в 2016 г. (рис. 4);

Рис. 4. Динамика доли экспорта и импорта высокотехнологических продовольственных товаров в структуре товарных ресурсов за 2007–2017 гг., %

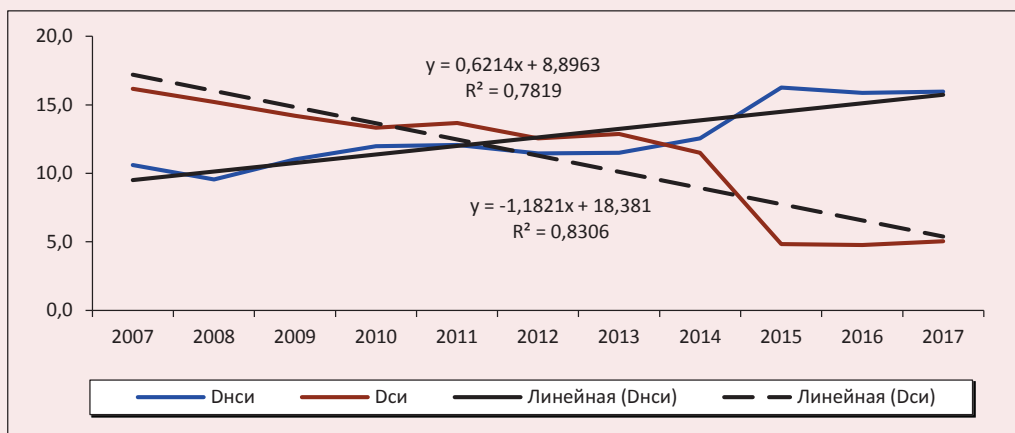
Источник: составлено авторами.

– в динамике структуры импорта продовольственных товаров, в разрезе его деления на не подпадающий под санкционные ограничения и поступающий в режиме санкций, прослеживается рост доли импорта из стран, не подвергшихся санкциям (за год в среднем на 0,62%) (рис. 5).

Общая картина изменений в структуре товарных ресурсов за 2007–2017 гг. при условии

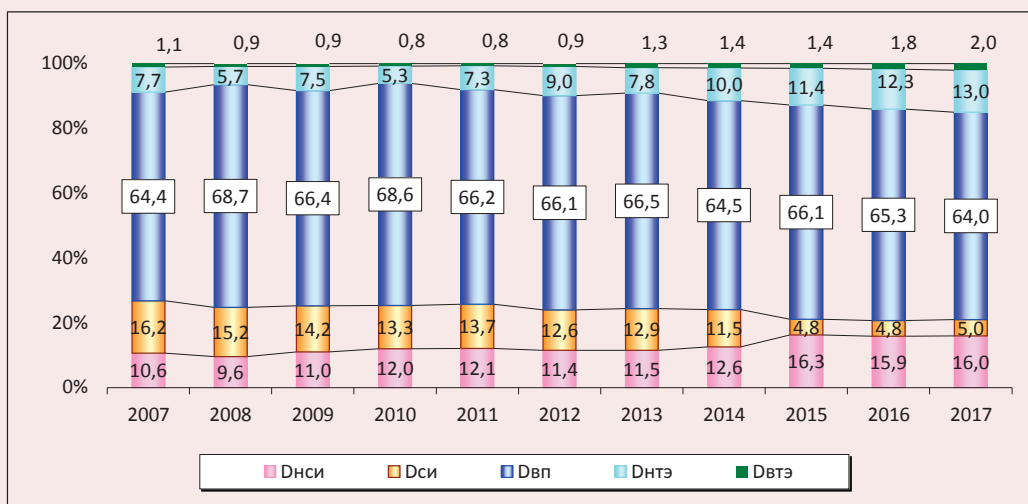
разложения импорта продовольственных товаров на не подпадающий под санкционные ограничения и поступающий в режиме санкций представлена на рисунке 6. Происходит снижение доли объемов товаров отечественного производства при росте доли этих товаров, отправляемых на экспорт, и снижении доли импорта. При этом доля экспортируемых высокотехнологических товаров растет.

Рис. 5. Динамика доли импорта, не подпадающего под санкционные ограничения, и импорта, поступающего в режиме санкций, за 2007–2017 гг., %

Источник: составлено авторами.

Рис. 6. Динамика структуры товарных ресурсов за 2007–2017 гг. (в случае разложения импорта продовольственных товаров на не подпадающий под санкционные ограничения и поступающий в режиме санкций), %

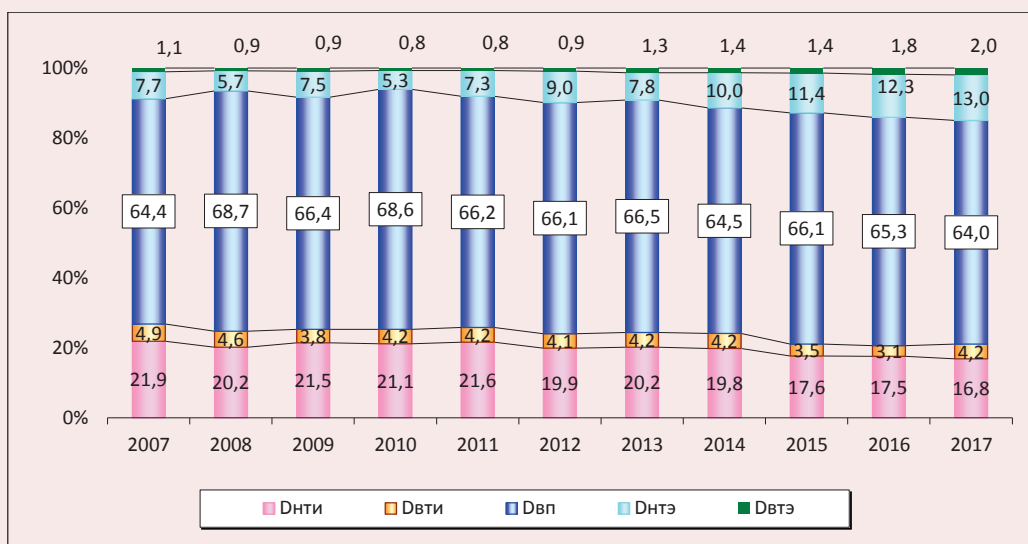

Источник: составлено авторами.

Итоговый вид структуры товарных ресурсов при условии разложения импорта продовольственных товаров на высокотехнологический и низкотехнологический представлен на

рисунке 7. В динамике долей и высокотехнологического, и низкотехнологического импорта в общем объеме ресурсов продовольственных товаров отмечается тенденция их снижения.

Рис. 7. Динамика структуры товарных ресурсов за 2007–2017 гг. (в случае разложения импорта продовольственных товаров на высокотехнологический и низкотехнологический), %

Источник: составлено авторами.

Критерий $\Delta D_{СИ} \leq \Delta D_{ВП}$ (при $D_{СИ} > 0$) в санкционном периоде не выполняется, то есть ниша, высвободившаяся в результате исключения из общего объема импорта той его части, которая поступает в страну в режиме санкций, не была в полном объеме заполнена товарами отечественного производства. В 2015 г. более чем двукратное снижение доли импорта сопровождалось снижением доли товаров внутреннего производства на 1,6%. Даже с учетом роста доли экспорта продовольственных товаров на 1,4%, высвободившаяся часть ресурсов полностью не заполнилась товарами, произведенными внутри страны. Аналогичная ситуация просматривается в 2016 году — доля товаров отечественного производства уменьшилась на 0,8% относительно уровня 2015 года, а доля экспортируемых продовольственных товаров выросла на 1,3%. В 2017 году снижение доли товаров внутреннего производства и рост доли экспортируемых товаров дополнила положительная динамика доли импорта в структуре

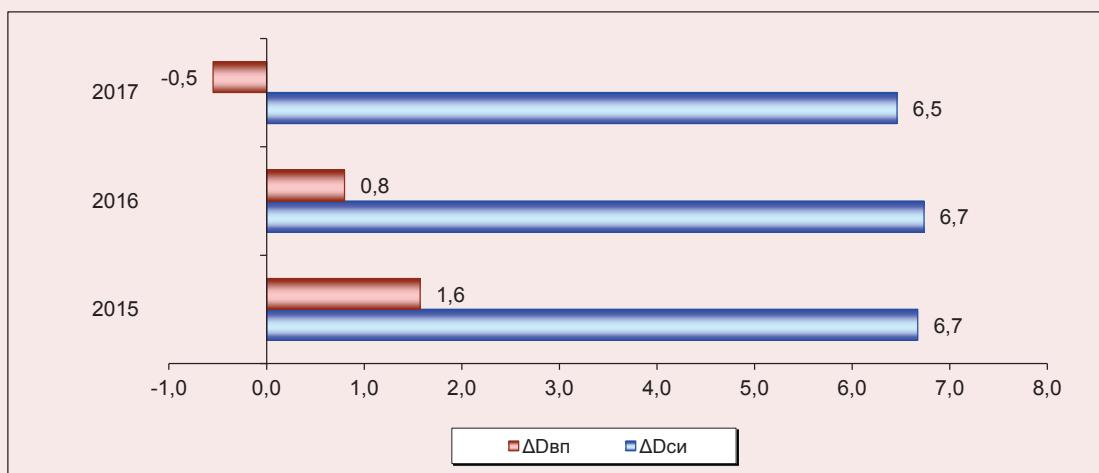
товарных ресурсов. Прирост объемов импорта в 2017 г. на 15,4% был обеспечен в большей степени приростом импорта, не подпадающего под санкционные ограничения (19,9% против 14,0%, отражающих прирост санкционного импорта). Указанное приращение больше прироста объемов внутреннего производства, которое составило 11% в сравнении с уровнем 2016 года. Такие изменения привели к снижению доли объемов товаров отечественного производства до величины ниже уровня 2014 г. и свидетельствуют о том, что в 2017 г. произошла переориентация санкционного импорта на импорт из стран, не подвергнувшихся эмбарго.

Расчеты показывают, что в 2015 г. высвободившаяся ниша в размере 6,7% от объема товарных ресурсов на 3% заполнилась товарами отечественного производства, на 3,7% — импортными товарами; в 2016 г. — на 3,4 и 3,3%, в 2017 г. — на 3,1 и 3,4% соответственно (рис. 8). Если размер высвободившейся ниши принять за 100%, то в 2015 г. товары российского про-

изводства заняли 44,8%, ввезенные товары – 55,2%; в 2016 г. – 50,7 и 49,3%, в 2017 г. – 47,7 и 52,3% соответственно, т.е. отечественными продовольственными товарами заполняется лишь около половины высвободившегося рыночного пространства.

Критерии продовольственной безопасности страны в период с 2010 по 2017 г. выполняются практически по всем пищевым продуктам, несоответствие наблюдалось только в отношении мясопродуктов и мяса в 2010 и 2012 гг. (табл. 2).

Рис. 8. Сопоставление изменения доли санкционного импорта до и после введения санкций с изменением доли внутреннего производства продовольственных товаров за 2015–2017 гг., %

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Динамика долей импортных продовольственных товаров в общем объеме их товарных ресурсов в 2010–2017 гг.

Вид товаров	Значение доли импорта, обеспечивающего продовольственную безопасность страны	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Растительное масло	< 20%	2,96	2,86	2,49	2,20	2,32	3,16	0,00	3,33
Мясо и мясопродукты	< 15%	16,04	14,80	16,10	13,91	13,16	10,95	8,87	8,69
Молоко и молокопродукты	< 10%	3,17	2,59	2,20	3,44	3,50	2,88	3,63	3,67
Рыбная продукция	< 20%	5,20	5,03	5,37	5,79	5,58	4,56	4,19	4,74
Сахар	< 20%	3,77	4,51	0,85	0,70	1,15	1,32	1,01	0,44
Картофель	< 5%	0,80	1,75	0,97	1,30	0,96	0,96	1,44	0,76
Зерно	< 5%	0,64	0,55	0,57	0,54	0,58	0,87	0,93	0,80

Источники: составлено по: Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»; Российский статистический ежегодник. 2005–2018 гг.: стат. сб. / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>; Показатели, характеризующие импортозамещение в России. Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах. URL: <http://www.gks.ru/>.

Общая картина соблюдения целевых критериев в разработанной методике оценки результативности импортозамещения, апробированной на примере продовольственных товаров, представлена в *таблице 3*.

Результаты проведенной оценки показывают, что из десяти установленных целевых критериев однозначно выполняются только шесть ($\downarrow D_{ВТИ}$, $\uparrow D_{Э}$, $\uparrow D_{ВТЭ}$, $\downarrow D_{И}$, $\downarrow D_{СИ}$, $D_{И} < 35\%$), один ($\downarrow D_{НСИ}$) не выполняется, критерий $\uparrow D_{ВП}$ также не выполняется, но, тем не менее, его снижение замедляется.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие основные выводы. Позитивная динамика процесса импортозамещения продовольственных товаров обеспечивается снижением доли импорта в их общем объеме, в том числе доли импорта, поступающего в режиме санкционных ограничений, и доли импорта высокотехнологических товаров, причем доля импорта товаров в общем объеме ресурсов этих товаров соответствовала значениям продовольственной безопасности страны на всем исследуемом промежутке времени. Наблюдается рост доли отечественных продовольственных товаров, отправляемых на экспорт, в том числе вы-

сокотехнологических. Негативные структурные изменения выражаются в замедляющемся сокращении доли объемов продовольственных товаров отечественного производства и росте доли импорта продовольственных товаров, не подпадающего под санкционные ограничения. Подвергнувшийся эмбарго импорт продовольственных товаров в значительной степени был переориентирован на импорт из других стран. В результате ниша, высвободившаяся в 2015–2017 гг. на внутреннем рынке страны в результате исключения из общего объема импорта той его части, которая поступает в страну в режиме санкций, заполняется продовольственными товарами отечественного производства лишь наполовину.

Выполнение всех критериев результативности импортозамещения станет возможным при изменении структурных составляющих общего объема формирующихся в стране товарных ресурсов – их импорта, внутреннего производства, экспорта. Расчеты, выполненные в процессе решения многокритериальной задачи оптимизации, исходя из состава использованных в методике критериев (методом равномерного поиска оптимального из альтернативных

Таблица 3. Соблюдение целевых индикаторов оценки результативности импортозамещения продовольственных товаров

№ п/п	Индикатор	Целевое значение индикатора	Выполнение целевого значения индикатора
1.	Соотношение между приростом внутреннего производства товаров $\Delta D_{ВП}$ и снижением санкционного импорта $\Delta D_{СИ}$ до и после введения санкций	$\Delta D_{СИ} \leq \Delta D_{ВП}$	Не выполняется в 2015–2017 гг.
2.	Доля импорта, $D_{И}$	$\downarrow D_{И}$	Выполняется
3.	Соответствие доли импорта $D_{И}$ целевому показателю продовольственной безопасности	$D_{И} < 35\%$	Выполняется
4.	Доля санкционного импорта, $D_{СИ}$	$\downarrow D_{СИ}$	Выполняется
5.	Доля не подвергшегося санкциям импорта, $D_{НСИ}$	$\downarrow D_{НСИ}$	Не выполняется
6.	Доля высокотехнологических товаров в составе импорта $D_{ВТИ}$	$\downarrow D_{ВТИ}$	Выполняется
7.	Доля объемов товаров отечественного производства, $D_{ВП}$	$\uparrow D_{ВП}$	Не выполняется, но снижение замедляется
8.	Доля объемов товаров отечественного производства, отправляемых на экспорт, $D_{Э}$	$\uparrow D_{Э}$	Выполняется
9.	Доля высокотехнологических товаров, отправляемых на экспорт, $D_{ВТЭ}$	$\uparrow D_{ВТЭ}$	Выполняется
10.	Соотношение темпов роста доли высокотехнологических экспортных товаров $D_{ВТЭ}$ и темпов роста доли экспортируемых товаров $D_{Э}$	$T_P D_{ВТЭ} > T_P D_{Э}$	Не выполняется в 2009, 2011–2012, 2014–2015 гг. Выполняется в 2007–2008, 2010, 2013, 2016–2017 гг.

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Прогнозируемая структура ресурсов продовольственных товаров, %

Показатели	Структура товарных ресурсов в последний год наблюдений	Прогнозируемая структура товарных ресурсов
Доля импорта, подвергнувшегося санкциям, $D_{СИ}$	5,0	4,6
Доля не подвергнувшегося санкциям импорта, $D_{НСИ}$	16,0	8,9
Доля внутреннего производства в общем объеме товарных ресурсов, $D_{ВП}$	64,0	71,4
Доля высокотехнологического экспорта, $D_{ВТЭ}$	2,0	2,1
Доля низкотехнологического экспорта, $D_{НТЭ}$	13,0	13,0
Источник: составлено авторами.		

решений), показывают (табл. 4), что, исходя из достигнутых в 2017 г. результатов импортозамещения, увеличение доли объемов внутреннего производства на 7,4 п.п. позволит заполнить освободившуюся в результате контрсанкций нишу только товарами отечественного производства. Кроме того, это обеспечит снижение не подвергнувшегося санкциям импорта на 7,1 п.п. и, соответственно, повысит долю экспорта в общем объеме товарных ресурсов на 0,1 п.п.

Заключение

Значимость проведенного и отраженного в работе научного исследования обусловлена развитием научных представлений о целевых приоритетах, направлениях реализации и способах оценки результативности импортозамещения на современном этапе развития экономики России, характеризующемся нестабильностью рыночной конъюнктуры, неблагоприятным влиянием геополитических факторов и внешними ограничениями. Разработанная методика оценки результативности импортозамещения позволяет не только моделировать реальные процессы импортозамещения, но и прогнозировать их развитие с позиций необходимости достижения целевых индикаторов, обеспечивающих результативность импортозамещения.

Апробация методики на примере продовольственных товаров показала, что процесс импортозамещения в данной группе товарных ресурсов активно развивается, но не все целевые критерии импортозамещения выполняются. Очевидный, разработанный в многочисленных исследованиях набор мер по интенсификации импортозамещения в агропромышленном комплексе страны должен обязательно опираться на научно обоснованные количественные ориентиры протекающих в нем процессов. На основании полученных ре-

зультатов была рассчитана оптимальная структура товарных ресурсов, позволяющая обеспечить полное достижение результативности импортозамещения продовольственных товаров.

Полученные в работе результаты могут использоваться в дальнейших научных исследованиях причин, снижающих результативность импортозамещения в России, а также могут быть востребованы органами государственного управления при разработке направлений экономической политики, федеральных и региональных программ в области импортозамещения. Предлагаемая методика носит универсальный характер и пригодна для любого вида товарных ресурсов, формирующихся в стране, которая развивает свое внутреннее производство и одновременно активно участвует в мирохозяйственных процессах. Однако процессы импортозамещения в составе различных товарных ресурсов имеют свои особенности. В частности, в оценке результативности импортозамещения продовольственных товаров их импорт рассматривался с позиций предпринятых Россией контрсанкций, автоматически разделивших потребляемые внутри страны товары иностранного происхождения на свободные от ограничений и запрещенные к ввозу из ряда стран. Детализация импорта продовольственных товаров с учетом данного обстоятельства позволила рассчитать размер высвободившейся ниши, предназначенной, исходя из целевых установок импортозамещения, для заполнения товарами отечественного производства. Если ограничения (как внешние, так и внутренние) обращены на экспорт каких-либо товаров, в рамках данной методики он может получить соответствующую детализацию. Наиболее предпочтительная область исследований в данном

случае – процессы импортозамещения в отдельных товарных группах, в отношении которых в принятых и реализуемых программах импортозамещения установлены предельные целевые значения доли импорта в общем объеме этих товаров.

Кроме того, необходимо учитывать очевидность того, что процесс импортозамещения проявляется не только в структурных изменениях внешнеторгового баланса страны и ее внутреннего производства, но и в позитивных тенденциях в социально-экономической сфере в части закономерно вытекающего из роста объ-

емов внутреннего производства повышения занятости и доходов населения, его уровня жизни в целом. Расширение количества задействованных в методике показателей обуславливает необходимость совершенствования подходов к оценке результативности импортозамещения. Наряду с этим представляется чрезвычайно актуальной оценка влияния импортозамещения на экономический рост в стране и перспективы ее дальнейшего развития. Именно в этом направлении нами будут продолжены в дальнейшем исследования в области оценки результативности импортозамещения.

Литература

1. Миронова О.А. Проблемы обеспечения экономической безопасности России в условиях импортозамещения // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 1 (30). С. 35–42.
2. Connolly R., Hanson Ph. *Import Substitution and Economic Sovereignty in Russia*. Chatham House, 2016. 24 p.
3. Чернова О.А., Климух В.В. Рациональное импортозамещение в промышленности: инструментарий оценки // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 38. С. 43–52.
4. Ullrich K. Russia – import substitution during recession. *KfW Research Focus on Economics*, 2017, vol. 173, pp. 1–3.
5. Ершова И.Г., Ершов А.Ю. Оценка эффективности мер государственного регулирования политики импортозамещения // Фундаментальные исследования. 2016. № 3-2. С. 375–379.
6. Матвеева Л.Г., Чернова О.А., Климух В.В. Оценка эффективности политики импортозамещения в промышленности: методический инструментарий // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2015. № 3. С. 3–13.
7. Бондарчук Н.В. Разработка методических подходов к оценке эффективности инновационных проектов, направленных на импортозамещение продукции в высокотехнологичных отраслях промышленности в рамках государственного задания по проекту № 3637 // Предпринимательство и бизнес в условиях экономической нестабильности: материалы III Межд. науч. конгресса. М.: Научный консультант, 2015. С. 109–111.
8. Боровкова В.А., Тиханович М.О. Разработка методики оценки эффективности реализации региональной стратегии импортозамещения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 7(337). С. 722–737.
9. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 218–234.
10. Чернова О.А. Оценка целесообразности импортозамещения в производственно-технологических цепочках // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2018. № 1 (85). С. 112–123.
11. Сомов В.Л., Марков В.А. Статистический анализ перспектив импортозамещения и конкурентных преимуществ реального сектора экономики Саратовской области // Вопросы статистики. 2016. № 3. С. 65–71.
12. Колотов К.А. Неоиндустриальное импортозамещение в системе структурных изменений экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01: защищена 15.12.2018. Томск. 2018. 174 с.
13. Стрижкова Л.А. Использование таблиц «затраты-выпуск» при оценке зависимости российской экономики от импорта и процессов импортозамещения // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 1–5.
14. Лосев А.А., Соловьев В.И., Сунчалин А.М. Система индикаторов эффективности импортозамещения // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 4. С. 55–70.

15. Выжитович А.М., Ершов П.А. Импортозамещение: актуальные механизмы и инструменты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 38 (323). С. 52–64.
16. Kiliçaslan Y., Temurov I. Import substitution, productivity and competitiveness: evidence from Turkish and Korea manufacturing industry. *Optimum Journal of Economics and Management Sciences*, 2016, vol. 3(2), pp. 67–83.
17. Aregbeshola R.A. Import substitution industrialization and economic growth – evidence from the group of BRICS countries. *Future Business Journal*, 2017, vol. 3, pp. 138–158.
18. Ko M.L., Plasmans J., Song-ken H. *A Consistent Measure of Aggregate Import Substitution: Research Paper*, 2014. 24 p.
19. Abhyankar H.G., Dharmadhikari S. “Import substitution” to “export promotion” – a paradigm shift. *Finance Management*, 2011, April, pp. 32–39.
20. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Peterson Institute for International Economics, 2008. 248 p.
21. Korhonen I., Simola H., Solanko L. *Sanctions, Counter-Sanctions and Russia – Effects on Economy, Trade and Finance. BOFIT Policy Brief*. 2018. Vol. 4. 25 p.
22. Олейникова И.Н., Холодковская Н.С. Импортозамещение в системе механизмов устойчивого развития региональной экономики // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2017. № 1 (25). С. 16–24.
23. Gukova A., Anikina I., Chekalkina A., Skrynnikova I. Effects of economic sanctions on EU-Russia integration processes: selecting regional partners. In: *Proceedings of the 3rd International Conference on European Integration 2016*. Ostrava, 2016. 1st edition. Pp. 290–299.
24. Агапова Т.Н. Методика и инструментарий для мониторинга экономической безопасности региона // Вопросы статистики. 2001. № 2. С. 44–48.
25. Мельников Б.А. Продовольственная безопасность: методы исследования, пути достижения // Проблемы и тенденции инновационного развития агропромышленного комплекса и аграрного образования России: материалы Международной научно-практической конференции. 2012. С. 75–79.
26. Мальцев А.А. Экспортно-импортные потоки агропродовольствия и сельскохозяйственного сырья: сравнительный анализ советской и российской моделей // Агропродовольственная политика России. 2014. № 4 (16). С. 2–13.

Сведения об авторах

Алла Владимировна Литвинова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Волжский филиал Волгоградского государственного университета (404133, Российская Федерация, Волгоградская обл., г. Волжский, ул. 40 лет Победы, д. 11; e-mail: Litvinova_av@mail.ru)

Наталья Сергеевна Талалаева – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Волжский филиал Волгоградского государственного университета (404133, Российская Федерация, Волгоградская обл., г. Волжский, ул. 40 лет Победы, д. 11; e-mail: talalaeva_ns@mail.ru)

Мария Викторовна Парфенова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Волжский филиал Волгоградского государственного университета (404133, Российская Федерация, Волгоградская обл., г. Волжский, ул. 40 лет Победы, д. 11; e-mail: Pvv_65@mail.ru)

Litvinova A.V., Talalaeva N.S., Parfenova M.V.

Development of Methodological Approaches to Assessing the Effectiveness of Import Substitution in Russia

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that the process of import substitution, which is on the rise in the country, requires a reliable and accurate quantitative assessment of its effectiveness. The main idea of the study is to assess the effectiveness of import substitution as a complex multidimensional phenomenon characterized by multidirectional and contradictory dynamics of its processes in their unity, relationship and mutual influence. The goal of the study is to develop a method for integrated assessment of import substitution effectiveness on the basis of theoretical substantiation of its principles and provisions. To achieve the goal we use such methods as analysis and generalization of existing methodological approaches to its assessment. The hypothesis of the study is based on the fact that the method we have developed allows us not only to make a reliable assessment of the effectiveness of import substitution, but also to predict the directions of its increase. Our research develops the works of other authors in the field of integrated assessment of import substitution effectiveness: we elaborate a comprehensive system of target performance indicators (the system has not been used before) and assess the trends in the development of import substitution processes structured in the context of domestic production, export and import of goods subject to import substitution, according to the degree of achievement of these indicators. The study was carried out with the use of methods such as factor determinant and structural-dynamic analysis, and multi-criteria optimization method. The technique was tested on the example of food products – the flagship of domestic import substitution. We reveal the processes that hinder import substitution in the food industry and some positive trends in import substitution that confirm its effectiveness. We calculate an optimal structure of commodity resources, which ensures the achievement of import substitution effectiveness in the food industry to the fullest extent. It is advisable to apply our technique in the field of import substitution in individual commodity groups, each of which has its own features in the formation of imports, exports, domestic production and their specifics in the context of research tasks. We plan to continue our research in the development of methods for a comprehensive assessment of the impact of import substitution on economic growth in the country.

Key words: import substitution; efficiency, import substitution effectiveness; assessing import substitution effectiveness; sanctions; food products.

Information about the Authors

Alla V. Litvinova – Doctor of Economics, Professor, head of department, Volzhsky Branch of Volgograd State University (11, 40 Let Pobedy Street, Volzhsky, Volgograd Oblast, 404133, Russian Federation; e-mail: Litvinova_av@mail.ru)

Natal'ya S. Talalaeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at department, Volzhsky Branch of Volgograd State University (11, 40 Let Pobedy Street, Volzhsky, Volgograd Oblast, 404133, Russian Federation; e-mail: talalaeva_ns@mail.ru)

Mariya V. Parfenova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at department, Volzhsky Branch of Volgograd State University (11, 40 Let Pobedy Street, Volzhsky, Volgograd Oblast, 404133, Russian Federation; e-mail: Pvv_65@mail.ru)

Статья поступила 22.03.2019.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6

УДК 338.246.02, ББК 65.209

© Шабунова А.А., Косыгина К.Е.

Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне

Александра Анатольевна

ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: aas@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

Ксения Евгеньевна

КОСЫГИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018

Аннотация. На современном этапе социально-экономического развития страны некоммерческий сектор становится неотъемлемым субъектом системы хозяйствования и объектом государственного управления со свойственными ему отличительными особенностями. Цель настоящей работы – представление научно обоснованных предложений по совершенствованию государственного управления некоммерческим сектором в российских регионах на основе межсекторного социального партнерства. Для достижения поставленной цели в работе применялись методы системного, сравнительного, статистического и социологического анализа. Проанализированы работы отечественных и зарубежных авторов по проблемам взаимодействия органов власти и некоммерческого сектора. Сделан вывод, что применительно к условиям российских регионов наиболее рационально подходит форма «межсекторного социального партнёрства».

Для цитирования: Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6

For citation: Shabunova A.A., Kosygina K.E. Public administration issues in the development of the non-profit sector at the regional level. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4. pp. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6

Изучена российская нормативная база в области государственного управления некоммерческим сектором федерального и регионального уровня. Выявлено, что в целом государством созданы условия для привлечения в социальную сферу новых поставщиков услуг – социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО). Однако установлено, что правовые основы, открывающие новые возможности вовлечения СОНКО в участие в социальных программах государства, оказались не подкрепленными упреждающими мерами, направленными на развитие экономической базы и кадрового потенциала рассматриваемых организаций. В работе доказывается, что регион является центральным звеном реализации государственной политики в области регулирования и поддержки некоммерческого сектора, именно на региональном уровне осуществляется обсуждаемое взаимодействие. В заключительной части статьи предложены структурные организационно-экономические и юридические меры по совершенствованию сотрудничества региональных, муниципальных органов власти и некоммерческого сектора в рамках межсекторного социального партнерства. Результаты исследования могут быть использованы при формировании сбалансированной государственной региональной политики, а также при разработке программных документов, планировании стратегических и оперативных мероприятий, направленных на развитие некоммерческого сектора в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, некоммерческие организации (НКО), социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО), государственное управление, регион, межсекторное социальное партнерство (МСП).

Введение

После распада Советского Союза официальная власть взяла курс на либерализацию политических процессов, переход к рыночной экономике и на разгосударствление социальной сферы. Внимание к деятельности некоммерческого сектора заметно усилилось. Были предприняты первые шаги в области его официального оформления путем законодательного закрепления существования и регистрации некоммерческих организаций (далее – НКО) [1, с. 48]. В правовых источниках понятие «некоммерческая организация» впервые было утверждено Верховным Советом СССР в 1991 г., затем в 1994 г. закреплено в Гражданском кодексе РФ. В 1996 г. был подписан Федеральный закон «О некоммерческих организациях», который регулирует основы их деятельности на территории России. НКО считаются организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками¹. Фактически под некоммерческим сектором понимается совокупность НКО, действующих на основе нерыночных механизмов.

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (действующая редакция, 2016) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>

С 2010 года российское законодательство выделяет в особую группу социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО)², которые занимаются решением социальных проблем и развитием институтов гражданского общества³. Органы государственной власти и органы местного самоуправления наделяются дополнительными полномочиями по их поддержке. Из чего следует, что СОНКО становятся объектами государственного управления.

² Доля СОНКО составляет 66 % от общего количества НКО в России, в Вологодской области – 88% (по состоянию на 2017 год).

³ Виды деятельности СОНКО определены Федеральным законом «О некоммерческих организациях», в соответствии с п. 1 ст. 31.1 к ним относятся: социальное обслуживание, поддержка и защита граждан; профилактика социально опасных форм поведения; подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, катастроф и др. и оказание помощи пострадавшим; охрана окружающей среды и защита животных; оказание юридической помощи; благотворительная деятельность, деятельность в области содействия добровольчеству; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта; формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Выделенный объект обладает своей спецификой, заключающейся в том, что органы власти РФ, ее субъектов и органы муниципального управления выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством на равных началах с некоммерческими организациями⁴. Условие равноправия накладывает определенные сложности на проведение государственной социальной политики с привлечением НКО, так как они не выполняют «прямые поручения» власти в отличие от подведомственных государству учреждений. Поэтому требуется создание особых механизмов взаимодействия между властью и некоммерческим сектором. При этом государственные формы регулирования должны иметь достаточную гибкость в соответствии не только с общими целями социальной политики, но и с местными особенностями и потребностями населения регионов. Взаимодействие должно основываться на сочетании единства государственного управления и множества интересов других субъектов, действующих в социальной сфере. Поэтому возникает необходимость создания формы такого взаимодействия.

Значимость формирования эффективных форм сотрудничества государства и организаций некоммерческого сектора на региональном уровне подкрепляется решением НКО проблем, таких как: преумножение человеческого капитала; увеличение вклада в экономическое развитие, в том числе производство товаров и услуг; мобилизация финансовых средств и концентрация ресурсов; обеспечение занятости и самозанятости населения; удовлетворение общественных запросов в сфере культуры, образования, здравоохранения; способствование устранению дисбаланса доходов социальных групп, приводящее к стабилизации общественных отношений [2, 3].

Таким образом, цель статьи состоит в представлении научно обоснованных предложений по совершенствованию государственного управления некоммерческим сектором в российских регионах на основе форм межсекторного социального партнерства.

⁴ Гражданский кодекс РФ. Статья 124: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования – субъекты гражданского права».

Для достижения цели исследования предполагается решить ряд задач:

- 1) обзор основных теоретических концепций по вопросам исследования;
- 2) изучение российской нормативной базы в области государственного управления некоммерческим сектором;
- 3) анализ отраслевой экономической поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций;
- 4) определение места региональной государственной политики в системе регулирования и поддержки некоммерческого сектора в России;
- 5) формулировка рекомендаций и предложений по совершенствованию государственного управления некоммерческим сектором в российских регионах.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляют: работы российских и зарубежных авторов, законодательные источники, документы федеральных и региональных органов власти; данные Федеральной службы государственной статистики, часть из которых опубликована на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

Кроме того, использованы результаты мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области. Мониторинг проводится ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» с 1996 года по настоящее время. Применяется метод опросов. Блок вопросов, отражающих отношение населения к некоммерческим организациям, включен с 2009 года. Используется модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки – это выделение типичных субъектов Вологодской области, которое включает города Вологду, Череповец и районы: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведётся отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек. Ошибка выборки 3%.

Обработка и интерпретация собранных данных проводилась с помощью системного, сравнительного, статистического и социологического анализа.

Теоретические основы изучения проблемы

Международная научная литература содержит ряд теоретических подходов к проблемам возникновения некоммерческих организаций и их взаимодействия с государством.

Так, суть концепции «провалов рынка/государства» состоит в том, что появление и развитие некоммерческих организаций связано с неспособностью рынка и государства обеспечить эффективное распределение ограниченных ресурсов. Государство компенсирует «провалы рынка» в предоставлении общественных благ, а некоммерческий сектор заполняет «провалы государства», фактически покрывая часть совокупного спроса на общественные блага и услуги (М. Крашински [4], И. Илман [5], Г. Хансманн [6,7]).

По мнению сторонников теории «социального происхождения», некоммерческий сектор является производной социальной системы государства, которая определяется особенностями его развития, прежде всего сложившимися в обществе традициями и стереотипами в отношении создателей общественных благ (Г. Эсприн-Андерсен [8], Л. Саламон, В. Соколовски [9]).

Как следует из концепции «субсидирования», субсидии (налоговые льготы, государственные ассигнования, частные пожертвования и др.) дают некоммерческим организациям дополнительные преимущества в конкурентной борьбе среди коммерческих, государственных структур и являются основным побудительным мотивом их появления и развития (М. Дженсен, Э. Фам [10]).

Обсуждаемые теоретические подходы не противоречат друг другу и дополняют концепцию «непрямого государственного управления» (New Governance Theory), которая заслуживает особого внимания.

Представители этой школы утверждают, что недостатки в деятельности государственного управления преодолеваются путем внедрения подходов и практик, заимствованных из частного сектора, таких как стратегическое планирование, управление по целям и др. [11].

Идеологи «непрямого государственного управления» предлагают государственные услуги, в том числе социальные, передавать частным и некоммерческим организациям через контракты и соглашения [12]. Подобные практики аутсорсинга⁵ на уровне правительств внедрены в развитых (Германия, США, Франция, Нидерланды и др.) и некоторых развивающихся (Республика Корея, Индия и др.) странах.

Преимущества сотрудничества с НКО для государства заключаются в следующем: улучшение качества услуг в результате меньшего масштаба и большей отзывчивости НКО; доступ к экспертным знаниям и опыту в решении проблем; возможность мобилизовать дополнительные ресурсы в форме частных взносов и усилий добровольцев; возможность переноса части стоимости услуг на пользователей; доступ к инновационным решениям для трудноразрешимых проблем, которые часто разрабатываются НКО; способность более гибко реагировать на проблемы без необходимости создания значительной государственной бюрократии; поощрение социального капитала и социальной гармонии [14, с. 8].

Вместе с тем реализация концепции «непрямого государственного управления» приводит к проблемам в аспектах управляемости, подотчетности и легитимности. Первая проблема заключается в том, что косвенные формы правительственных действий, как это ни парадоксально, требуют гораздо большего планирования, чем в случае с более прямыми инструментами. Внутренние вопросы, которые могут решаться на разовой основе в рамках прямого государственного управления, должны быть урегулированы заранее через юридически обязательные контракты под косвенным управлением. Согласованность должна быть обеспечена во многих точках сложных цепей принятия решений, и разрозненные организации должны быть объединены в эффективные сети способные к комплексным действиям. Все это требует новых подходов и новых навыков, значительно отличающихся от тех, которые характерны для традиционного государственного управления.

⁵ Аутсорсинг (outsourcing) — это способ организации деятельности компании за счет сосредоточения на главном, ключевом направлении деятельности и передачи непрофильных функций внешним специализированным фирмам на договорной основе [13].

Вторая проблема обусловлена возможной потерей контроля со стороны государственных органов, хотя бы потому, что, как сообщает нам «теория принципала-агента», организации-исполнители всегда будут иметь больше информации о том, что происходит в области их деятельности.

Третья проблема состоит в делегитимизации государства. Передача государственных функций может ослабить воспринимаемую связь между налогами, которые платит население, и услугами, которые оно получает, поскольку услуги, оказываемые в рамках внешнего подряда, предоставляются гражданам из НКО, а не из государственных учреждений. В результате граждане могут просто запутаться в источнике помощи [15].

Выявление баланса аргументов «за» и «против» в применении постулатов данной теории в российских реалиях требует дальнейших исследований, пока же остановимся лишь на кратком обзоре.

Российские ученые решение проблем государственного управления некоммерческим сектором видят в русле практикоориентированных теорий «межсекторного социального партнерства», «общественно-государственного партнерства» и «государственно-частного партнерства». Государственно-частное партнерство (далее — ГЧП) проявляется преимуществом во взаимодействии бизнеса и государства, включает в себя различные проекты софинансирования новых производств за счет частных и бюджетных средств [16, с. 271]. Однако, как отмечает А.А. Московская, в систему ГЧП должны быть включены социальные предприниматели, в том числе и некоммерческие организации как важные источники развития социальной инфраструктуры [17, с. 110]. Общественно-государственное партнерство (далее — ОГП) предполагает участие граждан и их формирований в реализации задач государственной политики, что также не исключает привлечение НКО как структур, объединяющих население в ассоциированные группы [18]. Сущность межсекторного социального партнерства (далее — МСП) состоит в конструктивном взаимодействии организаций государственного, бизнес- и некоммерческого секторов при решении социальных проблем, выгодном населению терри-

торий и каждой из сторон, обеспечивающем синергетический эффект от сложения ресурсов [19, с. 20, 21].

Применительно к условиям российских регионов наиболее рационально подходит форма межсекторного социального партнерства, поскольку позволяет не только получить дополнительные ресурсы на решение социальных проблем и повышение качества жизни населения, но и является инструментом повышения эффективности властных решений, увеличения доверия к органам управления со стороны населения. Инструменты МСП дают возможность государственным структурам своевременно улавливать запросы со стороны общества и производить коррекцию управленческих решений [20, с. 39].

Результаты и обсуждение

Процесс государственного управления развитием некоммерческого сектора предлагается рассмотреть в четырех аспектах: правовые основы, отраслевая специфика экономического управления, проблемы регионального уровня и эффективность информационной поддержки некоммерческого сектора в контексте общественного мнения.

1. Нормативно-правовая база

Формирование благоприятного правового поля для развития некоммерческих организаций является важной предпосылкой для ответной реакции некоммерческого сектора, а именно готовности работать вместе с государством при решении общих задач [21, с. 50]. Осознавая пользу от сотрудничества с некоммерческими организациями, федеральные власти определяют приоритеты осуществления государственной политики по отношению к некоммерческим организациям. Так, согласно подпункту «л» пункта 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» Правительству РФ поручено «предусмотреть, начиная с 2013 года, меры, направленные на увеличение поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»⁶.

⁶ О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597. URL: <http://base.garant.ru/70170950/>

Таблица 1. Документы и нормативно-правовые акты, направленные на поддержку СОНКО в Российской Федерации

Документ	Содержание
Распоряжение Правительства РФ № 1144-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» от 08.06.2016 г.	Содержит комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере
Федеральный закон № 287-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг (ИОПУ)» от 03.07.2016 г.	Статус ИОПУ получает СОНКО, которая на протяжении одного года и более оказывает общественно полезные услуги надлежащего качества, не иностранный агент, не имеет задолженностей по налогам и сборам
Постановление Правительства РФ № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» от 27.10.2016 г.	Закрепляет перечень услуг (21 направление), которые могут оказывать НКО, получая субсидии на эту деятельность. Устанавливает критерии оценки: соответствие стандартам, наличие квалификации работников и достаточность их количества, удовлетворенность получателей, открытость и доступность информации об НКО, отсутствие в реестре недобросовестных поставщиков
Федеральный закон № 449 «О внесении изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» от 19.12.2016 г.	Устанавливает минимальный двухлетний срок, на который должны выделяться бюджетные субсидии НКО - ИОПУ
Федеральный закон № 466 «О внесении изменений в статьи 78.1 и 242.6 Бюджетного Кодекса РФ» от 28.12.2016 г.	Определяет объем и порядок предоставления субсидий из федерального бюджета, бюджета субъекта РФ и местного бюджета
Постановление Правительства РФ № 89 «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг» от 26.01.2017 г.	Определяет правила принятия решения о признании СОНКО исполнителем общественно полезных услуг, а также правил ведения реестра
Методические материалы по разработке региональных программ поддержки СОНКО	Устанавливают полномочия регионов; порядок разработки региональных программ поддержки СОНКО, требования к структуре и содержанию таких программ
Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах РФ и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки СОНКО	Определяют функции ресурсного центра СОНКО и показатели для оценки их деятельности. Содержат рекомендации по обеспечению поддержки ресурсного центра органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления

Во исполнение майского указа Президента РФ В.В. Путина был разработан и принят ряд документов. Некоторые из них носят необязательный характер, в частности, это касается методических материалов для регионов (табл. 1).

Действия власти и принимаемые официальные документы свидетельствуют, что привлечение неприбыльных организаций к оказанию государственных и муниципальных услуг в отраслях социальной сферы служит одним из приоритетов российской социальной политики. Преимуществом является то, что в целом сформирована нормативно-правовая база, создающая условия для привлечения в социальную сферу новых поставщиков услуг – некоммерческих организаций. Однако некоторые исследователи выделяют недостатки существующей системы. Г.М. Заболотная и А.В. Ларионов под-

черкивают, что «реальная ситуация с привлечением некоммерческого сектора в оказание услуг в социальной сфере в регионах не соответствует озвученному запросу со стороны федерального центра» [22, с. 252].

Следует выделить ряд причин, сдерживающих реализацию государственной политики на региональном и муниципальном уровнях. Если обратиться к реестру некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг Минюста России, то фактически в этот список внесено 139 организаций по всей России (на июнь 2018 года)⁷. В Центральном федеральном округе, являющимся лидером в

⁷ Сведения реестра некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг Минюста России. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOPerfServ.aspx>

реестр включено 57 СОНКО (0,18% от общего количества СОНКО, зарегистрированных в регионах округа), в Сибирском – 15 (0,07%), Северо-Кавказском – 13 (0,16%), Уральском – 12 (0,1%), Северо-Западном – 6 (0,04%), Южном – 4 (0,02%)⁸. Общий объем финансирования СОНКО из бюджетных средств по всем территориям не достигает обозначенных в «программе поэтапного доступа к бюджетным средствам» 7% к 2018 г. и 10% к 2020 г. (план)⁹, фактическое значение в 8 раз меньше установленного показателя. Например, по Северо-Западному округу доля средств из консолидированных бюджетов регионов, предусмотренных на поддержку СОНКО составляет, 1,2% (2 896,5 млн. руб.)¹⁰.

При объяснении причин недостаточного обеспечения мер по включению в реестр исполнителей общественно полезных услуг из числа некоммерческих организаций и их финансовому снабжению часть региональных органов власти ссылается на отсутствие единой методики выделения бюджетных средств на оказание общественно полезных услуг населению некоммерческими организациями¹¹.

Анализируя порядок отбора поставщиков социальных услуг в 15 регионах, Б.Л. Рудник, Е.В. Куштанина выявили многочисленные случаи, когда принятые документы не обеспечивают объективность и прозрачность отбора. В частности, авторы отмечают следующие проблемы: отсутствие требований к заказчику услуг публичного представления информации о про-

ведении отбора и его результатах, применение неформализованных качественных критериев, неурегулированность вопросов деятельности комиссий и т.п. [23].

С.В. Ефремов исследует субъективную готовность регионального управления к привлечению СОНКО как поставщика социальных услуг за счет бюджетных средств методом опроса заместителей губернаторов и министров регионов (64 респондента из 44 регионов). Автор приходит к выводу, что «ведомственность интересов и консервативность органов власти порождают прочный круг – регионы, не имеющие опыта привлечения, не стремятся его приобрести» [24, с.102]. Неготовность регионов можно объяснить тем, что передача части социального заказа негосударственным некоммерческим организациям влечет за собой сокращение бюджетных ассигнований на государственные и муниципальные учреждения социальной сферы, в чем явно не заинтересованы местные власти, продолжающие работать по инерции и ссылающиеся при этом на «объективные» причины. В то же время сами некоммерческие организации не проявляют активности и не видят реальной выгоды от регистрации в реестре, так как не могут составить реальной конкуренции государственным и муниципальным бюджетным учреждениям. Как показывают исследования И.В. Мерсияновой, В.Б. Беневоленского на основе опросов руководителей СОНКО в 33 субъектах РФ, слабыми сторонами некоммерческих организаций являются низкая материально-финансовая база и недостаточный уровень профессионализма персонала СОНКО при организации работы по оказанию социальных услуг населению [25, с. 94]. Примечательно, что именно эти условия обязательны согласно Постановлению Правительства РФ № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания».

Таким образом, нормативная база, открывающая новые возможности вовлечения СОНКО в участие в социальных программах государства, оказалась не подкрепленной упреждающими мерами, направленными на развитие экономической базы и кадрового потенциала самих некоммерческих организаций, которые могли бы без потери качества реализовать намеченные объемы социальных услуг населению.

⁸ Отсутствуют данные по Приволжскому и Дальневосточному федеральному округу.

⁹ Программа поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/>

¹⁰ Доклад Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе по выполнению поручения в рамках реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 5 декабря 2016 № Пр-2346 по организации и итогам мониторинга финансового обеспечения за счет средств региональных бюджетов Северо-Западного федерального округа. URL: <http://nko.economy.gov.ru>

¹¹ Проведен мониторинг поддержки деятельности СОНКО – исполнителей общественно полезных услуг. URL: http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/4437?_utl_t=fb

В сложившихся условиях ряд регионов избирают более легкие альтернативные пути выполнения федеральной стратегии по привлечению СОНКО к решению социальных проблем. Так, только изменение организационно-правовой формы государственных и муниципальных учреждений на автономные некоммерческие организации (АНО) позволяет одновременно достичь рекомендуемых федеральной властью показателей, сохраняя специалистов и материальную базу упраздненных учреждений, но теперь уже в иной юридической и экономической реальности (модель институционального замещения активно реализуется в Республике Башкортостан) [26]. Но рассчитывать на синергетический эффект от привлечения дополнительных ресурсов некоммерческих организаций государству при этом не приходится.

2. Отраслевая специфика экономического управления некоммерческим сектором

В России на федеральном и региональном уровнях складывается практика управленческого воздействия на экономическое поведение СОНКО по отраслевому принципу. В структуре государственных органов, оказывающих

финансовую поддержку СОНКО, за исключением Администрации Президента РФ, активно действует целый ряд министерств и ведомств: Минэкономразвития, Минкультуры, Минтруд, Минобрнауки, Роспечать, Росмолодежь, МЧС. Наибольшую долю субсидий в 2017 г. предоставляет Минкультуры РФ (3 310,3 млн. руб.). Следует отметить, что практически весь объем средств этого ведомства, предназначенный для СОНКО, распределяется на конкурсной основе.

В целом по России с 2014 по 2017 г. ассигнования из федерального бюджета на поддержку деятельности СОНКО возросли в 3 раза. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что количество СОНКО, получивших финансовую поддержку, уменьшилось с 6037 до 3688 единиц (табл. 2). В среднем на одну СОНКО, которая получила помощь от государства в 2017 г., приходится по 3,5 млн. руб. против 0,8 млн. руб. в 2014 г. Наблюдается тенденция сокращения числа субсидированных СОНКО при одновременном увеличении общего финансирования. Причиной сложившейся ситуации является ужесточение требований конкурсных процедур к оценке качества проектов.

Таблица 2. Информация о финансировании СОНКО в 2014–2017 гг. из федерального бюджета (тыс. руб., в сопоставимых ценах 2017 года)

Государственный орган РФ, оказывающий финансовую поддержку СОНКО	Объем государственной финансовой поддержки, предоставленной СОНКО (тыс. руб.)		Из них на конкурсной основе (тыс. руб.)		Количество СОНКО, получивших финансовую поддержку		Темп прироста фин-ия 2014 г. к 2017 г., в %
	2014 г.	2017 г.	2014 г.	2017 г.	2014 г.	2017 г.	
Администрация Президента РФ (в том числе Фонд президентских грантов)	3241396	6653841	3241396	6653841	1276	3213	105,3
Минэкономразвития России	1113	-	1113	-	4630	-	
Минкультуры России	942952	3310327	942952	3124427	58	176	251,1
Минтруд России	896692	1319184	-	-	16	25	47,1
Роспечать	101	107,2	-	-	33	138	6,4
Росмолодежь	21625	113500	21625	113500	24	96	424,8
Минобрнауки России	-	1430274	-	30896	-	34	
МЧС России	-	90000	-	90000	-	6	
ИТОГО	5103879	12917233	4207086	10012664	6037	3688	153,1

Источник: рассчитано авторами по: Доклад о деятельности и развитии СОНКО за 2014 и 2017 гг. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Files/NewsDocuments/250a81ba-6074-4536-95b9-6f3d5cdc54c8.docx>

С одной стороны, увеличение средств частично решает проблему «кризиса» некоммерческого сектора, т.е. способствует более стабильному и эффективному выполнению проектов, привлечению квалифицированных кадров, преумножению социальной отдачи. С другой стороны, возникает зависимость организаций от получения государственных средств, увеличивается контроль за этим сектором экономики. Кроме того, финансирование осуществляется дискретно под разовые проекты, что не позволяет формировать постоянный штат сотрудников и материальную базу.

Анализ государственного субсидирования СОНКО позволил выявить еще один существенный недостаток данной формы поддержки. Присутствует дублирование финансовых потоков по линии Администрации Президента РФ и отраслевых министерств, ведомств. Одни и те же организации имеют возможность одновременной подачи заявок на финансирование социальных проектов Фонду президентских грантов и профильному органу исполнительной власти. Вместе с тем не исключается возможность финансирования указанных проектов частными фондами (благотворительные фонды В. Потанина, Елены и Геннадия Тимченко, «Лукойла» и другие), региональными и муниципальными бюджетами. Координация целевого направления выделяемых ресурсов действующими методиками не предусмотрена, что является одной из задач, решаемых органами власти на региональном уровне.

Для повышения эффективности государственного управления в условиях сохранения отраслевого подхода в поддержке СОНКО необходимо внесение структурных преобразований, направленных на решение проблемы межведомственной и межсекторной координации.

3. Региональный уровень государственного управления некоммерческим сектором

Жизненный успех или провал вышестоящих законодательных решений в значительной степени зависит от занимаемой позиции и экономических возможностей региональных властей, что определяет эффективность государственного управления в целом.

Региональный уровень государственного управления является центральным, где схо-

дятся требования единой государственной политики¹², исходящей из федерального уровня, и конкретные потребности, которые формируются на муниципальном уровне с учетом местных условий (*рисунок*). Поэтому обозначенная проблема взаимодействия решается главным образом на региональном уровне.

По иерархии государственного управления к полномочиям региональных органов власти в области регулирования и поддержки СОНКО относятся координация и обеспечение реализации государственной политики, принятой на федеральном уровне, разработка целевых программ субъектов РФ, содействие органам местного самоуправления в вопросах поддержки СОНКО (в том числе путем помощи в реализации муниципальных программ поддержки СОНКО), а также в мониторинге принятых программ и контроле за их выполнением.

По данным ежегодного Доклада Минэкономразвития России за 2017 г., государственные программы субъектов Российской Федерации (подпрограммы государственных программ) по поддержке СОНКО приняты и реализуются в 74 регионах страны¹³.

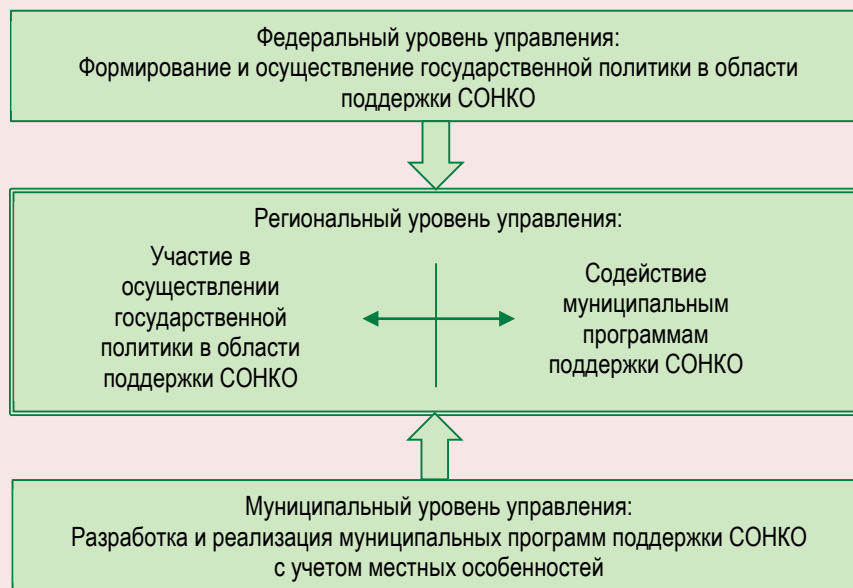
Вместе с тем возможности некоторых регионов по финансированию проектов СОНКО ограничены небольшими суммами. К примеру, в 2018 году региональным бюджетом Республики Карелия предусмотрено финансирование государственной программы поддержки СОНКО в размере 11,5 млн. руб., в Новгородской области на эти цели выделялось 15 млн. руб., а в Псковской — 5 млн. руб.

В Вологодской области реализуется государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы», в рамках которой утверждена подпрограмма «Государственная поддержка социально

¹² Согласно ФЗ № 7-ФЗ от 12.01.1996 (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях» (ст. 31.1.) органы государственной власти и органы местного самоуправления оказывают следующие виды поддержки СОНКО: финансовая; имущественная; информационная; консультативная; подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников и добровольцев.

¹³ Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2017 год. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Files/News/Documents/250a81ba-6074-4536-95b9-6f3d5cdc54c8.docx>

Схема распределения полномочий органов государственной власти
и органов местного самоуправления в России

Источник: составлено авторами.

ориентированных некоммерческих организаций в Вологодской области на 2014–2020 годы». Цель – создание на территории области условий, максимально благоприятствующих развитию и эффективному функционированию СОНКО¹⁴. Динамику объемов финансовой поддержки СОНКО из регионального бюджета в рамках программы можно рассматривать начиная с 2016 года, так как прежде она осуществлялась на основе федерального софинансирования. Сумма выделяемых средств варьируется в районе 15 млн. руб. с незначительным снижением в 2017 году. Если распределить данную сумму на зарегистрированные в регионе организации (1465 ед.), то в среднем на одну СОНКО приходится только 10 тыс. руб. В 2016–2018 гг. фиксируется увеличение средней величины предоставляемой субсидии при снижении количества поддержанных проектов (табл. 3), что соответствует тенденции выделения денежных ассигнований СОНКО на федеральном

¹⁴ О государственной программе «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы» (с изменениями на 21 января 2019 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/422454376>

уровне. Однако проекты, участвующие в конкурсе, получают поддержку не в полном объеме; в 2018 году 35% заявителей не получили субсидий, заложенных в представленных сметах¹⁵. Поэтому проекты реализуются в сокращенном масштабе, что существенно снижает их эффективность.

При таком незначительном финансировании СОНКО обременены сложной системой подачи заявок и предоставления отчетности о выполнении проектов на бумажных носителях. В результате возникают дополнительные административные расходы на оформление документов, вызывающие снижение хозяйственной эффективности некоммерческих организаций.

Средняя продолжительность субсидируемых из регионального бюджета проектов составляет не более одного года, так как государ-

¹⁵ Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы». URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/pravitelstvo_oblasti/strukturnye_podrazdeleniya_pravitelstva/departament_vnutrenney_politiki_pravitelstva_vologodskoy_oblasti/otchety/

Таблица 3. Финансовая поддержка проектов СОНКО в рамках подпрограммы «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Вологодской области на 2014–2020 годы» в 2014–2018 годах (тыс. руб., в сопоставимых ценах 2018 года)

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Темп прироста 2018 г. к, %			
						2017 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.
Объем финансовой поддержки СОНКО, тыс. руб.	29530	27565	15769	12554	15000	19	-5	-46	-49
Из них софинансирование из федерального бюджета, тыс. руб.	16788	11072*	-	-	-	-	-	-	-
Количество поддержанных проектов СОНКО, ед.	71	93	70	53	48	-9	-31	-48	-32
Из них количество проектов СОНКО, зарегистрированных в муниципальных образованиях	27	21	16	8	10	25	-38	-52	-63
Средний размер предоставленной СОНКО субсидии, тыс. руб.	416	296	225	237	313	32	39	5	-25

* В конце 2015 года было принято решение о прекращении софинансирования деятельности программ поддержки СОНКО Минэкономразвития РФ.
 Источник: составлено авторами по: Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки Правительства Вологодской области за период 2012–2019 гг. URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/pravitelstvo_oblasti/strukturnye_podrazdeleniya_pravitelstva/departament_vnutrenney_politiki_pravitelstva_vologodskoy_oblasti/reestry

ственной подпрограммой не предусмотрена подача заявок на долгосрочные проекты. Это приводит к нестабильности работы некоммерческих организаций, невозможности закрепления квалифицированных кадров.

Таким образом, в поле государственного экономического воздействия находятся лишь те некоммерческие организации, которые задействованы в качестве одной из сторон в гражданско-правовых договорах с органами власти. Так, договоры аренды и безвозмездного пользования нежилыми помещениями (зданиями), находящимися в государственной и муниципальной собственности, заключены с 18% СОНКО¹⁶. Договоры на предоставление субсидий (грантов) имеют 7% организаций¹⁷. Кроме того, внедоговорные публичные отношения по информационной поддержке оказывает Департамент внутренней политики Вологод-

¹⁶ Распределение СОНКО Вологодской области по наличию и общей площади помещений в 2017 году. Основные характеристики социально ориентированных некоммерческих организаций Вологодской области за 2017 год / Вологдастат. URL: http://vologdatastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdatastat/ru/statistics/finance/

¹⁷ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки Правительства Вологодской области за период 2012–2019 гг. URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/pravitelstvo_oblasti/strukturnye_podrazdeleniya_pravitelstva/departament_vnutrenney_politiki_pravitelstva_vologodskoy_oblasti/reestry

ской области с охватом еще 14% организаций¹⁸. Вне поля взаимодействия с государственными структурами остается более половины зарегистрированных в регионе СОНКО.

Отметим, что региональные СОНКО могут получать ассигнования из различных источников. Информация о финансировании СОНКО на примере Вологодской области представлена в *таблице 4*. Совокупная доля поступлений из бюджетных источников снизилась с 8% в 2014 году до 5% в 2017 г. В свою очередь, безвозмездные поступления от граждан и бизнес-структур превышают удельный вес государственного финансирования СОНКО в 7 раз. Для сравнения: в развитых западных странах доля государственной поддержки организаций некоммерческого сектора варьируется в пределах 40% [27], что значительно больше, чем в России.

Органы местного самоуправления разрабатывают и реализуют муниципальные программы поддержки СОНКО, оказывают им имущественную поддержку. По данным Минэконом-

¹⁸ Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 гг.». URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/pravitelstvo_oblasti/strukturnye_podrazdeleniya_pravitelstva/departament_vnutrenney_politiki_pravitelstva_vologodskoy_oblasti/otchety/

Таблица 4. Структура формирования денежных средств социально ориентированных некоммерческих организаций в 2014–2017 гг. в России на региональном уровне (на примере Вологодской области) (тыс. руб., в сопоставимых ценах 2017 года)

Источники формирования денежных средств	2014 г.	Удельный вес, в %	2017 г.	Удельный вес, в %	Темп прироста 2017 г. к 2014 г.
Доходы от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав (кроме доходов от целевого капитала)	3109215	46,7	2423863	54,1	-22,0
Целевые поступления (включая пожертвования), гранты от российских НКО	163326	2,5	184443	4,1	12,9
Целевые поступления (включая пожертвования), гранты от российских физических лиц	595230	8,9	490560	10,9	-17,6
Целевые поступления (включая пожертвования) от российских коммерческих организаций	1877270	28,2	1080844	24,1	-42,4
Бюджеты (федеральный, региональный, муниципальный)	537872	8,1	212831	4,7	-60,4
Поступления от иностранных государств, организаций, граждан и лиц без гражданства	7833	0,1	8305	0,2	6,0
Прочие поступления	369180	5,5	80681	1,8	-78,1
Всего поступлений	6659927	100,0	4481527	100,0	-32,7

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций – итоги выборочного статистического наблюдения. URL: <https://fedstat.ru>

развития России, муниципальные программы приняты пока только в 23% муниципальных образований (в 540 из 2350). При этом общий объем субсидий, предоставленных местным бюджетам из бюджетов субъектов Российской Федерации на цели реализации муниципальных программ поддержки СОНКО, выросли с 2,3

до 2,9 млрд. рублей, темп роста составил 26% (2016 г. к 2017 г.)¹⁹.

Особенно ощутима нестабильность финансирования деятельности СОНКО из бюджетных источников на муниципальном уровне, что видим на примере регионов Северо-Западного федерального округа (табл. 5). В Новгород-

Таблица 5. Информация о финансировании СОНКО в 2014–2017 гг. в России из муниципальных (местных) бюджетов (тыс. руб. в сопоставимых ценах 2017 года)

Регион	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Темп прироста 2017 г. к, %		
					2016 г.	2015 г.	2014 г.
Санкт-Петербург	182195	112544	115944	136345	18	21	-25
Ленинградская область	59490	78399	96779	84538	-13	8	42
Вологодская область	193598	169104	49963	78284	57	-54	-60
Архангельская область	86439	56648	66090	42264	-36	-25	-51
Мурманская область	21402	25092	247953	41546	-83	66	94
Калининградская область	53392	37598	40284	32371	-20	-14	-39
Республика Коми	22501	75559	20855	16959	-19	-78	-25
Псковская область	13764	9594	9446	15221	61	59	11
Республика Карелия	5845	3184	5934	8512	43	167	46
Новгородская область	5530	4872	5422	2208	-59	-55	-60
Россия	11573020	10743215	10523224	6939053	-34	-35	-40
СЗФО	649424	575702	660171	458248	-31	-20	-29

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС. Деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций – итоги выборочного статистического наблюдения. URL: <https://fedstat.ru>

¹⁹ Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2017 год. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Files/NewsDocuments/250a81ba-6074-4536-95b9-6f3d5cdc54c8.docx>

ской, Архангельской областях и Республике Коми отсутствует положительная динамика по рассматриваемому показателю в период с 2014 по 2017 год. Значительно уменьшилось субсидирование из местных бюджетов СОНКО в Вологодской области. Примечательно, что при увеличении общего объема субсидий, предоставленных муниципальным бюджетам из бюджетов субъектов РФ на поддержку СОНКО, финансирование этих организаций на местах все-таки уменьшается.

Анализ представленных данных показал, что, с одной стороны, прямое участие некоммерческого сектора в качестве партнера государства в создании общественных благ привлекает в социальную сферу значительные дополнительные финансовые ресурсы, что особенно важно в условиях ограниченности бюджетов регионов. С другой стороны, СОНКО предоставляют гражданам возможность самореализации в общественно полезной деятельности, а бизнесу – возможность проявить себя в качестве социально ответственного субъекта хозяйствования.

4. Общественное мнение как критерий эффективности информационной поддержки некоммерческого сектора

Немаловажным фактором, отчасти определяющим эффективность государственного управления некоммерческим сектором на региональном и местном уровне, является отношение населения к НКО и его включенность в их деятельность. Данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области показывают недостаточную информированность граждан о работе НКО. В период с 2009 по 2019 год были осведомлены о деятельности НКО или лично сталкивались с ними от 6 до 14% респондентов (табл. 6). В этой связи следует отметить, что одной из обязательных законодательно закрепленных форм государственной поддержки является информационное сопровождение НКО²⁰. Нельзя обойти вниманием прямое участие населения в деятельности НКО в качестве члена или волонтера. За десять лет наблюдений уменьшилось количество тех, кто является членом организации (с 7 до 3%).

Таблица 6. Распределение ответов на вопросы: «Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций?»; «Принимаете ли Вы участие в деятельности НКО или являетесь членом какой-нибудь из них?»; «На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?» (% от числа опрошенных)

Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих организаций (общественных) организаций?							
Вариант ответа	2009 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.	Изменение 2019 г. к (+/- п.п.)		
					2009 г.	2013 г.	2016 г.
Знаю, лично сталкивался	12,3	12,7	6,3	10,1	- 2	-3	4
Что-то слышал	40,3	34,7	33,1	42,3	2	8	9
Ничего не знаю	24,5	33,6	43,1	36,5	12	3	-7
Затрудняюсь ответить	22,9	19,0	17,6	11,2	- 12	-8	-6
Принимаете ли Вы участие в деятельности НКО или являетесь членом какой-нибудь из них?							
Являюсь членом организации	7,0	4,5	3,0	2,7	-4	-2	0
Принимаю участие как доброволец, волонтер	9,9	6,3	6,3	9,8	0	4	4
Не участвую и не состою	81,0	89,2	90,7	87,6	7	-2	-3
На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?							
Оказывают большое влияние	5,8	4,7	4,9	7,0	1	2	2
Оказывают незначительное влияние	25,0	22,4	18,1	19,3	-6	-3	1
Не оказывают никакого влияния	22,3	26,0	25,0	29,7	7	4	5
Затрудняюсь ответить	46,7	51,9	46,9	44,0	-3	-8	-3

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области (ВолНЦ РАН).

²⁰ Согласно ФЗ № 7-ФЗ от 12.01.1996 (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях» (ст. 31.1.).

В целом удельный вес не участвующих в деятельности НКО за весь период наблюдений остается предельно высоким — 81–91%. Оценка влияния НКО на жизнь области служит также является важным индикатором определяющим отношения населения к деятельности НКО и, следовательно, усилий государства по их поддержке. Как показывают результаты опросов, доля считающих НКО влиятельными структурами составляет в 2019 г. всего 7%. Напротив, 30% полагают, что НКО не оказывают никакого влияния. Количество неопределенных суждений за наблюдаемый промежуток времени остается высоким и достаточно стабильным (44–52%). Данные тенденции напрямую связаны с низким уровнем информированности населения о работе НКО.

Таким образом, итоги анализа ресурсной базы регионов и муниципалитетов, результатов мониторинга свидетельствуют о существенном накоплении нерешенных проблем, что дает нам основание считать именно региональный уровень государственного управления наиболее значимым в деле совершенствования эффективности управления в стране в целом.

Выводы и рекомендации

Возвращаясь к теоретической части настоящей работы, отметим, что мы определили межсекторное социальное партнерство наиболее удачной формой для конструктивного взаимодействия организаций государственного, бизнес- и некоммерческого секторов в целях решения общественно значимых задач на региональном уровне.

Сегодня уже можно говорить о том, что началось выстраивание этого конструктивного сотрудничества и некоммерческому сектору отводится роль координатора, так как НКО максимально ориентированы на решение социальных проблем, а также наиболее полно понимают потребности целевых аудиторий [28, с. 67]. Так, решением Правительства РФ функция взаимодействия с некоммерческими организациями возложена на Министерство экономического развития РФ. В регионах аналогичная функция осуществляется профильным структурным подразделением органа исполнительной власти. Например, в Вологодской области таким органом является Депар-

тамент внутренней политики Правительства региона. Соответствующая функция на муниципальном уровне возлагается на специальные созданные структуры администрации или отдельных специалистов в зависимости от масштабов муниципального образования. Некоммерческие организации образуют автономное поле в виде горизонтальной сетевой структуры. В точке пересечения административной вертикали с общественной горизонталью складывается желательное взаимодействие.

Практически все регионы активно разрабатывают на региональном уровне нормативную базу, регламентирующую механизмы межсекторного взаимодействия, но эффективность применения данных механизмов различается между субъектами РФ в силу субъективных факторов, таких как готовность власти региона к МСП, отличительные территориальные особенности развития некоммерческого сектора, уровень социального капитала, формальность и зрелость институтов и др. [20, с. 39]. В.Н. Якимец в качестве устойчиво работающих в регионах выделяет пять типов механизмов МСП: конкурсные (субсидии, гранты, конкурсы, государственные закупки, социальный заказ); социально-технологические (создание и поощрение «социальных ноу-хау»); организационно-структурные (совместное создание центров, юридических лиц для решения социальных задач); процедурные или переговорные (общественные палаты, советы, комитеты, круглые столы, рабочие группы, трёхсторонние соглашения); комплексные или комбинированные механизмы (фонды местных сообществ, ресурсные центры, ярмарки социальных проектов). Последние объединяют в себе черты всех предыдущих [19, с. 21].

Устойчивость партнерства обеспечивается обязательным применением соответствующих юридических, экономических и организационных инструментов в построении координационных структур некоммерческого сектора, бизнеса и власти на паритетной основе. Так, в некоторых регионах начинают действовать региональные ресурсные центры (РРЦ), создаваемые в организационных формах фонда или автономной некоммерческой организации. РРЦ в первую очередь должны выполнять

функции по решению выявленных в ходе настоящей работы проблем:

- анализ деятельности негосударственных организаций, работающих в сферах социального обслуживания, здравоохранения, образования, культуры, физкультуры и спорта, в том числе с привлечением ресурсов благотворительных фондов, бизнеса, науки и иных источников;

- укрепление экономического потенциала СОНКО с целью увеличения их доли на рынке социальных услуг в условиях реальной конкуренции с государственными и муниципальными учреждениями социальной сферы;

- создание центров подготовки и повышения квалификации руководителей и сотрудников СОНКО;

- преодоление несогласованности и устранение межведомственных барьеров в части оказания финансовой и иной поддержки СОНКО путем концентрации ресурсов из разных бюджетных и внебюджетных источников;

- организация комплексного информационного сопровождения деятельности всех участников;

- координация государственных и муниципальных программ поддержки, привлечение к участию в разработке и реализации этих программ местных предпринимательских структур на основе долевого финансирования;

- совершенствование деятельности экспертных и конкурсных комиссий с целью повышения качества принимаемых к финансированию проектов и контроля целевого использования средств.

Следует подчеркнуть, что для успешной работы необходимо узаконивание деятельности ресурсных центров для некоммерческих организаций в регионе. Возможным способом легитимации деятельности РРЦ может быть их обязательная государственная сертификация.

По нашему мнению, в новой архитектуре территориального устройства взаимодействия в рамках местных сообществ недостает муниципальных центров инфраструктурной поддержки СОНКО (далее – ЦИП). Они могли бы исполнять роль сетевых опорных пунктов РРЦ, образуя тем самым общественно-государствен-

ный каркас, формируемый на паритетной основе местными общественными структурами, предпринимательским сообществом и муниципальной администрацией. Специфика многих муниципалитетов, особенно в сельской местности, заключается в том, что на их территории действуют, как правило, малые некоммерческие организации, а в большинстве своем – просто инициативные группы граждан, не имеющие статуса юридического лица. В этих условиях ЦИП становится для них «материнской» многофункциональной общественной структурой, аккумулирующей в себе местные гражданские инициативы, а также людские, административные и материальные ресурсы для их успешной реализации. Кроме того, ЦИП обеспечивают доступ муниципальных НКО и инициативных групп граждан к получению услуг, оказываемых РРЦ. Организатором и инициатором создания ЦИП могут стать региональные ресурсные центры.

Такая форма социальной организации позволяет сформировать собственную материально-экономическую базу для устойчивого развития местной инициативы. ЦИП могут создаваться как самостоятельные юридические лица в организационно-правовых формах фонда или автономной некоммерческой организации. В небольших муниципалитетах ЦИП могут действовать на правах филиалов РРЦ.

Таким образом, генерирующими структурами межсекторного социального партнерства на условиях равноправного участия становятся сетевые горизонталы: на региональном уровне – региональные ресурсные центры, на муниципальном уровне – центры инфраструктурной поддержки. Но в любом случае РРЦ берет на себя функции «зонтичной организации» региона, обеспечивая объединение гражданских структур (СОНКО и бизнеса) по вопросам экономического взаимодействия с государством в социальной сфере.

Предлагаемые структурные организационно-экономические и юридические меры поднимают межсекторное социальное партнерство на более высокий уровень, отвечающий требованиям высокой эффективности государственного управления некоммерческим сектором в регионах.

Литература

1. Гражданское общество – общество граждан: монография / М.В. Морев, Т.А. Гужавина, Е.О. Смолева, В.С. Каминский, К.Е. Косыгина, Ю.В. Уханова, М.А. Головчин, А.В. Попов, А.И. Россошанский; под науч. рук. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 190 с.
2. Сесявин Е.А. Развитие механизмов государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне: автореф. дис... канд. экон. наук. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2015. 18 с.
3. Волкова Г.Г. Роль и функции некоммерческого сектора в национальной экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 5. С. 16–19.
4. Krashinsky M. Transaction costs and theory of the nonprofit sector. In: Rose-Ackerman S. (Ed.): *The Economics of Nonprofit Institutions: Studies in Structure and Police*. New York: Oxford University Press, 1986. 162 p.
5. Ellman I. Another theory of nonprofit organizations (corporations). *Michigan Law Review*, 1992, no. 5. pp. 14–28.
6. Hansmann H. *The Changing Roles of Public, Private, and Nonprofit Enterprise in Education, Health Care, and Other Human Services*. 1996. Available at: <https://www.nber.org/chapters/c6565.pdf>
7. Hansmann H. The role of nonprofit enterprise. *The Yale Law Journal*, 1990, no. 89, pp. 76–79.
8. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, 1990. 248 p.
9. Salamon L., Sokolowski S. Haddock M.A. *Explaining Civil Society Development: A Social Origins Approach*. Johns Hopkins University Press, 2017. 321 p.
10. Fama E., Jensen M. Separation of ownership and control. *The Journal of Law & Economics*, vol. 26, no. 2, 1983, pp. 301–325.
11. Lane J. *New Public Management*. London: Routledge, 2000. 256 p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203467329>
12. Salamon L., Toepler S. Government–nonprofit cooperation: anomaly or necessity? *Voluntas*, 2015, no. 26 (6), pp. 2155–2177. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6>
13. Борзунова О.А. Переключаем работу на чужие плечи: договор аутсорсинга // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2009. № 11. URL: <http://www.delo-press.ru/articles.php?n=6664>
14. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 7–26.
15. Irish L., Salamon L., Simon K. *Outsourcing Social Services to CSOs: Lessons from Abroad*. The World Bank. 2009. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/517011468019451377/503850ESW0WHIT10Lesson0from0Abroad.doc>
16. Неганов С.А., Полищук Л.И. Государственно-частное партнерство в региональном развитии: преимущества и риски // Экономика региона. 2008. № 2. С. 271–276.
17. Московская А.А., Соболева И.В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 6. С. 103–111.
18. Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 35–51.
19. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. № 4. С. 15–25.
20. Исаева Е.А. Нормативно закрепленные диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // Власть. 2013. № 8. С. 39–41.
21. Кожевников О.А. Отдельные вопросы нормативно-правового регулирования государственной поддержки некоммерческих организаций // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4 (57). С. 49–53.
22. Заболотная Г.М., Ларионов А.В. Экономические аспекты институционализации некоммерческих организаций как поставщиков услуг в социальной сфере // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Том 4. № 4. С. 249–270. DOI: 10.21684/2411-7897-2018-4-4-249-270

23. Рудник Б.Л., Куштанина Е.В. Привлечение НКО к оказанию социальных услуг: прозрачность применяемых процедур // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 117–137.
24. Ефремов С.В. Оценка готовности региональных органов власти привлекать независимых поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 102–122.
25. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 83–104.
26. Заболотная Г.М., Ларионов А.В. Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 72–91.
27. Salamon L., Anheier H., List R., Toepler S., Sokolowski S. *Global Civil Society*. Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 1999. 512 p.
28. Лебедева И.С. Барьеры развития межсекторного социального партнерства: региональный аспект // Идеи и идеалы. 2010. № 2 (4). С. 67–73.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscs.ac.ru)

Ксения Евгеньевна Косыгина – аспирант, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Shabunova A.A., Kosygina K.E.

Public Administration Issues in the Development of the Non-Profit Sector at the Regional Level

Abstract. At the current stage of socio-economic development of the country the non-profit sector becomes a vital actor in the management system and the object of governance with its own unique features. The goal of this article is to present scientific propositions based on intersectoral social partnership for improving governance of non-profit organizations in the Russian regions. To achieve this goal, we used methods of systemic, comparative, statistical and sociological analysis. Works of domestic and foreign authors on the problems of engagement between authorities and the non-profit sector were analyzed. The conclusion that the term “intersectoral social partnership” is more appropriate for the conditions of the Russian regions was made. The Russian legal basis for governance of the non-profit sector at the federal and the regional levels was studied. It was identified that the conditions to attract new service providers to the social sphere were created – these providers are called “socially oriented non-profit organizations” (hereinafter – SONPOs). But it was identified that the legal basis, which opens new opportunities for SONPOs to be involved in social programs of the government, was not supported by proactive measures to strengthen the economy and human capacity of the considered organizations. This article proves that a region is the central element in the implementation of governmental policy in the sphere of regulation and support of the non-profit sector: discussed cooperation is implemented at the regional level. The concluding part of the article names structural organizational-economic and legal measures to improve the cooperation between regional, municipal authorities and the non-profit sector within intersectoral social partnership. The results of this research might be used to develop well-balanced state regional policy and programming documents as well as to plan strategic and operational events for the advancement of the non-profit sector in the entities of the Russian Federation.

Key words: the non-profit sector, non-profit organizations (NPO), socially oriented non-profit organizations (SONPO), governance, region, intersectoral social partnership (ISSP).

Information about the Authors

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Kseniya E. Kosygina – Postgraduate Student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Статья поступила 04.06.2019.

ЭКОНОМИКА

АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.7

УДК 338.43:339.564, ББК 65.428

© Отмахова Ю.С., Усенко Н.И., Девяткин Д.А., Сонгкассири В.

Оценка экспортного потенциала страны с учетом глобального спроса на мировом рынке продовольствия*

**Юлия Сергеевна
ОТМАХОВА**

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Лаврентьева, 17
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, ул. Пирогова, 1
E-mail: otmakhovajs@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8157-0029

**Наталья Ивановна
УСЕНКО**

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, ул. Пирогова, 2
E-mail: n.i.usenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0864-2131

**Дмитрий Алексеевич
ДЕВЯТКИН**

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН
Москва, Российская Федерация, 117312, пр. 60-летия Октября, 9
E-mail: devyatkin@isa.ru
ORCID: 0000-0002-0811-725X

**Варинторн
СОНГКАССИРИ**

Национальный центр геномной инженерии и биотехнологии (BIOTEC)
Таиланд
E-mail: warinthorn@biotec.or.th
ORCID: 0000-0002-7730-6388

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-29-12877).

Для цитирования: Оценка экспортного потенциала страны с учетом глобального спроса на мировом рынке продовольствия / Ю.С. Отмахова, Н.И. Усенко, Д.А. Девяткин, В. Сонгкассири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 104–122. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.7

For citation: Otmakhova Yu.S., Usenko N.I., Devyatkin D.A., Songkasiri W. Assessing export potential of the country in the context of global demand in the world food market. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 104–122. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.7

Аннотация. В настоящее время Россия активно расширяет свое присутствие на мировом рынке за счет роста экспортных поставок продовольствия. Целью данного исследования являлась разработка методических подходов к анализу динамики и структуры мирового импорта продовольствия при оценке направлений по увеличению экспортного потенциала России. Основная научная проблема, рассматриваемая в статье, касается определения методологических основ разработки направлений экспортной политики в области продовольствия. Исследования авторов развивают теорию сравнительного анализа с использованием индексов конкурентоспособности и концепции пространства продуктов, предлагая новое направление анализа оценки потенциальных возможностей расширения экспортного потенциала, связанных с реализацией современных технологий и научно-технических решений на рынке продовольствия. Данный подход сочетается с оценкой глобального спроса и оценкой возможностей углубления экспортных потоков. Новизна исследования состоит в теоретической постановке и практической реализации исследовательской задачи совместного рассмотрения агрегированных показателей мирового импорта (как отражение мировой потребности) и показателей экспорта товарных позиций в страновом разрезе. Авторами предложены критерии и пороговые значения для проведения многокритериального оценивания по товарам и детализированным товарным группам. В качестве информационной базы использовались базы данных о мировых экспортно-импортных торговых потоках, была реализована программная фильтрация данных большой размерности. На примере такого важного экспортного товара, как зерно пшеницы, показано, что наличие научных заделов (научных исследований и разработок, технологий, патентов) является важнейшим фактором наращивания экспортного потенциала страны за счет осуществления технологических прорывов в производстве новых видов продукции и сырья.

Ключевые слова: экспорт продовольствия, диверсификация, корзина экспортной специализации, мировой импорт, фильтрация данных, продуктовое пространство.

Введение

Возможности наращивания и реализации экспортного потенциала страны являются одними из ключевых факторов обеспечения конкурентоспособности национальной экономики. Анализ экспортных потоков выступает важной составляющей формирования экспортной политики страны. К классическим инструментам для проведения такого рода исследований относятся индексы Баласса, Волраса и их модификаций [1–7]. К методологическому инструментарию для выявления наиболее перспективных внешних рынков относится классическая методика «shift-share» [8]. В работе [9] рассмотрены вопросы выявления направлений экспорта, которые могут наиболее эффективно развиваться при внутренней финансовой поддержке. Для оценки взаимосвязи экспорта и «сложности» товаров в работе [10] предлагается использовать метрику «сложности» или «технологичности» товаров, которая может быть применена в качестве одного из факторов при выявлении и оценке перспективности точек роста.

Зарубежными исследователями в работах [11–13] изложена концепция пространства про-

дуктов, экспортируемых страной. Ряд отечественных исследователей поддерживает и развивает данные подходы [14; 15]. В работе [15] подчеркивается, что необходимо оценивать экспортный потенциал по тем товарам, доля которых в общем экспорте страны выше, чем в среднем по миру, а значительная часть роста экспорта должна происходить через углубление экспортных потоков товаров-лидеров.

В современных условиях в международную торговлю продовольствием вовлечены практически все страны мира. Потребительские предпочтения населения в различных странах мира имеют существенные различия, однако изменения в мировой экономике, экономический рост в странах Азии формируют новые общие тенденции, определяющие характер спроса на продукты питания. Формируется новая география стран, ориентирующихся на создание инновационной еды будущего. В Таиланде, который является крупнейшим мировым экспортером продовольствия, с 2016 г. реализуется флагманский проект Министерства науки и технологий в форме центра управления новой индустрией питания Food Innopolis, деятельность которого направлена на создание агропищевой продук-

пии с высокой добавленной стоимостью посредством научных исследований и разработок. Данный центр занимает 20 000 квадратных метров в Технопарке Таиланда, среди участников около 3 тысяч ученых, 9000 заводов продуктов питания, 150 научно-исследовательских лабораторий, 70 университетов, 10 тысяч студентов, 20 проектных учреждений [16]. Также известен опыт Бразилии, где более сорока лет работает государственная корпорация по разработке и внедрению аграрных биотехнологий и других современных методов ведения сельского хозяйства, осуществляющая исследования в рамках национальных и международных проектов [17].

В России в последние годы экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья становится важным направлением агропромышленной политики. В соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 р, поставлены задачи обеспечения достижения объема экспорта продукции агропродовольственного комплекса к 2024 г. в 45 млрд. долл. США в год. Масштабность данной задачи обуславливает актуальность научных исследований, посвященных экспортной тематике, в частности экспорту продовольствия. Целью данного исследования является разработка подходов к методологии анализа динамики и структуры мирового импорта продовольствия при оценке направлений по усилению экспортных позиций России на мировом рынке пищевой продукции и сырья.

Несмотря на успехи в экспорте продовольственных товаров, сложившаяся недиверсифицированная товарная структура российского экспорта продовольствия с нашей точки зрения может проявлять стратегическую уязвимость в условиях роста политической и экономической нестабильности в мировой экономике. По данным таможенной статистики, в структуре российского продовольственного экспорта в 2017 г. на совокупную долю трех лидирующих товарных групп: зерно и продукты его переработки; рыба и ракообразные; жиры и масла животного или растительного происхождения – приходится около 70% всей стоимости продовольственного экспорта¹. Имеет место также

¹ Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации: бюллетень / Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:1040160463942812::NO> (дата обращения: 10.12.2018).

непропорциональное участие регионов в экспортных поставках. Как отмечено в работе [18], неравномерность распределения экспортной активности привела к тому, что 10 субъектов-лидеров обеспечивают 69,3% всего объема сырья экспорта в стране.

Необходимо отметить и серьезные проблемы в России, связанные с реализацией экспортного потенциала на рынке продовольствия. На практике российские экспортеры аграрной продукции часто сталкиваются с субъективными трудностями получения квалифицированной информации о «правилах игры» на рынках отдельных стран [19]. Факт мирового лидерства России в экспорте зерна пшеницы на мировом рынке, на наш взгляд, создает для многих производителей иллюзорное представление о том, что достаточно только вырастить урожай, чтобы вопросы реализации и получения высоких доходов были решены. Так, в Новосибирской области в 2017 году собрали рекордный урожай зерна – местные фермеры засеяли почти все свободные площади пшеницей. В результате урожай значительно превысил возможности хранения и реализации. Стремительный рост запасов зерна привел к непроизводительным затратам (гниению зерна на полях, складах и элеваторах), падению цен и банкротству сельхозпроизводителей.

Необходимость решения задач повышения доходности экспорта и устойчивости в развитии агропродовольственного сектора страны обуславливает научную и практическую значимость исследований по разработке подходов к оценке направлений наращивания ее экспортного потенциала.

Методы и информация

В данном исследовании использовались данные информационной базы FAOSTAT – Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) [20]. База межправительственной международной организации содержит информацию об уровне производства, экспорта и импорта более чем 90 категорий продовольственной и сельскохозяйственной продукции в 245 странах за период с 1961 года по настоящее время.

В рамках исследования была выполнена сравнительная оценка товарных позиций российского экспорта и обобщенных показателей мирового импорта продовольствия в разрезе товарных групп без учета продукции рыболовства.

Необходимо отметить, что в ФАО продукция рыболовства учитывается отдельно в рамках базы данных FishStat. Для обеспечения сопоставимости данных для анализа экспорта из РФ также использовалась статистика ФАО². Авторами в работе [21] был выполнен анализ существующих баз данных мировой статистики и отмечено, что использование информационной базы ФАО позволяет сделать глубокий анализ динамики и товарной структуры мирового импорта продовольственных товаров.

Базовым этапом исследования явилось применение методов фильтрации записей о торговых потоках в информационных базах FAOSTAT для формирования выборочных совокупностей, пригодных для целей анализа. Для программной реализации вычислительно-эффективной фильтрации перечисленных наборов данных большого размера использовалась библиотека Pandas³.

В соответствии с целью данной исследовательской работы была предложена методика оценки товарных позиций экспортной специализации, основанная на предложенных авторами критериях (табл. 1) для определения конкурентного статуса товарных позиций с учетом степени удовлетворения мировых потребностей в продовольствии.

Для оценки значимости товарных позиций российского экспорта продовольствия были приняты следующие пороговые значения и условия для предложенных критериев:

- для критерия К0 – удельный вес в общей величине стоимости продовольственного экспорта РФ не меньше 10%;

- критерия К1 – наличие совпадающих пар «Топ-мировой импорт» – «Топ-экспорт РФ»;
- критерия К2 – средняя скорость роста объемов мирового импорта (в натуральном выражении) не меньше 6%;
- критерия К3 – значения коэффициента вариации динамики объемов мирового импорта не больше 20%;
- критерия К4 – значения коэффициента SPR, показывающего долю товарной позиции российского экспорта в удовлетворении мировой потребности (импорте), не меньше 4%.

В рамках исследования было произведено формирование выборочных информационных массивов, необходимых для анализа и расчета показателей. В частности, была выполнена фильтрация записей о торговых потоках в информационных базах FAOSTAT, суммарный объем мирового импорта которых (на базе данных 245 стран) составляет не менее 200 млн. долларов в год (на 2013 г.) и в натуральном выражении имеет позитивную динамику роста за период 1993–2013 гг. Далее была осуществлена процедура ранжирования полученной выборочной совокупности и был выделен перечень лидирующих товарных позиций «ТОП-Мировой импорт продовольствия». Рэнкинг был построен по величине удельного веса суммарного импорта товарной позиции в общем объеме мирового импорта. Ранжирование построено по убыванию значений, при этом лимитирующим значением для включения в рэнкинг является величина оценочного показателя не меньше одного процента.

Таблица 1. Критерии для определения конкурентного статуса товарных позиций

Критерий	Интерпретация
К0	Величина экспортной доли товарных позиций в продовольственном экспорте РФ.
К1	Включает определение совпадающих/не совпадающих товарных позиций в паре «Топ-мировой импорт» – «Топ-экспорт РФ».
К2	Средняя скорость роста объемов мирового импорта (в натуральном выражении) в разрезе товарных позиций.
К3	Значение коэффициента вариации динамики объемов мирового импорта товаров. Показывает степень изменчивости спроса на данные виды продукции на мировом рынке.
К4	коэффициент SPR, показывающий долю товарной позиции российского экспорта в удовлетворении мировой потребности (импорте) конкретных товаров и товарных групп.
Источник: составлено авторами.	

² Россия как член Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН) формирует балансы продовольственных ресурсов по единой международной методике.

³ <https://pandas.pydata.org>.

Для товаров ТОП-списка были рассчитаны показатели средней скорости роста суммарного импорта (в натуральном выражении) по данным ФАО за период 1993–2013 гг., а также были рассчитаны коэффициенты вариации на основе предварительно сформированных динамических рядов за период 2000–2013 гг. для оценки степени их изменчивости во времени.

На основе полученной выборки из базы данных ФАО путем фильтрации товаров, объем экспорта которых из России составляет не менее 10 млн. долларов в год (на 2013 г.), был составлен рэнкинг товарных позиций экспортной специализации: продовольствия РФ (без продукции рыболовства). Рэнкинг, как и в предыдущем случае, был построен по убыванию значений, при этом лимитирующим значением для включения в рэнкинг является величина оценочного показателя не меньше одного процента.

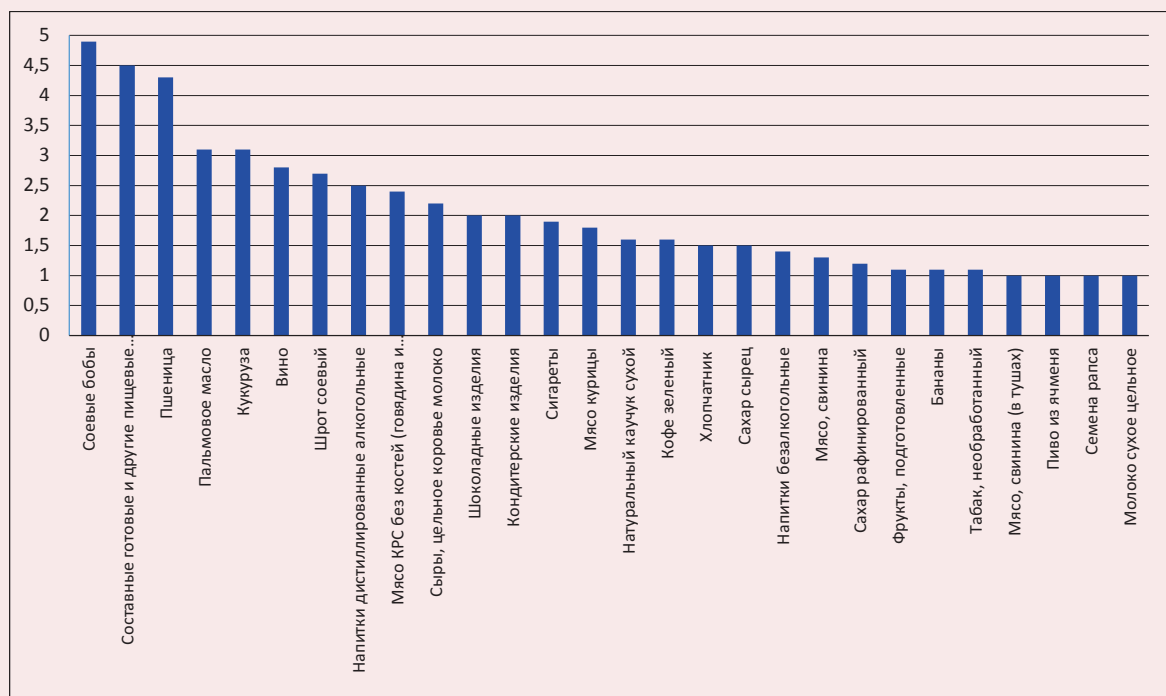
Далее был проведен анализ для определения конкурентного статуса товарных пози-

ций в соответствии с предложенными авторами критериями К0–К4, включая расчет относительного показателя SPR (Substantial Product) для совпадающих товарных позиций в паре «Топ-мировой импорт» – «Топ-экспорт РФ».

Результаты и обсуждение

На первом этапе исследования была получена выборка из базы данных продовольственной продукции ФАО для анализа динамики и структуры показателей глобального импорта продовольствия. В полученную выборочную совокупность вошли 258 товаров и товарных групп со значениями суммарного объема импорта (на базе данных 245 стран) не менее 200 млн. долларов в год (на 2013 г.). После ранжирования полученной выборочной совокупности был выделен перечень лидирующих товарных позиций «ТОП-Мировой импорт продовольствия». Перечень товарных позиций данного рэнкинга составил 28 единиц. Следует отметить, что на первые пять лидирующих позиций рэнкинга приходится 20% общего

Рис.1. Рэнкинг товарных позиций мирового импорта продовольствия, 2013 г., %

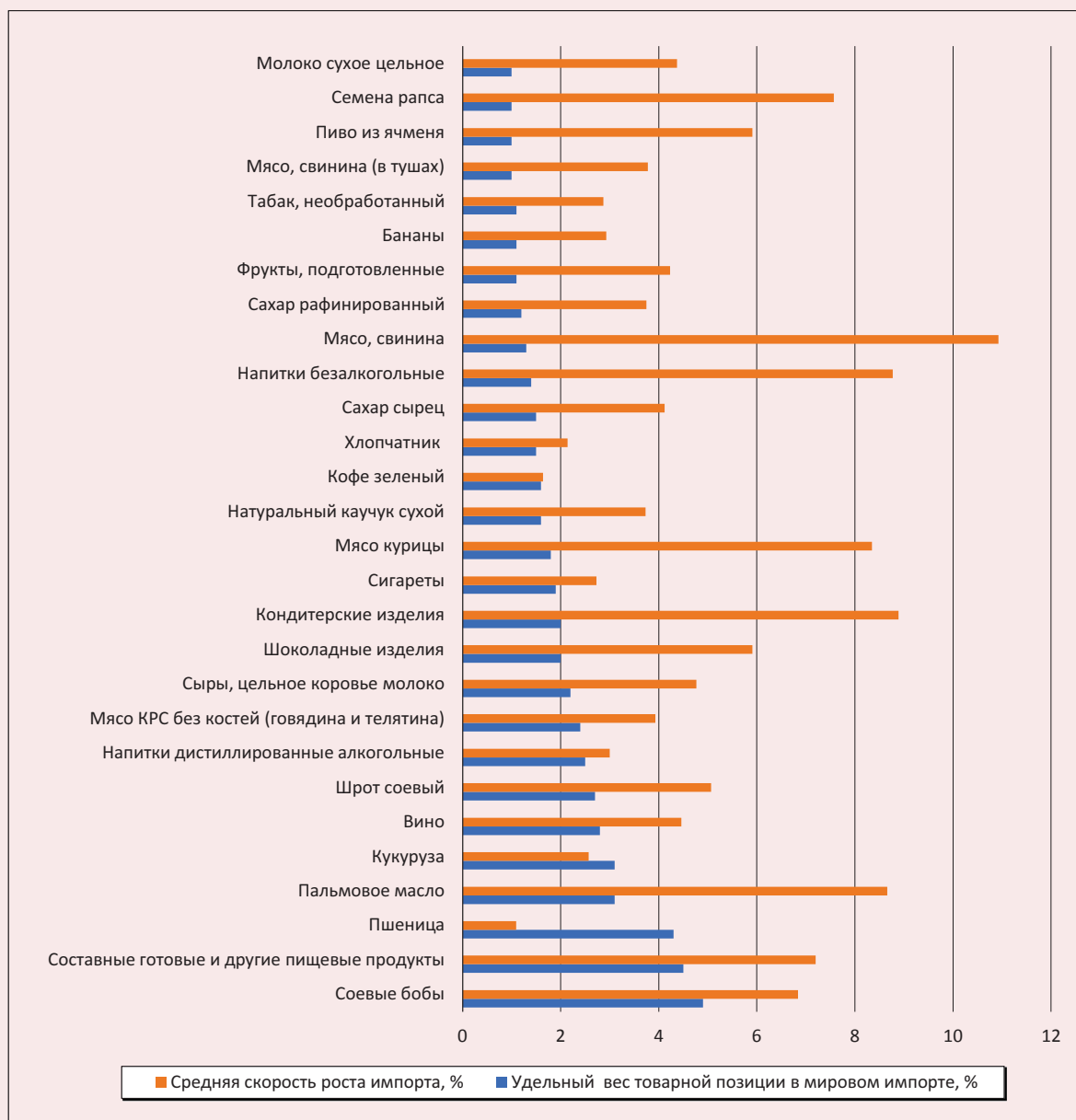

Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT.

объема мирового импорта: 1) соевые бобы – 4,9%; 2) составные готовые и другие пищевые продукты – 4,5%; 3) пшеница – 4,3; 4) пальмовое масло – 4,3; 5) кукуруза – 3,1%. Далее в списке рэнкинга удельный вес товарных позиций плавно снижается, а с 21 по 28 позицию значения показателей становятся практически равными (рис. 1).

Для товаров ТОП-списка были рассчитаны показатели средней скорости роста суммарного импорта (в натуральном выражении) по данным ФАО за период 1993–2013 гг. Анализ показал, что, несмотря на различную среднюю скорость роста импорта, для всех лидирующих товарных позиций отмечаются положительные значения данного показателя. Наиболее высокие темпы

Рис. 2. Средняя скорость импорта (%) за период 1993–2013 гг. и удельный вес суммарного объема импорта товарных позиций (по данным 245 стран) в мировом импорте продовольствия

Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT.

роста мирового импорта были отмечены у таких товарных позиций, как мясо свинины (10,9%); кондитерские изделия (8,9%); напитки безалкогольные (8,8%); мясо курицы (8,4%). Характер взаимосвязей между показателями средней скорости импорта товарных позиций и их удельным весом в мировом импорте весьма противоречивы и разнонаправленны (рис. 2).

Для оценки степени изменчивости показателей объема мирового импорта (в натуральном выражении) по годам для товарных позиций рэнкинга были рассчитаны коэффициенты вариации на основе предварительно сформированных динамических рядов за период 2000–2013 гг. Анализ этих показателей демонстрирует степень изменчивости спроса на данные виды продукции на мировом рынке, на основе чего можно сделать выводы о степени рисков экспортных поставок товара или товарной группы⁴.

Результаты анализа распределения рассчитанных коэффициентов вариации товарных позиций, входящих в рейтинг ТОП-импорт, показывают, что более трети товарных позиций находятся в зоне большего риска (табл. 2).

Более половины товарных позиций, входящих в ТОП-Мировой импорт продовольствия, имеют значения коэффициента вариации, свидетельствующего о средней степени рассеивания, т.е. показывают достаточно умеренную вариативность мирового спроса на данные виды продукции. Анализ показателей удельного веса товарной позиции в мировом импорте и коэффициентов вариации свидетельствует об отсутствии зависимости показателей изменчивости спроса от доли данной товарной позиции в мировом импорте (рис. 3).

Для анализа российского экспорта продовольствия анализировалась выборка из базы данных ФАО путем фильтрации товаров, объем экспорта которых из России составляет не менее 10 млн. долларов в год (на 2013 г.). Объем данной выборочной совокупности составил 72 товарные позиции (рис. 4).

На две лидирующие товарные позиции (пшеница и подсолнечное масло) приходится около 40% совокупного объема выборочной совокупности (27,5 и 11,7% соответственно). Следующие по значимости – 5 товарных позиций (шоколадные изделия, кукуруза, ячмень, составные готовые и другие пищевые продукты, сигареты) с удельным весом от 4 до 5,3%, их общий удельный вес составляет 22,5%. Таким образом, на 7 товарных позиций приходится около 62,5%, а на оставшиеся 70 товаров и товарных групп – меньше 38%.

Далее был составлен рэнкинг наиболее значимых товаров, ограниченный включением товарных позиций со значениями удельного веса величины стоимости экспорта в общем его объеме не меньше единицы. В данный список вошли 20 товарных позиций экспортной специализации, которые в совокупности составляют 78,22% экспорта продовольствия России.

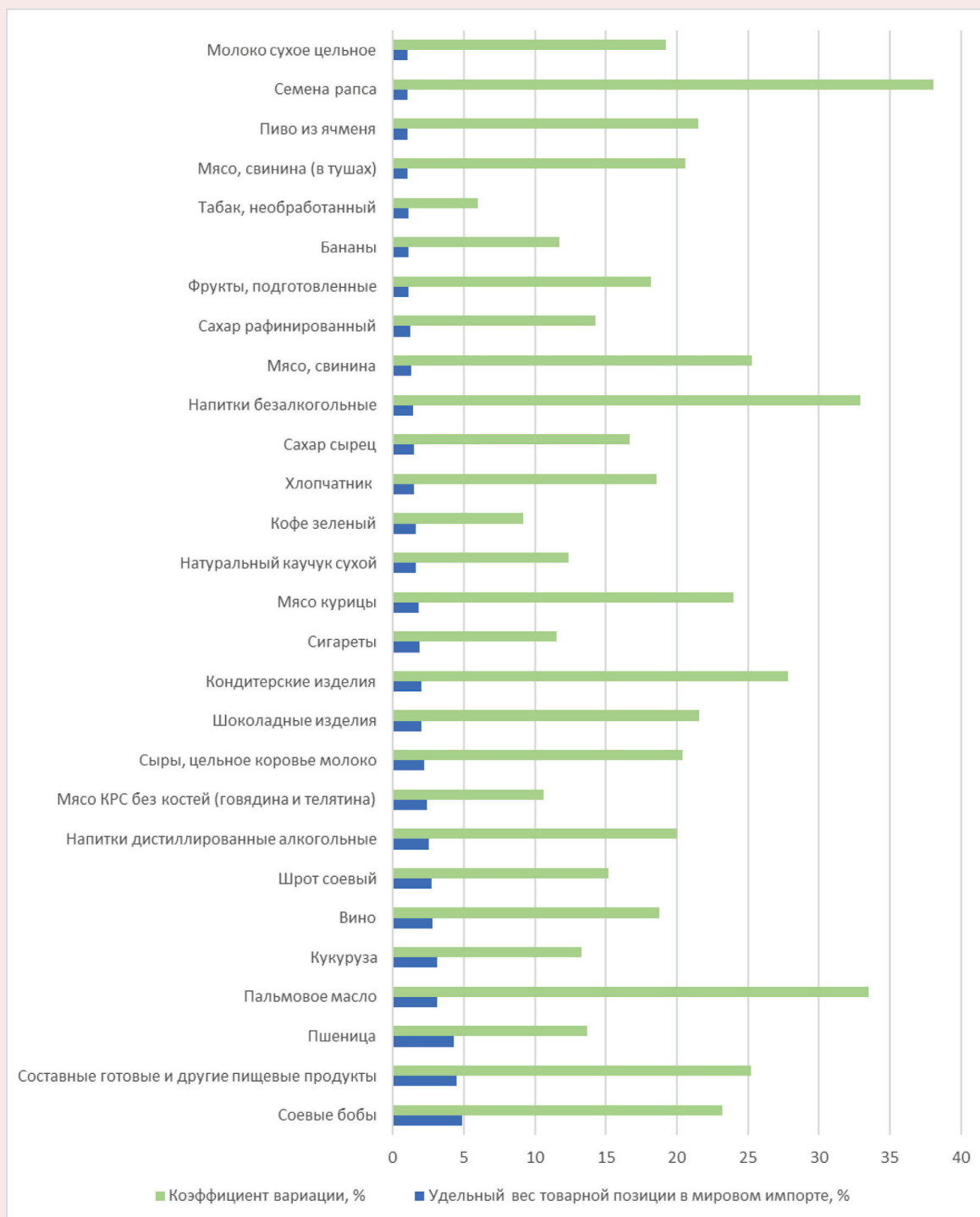
Для определения конкурентного статуса применительно к различным товарным позициям корзины экспортной специализации российского продовольственного экспорта была дана оценка в соответствии с предложенными авторами критериями К0-К4. Исследование проведено на основе исходных данных, полученных по двум выборочным совокупностям: «ТОП-Мировой импорт продовольствия» и «ТОП-20. Экспорт продовольствия РФ (без

Таблица 2. Распределение значений коэффициентов вариации по интервалам

Показатель	Разброс коэффициента вариации, %		
	До 10	10–20	21–33
Для ТОП-импорта			
Количество товарных позиций в интервале	2	15	10
Удельный вес количества товарных позиций, попавших в интервал, в общей совокупности	7,5	55,5	37,0
Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT.			

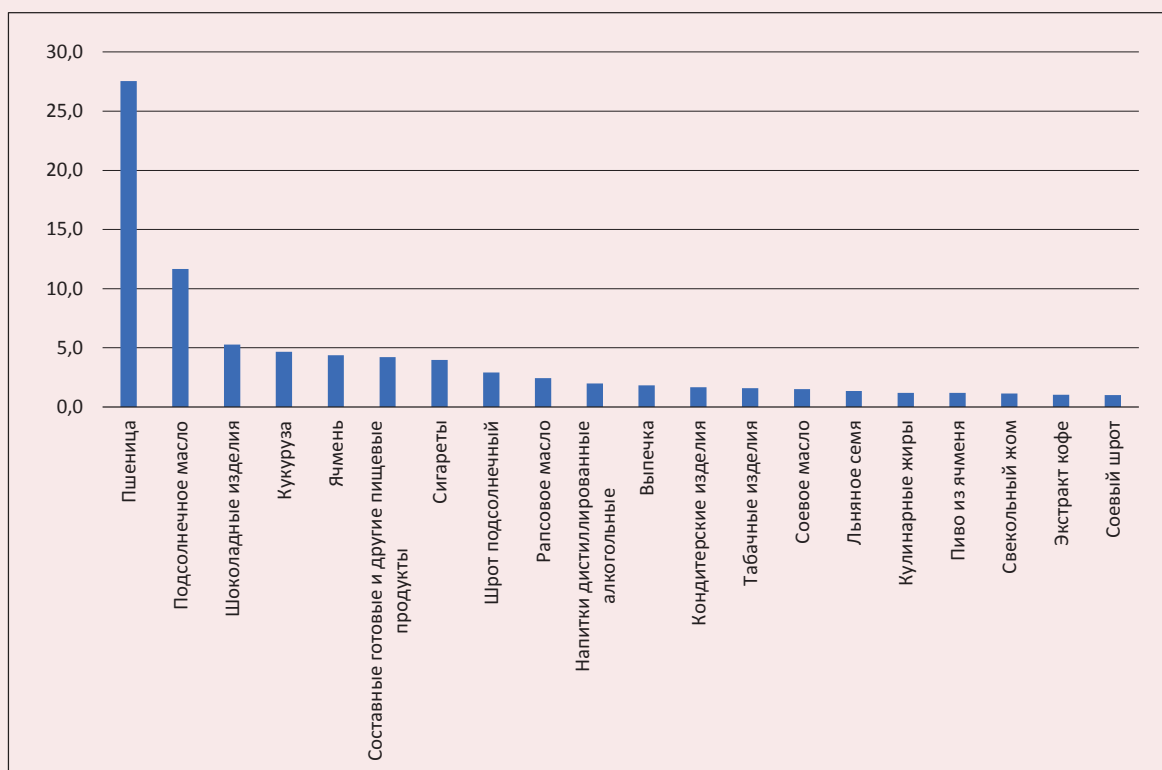
⁴ В статистике при величине коэффициента вариации до 10% изменчивость оценивается как слабая, от 11 до 25% – как средняя, от 25 до 33% – как значительная.

Рис. 3. Коэффициенты вариации и удельный вес суммарного объема импорта товарных позиций (по данным 245 стран) в мировом импорте продовольствия

Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT.

Рис. 4. Ранжирование товарных позиций российского экспорта продовольствия (без продукции рыболовства), 2013 г., %

Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT.

продукции рыболовства)». Результаты анализа товарных позиций на совпадение в лидирующих группах в экспорте РФ и мировом импорте продовольствия показывают (рис. 5), что 9 товарных позиций совпадают: пшеница, шоколадные изделия, кукуруза, составные готовые и другие пищевые продукты, сигареты, напитки дистиллированные алкогольные, кондитерские изделия, сахаристые кондитерские изделия, пиво из ячменя. Это свидетельствует о том, что значительная часть перечня товаров (одна треть) в корзине экспортной специализации РФ соответствует перечню товаров-лидеров мирового спроса на продовольствие. Из перечня товарных позиций, имеющих наиболее высокие темпы роста мирового импорта, в список «ТОП-20. Экспорт продовольствия РФ» вошли только кондитерские изделия.

Для оценки конкурентоспособности товаров российской экспортной корзины специализации был предложен и рассчитан коэффициент *SPR*, показывающий долю российского экспорта в удовлетворении мировой потребности (импорте) конкретных товаров и товарных групп (см. табл. 2). Данный коэффициент можно рассматривать как некий показатель, отражающий конкурентоспособность товарных групп на мировом рынке (чем выше коэффициент, тем выше конкурентоспособность).

Далее было выполнено распределение товарных позиций, входящих в рейтинг ТОП-20 «Экспорт продовольствия РФ», по интервалу *SPR* с учетом выделения товарных позиций, совпадающих и не совпадающих с наименованиями товаров-лидеров мирового импорта (табл. 3).

Рис. 5. Определение позиций в паре «Топ-Мировой импорт» – «Топ-экспорт РФ»

Товарные позиции «Топ –мировой импорт»		Товарные позиции «Топ –экспорт РФ»	
По классификации ФАО	перевод	По классификации ФАО	перевод
Soybeans	Соевые бобы	Wheat	Пшеница
Food preparationsnes	Составные готовые и другие пищевые продукты	Oil, sunflower	Подсолнечное масло
Wheat	Пшеница	Chocolate products nes	Шоколадные изделия
Oil, palm	Пальмовое масло	Maize	Кукуруза
Maize	Кукуруза	Barley	Ячмень
Wine	Вино	Foodprepnnes	Составные готовые и другие пищевые продукты
Cake, soybeans	Шрот соевый	Cigarettes	Сигареты
Beverages, distilledalcoholic	Напитки дистиллированные алкогольные	Cake, sunflower	Шрот подсолнечный
Meat, cattle, boneless (beef & veal)	Мясо КРС без костей (говядина и телятина)	Oil, rapeseed	Рапсовое масло
Cheese, whole cow milk	Сыры, цельное коровье молоко	Beverages, distilled alcoholic	Напитки, дистиллированные алкогольные
Chocolate productsnes	Шоколадные изделия	Pastry	Кондитерские изделия
Pastry	Кондитерские изделия	Sugarconfectionery	Сахаристые кондитерские изделия
Cigarettes	Сигареты	Tobaccoproductsnes	Табачные продукты
Meat, chicken	Мясо курицы	Oil, soybean	Соевое масло
Rubbernaturaldry	Натуральный каучук сухой	Linseed	Семена льна
Coffee, green	Кофе зеленый	Fat, nes, prepared	Кулинарные жиры, приготовленные из растительных и животных масел и жиров
Cottonlint	Хлопчатник	Beer of barley	Пиво из ячменя
SugarRawCentrifuga	Сахар сырец	Beetpulp	Свекольный жом
Beverages, nonalcoholic	Напитки безалкогольные	Coffee, extracts	Кофе экстракт
Meat, pork	Мясо, свинина	Cake, soybeans	Шрот соевый
Sugarrefined	Сахар рафинированный		
Fruit, preparednes	Фрукты, подготовленные		
Bananas	Бананы		
Tobacco, unmanufactured	Табак, необработанный		
Meat, pig	Мясо, свинина (в тушах)		
Beerofbarley	Пиво из ячменя		
Rapeseed	Семена рапса		
Milk, wholedried	Молоко сухое цельное		

Источник: составлено авторами по результатам проведенных расчетов.

По результатам расчетов товарной позицией, соответствующей магистральным направлениям мирового импорта, с максимальным значением SPR (6,46) является пшеница. Все остальные товарные позиции этого списка значительно уступают по величине данного показателя. При объединении таких групп, как кондитерские изделия (0,93), шоколадные изделия (2,63), сахаристые кондитерские изделия

(2,03), выделенных в рамках классификации ФАО, значение данной группы составит 5,59%, что отражает возрастающую мировую потребность в продукции данной группы.

Наиболее высокие значения коэффициента SPR имеют товарные позиции, не совпадающие с перечнем «ТОР-Мировой импорт продовольствия». Например, важной товарной позицией российского экспорта является подсолнеч-

Таблица 3. Распределение товарных позиций по показателю SPR*

№ п/п	Интервал, %	Совпадающие товарные позиции**		Несовпадающие товарные позиции	
		По классификации ФАО	Перевод	По классификации ФАО	Перевод
1.	<1	Food preparations nes Beverages, distilled alcoholic Pastry	Составные готовые и другие пищевые продукты (0,95) Напитки дистиллированные алкогольные (0,81) Кондитерские изделия (0,93)	Cake, soybeans	Шрот соевый (0,37)
2.	1–3	Maize, Chocolate products nes Beer of barley Cigarettes Sugar confectionery	Кукуруза (1,51) Шоколадные изделия (2,63) Пиво из ячменя (1,16) Сахаристые кондитерские изделия (2,03) Сигареты (2,11)	Oil, soybean Oil, rapeseed Tobacco products nes Coffee, extracts	Рапсовое масло (3,87) Табачные продукты (3,96) Соевое масло (1,81) Кофе экстракт (1,88)
3.	4–7	Wheat	Пшеница (6,46)	Barley Fat nes prepared	Ячмень (5,89) Кулинарные жиры, приготовленные из растительных и животных масел и жиров (4,45)
4.	8–16	Нет		Oil, sunflower	Масло подсолнечное (14,5)
5.	17–20	Нет		Cake sunflower Linseed	Шрот подсолнечный (17,8) Семена льна (19,5)

* Товарная позиция «Beetpulp» (свекольный жом) не вошла в выборочную совокупность «Мировой импорт продовольствия» в связи с объемом совокупного импорта меньше порогового значения, принятого для построения выборки, поэтому для данной товарной позиции не рассчитывался показатель SPR.

** Совпадающие/несовпадающие товарные позиции в паре «Топ-мировой импорт» – «Топ-экспорт РФ».

Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT и Росстата.

ное масло, его удельный вес составляет 11,7% в общем объеме российского экспорта продовольствия (без учета продукции рыболовства). Следует отметить высокое значение показателя SPR равное 14,5%, что свидетельствует о значительной роли экспорта этого товара на мировом рынке. Удельный вес суммарного импорта данной товарной позиции на мировом рынке составляет 0,8%. Коэффициент вариации, рассчитанный за период 2000–2013 гг., составляет 35,7%, то есть рассматриваемая совокупность является неоднородной, а отклонения от линии тренда значительны, следовательно, и организация экспортных поставок данного товара сопровождается значительными рисками.

Сопутствующий продукт при производстве подсолнечного масла – подсолнечный шрот (используется в качестве корма для животных, птиц и рыб, добавки в комбикорме), который составляет значительную долю экспорта из РФ (около 17,8%). Однако удельный вес данной товарной позиции на мировом рынке – 0,2%, и в

упорядоченном списке по убыванию стоимостного объема мирового импорта товарных позиций она занимает 119 место. Коэффициент вариации весьма высокий – 34,4%.

Весьма интересная ситуация у товарной позиции «Linseed (Семена льна)», которая не вошла в группу TOP-20, но доля российского экспорта довольно значительна (19,5%) в мировом импорте данного товара. Удельный вес товара в мировом импорте составляет 0,1%, и он занимает только 180 позицию в упорядоченном списке по убыванию стоимостного объема мирового импорта товарных позиций. Коэффициент вариации – 13,8%, что свидетельствует о достаточно умеренном колебании спроса на данный товар. Практически весь российский урожай этой агрокультуры идет на экспорт. Масличный лен может составить конкуренцию зерновым культурам в регионах с низкой урожайностью, в частности в Приволжье и Западной Сибири. У льна простая технология выращивания, он хорошо интегрируется в севооборот, однако на его

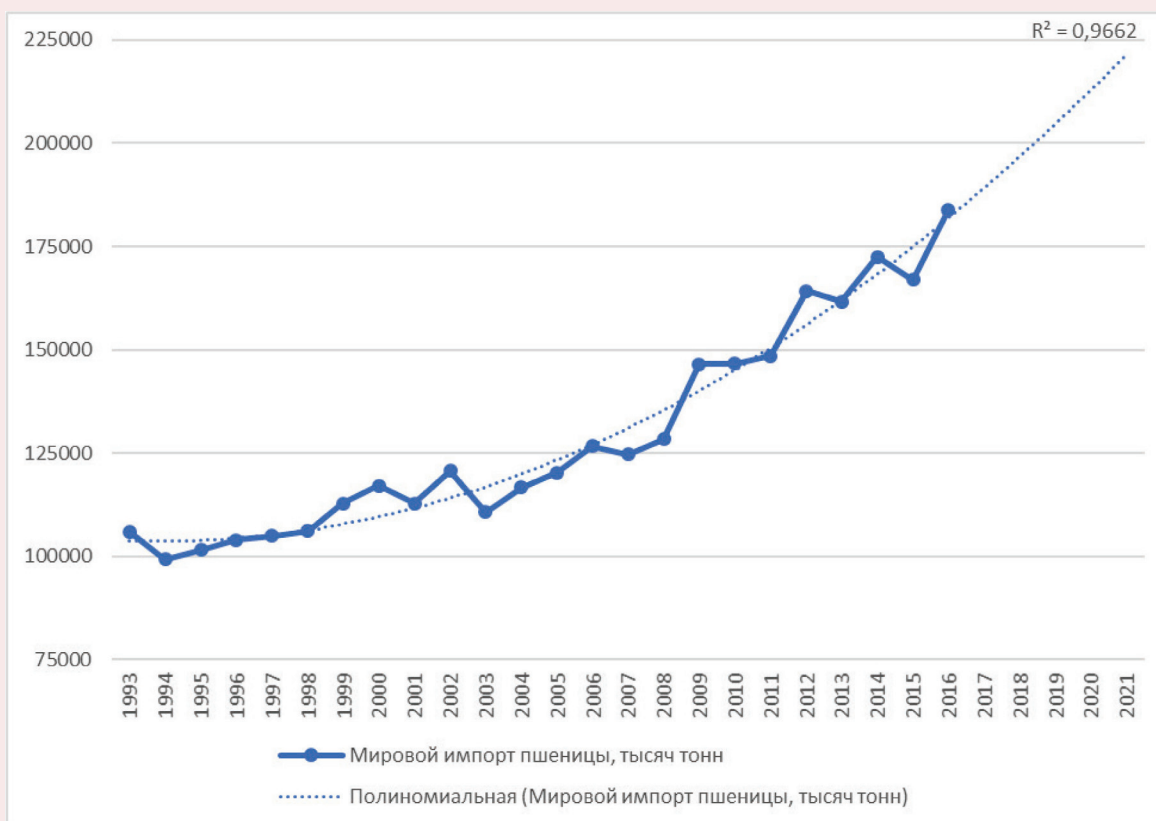
долю приходится менее 1% всех посевов страны. Перспективы этой культуры для экспорта определяются как сравнительными преимуществами ее производства, так и растущими сферами переработки данного сырья.

Товарной позицией с наиболее высоким конкурентным статусом, выбранной в соответствии с предложенными критериями и пороговыми значениями, является пшеница. Зерно пшеницы с точки зрения оценки конкурентных характеристик данной товарной продукции имеет внутренний потенциал для роста и высокий уровень показателей мировой востребованности. Выполненный анализ показал, что товарная позиция «Пшеница» находится в тренде мировых потребностей и занимает лидирующие позиции как в российском экспорте, так и на мировом рынке (наибольшее значение удельного веса в российском экспорте, совпадающие позиции в паре «Топ-Мировой импорт» – «Топ-Экспорт РФ», коэффициент SPR равен 6,46%).

За последние 15 лет Россия вышла на принципиально новый уровень: из импортера превратилась в крупнейшего экспортера зерна пшеницы. По рыночной доле зерна пшеницы (по объемам в натуральном выражении) Россия занимает первое место в мире, а по величине стоимостного объема продаж, измеряемого в млн. долл. США, находится на пятом месте в мире [22]. В значительной степени это определяется тем, что российское зерно находится в низкой ценовой категории. Мировой рынок пшеницы традиционно является одним из самых крупных и важных сегментов всего мирового рынка продовольствия, и его отличает поступательная динамика в долговременной динамике (рис. 6).

Результаты прогноза роста объема мирового импорта с помощью регрессионной модели были верифицированы объективными факторами, такими как соотношение между динамикой прироста мирового производства в FAOSTAT (линейный тренд) и динамикой при-

Рис. 6. Динамика и прогноз совокупного мирового импорта пшеницы в период 1993–2021 гг., тысяч тонн

Источник: составлено авторами по данным FAOSTAT.

роста в UN Comtrade (показательный тренд), а также динамикой прироста населения стран по данным базы International Monetary Foundation. Полученный прогноз является предварительным и будет в дальнейшем уточнен авторами с помощью более сложных моделей, учитывающих значимые факторы, которые могут повлиять на мировое потребление и производство пшеницы (климатические данные, макроэкономические, политические и др.).

Авторами были получены прогнозные данные мирового импорта пшеницы до 2021 г., которые свидетельствуют об усилении восходящего тренда и о возможном достижении мировой потребности в пшенице к 2021 году на уровне 220 млн. тонн. Прогноз был осуществлен с помощью модели полиномиальной функции, линия тренда во второй степени, коэффициент аппроксимации равен 0,97, что позволяет говорить об адекватной модели тренда, которая с достаточной точностью отражает закономерности мирового импорта пшеницы.

Необходимо отметить, что усиление интереса к такому традиционному виду сырья, как пшеница, происходит в связи с более широким использованием современных биотехнологий. В настоящее время на мировом рынке существует целый ряд высокотехнологичных направлений по разработке пищевого растительного сырья, будущая питательная ценность и состав которого могут закладываться еще на этапе создания сорта [23; 24]. В последние 20

лет широкое распространение получили селекция и производство зерновых культур (риса, пшеницы, кукурузы), обогащенных антоцианами [25–28]. В РФ лидером по внедрению ДНК-маркеров в растениеводстве (особенно в программах по пшенице) является Федеральный исследовательский центр Института цитологии и генетики СО РАН. Проведенные экспериментальные исследования показали возможность получения хлебобулочных и кондитерских изделий из нового вида сырья с хорошими органолептическими свойствами и повышенным уровнем антоцианов [29]. Таким образом, разработка новых видов продукции и сырья на рынке продовольствия может обеспечить реализацию новых точек роста в целях расширения экспортного потенциала страны.

В настоящее время, помимо использования зерна пшеницы в качестве сырья для производства продуктов питания для населения (хлеб и хлебобулочные, мучные кондитерские изделия: вафли, крекер, макароны), на мировом рынке пшеница широко используется для получения кормов в животноводстве. Одним из современных трендов в мировой экономике является возрастающая востребованность продовольственного сырья в связи с расширением направлений использования продуктов его глубокой переработки не на пищевые цели (табл. 4). Исследователи отмечают, что оборот такого товара, как биотопливо, в современных условиях уже имеет глобальный характер [30].

Таблица 4. Области применения продукции переработки зерна пшеницы

№ п/п	Продукт глубокой переработки зерна	Область применения
1.	Клейковина	Хлебопекарная и макаронная промышленность, производство мюсли, мясных изделий и кормов
2.	Нативные и модифицированные крахмалы	Пищевая, целлюлозно-бумажная, фармацевтическая, текстильная, нефтегазовая промышленность
3.	Глюкозо-фруктозные сиропы	Пищевая, целлюлозно-бумажная, фармацевтическая, текстильная, нефтегазовая промышленность
4.	Глюкоза	Важный ингредиент для фармацевтической промышленности и отрасли биотехнологий
5.	Аминокислоты лизин и треонин	Ценные компоненты для создания современных полнорационных кормов для животноводства и птицеводства
6.	Органические кислоты, в т. ч. лимонная и молочные	Важные ингредиенты в различных отраслях промышленности, применяются в производстве большинства продуктов питания, а также в производстве биополимеров и биопластиков
7.	Белково-минеральные витаминные концентраты	Применяются в животноводстве для изготовления кормов, в медицине и ветеринарии
8.	Биоэтанол	Применяется в производстве топлива

Источник: составлено авторами.

Из перечисленного списка продуктов переработки значительное количество используется в сфере В2В в качестве пищевых добавок, вспомогательных ингредиентов, целевое назначение которых связано с повышением эффективности и технологичности промышленного производства пищевой продукции. Ярким примером является повсеместное распространение такой пищевой добавки, как сухая клейковина – глютен, продукт переработки зерна пшеницы. Рост направлений многоцелевого использования зерна пшеницы, безусловно, влияет на востребованность этого важнейшего продовольственного сырья на мировом рынке.

При исследовании возможностей наращивания потенциала российского экспорта пшеницы нельзя абстрагироваться от региональных особенностей воспроизводства зерновых ресурсов в стране. Россия, самая большая в мире по территории страна, имеет существенную дифференциацию условий для выращивания пшеницы по природно-климатическим и экономическим условиям, при этом 85% ее территории находится в зоне рискованного земледелия. В настоящее время в России структура качества зерна имеет выраженную тенденцию в сторону увеличения количества выращиваемого зерна низкого качества [31].

Использование пшеницы на переработку, когда можно использовать зерно низкого качества, в настоящее время в России очень ограничено. Например, большинство спиртовых заводов, перерабатывающих зерно пшеницы, закрыты или закрываются. Переработка зерна в крахмал и патоку имеет небольшие объемы производства. Комплексная технология переработки некондиционного зерна в сырье для культивирования различных микроорганизмов – продуцентов биологически активных веществ – только начинает развиваться. До середины 2014 г. в России не было предприятий по глубокой переработке зерна⁵. Нельзя не отметить, что это дорогостоящий сегмент рынка, поэтому в основном привлекателен для зарубежных инвесторов. При этом производство продуктов глубокой переработки зерна имеет выраженные экологические риски, связанные с технологическими особенностями производства. На

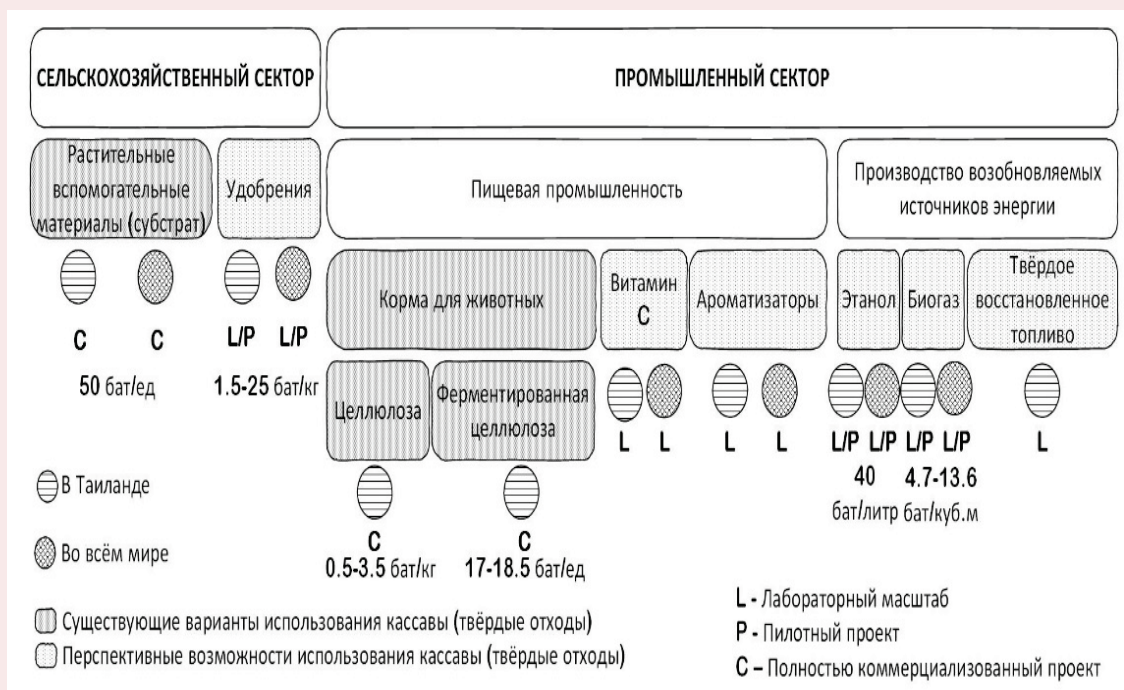
⁵ Первый завод был запущен компанией «Каргилл» в июне 2014 г.

современном рынке в основном предлагается импортное оборудование большой мощности: от 200 до 500 тонн сырья в сутки, стоимость составляет несколько миллионов долларов США. В этих условиях особенно необходимы отечественные разработки технологий глубокой переработки зерна, ориентирующихся на использование оборудования малых форм с меньшей мощностью. Мини-линии позволят более гибко использовать ресурсный потенциал – не «привязываться» к объемам сырья в ограниченном ареале без дополнительных логистических схем поставок зерна. На начальном этапе становления отрасли мини-заводы могли бы обеспечить более плавное «вхождение» на рынок производимой продукции, чтобы гарантировать сбыт и нивелировать возможность финансовых рисков.

С нашей точки зрения всю цепочку производства экспортных видов товаров необходимо рассматривать комплексно, включая ее завершающий этап – менеджмент и утилизацию отходов производства. Интересен передовой опыт Таиланда, в котором вокруг «топового» экспортного товара – крахмала кассавы (маниока) – развернулся целый веер сопутствующих производств и вариантов использования отходов [32]. Мировая потребность в крахмале кассавы с каждым годом возрастает, увеличивается и количество направлений его использования, что вызвало неуклонный рост экспорта высококачественного крахмала кассавы из Таиланда на протяжении последних 20 лет. В 2017 году доля экспорта Таиланда в структуре мирового экспорта крахмала кассавы составляла 78%, стоимостной объем экспорта – 1,13 млрд. долл. США.

Рост экспорта крахмала – продукта переработки кассавы – сопровождается также ростом отходов производства, что влечет за собой много негативных моментов, и данная проблема рассматривается на государственном уровне. В исследования экологических и экономических перспектив использования отходов крахмального производства и поиск направлений усовершенствования производства крахмала кассавы вовлечены университеты и научно-исследовательские центры. Твердые отходы кассавы могут быть использованы в качестве сырья в производстве в сельскохозяйственном и промышленном секторах [32].

Рис. 7. Обобщенная классификация существующих и перспективных направлений и технологий использования твердых отходов кассавы в Таиланде

Источник: составлено авторами на основе первичной информации об использовании продуктов переработки кассавы.

На рис. 7 представлены варианты и технологии утилизации отходов крахмального производства из тропического сырья кассавы для продовольственного и непродовольственного использования, включая применение на лабораторном уровне, в пилотных проектах и полностью коммерчески востребованных производствах [33].

Выводы и предложения

В работе предложена и апробирована авторская методика оценки динамики и структуры мирового импорта и российского экспорта продовольствия для корректировки направлений по усилению экспортных позиций России в сочетании с оценкой глобального спроса на мировом рынке.

Исследования авторов развивают теорию сравнительного анализа с использованием индексов конкурентоспособности и концепции пространства продуктов, предлагая новое направление анализа оценки потенциальных возможностей расширения экспортного потенциала, связанных с реализацией со-

временных технологий и научно-технических решений на рынке продовольствия. Новизна исследования состоит в теоретической постановке и практической реализации исследовательской задачи совместного рассмотрения агрегированных показателей мирового импорта (как отражение мировой потребности) и показателей экспорта товарных позиций в страновом разрезе с использованием методик обработки данных большой размерности. Проведенные расчеты показали, что ряд лидирующих товарных позиций с максимальными значениями стоимости российского экспорта входят в мировой рэнкинг мирового импорта продовольствия: пшеница, кукуруза, шоколадные изделия, пиво из ячменя. Авторами предложены критерии и пороговые значения для проведения многокритериального оценивания по товарам и детализированным товарным группам, разработан новый показатель — SPR. Выделены перспективные экспортные товарные позиции по результатам расчетов предложенного авторами показателя SPR:

подсолнечное масло, ячмень, подсолнечный жмых, семена льна. Результаты расчетов свидетельствуют о том, что необходимо увеличивать долю присутствия в российском экспорте товаров, имеющих высокую долю в мировом импорте, посредством углубления и расширения экспортных потоков за счет «связанных» видов продукции. При этом в статье показано, что необходимо учитывать позитивный опыт других стран, уделяя внимание вопросам производства продукции высокой степени переработки и управления отходами.

В дальнейшем авторами предполагается продолжение исследования в части использования авторского подхода применительно к другим информационным базам, напри-

мер Comtrade, что позволит дать оценку структуры мирового импорта продовольствия на условиях другой товарной классификации. Авторская методика может быть использована в качестве одного из подходов к анализу потенциальных возможностей расширения экспортного потенциала России на рынке пищевой продукции и сырья, а также определения в дальнейшем технологий с точки зрения создания конкурентоспособной продукции несырьевого сектора новой технологической повестки. Предложенные методы оценки могут представлять интерес для сотрудников органов государственного управления и использоваться в рамках деятельности образовательных и научных учреждений.

Литература

1. Balassa B. Trade liberalisation and “revealed” comparative advantage. *The Manchester School*, 1965, vol. 33, no. 2, pp. 99–123. DOI: 10.1111/j.1467-9957.1965.tb00050.x
2. Vollrath T.L. A theoretical evaluation of alternative trade intensity measures of revealed comparative advantage. *Review of World Economics*, 1991, vol. 127, no. 2, pp. 265–280. DOI: 10.1007/BF02707986
3. Amador J., Cabral S., Maria J.R. A simple cross-country index of trade specialization. *Open Economies Review*, 2011, vol. 22, no. 3, pp. 447–461. DOI: 10.1007/s11079-009-9130-z
4. Utkovski Z., Pradier M.F., Stojkoski V, Perez-Cruz F, Kocarev L. Economic complexity unfolded: interpretable model for the productive structure of economies. *PLoS ONE*, 2018, vol. 13, no. 8. DOI: 10.1371/journal.pone.0200822
5. Bahar D., Rosenow S., Stein E., Wagner R. Export take-offs and acceleration: unpacking cross-sector linkages in the evolution of comparative advantage. *World Development*, 2019, vol. 117, pp. 48–60. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.12.016
6. Laosutsan P., Shivakoti G.P., Soni P. Comparative advantage and export potential of Thai vegetable products following the integration into the ASEAN Economic Community. *International Food and Agribusiness Management Review*, 2017, vol. 20, no. 4, pp. 575–590. DOI: 10.22434/IFAMR2016.0029
7. Desmarchelier B., Regis P.J., Salike N. Product space and the development of nations: a model of product diversification. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 2018, vol. 145, pp. 34–51. DOI: 10.1016/j.jebo.2017.10.020
8. Green R.T., Allaway A.W. Identification of export opportunities: a shift-share approach. *The Journal of Marketing*, 1985, vol. 49, pp. 83–88.
9. Jaud M., Kukenova M., Strieborny M. Financial development and sustainable exports: evidence from firm product data. *The World Economy*, 2015, vol. 38 (7), pp. 1090–1114.
10. Lall S., Weiss J., Zhang J. The “sophistication” of exports: a new trade measure. *World Development*, 2006, vol. 34 (2), pp. 222–237.
11. Hausmann R., Klinger B. *Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space. Research Working Paper RWP06–041*. John F. Kennedy School of Government, Harvard University, 2006.
12. Hausmann R., Klinger B. The structure of the product space and the evolution of comparative advantage. *CID Working Papers*, 2007, no. 146.
13. Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What you export matters. *Journal of Economic Growth*, 2007, vol. 12 (1), pp. 1–25.
14. Каукин А., Фрейнкман Л. Структура и продуктивность российского экспорта // Экономическая политика. 2009. № 5. С. 99–117

15. Гнидченко А. Совершенствование методов оценки структуры и базы экспортного потенциала за счет диверсификации экспорта // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 1. С. 83–109.
16. Yaklai P., Suwunnamek O., Srinuan C. How intellectual capital, knowledge management, and the business environment affect Thailand's food industry innovation. *Asia-Pacific Social Science Review*, 2018, vol.18, no. 3, pp. 30–42.
17. Ревенко Л.С. Использование зарубежного опыта продвижения сельскохозяйственных товаров на внешние рынки для формирования российской экспортной стратегии // Вестник МГИМО – Университета. 2017. № 1 (52). С. 212–226.
18. Пантелеева О.И. Экспорт продукции АПК: сможет ли Россия стать одним из ведущих экспортеров в мире? // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Том 13. №3. С. 118–136.
19. Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4
20. FAOSTAT / Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН // Веб-сайт. Режим доступа: <http://faostat.fao.org/beta/en/#data>, свободный.
21. Обзор выявления точек роста экспортного потенциала с применением интеллектуального анализа данных / Р.Е. Суворов, Д.А. Девяткин, Н.И. Усенко, Ю.С. Отмахова // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2017. Т. 67. Вып. 3. С. 75–85.
22. Ерёмченко О.А. Технологические барьеры увеличения экспортного потенциала зерновой отрасли России // Экономика науки. 2017. № 3. С. 40–52.
23. Перспективные возможности использования молекулярно-генетических подходов для управления технологическими свойствами зерна пшеницы в контексте цепочки «зерно – мука – хлеб» / Е.К. Хлесткина, Т.А. Пшеничникова, Н.И. Усенко, Ю.С. Отмахова // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2016; 20(4):511-527. DOI 10.18699/VJ15.140
24. Usenko N.I., Khlestkina E.K., Asavasanti S., Gordeeva E.I., Yudina R.S., Otmakhova Y.S. Possibilities of enriching food products with anthocyanins by using new forms of cereals. *Food and Raw Materials*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 128-135. DOI: 10.21603/2308-4057-2018-1-128-135.
25. Chotimarkorn C., Benjakul S., Silalai N. Antioxidant components and properties of five long-grained rice bran extracts from commercial available cultivars in Thailand. *Food Chemistry*, 2008, vol.111, no. 3, pp. 636–641. DOI: 10.1016/j.foodchem.2008.04.031.
26. Jung D., Lee F., Eun J. Quality properties of bread made of wheat flour and black rice flour. *Korean Journal of Food Science and Technology*, 2002, vol. 34, no. 2, pp. 232–237.
27. Sompong R., Siebenhandl-Ehn S., Linsberger-Martin G., Berghofer E. Physicochemical and antioxidative properties of red and black rice varieties from Thailand, China and Sri Lanka. *Food Chemistry*, 2011, vol. 124, no. 1, pp. 132–140. DOI: 10.1016/j.foodchem.2010.05.115.
28. Kushwaha U.K.S. *Black Rice: Research, History and Development*. Switzerland: Springer International Publ., 2016. 192 p. DOI: 10.1007/978-3-319-30153-2.
29. Khlestkina E.K., Usenko N.I., Gordeeva E.I., Stabrovskaya O.I., Sharfunova I.B., Otmakhova Y.S. Evaluation of wheat products with high flavonoid content: Justification of importance of marker-assisted development and production of flavonoid-rich wheat cultivars. *Vavilovskii Zhurnal Genetiki i Seleksii*, no. 21 (5), pp. 545-553. DOI: 10.18699/VJ17.25-o
30. Ревенко Л.С. Современный агропродовольственный кризис: характерные черты и особенности развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 1. С. 3–8.
31. Усенко Н.И., Отмахова Ю.С., Позняковский В.М. Структурные и качественные трансформации на российском рынке пищевой продукции / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 184 с.
32. Trakulvichean S., Chairasert P., Otmakhova J., Songkasiri W. Comparison of fermented animal feed and mushroom growth media as two value-added options for waste cassava pulp management. *Waste Management & Research*, 2017, vol. 35, no. 12, pp. 1210–1219. DOI: 10.1177/0734242X17730135.
33. Trakulvichean S., Chairasert P., Otmakhova J., Songkasiri W. Integrated economic and environmental assessment of biogas and bioethanol production from cassava cellulosic waste. *Waste and Biomass Valorization*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 691–700. DOI: 10.1007/s12649-017-0076-x.

Сведения об авторах

Юлия Сергеевна Отмахова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17); заведующий лабораторией, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1; e-mail: otmakhovajs@yandex.ru)

Наталья Ивановна Усенко – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2; e-mail: n.i.usenko@yandex.ru)

Дмитрий Алексеевич Девяткин – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (117312, Российская Федерация, г. Москва, пр. 60-летия Октября, 9; e-mail: devyatkin@isa.ru)

Варинторн Сонгкассири – доктор наук, главный научный сотрудник, Национальный центр генной инженерии и биотехнологии (BIOTEC) (113, Thailand Science Park, Phahonyothin Road, Khlong Nueng, Khlong Luang, Pathum Thani, 12120; e-mail: warinthorn@biotec.or.th)

Otmakhova Yu.S., Usenko N.I., Devyatkin D.A., Songkasiri W.

Assessing Export Potential of the Country in the Context of Global Demand in the World Food Market

Abstract. Nowadays Russia is actively expanding its presence on the world market by increasing food export. The goal of our research is to develop methodological approaches to the analysis of dynamics and structure of the world food export when assessing ways of increasing Russia's export potential. The main scientific problem reviewed in the article touches upon an issue of export policy in the food sphere. Our studies develop the theory of comparative analysis using indices of competitiveness and concept of food space by providing a new way to analyze potential capabilities of export potential. It is related to implementation of modern technologies and technological services on the food market. This approach matches assessment of global demand and capabilities to enhance export flows. Scientific novelty of the research consists in its theoretical statement and practical implementation of the research objective to examine aggregate figures of global import (as the indicator of global demand) and figures of trade items' export in the context of the country. We propose criteria and threshold values for conducting multi-criteria assessment of goods and detailed product groups. Data about global export-import trade flows were used as the informational basis, and programed filtering of big data was implemented. We used grain of wheat, a very important export product, to illustrate that the availability of scientific back-log (research and developments, technologies, patents) is a very important factor in growing export potential by implementing technological breakthrough in producing new types of products and raw materials.

Key words: food export, diversification, basket of export specialization, global import, data filtering, food space.

Information about the Authors

Yuliya S. Otmakhova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrent'ev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation), head of laboratory, Novosibirsk State University (1, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: otmakhovajs@yandex.ru)

Natal'ya I. Usenko – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Novosibirsk State University (2, Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: n.i.usenko@yandex.ru)

Dmitrii A. Devyatkin – Researcher, Federal Research Center “Computer Science and Management” RAS (9, 60-letiya Oktyabrya Avenue, Moscow, 117312, Russian Federation; e-mail: devyatkin@isa.ru)

Warinthorn Songkasiri – Doctor of Sciences, Senior Researcher, National Centre for Genetic Engineering and Biotechnology (BIOTEC) (113, Thailand Science Park, Phahonyothin Road, Khlong Nueng, Khlong Luang, Pathum Thani, 12120, Thailand; e-mail: warinthorn@biotec.or.th)

Статья поступила 28.05.2019.

Добыча охотничьих ресурсов в системе налогово-бюджетных отношений (на примере северных регионов России)*

**Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми НЦ» УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ГСП-2, Коммунистическая, 26
E-mail: vnl1940@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2222-5107; ResearcherID: O-6722-2017

**Светлана Ивановна
ЧУЖМАРОВА**

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Сыктывкар, Российская Федерация, 167001, ул. Старовского, д. 55
E-mail: swetlana_ch@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9747-1041; ResearcherID: G-8214-2018

**Андрей Иванович
ЧУЖМАРОВ**

Коми республиканская академия государственной службы и управления
Сыктывкар, Российская Федерация, 167000, ул. Коммунистическая, д. 1
E-mail: andry_ch@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0096-8850; ResearcherID: G-8222-2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми, проект № 18-410-110005.

Для цитирования: Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Добыча охотничьих ресурсов в системе налогово-бюджетных отношений (на примере северных регионов России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 123–136. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.8

For citation: Lazhentshev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Procurement of hunting resources in the system of fiscal relations (case study of the Northern regions of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 123–136. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.8

Аннотация. Научный интерес к тематике «охота и охотничье хозяйство» обусловлен актуализацией проблем рационального природопользования — не только в части земельных отношений, освоения полезных ископаемых и эксплуатации лесов, но и добычи охотничьих ресурсов, совмещенной с охраной животного мира. В последнем наиболее ярко проявляется проблематика экологизации современной экономической деятельности и традиционного северного хозяйства, связанного с использованием «даров природы». В статье выделены методологические принципы экономической оценки объектов животного мира и выполнен анализ северного (отечественного и зарубежного) опыта их налогообложения; предложена схема перехода от разрозненных подходов к налогообложению данного вида деятельности (ресурсный, разрешительный, компенсационный и др.) к комплексному эколого-экономическому подходу. В дополнение к существующим нормам такой подход включает: введение акциза с производителей оружия, патронов и снаряжения; установление целевого экологического сбора с недропользователей; применение штрафов за безлимитное или сверхлимитное изъятие объектов животного мира; формирование в системе местных бюджетов фондов охраны диких животных и птиц. Новый подход обеспечивает гармонизацию интересов государства (субъектов РФ и органов местного самоуправления), местного населения северных территорий, природопользователей (включая охотников), недропользователей, производителей оружия и снаряжений. Определен источник формирования налоговых доходов местных бюджетов, обуславливающий возможность финансирования природоохранных мероприятий, воспроизводства диких животных и птиц, создания инфраструктуры в отдаленных северных территориях. Показана необходимость внедрения инновационных методов государственного мониторинга объектов животного мира, правильного распределения функций федеральных, региональных и местных органов власти в его воспроизводстве.

Ключевые слова: природопользование, животный мир, экология, добыча охотничьих ресурсов, охрана окружающей среды, налоги, сборы, акцизы, опыт северных стран.

Введение

В нашем обзоре налогово-бюджетных отношений в системе природопользования в условиях Севера [1] отмечено, что методически правильная фиксация ресурсных налогов и платежей может оказать значительное влияние на состояние всей природно-ресурсной экономики; подчеркнута ведущая роль в организации жизнедеятельности в регионах Арктики и Севера возобновляемых природных ресурсов, которые в системе финансово-бюджетных отношений пока отодвинуты на второй план после минерально-сырьевых и топливно-энергетических; сделан вывод о необходимости частичного перетока капитала из отраслей добычи полезных ископаемых в отрасли сельского, лесного и водного хозяйства, в традиционные для северян виды деятельности — охоту и другие промыслы. В данной статье финансово-бюджетная тематика рассмотрена применительно к добыче охотничьих ресурсов — не очень существенной в структуре внутреннего валового продукта, но весьма показательной в выявлении характерных черт северной жизнедеятельности.

Цель исследования — оценка теоретических взглядов на налогообложение добычи охотничьих ресурсов в системе налогово-бюджетных отношений, анализ северного (отечественного и зарубежного) опыта в данной сфере экономической деятельности, поиск нового порядка совмещения товарно-денежных отношений охоты и охотничьих хозяйств с проблематикой охраны природы.

Задачи исследования: определить положение налогообложения добычи охотничьих ресурсов в системе природопользования; показать социально-экономические ценности животного мира и использования его объектов человеком; сформулировать методологические принципы экономической оценки объектов животного мира; провести анализ налогообложения добычи охотничьих ресурсов; отразить зарубежный опыт в данной сфере и определить возможности его использования; сделать выводы относительно комплексного подхода к налогообложению.

Актуальность темы исследования. На северных территориях России обитает более 350 видов различных животных и птиц; 84 вида объ-

ектов животного мира относятся к охотничьим ресурсам, в том числе 51 вид млекопитающих и 33 вида птиц. В научной литературе и в средствах массовой информации с большой тревогой рассматриваются вопросы сохранения уникального арктического и северного животного мира, ведется поиск согласования интересов в рамках различных аспектов охотничьего и рыбного хозяйства.

Ключевой проблемой северных регионов России, обладающих огромным природно-ресурсным потенциалом, биологически разнообразным и значительно отличающимся по территориям животным миром, является недостаточность финансовых ресурсов для решения указанных вопросов, устойчивого развития, финансирования общественных благ. Значительный массив нормативных актов, регламентирующих добычу охотничьих ресурсов и налогообложение данного вида деятельности (более 10 федерального уровня и более 10 в каждом субъекте РФ), сложность их (актов) понимания не всегда воспринимаются однозначно для исполнения охотниками. Так, охотники в России уплачивают лицензионные сборы, сборы за пользование объектами животного мира, госпошлину, членские взносы в общественные организации охоты, размеры их (сборов) дифференцированы по видам добычи, территориям, срокам и др.

Отечественные и зарубежные авторы справедливо полагают, что наряду с организацией охоты, как отрасли народного хозяйства со своей особой технологией и экономикой, необходимо наладить правильное ее налоговое регулирование, а также понять выгоды частно-государственного партнерства в данной сфере природопользования [2, 3, 4], определить совокупность мер воздействия на экономическое и экологическое поведение людей [5].

Научная новизна нашего исследования заключается в формировании нового комплексного эколого-экономического подхода к налогообложению добычи охотничьих ресурсов в северных регионах России, основанного на взаимосвязи теории налогообложения природопользования с практическими задачами организации охотничьего хозяйства и охраны животного мира,

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в определении актуальных в настоящее время проблем согласования налогово-бюджетных, социальных и экологических отношений в области пользования объектами животного мира, исследовании лучших зарубежных практик налогообложения, в разработке нового комплексного эколого-экономического подхода к налогообложению добычи охотничьих ресурсов.

Методика исследования базируется на теориях налогообложения, экономики природопользования, региональной экономики и организации охотничьего хозяйства. Используются методы динамического и статического анализа поступлений в бюджет сборов за пользование объектами животного мира в северных регионах России, проведен сравнительный анализ налоговых систем в сфере добычи охотничьих ресурсов.

Результаты исследования зафиксированы в части оценки социально-экономической ценности животного мира и решения проблем экологизации налогообложения, в результатах анализа налогов и сборов в системе добычи охотничьих ресурсов.

Социально-экономическая ценность животного мира

Охотничьи животные в нашей стране рассматриваются как важная часть природного капитала, которая обеспечивает формирование экосистемных услуг потребительского и средообразующего характера. Охотничьи угодья в Российской Федерации занимают площадь около 1,5 млрд. гектаров; более половины предоставлены в пользование 4450 юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, которые осуществляют деятельность в 6050 охотничьих угодьях; стоимостная оценка охотничьих животных, обитающих на территории Российской Федерации, превышает 87 млрд. рублей, а суммарный годовой оборот в сфере охотничьего хозяйства оценивается в 80–100 млрд. руб.; в сфере охотничьего хозяйства постоянно или временно заняты более 80 тыс. работников. С учетом же спортивной и туристической охоты в России насчитывается около 2,7 млн. охотников; ежегодные расходы федерального бюджета на осуществление субъектами Российской

Федерации полномочий Российской Федерации в области охраны и использования охотничьих животных, связанных с контролем, надзором, выдачей разрешений на добычу охотничьих животных и заключением охотхозяйственных соглашений, предусматриваются в размере 1,3 – 1,5 млрд. руб.; на указанные цели из бюджетов субъектов Российской Федерации ежегодно выделяется дополнительное финансирование (в 2012 году, например, в размере 2,4 млрд. рублей); ущерб от незаконной добычи охотничьих животных превышает объем легальной добычи охотничьих животных и составляет ежегодно около 18 млрд. рублей¹.

Одна из главных задач развития охотничьего хозяйства страны – «совершенствование системы платежей за использование охотничьих животных и размера ставок сборов за виды охотничьих животных, а также создание механизма адресного финансирования сферы охотничьего хозяйства, предусматривающего покрытие затрат, необходимых для развития охотничьего хозяйства, посредством создания экологических фондов, обеспечивающих государственный и общественный контроль за целевым использованием финансовых средств» [6, с. 8].

Для определения научно обоснованного размера налоговых ставок платежей за пользование природными ресурсами, размеров сборов за пользование объектами животного мира важно понимание их ценности, а также величины затрат на компенсацию ущерба, нанесенного природе, на восстановление диких животных и птиц. Оценка природных ресурсов и фундаментальное понимание их ценности обуславливают необходимость определения общественной значимости и учета экологического фактора.

В зарубежной литературе по поводу «ценности» наблюдаются некоторые разногласия. Одни авторы отмечают наличие внутренних ценностей природных объектов, не зависящих от человека и его мировоззрения [7], другие полагают, что природная система сама по себе не создает общественной ценности. Только взаимоотношения человека с окружающей средой порождают общественную ценность [8]. Пожалуй, вторая позиция более правильная.

¹ Приведенные сведения указаны в «Стратегии...» [5].

К ней мы добавим северный аспект общественной ценности объектов животного мира, который фиксируется в специальных нормативных актах, регламентирующих хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов.

Возникает вопрос: как определить ценность объектов животного мира и иных природных ресурсов? Как правило, во внимание принимаются следующие позиции: во-первых, товары и услуги подлежат оценке в случае, если человек ценит их; во-вторых, ценность измеряется в значениях компромиссов, а именно желания индивидов платить или получать плату за использование природных ресурсов другими индивидами, и, следовательно, является относительной оценкой; в-третьих, как правило, для оценки применяют денежное измерение; в-четвертых, для определения общественной ценности природных ресурсов суммируются ценности индивидов [9, с. 10–11]. Указанные и другие позиции зарубежных авторов мы принимаем, когда речь идет о разных видах ценности животного мира как части экосистем и как части природных охотничьих ресурсов. Учитываем также возможность дать совокупную (экономическую, социальную и экологическую) оценку природных ресурсов [10].

По нашему мнению, в целях рационализации налогообложения следует в равной мере учитывать социально-экологические и экономические ценности объектов животного мира, что предполагает: во-первых, определение стоимости использования объектов животного мира как основы налогообложения; во-вторых, выделение потенциальной стоимости неиспользования объектов животного мира как альтернативной ценности или ценности наследования, а именно сохранение для будущих поколений уникальных видов животных, занесение их в Красную книгу; в-третьих, расчет суммы затрат на воспроизводство диких животных и птиц и соответствующих объемов финансирования. Игнорирование же стоимостной оценки объектов животного мира по сути означает отрицание их социально-экономической ценности. Такой подход может привести к бесконтрольному их использованию и утрате потенциала природно-ресурсного воспроизводства.

Экологизация охотничьего хозяйства и его налогообложения: обзор исследований

Развитию теоретических основ экологического налогообложения посвящена монография под редакцией И.А. Майбурова и Ю.Б. Иванова, в которой отражена трансформация экономического мировоззрения в сторону сбалансированного потребления и бережного отношения к природным ресурсам [11]. Особое внимание проблеме совмещения экономической и экологической политик с помощью регулирования налогов уделяют В.В. Громов и Т.А. Малинина [12]. Некоторые авторы за основу экологизации налогообложения берут теорию экстерналий, или внешних, издержек, которые не учитываются в экономической системе с помощью цен. Так, в изложении А. Пигу, проявлением положительных экстерналий служит распространение новых экологически чистых технологий, а отрицательных – загрязнение окружающей среды [13]. Мы полагаем, что положительные и отрицательные экстерналий эффекты, действительно, играют важную роль в экологизации природопользования, а потому их необходимо учесть при формировании нового подхода к экономике и организации охотничьего хозяйства.

Известный специалист международного права в области экологической политики В.В. Лисаускайте в качестве одного из детерминантов отношения к экономической оценке экологического ущерба выделяет инертность мышления. Она полагает, что восприятие упущенной выгоды необходимо заменить более рациональными способами осуществления природопользования, а именно повышением уровня экологического сознания хозяйствующих субъектов и граждан, осознанием ими ценности природных ресурсов, в том числе животного мира [14].

Несмотря на экологические постулаты в теории экономической деятельности, ее практика пока не имеет достаточных материальных интересов к природосбережению. Э.В. Гирусов и В.Н. Лопатин правильно отмечают, что такая ситуация сложилась в результате того, что ни плановая, ни рыночная модели экономики не смогли установить адекватную общественную ценность природных ресурсов [15]. Приближение к такого рода адекватности означало бы вместе с тем формирование особого подхода к

определению эффективности использования природных ресурсов, когда отношение людей к друг к другу и их совместное отношение к рациональному природопользованию станет критерием ценности хозяйственной деятельности. Сейчас же лишь экспериментальные модели, составленные в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН, количественно улавливают значение и экономических, и социальных эффектов инновационных проектов [16]. «Чистая экономика» с ориентацией на финансовую окупаемость инвестиций в производственные проекты должна бы уйти на второй план [17], тем более если это касается биоресурсной деятельности.

Анализ северного отечественного и зарубежного опыта налогообложения добычи охотничьих ресурсов

Сборы за пользование объектами животного мира, формирующие доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, и в 2018 г. составили 0,003%, в местные бюджеты северных регионов они (сборы) не поступают. Это позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с такой сферой экономической деятельности, которая не решает задачу наполнения бюджета, но может быть индикатором проблем другого рода, например территориальных различий в объемах добычи охотничьих ресурсов, локализации и типологии охотничьего хозяйства, «привязки» последнего к организации жизнедеятельности конкретных этносов и групп хозяйствующих субъектов и т.п.

Динамика поступлений сборов за пользование объектами животного мира в консолидированные бюджеты северных субъектов РФ имеет положительную тенденцию (табл. 1), но это обусловлено главным образом ростом цен. Отметим также, что данные сборы поступают в региональные бюджеты субъектов РФ, но не в муниципальные, хотя по логике территориального хозяйствования должно быть наоборот. Компенсация же расходов бюджета страны на улучшение экологической ситуации за счет сборов с пользователей объектами животного мира незначительна – примерно 50 млрд. руб. ежегодно.

На величину сборов влияет количество плательщиков и выданных разрешений. Оно (количество) относительно устойчиво, даже

Таблица 1. Динамика поступлений в консолидированные бюджеты субъектов РФ сборов за пользование объектами животного мира в 2015–2018 гг., тыс. руб. (в текущих ценах)

Субъект РФ	2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		2018 г. в % к 2015 г.
	Тыс. руб.	Уд. вес, %	Тыс. руб.	Уд. вес, %	Тыс. руб.	Уд. вес, %	Тыс. руб.	Уд. вес, %	
Российская Федерация	247902	0,004	275722	0,004	297249	0,004	300936	0,003	121,4
Красноярский край	23576	0,014	26197	0,014	30104	0,015	35636	0,015	151,2
Республика Саха (Якутия)	14520	0,014	15190	0,013	16458	0,016	15687	0,012	108,0
Архангельская область	6028	0,013	7767	0,017	7759	0,015	7632	0,013	126,6
Ханты-Мансийский АО – Югра	6626	0,002	7120	0,003	7166	0,003	7045	0,002	106,3
Камчатский край	6812	0,029	6594	0,025	7439	0,027	6948	0,022	102,0
Республика Карелия	4662	0,024	4549	0,021	4571	0,021	4752	0,017	101,9
Ямало-Ненецкий АО	2549	0,002	3075	0,002	3810	0,002	3997	0,002	156,8
Республика Коми	3626	0,006	3637	0,006	4107	0,005	3748	0,004	103,4
Магаданская область	1650	0,009	1722	0,008	1658	0,008	1811	0,008	109,8
Чукотский АО	1148	0,008	1437	0,009	1613	0,013	1610	0,013	140,2
Мурманская область	1330	0,003	1518	0,003	1463	0,002	974	0,001	73,23
Ненецкий АО	49	0,000	52	0,000	84	0,000	79	0,000	161,2

Источник: составлено авторами по данным ФНС России. Статистические отчеты за 2015–2018 гг. URL: <https://www.nalog.ru>

наблюдается его сокращение вслед за тем, как сокращается лимит на пользование охотничьими ресурсами. Отметим различия в уровне льготирования. По северным регионам оно колеблется от 0 в Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах до 4,7 и 4,6% соответственно в Красноярском крае и Республике Коми. Самый существенный момент: представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации освобождены от сборов за пользование ресурсами охоты; не уплачивают сборы лица, не относящиеся к коренным малочисленным народам, но постоянно проживающие в местах, где для их проживания и хозяйственной деятельности охота и рыболовство являются основой существования. Данные льготы распространяются только на количество (объем) объектов животного мира, добываемых для удовлетворения личных нужд указанных категорий плательщиков.

Для исследования зарубежной практики в области налогообложения использования объектов животного мира нами выбраны четыре страны, природно-климатические условия территорий которых близки к северным регионам России, а именно Финляндия, Норвегия, Канада и США. Указанные страны прошли через переосмысливание налоговой политики в сфере пользования объектами животного мира, выра-

ботали направления стимулирования экологически ориентированного поведения природопользователей.

В указанных странах используется разрешительный подход к данному виду природопользования, хотя сама система платежей за пользование объектами животного мира у них различна. Стоимость разрешения на охоту (лицензии) значительно отличается в зависимости от территории, места охоты, видов объектов охоты, сезонности, сроков, права собственности на охотничьи угодья и других факторов.

В Финляндии, 69% территории которой составляют леса, зарегистрировано около 300 тыс. охотников, у шести процентов граждан страны имеется охотничий билет. Здесь охотниками уплачивается ежегодный взнос, дающий право на охоту в течение года. Размер платы за право на охоту устанавливается ежегодно государством, в 2017 г. он составил 28 евро. Охота на крупных животных предполагает необходимость получения отдельной лицензии и уплаты соответствующего сбора. Стоимость разрешения (лицензии) определяется стороной, владеющей лесными участками на праве собственности или на условиях договора аренды. Кроме того, в Финляндии предусмотрены страховые взносы, взимаемые с целью возмещения возможного ущерба, нанесенного огнестрельным оружием во время охоты [18; 19; 20].

В Норвегии, несмотря на сложные климатические условия и горный рельеф местности, лесное и охотничье хозяйства хорошо развиты. На пять миллионов норвежцев приходится 483 тыс. охотников, что составляет около 10% населения страны [21]. Здесь пошлина за получение лицензии на право охоты, представляющая собой ежегодный взнос, составляет от трех до четырех евро. Охота на крупных животных, в том числе лося, предполагает получение отдельной лицензии за небольшую плату и при условии сдачи экзаменов по меткости стрельбы из охотничьего огнестрельного оружия, стоимость экзамена составляет семь евро за одну попытку. Численность лося в Норвегии составляет около 35 тыс. особей, а лицензий востребовано охотниками около 7 тыс. единиц в год, т.е. в соотношении 5:1.

Правительством США в 1901 г. был принят ряд законов, направленных на рост финансирования программ охраны, воспроизводства фауны, расселения животных, пропаганду цивилизованной охоты и др. Наиболее значимым американские охотники считают закон Питтмэна и Робертсона 1937 года «Федеральная помощь в сохранении дикой природы», приведший к положительным результатам в области использования объектов животного мира. В соответствии с ним была создана программа федеральной помощи местным природоохранным органам. В основе финансовой помощи лежал акцизный налог, ставка которого составляла 11% со всех видов реализованного охотничьего оружия и снаряжения. С каждого проданного патрона (гладкого и нарезного) в Федеральном департаменте по натуральным ресурсам перечислялась часть акциза, направлявшегося в дальнейшем на финансирование воспроизводства и охраны дикой природы. Суть метода налогообложения: производители инструментов добычи объектов животного мира, получая доход и прибыль от реализации оружия, патронов, снаряжений, уплачивают в бюджет акциз, доходы от получения которого направляются на финансирование восполнения убыли, причиненной этими инструментами. В США получение лицензии, которая дает право на охоту, обязательно для всех потенциальных охотников, за получение которой взимается лицензионный сбор; в год продается около 20 млн. охотничьих лицензий. При этом стоимость лицензий

незначительна, в разных штатах она варьируется, значительно отличается для резидентов и нерезидентов. Например, в штате Иллинойс стоимость годовой обыкновенной лицензии составляет 7,5 доллара, а комбинированной с рыболовной – 19,5 доллара. При этом для жителей других штатов размер лицензионного сбора за право пользования объектами животного мира в штате Иллинойс увеличивается в 5–10 раз. Приобретение лицензии на охоту регулируется штатами, при недостаточности охотничьих ресурсов проводится розыгрыш (лотерея) за право ее получения [22].

В Канаде централизованных механизмов взимания взносов за право на охоту на объекты животного мира и механизмов распределения квот, допустимых к их распределению, не установлено, ежегодный платеж в виде государственной пошлины не предусмотрен. В каждой провинции Канады действует свой свод законов. Например, в Нунавуте – северной территории Канады, населенной преимущественно инуитами (эскимосами), – установлена оригинальная система распределения права на добычу таких объектов, отдельные элементы которой применяются и в других северо-западных территориях страны. В Нунавуте жителям обеспечивается гарантированное прямое административное распределение охотничьих ресурсов. Нунавутский совет по управлению дикой природой ежегодно определяет общий объем добычи охотничьих ресурсов, распределяя его исходя из потребности в них и возможных выгод от их использования для местной экономики. Оставшаяся часть, направляемая для коммерческого использования, обязательно распределяется через систему ограниченного доступа (limited entry system) по специальным правилам. При распределении коммерческих лицензий, срок действия которых не превышает три года, предпочтение отдается местным жителям, имеющим в данной территории основное место жительства, и заявителям, предлагающим выгоды для местной экономики. В Британской Колумбии (Канада) разрешение на право добычи объектов животного мира на весь охотничий сезон стоит 100 долларов, оно предоставляет возможность добывать такие массовые виды объектов животного мира, как лось, олень, медведь, волк, россомаха [23; 24; 25; 26].

В перечисленных странах направления использования доходов бюджета от взимания платы за пользование объектами животного мира во многом совпадают. В Финляндии доходы бюджета, полученные от взимания платежей с охотников, расходуются на финансирование мероприятий, направленных на улучшение среды обитания диких животных, проведение учетных и статистических исследований популяции животных и птиц, содержание охотничьих угодий. В США все доходы бюджета, полученные от налогообложения охотников, направляются на финансирование федеральных и штатных программ, а также на содержание департаментов по охране и воспроизводству объектов животного мира. В основном они расходуются на улучшение среды обитания диких животных, проведение учетных и статистических исследований популяций животных, приобретение новых охотничьих угодий, обучение и инструктаж охотников, строительство новых и обслуживание действующих общественных стрельбищ, на содержание федеральной службы по контролю за использованием охотничьих ресурсов.

Ограничение территории охоты с установлением границ изъятия объектов животного мира применяется во всех странах. Границы охоты строго определены и контролируются. Например, в Британской Колумбии (Канада) выдается специальная карта со строго установленными границами, в пределах которых разрешено охотиться. В Финляндии контроль за соблюдением правил охоты осуществляется территориальными органами полиции и пограничной стражи в рамках полномочий, установленных государством. Здесь в качестве одной из мер ответственности предусмотрено лишение права заниматься охотой сроком на один год. В результате — нарушения крайне редки. В Норвегии функции контроля за соблюдением правил охоты в частных владениях предоставлены владельцам охотничьих угодий или арендаторам. В США правила охоты неразрывно связаны с законом о сохранении дикой природы и животного мира. Система администрирования использования объектов животного мира построена таким образом, что правила охоты понятны всем, соблюдение их легко и ненакладно, а нарушение — финансово обременительно. Браконьерство наказывается

очень жестко, что обусловило крайне редкие случаи его осуществления [27].

Анализ северного российского и зарубежного опыта позволяет определить: что можно было бы рассмотреть к применению в России? Во-первых, целевое налогообложение производителей оружия и снаряжений, средства от которого направляются на финансирование программ охраны природы, воспроизводства диких животных и птиц. Во-вторых, установление незначительного размера лицензионного сбора. В-третьих, жесткие меры ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах в области изъятия объектов животного мира. Сочетание перечисленного приводит, как правило, к положительному результату.

Теоретические подходы к налогообложению охотничьих ресурсов

Анализ теории и практики обложения сборами за пользование объектами животного мира в северных регионах России, а также зарубежный опыт налогообложения данного вида природопользования позволили нам выделить следующие альтернативные теоретические подходы к налогообложению, сущность и содержание которых различно (табл. 2).

Проблемы охоты и охотничьего хозяйства в сочетании с задачей сохранения биологического разнообразия касаются и налогообложения, а именно необходимости перехода от его разрозненных схем (ресурсных, разрешительных, компенсационных) к новому комплексному эколого-экономическому подходу, в котором главное внимание уделяется гармонизации социальных, экономических и экологических отношений (рисунки).

Данный подход предполагает соблюдение определенных условий:

1. *Установление новых подакцизных товаров:* оружия, патронов и снаряжений. Плательщиками указанного акциза должны выступать производители инструментов добычи охотничьих ресурсов, а также продавцы перепродаваемого оружия. Объектом налогообложения могут быть признаны либо стоимость реализованных произведенных подакцизных оружий, патронов и снаряжений, либо их количество. По нашему мнению, целесообразно определение количества инструментов изъятия как объекта налогообложения, поскольку ущерб при-

Таблица 2. Теоретические подходы к налогообложению охотничьих ресурсов

№	Подход	Содержание подхода
1.	Рентный	Базируется на рентной природе всех налоговых платежей. Предложен Д. Рикардо, обоснован российскими учеными С.Ю. Глазьевым и др. [28].
2.	Компенсационный	Основан на компенсации расходов государства на защиту и воспроизводство возобновляемых природных ресурсов, борьбу с незаконным использованием объектов животного мира, охрану окружающей среды. Кратко описан Р.Р. Яруллининым [29].
3.	Разрешительный	Основан на фискальном суверенитете государства на право собственности на природные ресурсы с применением разрешительной системы. Кратко описан Е.Б. Шуваловой, М.С. Гордиенко, Н.В. Сибатулиной [30]. Применяется в РФ.
4.	Эколого-экономический	Основан: на гармонизации интересов государства, местного населения, природопользователей, включая охотников и недропользователей; усилении экологизации налогообложения; формировании методического инструментария определения потенциала сборов за пользование объектами животного мира; внедрении инновационных методов государственного мониторинга и контроля; усилении роли региональной налоговой политики. Элементы экологического подхода представлены в научных работах А. Пигу [13]. Эколого-экономический подход предложен С.И. Чужмаровой и А.И. Чужмаровым [31].
5.	Комплексный эколого-экономический	Базируется на взаимосвязи эколого-экономического подхода и акцизного налогообложения. Попытка обоснования предпринята в настоящей статье.

Источник: составлено авторами.

роде не зависит от их стоимости. Ставка акциза может быть установлена в размере 1000 руб. с единицы оружия, 1 руб. с патрона. Следует отметить, что в России в 1994–1996 гг. (Постановление правительства РФ от 31 марта 1994 г. № 273) акцизное налогообложение оружия по ставке 20% его стоимости не позволило получить хорошего результата, что обусловлено наличием рынка оружия, бывшего в использовании и не облагаемого налогом. Акциз должен поступать в местный бюджет, наиболее приближенный к территории осуществления охоты, добычи охотничьих ресурсов. Возможно его зачисление в конкретные целевые фонды, специально созданные с этой целью, при этом эффект будет ниже вследствие их (фондов) организационно-управленческих расходов.

2. Акциз может рассматриваться с позиции компенсации ущерба, нанесенного природе, а также предоставления возможности расширенного воспроизводства, дальнейшего роста производственного потенциала, доходов и прибыли производителей. Кроме того, указанный акциз включает оружейников в круг лиц, причастных к выполнению общественных функций по воспроизводству животного мира.

3. *Введение дополнительного целевого экологического компенсационного сбора в отношении недропользователей*, деятельность которых негативно влияет на окружающую среду. Размер сбора предлагается установить кратнo величии-

не ущерба. Его цель — увеличить объем средств для устройства охотничьих угодий и укрепления материально-технической базы охотничьих хозяйств.

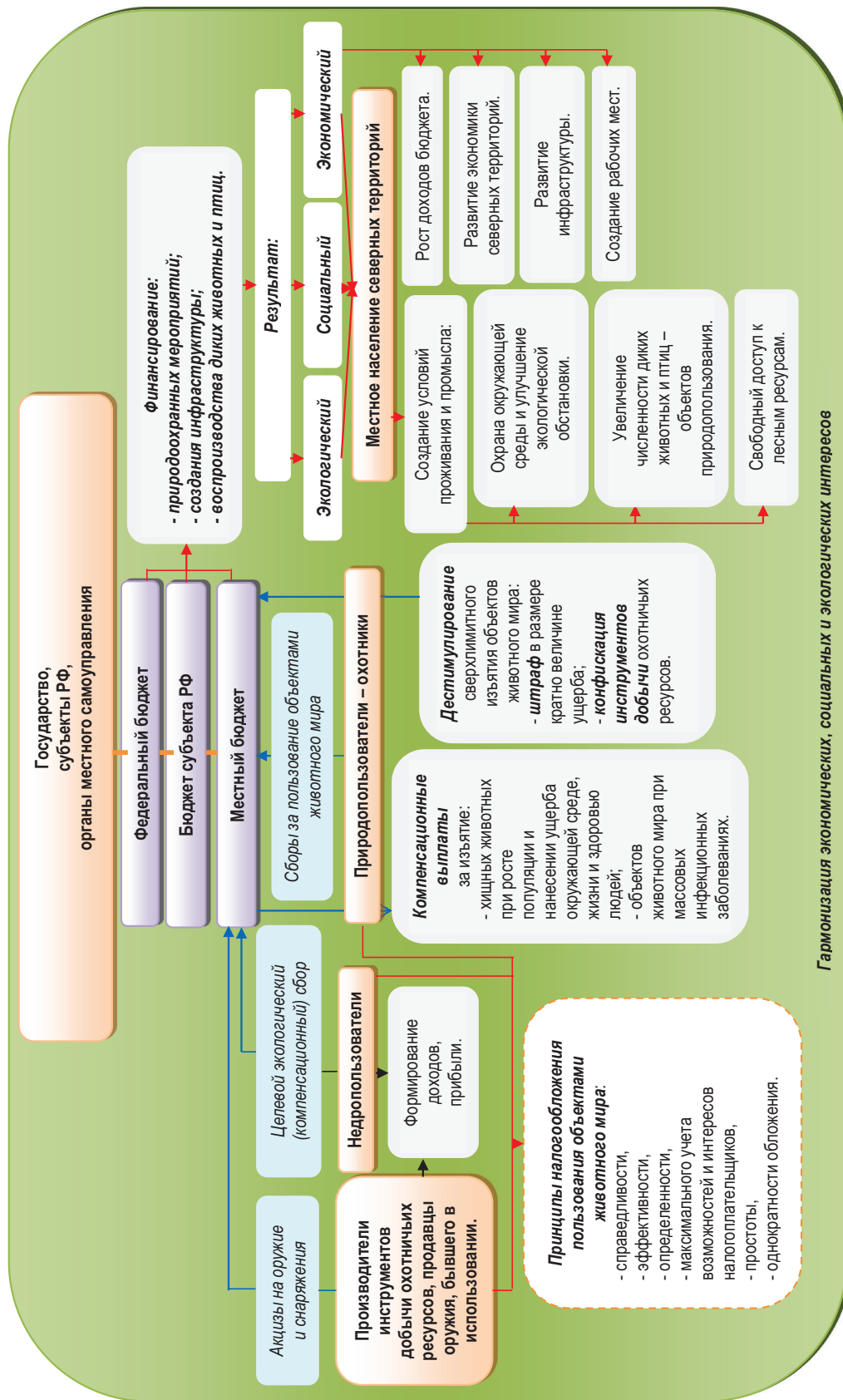
4. *Обеспечение местному населению северных территорий свободного доступа к лесным ресурсам*. В настоящее время, к сожалению, часть лесных участков на длительный период сдана в аренду частным лицам. При этом местные жители либо вообще не имеют возможности заходить на эти участки, либо должны приобретать путевку, которая дает право на охоту на них. Стоимость такой путевки значительно превышает размер сбора, установленный Налоговым кодексом РФ, иногда в разы.

5. *Соблюдение принципов удобства, простоты, однократности налогообложения* охотников за фактическое пользование объектами животного мира.

6. *Установление компенсационных выплат за изъятие хищников* (волков) (при угрозе оленеводству и жизни людей) и иных видов животных в случае их массового заражения инфекционными заболеваниями с целью предотвращения дальнейшего распространения болезни, например, в размере 1000 руб. за единицу.

7. *Формирование современного методического инструментария учета объектов животного мира* на основе современных информационных технологий определения популяции объектов животного мира, а также *привлечение местного*

Комплексный эколого-экономический подход к налогообложению пользования объектами животного мира

Источник: составлено авторами.

населения к контролю за состоянием экологической обстановки на территории их проживания.

8. *Предоставление органам власти субъектов РФ права расширения перечня объектов обложения и установления ставок сборов за пользование объектами животного мира с учетом территориальных особенностей.* В Налоговый кодекс РФ (глава 25.1) не вошли многие дикие животные и птицы, которые являются объектами охоты, в частности песцы, лисы, зайцы, куропатки и др.

9. *Установление льгот в части сборов на добычу охотничьих ресурсов.* Минприроды России предлагалось установление с 2019 г. дополнительного сбора («налога на охотников») с изъятия объектов животного мира, не вошедших в перечень (ст. 333.3 Налогового кодекса). В настоящее время этот вопрос не решен.

Практическая значимость успешной реализации нового комплексного эколого-экономического подхода к налогообложению пользования объектами животного мира: повышение налоговых доходов местных бюджетов; увеличение бюджетного финансирования на обеспечение воспроизводства биологических ресурсов – объектов животного мира, охрану окружающей среды, улучшение экологической обстановки в северных регионах страны; привлечение местного населения к реализации природоохранных мероприятий, контролю за промысловой охотой.

Отметим еще одно важное обстоятельство в понимании «комплексного подхода», его практической значимости – своего рода диалектику организации охоты и охотничьего хозяйства. Эта сфера экономики когда-то занимала ведущие рыночные позиции в системе первоначального капитала, затем стала представлять одну из форм общественной (коллективной) организации сельских жителей таежных и тундровых территорий нашей страны [32, 33]; в настоящее же время она не смогла в силу своей специфики «вписаться» в классику рыночных отношений и вынуждена возрождать старые или искать новые формы существования. Возрождение старого идет по линии создания охотничье-промысловых кооперативов [34], поиск нового – путем вхождения в инфраструктуру туризма и спортивной охоты [35]. Налогово-бюджетный аспект такого рода трансформаций заключается в стимулировании охотничьих хо-

зяйств (обществ), особенно в части их экологических функций и создания благоприятных условий для проведения досуга на природе. Доходная часть добычи охотничьих ресурсов во все большей мере перемещается в сферу охотничьего туризма и реализуется в затратах на его организацию.

Заключение

Налогообложение в добыче охотничьих ресурсов должно содействовать формированию системы социально-экологических отношений в части рационального природопользования и охраны окружающей среды. Регулирующая роль сборов за пользование объектами животного мира наиболее эффективно проявляется именно в комплексном охвате интересов всех участников – организаторов охоты и охотничьего хозяйства, в развитии у них экологического мышления. Финансово-бюджетные отношения в данной сфере жизнедеятельности целесообразно рассматривать в контексте совершенствования делимитации охотничьих угодий, эффективной организации комплексных охотничьих хозяйств, поддержки общественных объединений охотников, экономического стимулирования оптимизации численности промысловых животных, совмещения инфраструктуры рекреации и туризма с потребностями любительской и профессиональной охоты.

Проведенное исследование позволило предложить новый комплексный эколого-экономический подход к налогообложению добычи охотничьих ресурсов в северных регионах России, *основанный* на результатах анализа теоретических подходов, *фиксации* в части оценки социально-экономической ценности животного мира, *использовании* северного отечественного и зарубежного опыта, *учитывающий* практические задачи организации охотничьего хозяйства и охраны животного мира и включающий:

- установление новых подакцизных товаров (оружия, патронов и снаряжений);
- введение дополнительного целевого экологического компенсационного сбора;
- обеспечение местному населению северных территорий свободного доступа к лесным ресурсам;
- соблюдение принципов налогообложения охотников за пользование объектами животного мира (удобства, простоты, однократности);

- установление компенсационных выплат за изъятие хищников;
- формирование современного методического инструментария учета объектов животного мира;
- привлечение местного населения к контролю за состоянием экологической обстановки;
- предоставление права органам власти субъектов РФ расширения перечня объектов обложения и установления ставок сборов.

Литература

1. Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 109–126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7
2. Чужмарова С.И. Обеспечение социально-экономического развития северных регионов в условиях реформирования налогообложения природопользования // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 9 (102). С. 21–27.
3. Формирование социально-экономической политики северных регионов России с учетом фактора освоения природных ресурсов: монография / А.Г. Шеломенцев, С.В. Дорошенко, О.А. Козлова, В.Н. Беляев, В.Э. Тоскунина, А.А. Проворова, О.В. Губина, Е.А. Илинбаева; Институт экономики УрО РАН, 2011. 140 с.
4. Чужмаров А.И. Развитие частно-государственного партнерства в условиях Севера / под общ. редакцией д.э.н., профессора В.В. Фаузера. М.: Экон-информ, 2012.
5. Гарнов А.П., Краснобаева О.В. Общие вопросы эффективного природопользования. М.: Инфра-М. Научная мысль. Экономика, 2016. 214 с.
6. Стратегия развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 г.: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 июля 2014 г. № 1216-р.
7. Devall B., Sessions G. The development of natural resources and the integrity of nature. *Environmental Ethics*, 1984, no. 6, pp. 293–322.
8. Kennedy J.J., Thomas J.W. Managing natural resources as social value. In: Knight R.L., Bates S.F. (Eds.). *A New Century for Natural Resource Management*. Washington, DC: Island Press, 1995. Pp. 311–321. Available at: <http://www.umass.edu/hd/resources/KennedyValues.pdf>
9. Lipton D.W., Wellman K.F., Sheifer I.C., Weiher R.F. *Economic Valuation of Natural Resources – A Handbook for Coastal Resource Policymakers*. 1995. Pp. 131. Available at: http://docs.lib.noaa.gov/noaa_documents/NOS/NCCOS/COP/DAS/DAS_5.pdf
10. Slee B. Socio-economic values of natural forests. *Forest Snow Landscape Res.*, 2005, vol. 79, no. 1–2, pp. 157–167. Available at: <http://www.wsl.ch/dienstleistungen/publikationen/pdf/6756.pdf>
11. Экологическое налогообложение. Теория и мировые тренды: монография для магистрантов / под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 359 с.
12. Громов В.В., Малинина Т.А.. Перспективы экологизации налоговой системы Российской Федерации / РАНХиГС. М.: Дело, 2015. 84 с.
13. Пигу А.К. Экономика благосостояния. Лондон: Макмиллан и К, 1932. 4-е изд. URL: <https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=en&u=http://www.econlib.org/library/NPDBooks/Pigou/pgEW.html&prev=search>
14. Лисаускайте В.В. Национальные и международно-правовые проблемы современного экологического права: учеб.-метод. комплекс. Иркутск, 2007. 557 с.
15. Гирусов Э.В., Лопатин В.Н. Экология и экономика природопользования / Под ред. проф. Э.В. Гирусова, проф. В.Н. Лопатина. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2002. 455 с.
16. Оценка роли научно-технического и инновационного потенциала региона (опыт Сибири) // Север: наука и перспективы инновационного развития / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2006. С. 43–74. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).
17. Албогачиева Б.М. Экономическая оценка природных ресурсов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. URL: <http://jurnal.org/articles/2009/ekon3.html>
18. Охота в Финляндии. URL: <http://fin-ware.ru/finlyandiya/oxota-v-finlyandii>
19. Министерство сельского и лесного хозяйства Финляндии. URL: www.mmm.fi

20. Управление лесами в Финляндии. URL: www.metsa.fi
21. Романов И. Мировая практика. Охотничье королевство – охота в Норвегии // Лесной и охотничий журнал. URL: <https://ahf.org.ua/ru/library/world-practice/583-okhotniche-korolevstvo-okhota-v-norvegii>
22. Евстигнеев Д. Америка уникальна в области ведения охотничьего хозяйства // Охотники.ру. 2018. URL: <https://www.ohotniki.ru>
23. Аветикян М. Дневник канадского охотника // Логово.info: электронный журнал. URL: <http://www.logovo.info>
24. *Alberta Guide to Hunting Regulations*. Edmonton: Sports Scene Publications Inc., 2001. 80 p.
25. *Hunting and Fur Harvesting Regulations and License Information*. New Nouveau Brunswick, Canada, 2002. 28 p.
26. Матвейчук С.П. Канадский опыт обеспечения равнодоступности охотничьих ресурсов // Охотоведение: ежегодный научно-теоретический журнал / ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова; РАСХН. Киров, 2004. № 2 (52). С. 60–74.
27. Особенности охотничьего хозяйства Северной Америки. URL: <https://furhunting.com/America-hunt>
28. Глазьев С.Ю. Оценка природной ренты и ее роль в экономике России. М.: ИНЭС. 2010.
29. Яруллин Р.Р. Сборы за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов // Экономические науки. КиберЛенинка: [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbory-za-polzovanie-obektami-zhivotnogo-mira-i-obektami-vodnyh-biologicheskikh-resursov>
30. Шувалова Е.Б., Гордиенко М.С., Сибатулина Н.В. Эволюция системы экологических налогов, сборов и платежей в Российской Федерации // Экономическая статистика. 2017. Т. 14. № 6. С. 32–38.
31. Чужмарова С.И., Чужмарова А.И. Налогообложение пользования объектами животного мира в северных (арктических) регионах России: эколого-экономический подход // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. The Bulletin of the FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY. ECONOMICS and MANAGEMENT. 2018. №2. С. 146–155.
32. Основы охотоустройства / Д.Н. Данилов, Я.С. Русанов, А.С. Рыковский, Е.И. Солдаткин, П.Б. Юргенсон; Под ред. Д.Н. Данилова. М.: Лесная промышленность, 1966. 331 с.
33. Каледин А.П. История взаимоотношений государства и общественных объединений охотников. URL: http://www.ohot-prostory.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1710
34. Лапсин Г. Создадим охотничье-промысловые кооперативы // Охота и охотничье хозяйство. 2014. № 1. С. 1–2.
35. Особенности формирования инфраструктуры охотничьих хозяйств / С.И. Миньков, В.А. Чашухин, В.А. Тетера, М.И. Целищева // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2015. № 1 (14). С. 66–72.

Сведения об авторах

Виталий Николаевич Лаженцев – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми НЦ» УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, Коммунистическая, 26; e-mail: vn11940@gmail.com)

Светлана Ивановна Чужмарова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, профессор, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (167001, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Старовского, д. 55; e-mail: swetlana_ch@bk.ru)

Андрей Иванович Чужмаров – кандидат экономических наук, проректор по образовательной и научной деятельности, Коми республиканская академия государственной службы и управления (167000, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 1; e-mail: andry_ch@bk.ru)

Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I.

Procurement of Hunting Resources in the System of Fiscal Relations (Case Study of the Northern Regions of Russia)

Abstract. Scientific interest in the topic of hunting and game husbandry is due to the fact that the problems of rational nature management are coming to the fore – it concerns not only land relations, development of minerals and exploitation of forests, but also procurement of hunting resources combined with the protection of wildlife. The latter most clearly shows the problems of greening the modern economic activity and the traditional Northern economy associated with the use of the “gifts of nature”. The paper highlights methodological principles of economic evaluation of wildlife and the analysis of Northern (domestic and foreign) experience of their taxation; we propose a scheme for transition from the disparate approaches to the taxation of this activity (resource, permission, compensation, etc.) to an integrated environmental-economic approach. In addition to the existing norms, this approach includes imposing excise duties on the production of weapons, ammunition and equipment; establishing a targeted environmental fee on the use of subsoil; imposing fines for unlimited or excessive withdrawal of wildlife objects; establishing funds for the protection of wild animals and birds in the system of local budgets. A new approach harmonizes the interests of the state (RF subjects and local government bodies), local population of the Northern territories, nature users (including hunters), subsoil users, and manufacturers of weapons and equipment. We determine the source of formation of tax revenues of local budgets; this measure makes it possible to finance environmental protection measures, reproduction of wild animals and birds, creation of infrastructure in remote Northern territories. The paper proves the necessity of introducing innovative methods for state monitoring of wildlife and correct distribution of functions of federal, regional and local authorities in its reproduction.

Key words: nature management, fauna, ecology, procurement of hunting resources, environmental protection, taxes, fees, excise taxes, experience of Northern countries.

Information about the Authors

Vitalii N. Lazhentsev – Doctor of Sciences (Geography), RAS Corresponding Member, Professor, Chief Researcher, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vn11940@gmail.com)

Svetlana I. Chuzhmarova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, head of department, professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Starovsky Street, Syktyvkar, 167001, Russian Federation; e-mail: swetlana_ch@bk.ru)

Andrei I. Chuzhmarov – Candidate of Sciences (Economics), Vice Rector for Education and Research, Komi Republic Academy of Public Service and Administration (1, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167000, Russian Federation; e-mail: andry_ch@bk.ru)

Статья поступила 20.05.2019.

Финансовое поведение населения в период экономического кризиса 2014–2015 годов*

Галина Вадимовна

БЕЛЕХОВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Горького, д. 56а

E-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

Елена Александровна

БАСОВА

ООО «Печора»

Печора, Республика Коми, Российская Федерация

E-mail: elbas@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в финансовом поведении населения, произошедшие под влиянием «структурной рецессии» российской экономики. Любые перемены в экономическом поведении населения, в том числе в разрезе отдельных его видов, являются отражением происходящих в обществе трансформаций, выступают следствием адаптации населения к новым условиям и влияют на продолжительность и последствия кризисных процессов. Цель исследования состояла в выявлении изменений, произошедших в финансовом поведении населения вследствие экономического кризиса 2014–2015 годов. При подготовке статьи использованы официальные статистические данные, материалы национальных и региональных социоло-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 18-010-00919 «Повышение финансовой грамотности как фактор снижения социально-экономических рисков для населения».

Для цитирования: Белехова Г.В., Басова Е.А. Финансовое поведение населения в период экономического кризиса 2014–2015 годов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.9

For citation: Belekova G.V., Basova E.A. Financial behavior of the population during the 2014–2015 economic crisis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.9

гических опросов. Представлен анализ проявлений кризиса 2014–2015 гг., в частности отражены изменения в уровне и использовании денежных доходов, банковских вкладов и задолженности населения по кредитам. На основе региональных социологических исследований выявлены перемены, произошедшие в содержательном наполнении финансового поведения населения. Установлено, что в период кризисных процессов снизились темпы роста банковских вкладов и кредитной задолженности, изменилась структура сберегательных и кредитных целей, участились нарушения в регулярности платежей по кредиту. В частности, на региональном уровне (в Вологодской области) существенно сократилась доля населения, имеющего сбережения, снизилась доля накоплений «на старость» и доля займов на приобретение машины, заметно возросли доли накоплений на улучшение жилищных условий, на отдых и путешествия, а также доля займов на неотложные нужды и непредвиденные траты, участились случаи просрочки ежемесячных платежей по кредитам. В то же время некоторые компоненты финансового поведения оказались нечувствительными к изменению экономической ситуации, среди них – причины отказа от формирования сбережений, наиболее распространенные формы накопления, критерии выбора банка. Сделан вывод о том, что в кризисный период в финансовом поведении населения региона не наблюдается массового распространения девиантных практик, население в общей массе адаптируется к происходящим в социально-экономическом положении переменам. Рекомендуется использовать результаты мониторингов финансового и других видов экономического поведения в деятельности региональных органов власти в целях получения оперативной информации о текущих изменениях и принятия адекватных управленческих решений.

Ключевые слова: финансовое поведение, социологический опрос, экономический кризис, рациональность поведения.

Экономические кризисы – неизбежное явление рыночной экономики, связанное с нарушением текущей деятельности экономической системы и зачастую приводящее к разрушению устоявшихся связей и моделей поведения экономических агентов. Однако кризис можно рассматривать и как переходный период, который не только несет риски развития неблагоприятных последствий, но и предоставляет возможности для роста и развития. «Согласно теории кризиса, активное кризисное состояние может длиться от четырех до шести недель, и в этот период экономика и общество (в том числе отдельные люди) либо адаптируются и достигают нового уровня устойчивости, либо декомпенсируют (т.е. не адаптируются) и переходят на более низкий уровень функционирования» [1].

С начала 1990-х гг. Россия пережила финансово-экономический кризис 1997–1998 гг., экономический кризис 2007–2009 гг., «валютный кризис» 2014–2015 гг., которые не могли не сказаться на наиболее восприимчивом и многочисленном субъекте экономических отношений – населении страны. Можно говорить, что россияне живут в условиях «по-

стоянной боевой готовности», адаптируя свое экономическое поведение под новые вызовы окружающего мира. Не стало исключением и финансовое поведение населения – один из видов экономического поведения, который связан с мобилизацией и использованием денежных доходов и включает в себя различные виды финансовой активности [2, с. 2222]. Постсоветские преобразования, с одной стороны, существенно углубили дифференциацию регионов и материальное расслоение населения, усилили разобщенность как между элитами и массами, так и внутри социальных групп [3, с. 54-56], но, с другой стороны, открыли для россиян новые возможности финансового рынка. В результате стали постепенно изменяться установки и мотивы населения в отношении денег и финансовых целей, стали заметнее различия в финансовых действиях людей в зависимости от их принадлежности к той или иной социально-демографической группе.

Последние 10–15 лет роль финансов населения в экономике страны, а также особенно и направления стимулирования финансового поведения всё активнее обсуждаются в

управленческих кругах и исследовательской среде. Ярким доказательством этого служат масштабная работа по повышению финансовой грамотности населения (утверждение «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы», ежегодные мероприятия «Всероссийская неделя сбережений», «Всероссийская неделя финансовой грамотности»); инициативы Центрального Банка России, Минфина и Минэкономразвития относительно вовлечения средств населения в финансовый сектор (выпуск «народных облигаций», предложения по введению индивидуального пенсионного капитала, регулирование деятельности частных инвесторов); активное продвижение «страховой парадигмы» взаимоотношений государства и населения. Кроме того, для обеспечения экономического роста необходимы значительные инвестиционные вложения, источниками которых являются не только средства государства, предприятий или зарубежных инвесторов, но и накопления населения. Причем значение последних возрастает в текущих условиях убыточности многих отечественных производств, высокой нагрузки на государственный бюджет, проблем с привлечением иностранного капитала.

Благоприятные условия для финансового поведения граждан необходимы как для стабильного привлечения средств населения в финансовую систему страны, так и для поддержания приемлемого уровня и качества жизни самого населения. Учитывая неизбежность кризисных процессов, мы считаем актуальным отслеживание и объяснение тенденций финансового поведения населения в нестабильных и кризисных социально-экономических условиях, поскольку то, каким образом население распорядится своими деньгами, как распределит их между потреблением и накоплением, во многом определит содержание и продолжительность кризисных процессов в экономике. Среди прошедших кризисов особый интерес, на наш взгляд, представляет последний, пик которого пришелся на период 2014–2015 гг., по ряду причин. Во-первых, это природа кризиса. Кризис 1991–1995 гг. был трансформационным, созданным путем перехода от одного политического и экономического режима к другому воздействи-

ями как извне, так и изнутри¹. Финансовые кризисы 1998-го и 2008–2009 гг. стали частью глобальных экономических кризисов. Первый из них – наведенный, истоки его лежат в азиатской экономике; в России он углубился из-за долгов и тяжелейшего дефолта², а главным его следствием стало сокращение более чем на четверть реальных доходов населения и краткосрочный спад производства [4, с. 38]. Второй кризис – глобальный, возникший в США, изначально банковский, но впоследствии ставший экономическим, повсеместно ухудшившим конъюнктуру и спрос на товары и услуги, что сильно подействовало на российскую промышленность³. Кризисный спад экономики был существенным (ВВП снизился на 7%), сам выход из кризиса был медленным (только к 2012 г. экономика преодолела спад), но реальные доходы населения росли [4, с. 38–39]. Кризис 2014–2015 гг. по своему генезису не имеет связи с глобальными процессами, он исключительно внутренний; это кризис остановки старой модели роста, который начался не со спада, а со стагнации экономики, фактически переставшей расти с 2013 года⁴. Только впоследствии добавилось влияние геополитических факторов (внешние санкции, снижение цены на нефть и др.). В период этого кризиса отмечается затянувшийся спад реальных денежных доходов населения.

Во-вторых, завершенность кризиса. Если все предыдущие кризисные процессы уже определенно точно завершены, то по поводу последнего озвучиваются неоднозначные оценки. Мы солидарны с экспертными мнениями, в частности с позицией д.геогр.н. Н.В. Зубаревич, согласно которым российская экономика до сих пор находится в «затянувшейся яме» последствий кризиса; при этом если сохранятся ключевые проблемы сложившейся институциональной модели экономики – малоэффективные институты, низкие объемы инвестиций и цена на нефть, то посткризисное восстановление будет длительным [4, с. 41].

¹ Зубаревич Н.В. Как выживают российские регионы в кризис // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/18/70588-kak-vyzhivayut-rossiyskie-regiony-v-krizis-lektsiya-natali-zubarevich> (дата обращения: 13.08.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

В данной статье мы попробуем выявить изменения, произошедшие в содержательном наполнении финансового поведения населения вследствие экономического кризиса 2014–2015 годов. Для этого, помимо краткого обзора проявлений кризиса в социально-экономической жизни страны, будут представлены результаты многолетних социологических исследований финансового поведения населения Вологодской области.

Степень изученности проблемы

Отдельные аспекты финансового поведения населения изучались уже с начала XX века; теоретическое оформление и широкое эмпирическое подтверждение данной проблематика получила в 1960–1970-х годах. Тематика исследований финансового поведения разнообразна, и не последнее место в ней занимают работы, связывающие поведение и кризисные процессы. В частности, представительное исследование о влиянии финансового кризиса 2008–2010 гг. на практики управления финансами в домохозяйствах США было проведено Taylor et al. (2010) [5]. В этом исследовании изучены изменения в поведенческих моделях и установках, возникшие во время рецессии 2008–2009 годов. Авторами использовались статистические данные, аккумулируемые федеральным правительством, и данные специального национального опроса, проведенного в мае 2010 г. в виде телефонных интервью 2967 человек в возрасте 18 лет и старше, проживающих в континентальной части США. Установлено, что прошедший кризис вынудил более половины американцев (60%) сократить привычные расходы, для трети американцев (32%) он ухудшил возможности по формированию достаточных пенсионных накоплений; при этом почти половина опрошенных (48%) указали, что их финансовое положение не восстановилось до предкризисного уровня.

Кризису 2008–2009 гг. также посвящены работы Shim и Serido (2010) [6], изучивших реакцию студентов на изменение материального положения, а также Bricker et al. (2011) [7], сравнивших финансовое поведение домохозяйств до и во время кризиса (т.е. в 2007-м и в 2009–2010 гг.). В исследовании Shim и Serido (2010) опрошены 2098 студентов в рамках двух волн: первая волна – до кризиса, в апреле 2008 г., вто-

рая – после, в апреле 2009 года. Вопросы касались оценки благосостояния, финансового положения их семей, финансового образования в средней школе, опыта работы, аспектов финансового поведения. В работе Bricker et al. (2011) на данных национальных опросов «Обзор потребительских финансов» (Survey of Consumer Finances – SCF) по выборкам 2007 и 2009 гг. исследованы последствия изменения стоимости некоторых видов активов и размера долгов на уровень жизни домохозяйств. В более ранних работах (например, Voydanoff, 1984 [8]; Varcoc, 1990 [9]) также на основе данных социологических опросов американских домохозяйств изучены практики приспособления к стрессовым финансовым ситуациям.

Тематике трансформации финансового поведения под воздействием экономических кризисов 2000-х гг. также посвящено немало отечественных исследований. В работе О.Ю. Дмитриевой и Н.А. Дмитриевой (2016) [10] выводы об изменении финансового поведения населения сделаны на основе анализа ведомственной статистики и данных общероссийских опросов, проведенных Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ) в марте 2016 года. Исследование О.Е. Кузиной (2009) [11], раскрывающее, в чем именно проявился и какие группы населения затронул кризис 2008–2009 гг., основано на сопоставительном анализе результатов национальных опросов ведущих социологических служб (НАФИ, ВЦИОМ, ФОМ). Изменения в сберегательном поведении россиян с позиций используемых сберегательных инструментов и соотношения между потреблением и сбережением рассмотрены в трудах М.А. Мосесян (2010) [12], М.С. Щербаль (2013) [13]. В частности, в работе М.С. Щербаль (2013) на материалах социально-экономического мониторинга ВЦИОМ, проведенного в январе–марте 2009 года, на основе применения двухшагового метода кластерного анализа (в пакете SPSS) была построена типология сберегательного поведения, выявившая наиболее востребованные модели поведения в условиях социально-экономической нестабильности. При построении типологии автором учитывались такие параметры поведения, как наличие сбережений, формы их хранения, стратегии управления сбережениями.

Примером развернутой оценки влияния экономического кризиса на уровень благосостояния и финансовое поведение населения на основе методов экономико-математического моделирования служит работа Л.И. Ниворожкиной (2017) [14]. Автором использованы данные о доходах и расходах, имущественном положении и финансовом поведении российских домохозяйств, собираемые в ходе Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ). В качестве точек наблюдения выбраны предкризисный 2013-й и 2015 годы, в которых отмечалось продолжение рецессии экономики. Анализ выполнен с использованием многомерных пробит-моделей относительного изменения уровня текущих располагаемых ресурсов домохозяйств с учетом ненаблюдаемой гетерогенности, смещения из-за пропущенных переменных и эндогенности [14, с. 86]. В результате удалось выявить факторы, наиболее значимо изменяющие финансовое поведение и уровень благосостояния населения в период экономического кризиса.

Затрагивая проблематику поведения человека в кризис, закономерно возникает вопрос о рациональности этого поведения (тем более что сам предмет рациональности экономического поведения уже многие годы является дискутируемой темой). Классическая теоретическая модель финансового поведения человека базируется на фундаменте рациональности, самостоятельности и свободного выбора [15, с. 95]. После 1980-х гг., когда многие экономически развитые страны начали переход к инновационным траекториям развития, заметно расширившим как материальные возможности населения, так и возможности финансового рынка, эмпирические исследования всё чаще стали выявлять факты несоответствия наблюдаемого и прогнозируемого финансового поведения населения. Источник данных расхождений многие ученые видят в проблеме рациональности поведения.

Однозначного определения рациональности не принято, и по существу выбор понимания рациональности – «это вопрос не истинности, а целесообразности» [16, с. 359]. В широком смысле рациональность (от лат. ratio – разум) подразумевает осознанность и расчет действий, определение целей и границ. Рациональность

экономического поведения проявляется в двух гранях: во-первых, в стремлении контролировать ресурсы и минимизировать их затраты и, во-вторых, в осуществлении интересов индивида, в стремлении им достичь поставленных целей [17, с. 129].

Экономическая активность индивида задается рамками сложившихся в обществе производственных и распределительных отношений, соответственно в рыночных условиях выбор финансовой стратегии происходит из большого числа вариантов. По этой причине в периоды кризисов велика вероятность таких моделей финансового поведения, которые влекут за собой, с одной стороны, выбытие из экономического оборота значительной суммы денежных средств, потенциально применимых на цели инвестирования, а с другой стороны, опасность «банкротства» отдельных граждан и их семей.

Помимо существующих в обществе социально-экономических отношений и процессов, финансовое поведение индивидов в значительной степени подвержено влиянию психологических особенностей личности, ее эмоциональному состоянию, поскольку напрямую связано с основным средством выживания – деньгами. Иными словами, рациональность финансового поведения проходит испытание психологией.

Например, основоположники теории поведенческих финансов – Д. Канеман и А. Тверски, развивавшие идею ограниченной рациональности, в работе «Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска» (1979) представили результаты экспериментов, которые доказали, что люди не могут рационально оценивать ни величины ожидаемых выгод, ни их вероятности. Во-первых, у людей наблюдается «асимметричная реакция на изменение благосостояния. Человек в большей степени боится потерять, нежели приобрести», т.е. степень расстройств от потери 100 долларов будет намного превышать степень удовлетворения от приобретения этой же суммы. Следовательно, «люди готовы рисковать, чтобы избежать потерь, но не склонны к риску, чтобы получить выгоду». Во-вторых, «люди чаще ошибаются при оценке вероятности: они недооценивают вероятность событий, которые, скорее всего, произойдут, и переоценивают гораздо менее вероятные события» [18, с. 184].

Немаловажно и влияние социокультурного контекста на финансовое поведение населения. Текущая наполняемость поведения сформировалась в контексте рыночной трансформации российского общества, во многом не учитывавшей исторических и социокультурных особенностей предшествующего развития. В СССР социальная политика имела патерналистский характер, т.е. «государственные структуры определяли жизненную парадигму каждого гражданина и каждой семьи, «гарантируя» достаточный с позиции господствующей идеологии уровень и соответствующий ему образ жизни» [19, с. 159]. В современной России в условиях рыночной экономики государственное «попечительство» по социальным вопросам заметно сократилось, качественные социальные услуги, доступные в нужный момент, оказались платными, что во многом противоречит усвоенным за годы советской власти стереотипам поведения. Свершившийся переворот, причем не только в сфере социальных гарантий, но и в общественных отношениях, в настоящее время вынуждает россиян решать «за свой счёт» задачи приобретения образовательных, медицинских и иных социальных услуг, закономерным образом увеличивая нагрузку на семейный бюджет и влияя на другие финансовые решения. Учитывая ментальные особенности и невысокий уровень доверия россиян финансовым организациям⁵, во многом обусловленный негативным опытом 90-х гг., можно предположить, что в ситуации экономической нестабильности возможны случаи деструктивного финансового выбора (например, массовое изъятие средств из финансового сектора).

В данном исследовании мы не стремимся вывести «формулу» рационального поведения в кризис; мы учитываем аспект рациональности через адаптацию поведения к изменяющимся условиям, т.е. если население стало при-

менять практики, которые в дальнейшем могут привести к снижению их уровня жизни, то это деструктивное поведение, а если население стало применять практики, которые позволят сохранить их уровень жизни или привести к его повышению в будущем, то это конструктивное поведение.

Материалы и методы

В исследовании проведен анализ финансового поведения населения, включающий, во-первых, анализ динамических рядов распределения статистических показателей, которые характеризуют социально-экономическую ситуацию в стране и действия населения на финансовом рынке, во-вторых, оценку результатов социологического опроса населения, раскрывающего содержательное наполнение финансового поведения.

Финансовое поведение в исследовании рассматривается в ракурсе сберегательного и кредитного поведения, так как, во-первых, они реализуются в наиболее развитой части отечественной финансовой системы – банковском сегменте; во-вторых, они обеспечивают потребительский спрос, который, в свою очередь, влияет на уровень жизни населения и состояние экономики страны⁶; в-третьих, по данным видам поведения в свободном доступе имеется обширная база статистических данных. В качестве статических показателей выбраны объем вкладов физических лиц (характеризует сберегательное поведение) и задолженность по кредитам, предоставленным физическим лицам (характеризует кредитное поведение). Дополнительно анализируется структура использования денежных доходов населения. Динамика статистических показателей приведена за 2013–2017 гг., что позволит отразить проявления кризиса 2014–2015 годов.

Содержательное наполнение сберегательного и кредитного поведения раскрывается с помощью социологических опросов населения Вологодской области, которую можно рассматривать как типичный субъект РФ по большинству демографических и социально-экономических показателей [20, с. 175]. Проведены

⁵ Согласно данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) уровень доверия россиян банкам в 2015 г. составлял 59%, в 2016 г. – 67%, в 2017 г. – 60%, уровень доверия страховым компаниям – 34, 40 и 35%, уровень доверия инвестиционным компаниям – 16, 18 и 17%, уровень доверия негосударственным пенсионным фондам – 22, 24 и 15% соответственно (уровень доверия измеряется как процент опрошенных, выбравших ответы «полностью доверяю» и «скорее доверяю»; см.: <https://nafu.ru/analytics/doverie-rossiyan-k-bankam-rastet/>).

⁶ Согласно информации Росстата, в России вклад расходов домашних хозяйств на конечное потребление в ВВП составил в 2012 г. 50,6%, в 2015 г. – 52%, в 2016 г. – 52,8% и в 2017 г. – 52,2%.

следующие опросы: «Исследование сберегательного поведения» (ИСП; 2001–2012 гг.), «Качество жизни» (КЖ; 2014–2016 гг.), «Финансовая грамотность» (ФГ, 2018 г.), мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения (2013–2016 гг.). Опросы ИСП, КЖ, ФГ включают несколько тематических блоков («Социально-демографическая информация», «Сберегательное поведение», «Кредитное поведение», «Другие финансовые услуги», «Финансовая грамотность», «Общая характеристика уровня жизни»); в мониторинге отслеживаются инфляционные ожидания и потребительские настроения населения. Перечисленные социологические исследования проводятся методом раздаточного анкетирования по месту жительства респондентов на территории двух крупных городов и восьми районов Вологодской области. Общий объем выборочной совокупности по опросам ИСП, КЖ, ФГ – 1500 человек в год, по мониторингу – 9000 человек в год (по 1500 человек один раз в два месяца); возраст респондентов – от 18 лет и старше. Ошибка выборки не превышает 3%. Сравнение данных социологических наблюдений 2014-го и 2016 годов с данными за 2012-й и 2018 годы позволит выявить содержательные изменения финансового поведения населения.

Обзор проявлений кризиса 2014–2015 гг.

Национальная экономика в 2014 г. оказалась под натиском серьезных проблем, которые привели к торможению роста реального сектора экономики и ухудшению финансового состояния значительной части хозяйствующих субъектов. Кризисные явления в экономике негативно сказались на уровне благосостояния и качестве жизни населения [21, с. 7].

Если кризис 2008–2009 гг. был следствием интеграции российской экономики в мировую и заключался в изменении условий внешней торговли, оттоке капитала и жесткой политике во внешних заимствованиях, то негативные явления в экономике 2014–2016 гг. были по большей части связаны с некоторыми событиями внутри страны. Речь идет о структурных диспропорциях в экономике, которые привели к общему экономическому спаду и далее усугубились из-за роста бюджетных расходов в связи с присоединением нового региона, введением санкционных мер в отношении России и стремительным снижением мировых

цен на нефть. Под влиянием указанных факторов произошло резкое ослабление курса национальной валюты, следствием чего стало ухудшение материального положения населения и трансформация его финансового поведения.

Из-за кризисных явлений не удалось удержать темп инфляции на прежнем уровне – в 2014–2015 гг. наблюдался значительный рост индекса потребительских цен (ИПЦ) как в целом по стране, так и в Вологодской области (табл. 1). Снижение ИПЦ произошло в 2016 году. Именно высокий уровень инфляции население выделяет в качестве основного дестабилизирующего фактора своего материального положения, поэтому более важной, по мнению опрошенных Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), является борьба с инфляционными процессами, нежели поддержка банковской системы [11, с. 34]. Возможно, это связано с доверием системе страхования вкладов, которая в «нужный» момент компенсирует часть средств, и упованием на результативность принимаемых органами власти мер. По мнению С.К. Дубинина, действия ЦБ РФ и Правительства позволили «купировать текущую угрозу, предотвратить каскадное банкротство банков» [22, с. 219]. На фоне резкой девальвации рубля удалось сохранить стабильность банковской системы, избежав паники среди россиян и изъятия ими дежных средств со счетов.

В предкризисном 2013 году прирост реальных среднедушевых доходов граждан РФ составил около 5% по сравнению с предыдущим периодом (аналогично и в Вологодской области). С началом кризисных явлений в экономике доходы граждан стали снижаться: в 2014 г. зафиксировано падение на уровне 4% по России и 1% – в Вологодской области. В дальнейшем среднедушевые доходы россиян продолжили снижение – на 3% в 2015 г., на 4% в 2016 г., на 0,3% в 2017 году. В Вологодской области в 2017 г., после незначительного роста в 2015 г. (на 0,2%) и в 2016 г. (на 2%), среднедушевые доходы сократились на 5%.

Усиленное внимание к состоянию банковского сектора в 2014–2015 гг. со стороны надзорных органов по причине его значимой роли как «передаточного механизма ... положительных ... и негативных импульсов по всей экономике страны» [22, с. 221] позволило не до-

Таблица 1. Динамика социально-экономических показателей в 2013–2017 гг.

Показатель	Территория	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
ИПЦ	Российская Федерация	106,5	111,4	112,9	105,4	102,5
	Вологодская область	107,2	112	112,0	105,0	102,2
Среднедушевые денежные доходы*, руб.	Российская Федерация	35229,8	33866,4	32911,9	31515,7	31422,0
	Вологодская область	27601,8	27393,3	27439,0	27947,6	26489,0
Вклады*, млн. руб.	Российская Федерация	23015067,5	22787888,2	25125978,9	24911009,6	26092571,0
	Вологодская область	126391,3	122982,0	129857,3	132113,9	137849,0
Задолженность по кредитам*, млн. руб.	Российская Федерация	61188,8	66092,3	56852,3	54498,2	57867,0
	Вологодская область	111238,7	111538,6	94361,0	91733,7	98068,0
* В сопоставимых ценах 2017 г. Источник: рассчитано автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат, 2014–2018 гг.						

пустить серьезного оттока средств с вкладов. Так, объем банковских вкладов населения России в сопоставимом выражении в 2014 г. составил 22 787 трлн. руб., сократившись по сравнению с уровнем предыдущего года лишь на 1%; в Вологодской области снижение оказалось чуть более заметным (на 3%). В 2015 г. уже отмечается прирост вкладов физических лиц – на 10% по России и на 5,5% в Вологодской области (в сопоставимом выражении). В 2016–2017 гг. рост объема банковских вкладов населения продолжился на уровне 2–4%, что, однако, ниже докризисных темпов прироста данного показателя. Подобное ослабление динамики роста объясняется трансформацией финансовых стратегий населения в условиях ухудшения его материального положения.

Динамика показателя задолженности населения по кредитам также свидетельствует о переменах в финансовом поведении: в 2014 г. как по России, так и в Вологодской области уровень задолженности повысился (на 8 и на 0,3% в сопоставимом выражении соответственно). Далее, в 2015 г., произошло резкое снижение задолженности населения по кредитам – на 14% по России и на 15% в Вологодской области. В 2016 г. темпы падения замедлились (до 4% по России и 3% в Вологодской области), а в 2017 г. зафиксировано увеличение задолженности по кредитам (на 6 и 7% соответственно).

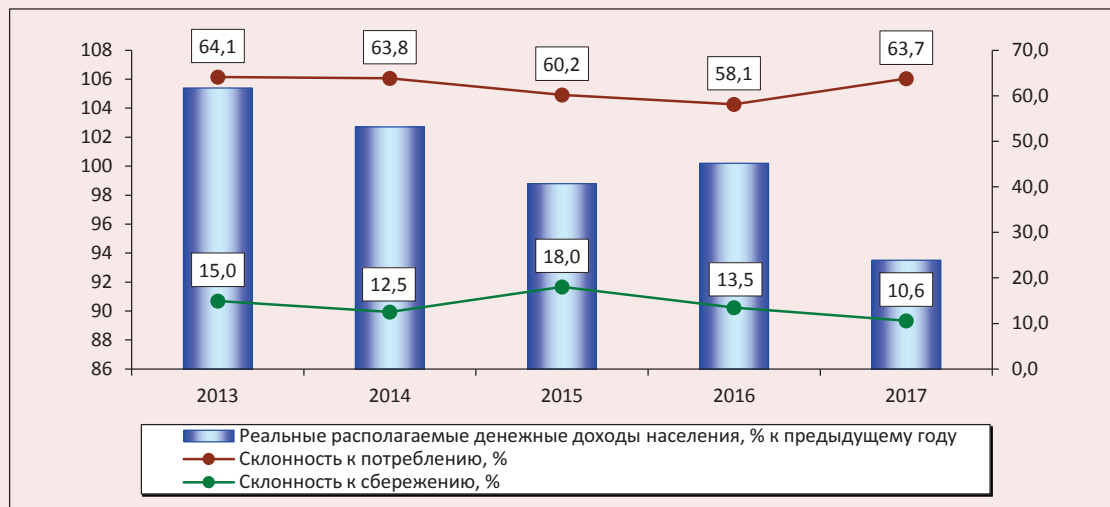
Более подробный анализ финансового поведения населения Вологодской области показывает, что в 2014–2015 гг. отмечается, с одной стороны, снижение доходов и склонности к потреблению, с другой стороны, повышение склонности к сбережениям (рис. 1). Но затем, с 2016 г., несмотря на неустойчивую динамику денежных доходов, склонность к сбережениям стала сокращаться, а склонность к потреблению, снижавшаяся в 2016 г., в 2017 году начала возрастать.

Объяснить сложившуюся ситуацию представляется возможным с нескольких сторон. Во-первых, для существенной части населения свойственно определенное недоверие по отношению к финансовым институтам⁷. Данный факт в сочетании с проблемами в сфере финансовой грамотности приводит к тому, что население не может подобрать приемлемые для него (т.е. надежные и в меру доходные) инструменты

⁷ Группа «Фонд «Общественное мнение»» (Группа ФОМ) в феврале 2017 г. по заказу ЦБ РФ проводила опрос населения России, в результате которого было выявлено, что 42% опрошенных «не испытывают доверия в настоящем и не доверяли в прошлом никаким финансовым посредникам» [23, с. 98]. Согласно данным социологических опросов ВолНЦ РАН, 21% населения Вологодской области не доверяет банкам, 40% – страховым компаниям, 46% – инвестиционным компаниям, 50% – негосударственным пенсионным фондам, 60% – микрофинансовым организациям.

Рис. 1. Динамика финансовой активности населения Вологодской области в 2013–2017 гг.

* Склонность к потреблению рассчитана как отношение расходов на покупку потребительских товаров и услуг к денежным доходам населения, %.

** Склонность к сбережению (норма сбережений) рассчитывается как отношение сбережений к денежным доходам населения. Сбережения в данном случае включают прирост (уменьшение) вкладов, приобретение ценных бумаг, изменение средств на счетах физических лиц-предпринимателей, задолженность по кредитам, приобретение недвижимости, покупку скота.

Источник: Официальная статистика. Уровень жизни / Вологдастат. URL: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/standards_of_life/

Таблица 2. Структура использования денежных доходов населения, % от общего объема денежных доходов

Показатель	Территория	Год				
		2013	2014	2015	2016	2017
Покупка товаров и оплата услуг	РФ	73,6	75,3	71	73,1	75,8
	ВО	64,1	63,8	60,3	58,1	63,7
Оплата обязательных платежей и разнообразных взносов	РФ	11,7	11,8	10,9	11,2	11,1
	ВО	13,3	13,1	11,6	11,3	11,6
Приобретение недвижимости	РФ	3,9	4,5	2,9	2,9	3,2
	ВО	2,4	2,4	1,4	1,2	2,4
Прирост финансовых активов	РФ	10,8	8,4	15,2	12,8	9,9
	ВО	20,2	20,7	26,7	29,4	22,3
- из него прирост (уменьшение) денег на руках у населения	РФ	0,7	0,2	-0,4	0,7	1,3
	ВО	5,8	8,2	8,9	16,3	13,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат, 2014–2018 гг.

для размещения свободных денежных средств [24, с. 70]. Во-вторых, снижение покупательной активности в 2016 г., вероятно, связано с высокими инфляционными ожиданиями населения⁸ и общим ростом цен в этот период. В-третьих,

⁸ Согласно данным опросов населения Вологодской области, в 2013 г. 61% респондентов ожидали, что цены будут расти быстрее доходов. В 2014 г. их доля составила уже 63%, в 2015 г. – 74%, в 2016 г. – 71%.

возросшая в 2017 г. на фоне снижения реальных доходов склонность к потреблению, вполне возможно, является реализацией отложенного в период кризиса 2014–2015 гг. спроса на покупку дорогостоящих товаров и услуг.

Сокращение реальных доходов граждан вызвало изменение структуры использования доходов (табл. 2). Население расходует денежные доходы прежде всего на приобретение товаров и

оплату услуг: в России этот показатель в разные годы колебался на уровне 70–75%, в Вологодской области на данную статью расходов направляется около 60–64% от полученных доходов.

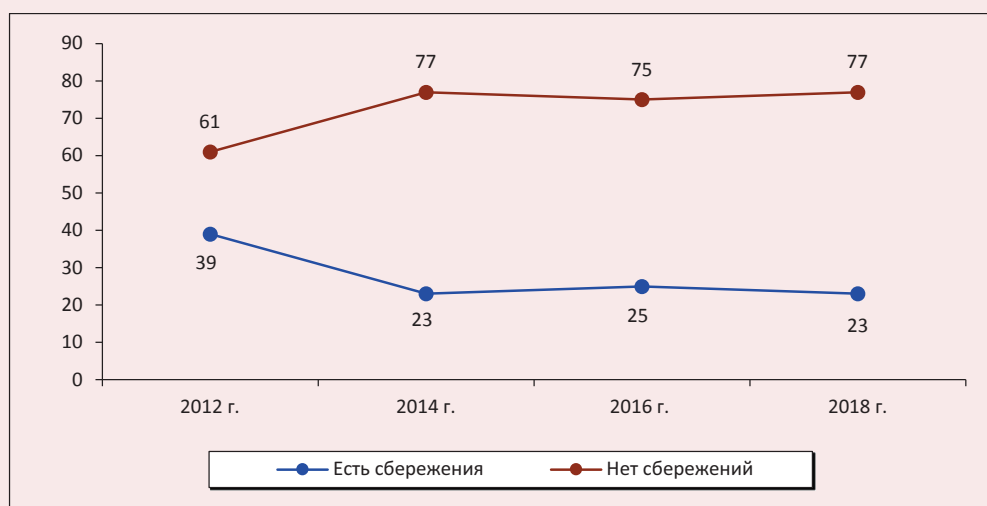
Однако если в кризисной ситуации 2008–2009 гг. отмечался рост потребительской активности, которая запустила инвестиционные процессы, то в условиях кризиса 2014–2015 гг. население демонстрировало снижение уровня расходов на товары и услуги, доля которых в этот период уменьшилась с 75,3 до 71% по России, с 63,8 до 60,3% по Вологодской области. «Экономия на потреблении товаров и услуг стала едва ли не самой распространенной стратегией адаптации российских семей к экономическим шокам кризисного периода» [22, с. 32].

Качественные изменения финансового поведения

Согласно результатам социологических опросов населения Вологодской области, доля имеющих сбережения, после кризиса 2014–2015 гг. установилась на уровне четверти населения (рис. 2).

На протяжении 2008–2012 годов сберегатели отмечали, что сумели накопить порядка 90–120 тыс. руб. (в среднем на одного жителя, делающего сбережения). В 2013 году был зафиксирован существенный рост величины накопленных средств – до 265 тыс. руб., а также суммы, ежемесячно направляемой домохозяйствами на сбережения: с 5200 руб. в 2007 году до 5934 руб. в 2013 году. В 2014 г. под влиянием неблагоприятных внешних обстоятельств и повышения неопределенности будущей экономической ситуации жители Вологодской области сократили масштабы сбережений – средний размер накоплений составил 124 тыс. руб., что эквивалентно 9-ти среднемесячным доходам одного члена семьи⁹. В 2016 г. в результате стабилизации экономики и прекращения падения реальных доходов у населения появились возможности для откладывания средств, о чем говорит рост величины накопленных сбережений до 167 тыс. руб. в среднем на одну семью (эквивалентно 12 среднемесячным доходам на одного члена семьи)¹⁰.

Рис. 2. Доля сберегателей и несберегателей среди населения Вологодской области, % от общего числа опрошенных

⁹ Среднемесячный доход указывается самим респондентом. В 2014 г. среднее по выборке значение среднемесячного фактического дохода на одного члена семьи составило 14 084 руб., в 2016 г. – 13 819 руб.

¹⁰ Рост величины накопленных сбережений, выраженных через размер среднедушевого дохода на одного члена семьи в месяц, связан со снижением реальных доходов населения в 2015–2016 гг. и спадом его потребительской активности.

«Не в деньгах счастье» – гласит русская поговорка. Однако экономические реалии спорят: «Корень всех зол – отсутствие денег». Без лишних денег богатства не накопишь, что вполне предсказуемо подтверждают результаты опросов. Главное препятствие для формирования сбережений – материальные ограничения, банальное отсутствие свободных средств из-за невысокого уровня доходов. Данную причину ежегодно отмечают порядка 70% населения Вологодской области (72% в 2012 году, 71% в 2014 г., 68% в 2016 г., 65% в 2018 г.), причем актуальна она независимо от пола, возраста, уровня образования, уровня доходов опрошенных. Непосредственно сама «нестабильная экономическая ситуация» в гораздо меньшей степени влияет на отсутствие сбережений – на нее указывают порядка 10–15% опрошенных (4% в 2012 г., 14% в 2014 г., по 18% в 2016 и 2018 гг.). Также не являются решающими обстоятельства, связанные с потребительскими настроениями населения («сбережения делать невыгодно, в настоящее время лучше тратить, чем копить» – по 7% в 2012 г. и 2014 г., 16% в 2016 г., 11% в 2018 г.), неустойчивостью финансовой системы и предлагаемыми продуктами («отсутствие надежных способов хранения сбережений и большой риск их потери» – 6–7% в 2012–2014 гг. и 11% в 2016–2018 гг.).

Недавний спад в экономике оказал определенное влияние на структуру сберегательных целей населения Вологодской области, хотя в посткризисный период предыдущего кризиса

(2012 г.) существенно «просели» целевые ориентиры на покупку жилья и автотранспорта (табл. 3). Ведущей целью формирования сбережений стабильно выступает улучшение жилищных условий (35% в 2014 году, 41% в 2016 году). После снижения позиций в 2012 г. данная цель вновь стала наиболее важной, что объясняется как постепенным «естественным» восстановлением израсходованных в период кризиса накоплений, так и объективным требованием наличия первоначального взноса при приобретении недвижимости в ипотеку.

Стоит отметить, что «социальные» цели – сбережения на образование и лечение, а также накопления на обеспечение детей не попали под влияние ухудшившейся обстановки. Примечательно, что неблагоприятная обстановка 2014–2015 гг. простимулировала «инвестиционные» намерения населения: несколько возросли цели открытия собственного дела и приобретения ценных бумаг. Кроме того, интересным, но вполне объяснимым представляется тот факт, что жители области сократили накопления «на старость» (с 25% в 2012–2014 гг. до 21,5% в 2016 г.), одновременно увеличив средства, которые планируется потратить на «отдых, развлечения, путешествия» (с 16,5 до 24% соответственно). Видимо, непрекращающиеся изменения пенсионной системы, длительный период «заморозки» пенсионных накоплений не оставляют надежд на благополучную и обеспеченную старость, поэтому люди переключаются на удовлетворение краткосрочных и более приятных потребностей.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Для каких целей Вы (Ваша семья) делаете сбережения (или стали бы делать, если бы у Вас была возможность)?»*, % от общего числа опрошенных

Вариант ответа	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Для покупки квартиры, улучшения жилищных условий	17,3	35,2	41,1	32,8
«На старость»	25,0	25,0	21,5	29,6
На отдых, развлечения, путешествия	17,8	16,5	23,8	19,6
На лечение	15,7	16,0	18,8	19,3
Чтобы оставить детям, помочь им в будущем	20,5	19,6	19,7	18,9
Для покупки автомобиля	10,2	14,8	19,2	16,9
Коплю на всякий случай	28,1	13,6	16,7	16,9
Для покупки других дорогих вещей	7,8	8,0	8,5	13,4
На образование	8,8	13,3	13,4	11,3
Для покупки акций и других ценных бумаг	2,2	0,7	3,4	3,8
Для открытия (расширения) своего дела	4,1	3,5	5,4	3,1

* Ранжировано по данным 2018 года.

При выборе формы сбережений население региона исходит из критериев надёжности и проверенности временем (табл. 4). Поэтому основная часть населения, имеющего накопления, размещает их в коммерческом банке (52% в 2012 году, 50% в 2016 г.). Несмотря на колебания курсов национальной валюты, именно с началом кризисных процессов в 2014 г. выросла привлекательность наличных рублей – с 22% в 2012 г. до 41% в 2014 году¹¹. Стабильно малая доля сберегателей хранят свои накопления в потенциально инвестиционных, но рискованных формах (ценных бумагах, инвестиционных паках, вкладах в негосударственные пенсионные

фонды). Использование данных способов накопления в 2010 г. отмечали 5% респондентов, однако в 2016 г. их число несколько сократилось (до 4%).

Учитывая популярность банковских вкладов, важно понимать, чем руководствуется население при выборе коммерческого банка (табл. 5). Отмечаются неоднозначные тенденции: с одной стороны, растёт ориентация людей на известность банка (43% в 2014–2016 г. по сравнению с 27% в 2012 г.) и имеющийся опыт взаимодействия с финансовой организацией, с другой стороны, вкладчики меньше ориентируются на условия предоставления финансовой

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «В каких формах в настоящее время Вы (Ваша семья) храните свои сбережения?»*, % от числа тех, кто имеет накопления, сбережения

Вариант ответа	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Наличные деньги – рубли	22,0	41,0	46,5	57,3
Вклад в коммерческом банке	52,6	59,0	50,3	55,1
Акции, другие ценные бумаги компаний, фондов, страховые полисы	4,7	3,2	2,4	7,1
Наличная иностранная валюта	2,7	7,0	4,5	4,9
Золотые слитки, драгоценности, антиквариат	3,2	3,5	2,7	4,9
Вложены в недвижимость (квартиру, дом, дачу и др.) с целью сдачи внаём или дальнейшей перепродажи	10,3	5,5	7,0	3,8
Вклады в пенсионные фонды (негосударственные), индивидуальные пенсионные программы	0,5	5,2	1,6	1

* Ранжировано по данным 2018 года.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Что в наибольшей степени повлияло на выбор банка, в котором у Вас открыт вклад?»*, % от числа имеющих банковский вклад

Критерий	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Известность банка	27,2	42,4	42,9	65,7
Близкое местоположение отделения	12,8	20,3	17,2	29,4
Величина процентной ставки	33,8	22,5	24,5	28,4
У меня уже был открыт в этом банке вклад	20,0	29,7	27,1	17,6
Выгодность предлагаемых условий**	н.д.	13,8	21,2	10,8
Удобство распоряжения средствами	11,0	10,1	10,6	10,8
Участие банка в системе страхования вкладов	14,9	9,8	9,9	8,8
Достойное качество обслуживания**	н.д.	10,5	8,8	7,8
Рекомендации друзей, родственников	11,3	7,2	8,1	6,9
Предоставляемый широкий спектр услуг	8,8	5,1	2,6	5,9
Другие причины	1	1,1	2,6	1

* Ранжировано по данным 2018 года.
 ** Данные варианты ответа были включены в анкету опроса с 2014 года.

¹¹ В 2014 г. опрос был проведен в марте–апреле, поэтому не нашел отражения ажиотажный спрос на иностранную валюту, сформировавшийся под влиянием изменений валютной политики ЦБ РФ, снижения цен на энергоносители, а также последствий санкций в отношении РФ.

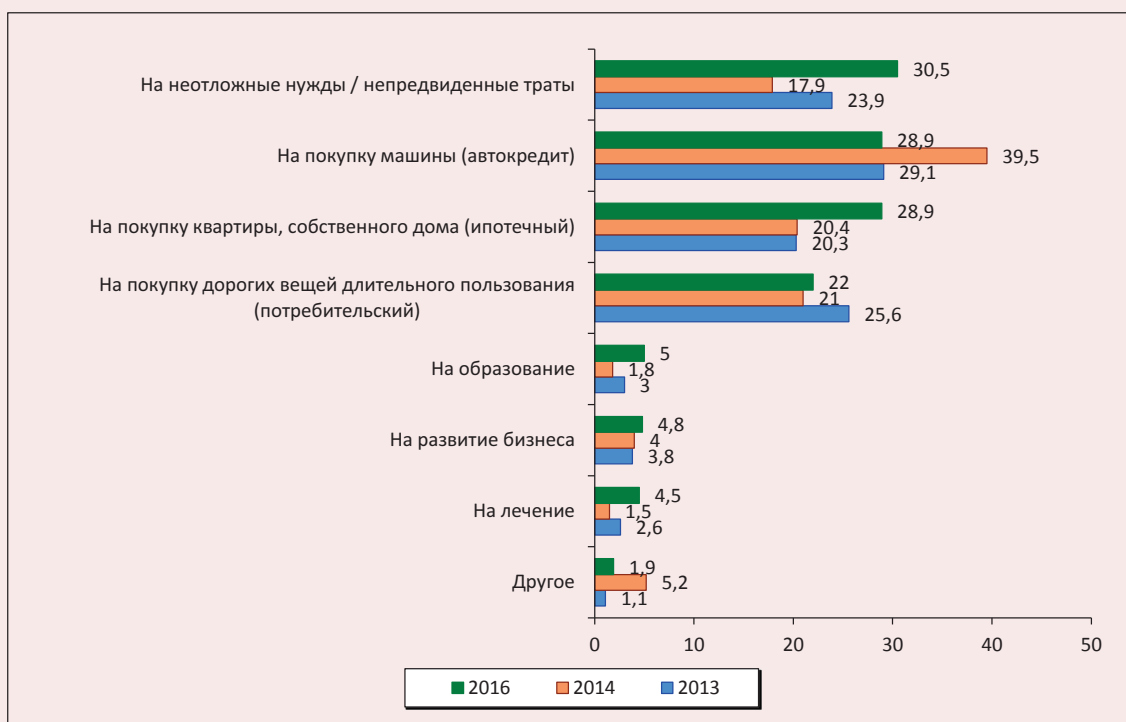
услуги (процентная ставка, удобство распоряжения средствами, прочие услуги). Снижается и число пользователей финансовых услуг, которые обращают внимание на безопасность и надежность банка, на гарантии сохранности средств, т.е. на участие банка в системе страхования вкладов (на 7% за 6 лет).

Наряду со сбережениями, обеспечивающими «отложенное» потребление, население использует заемные средства для реализации текущих потребностей. В кредитное поведение¹² включено около трети населения региона: непогашенные банковские кредиты в 2016 г. были у 28%, в 2014 г. — у 22%, в 2013 г. — у 31% опрошенных. По состоянию на 2016 г. средний размер кредитной задолженности заемщика составил 226 362 рубля (эквивалентно 5-кратному среднемесячному доходу домохозяйства, имею-

щего кредит). Задолженность жителей крупных городов (Вологда и Череповец) в 1,5 раза больше задолженности населения, проживающего в районах (263 897 руб. против 177 096 руб.). Размер выданных кредитов в основном не превышает полумиллиона: до 100 тыс. руб. — 49%, от 100 до 500 тыс. руб. — 41%¹³.

Более половины населения, использующего кредит (68% в 2014 г., 65% в 2016 г.), расходует на ежемесячные выплаты по нему до 30% текущего семейного дохода, т.е. не превышает рекомендуемые финансовыми экспертами пределы. Однако у трети заемщиков (30%) ежемесячные платежи по кредиту составляют половину месячного семейного дохода, соответственно они попадают в зону риска и могут оказаться в ситуации, когда будут вынуждены экономить, чтобы внести очередной платеж. Повышенные

Рис. 3. Цели банковских кредитов населения Вологодской области, % от числа имеющих непогашенный банковский кредит

¹² Кредитное поведение населения в рамках социологического опроса населения Вологодской области исследуется по практикам использования займов, оформленных в коммерческих банках. Исследование кредитного поведения проводилось в опросах в 2013, 2014 и 2016 гг.

¹³ Данные опроса «Качество жизни 2014». В опросе 2016 г. данные компоненты не оценивались.

выплаты (50% и более от месячного семейного дохода) чаще характерны для молодых людей и лиц, имеющих начальное или незаконченное среднее образование.

Банковские займы оформляются населением региона преимущественно с целью приобретения автомобиля, недвижимости, дорогостоящих вещей длительного пользования и обеспечения неотложных нужд или непредвиденных трат (рис. 3). Существенно меньше используется кредитов на развитие бизнеса и решение социальных проблем (на образование и лечение). Кризис 2014–2015 гг. привел к заметному сокращению доли кредитов на покупку машины (с 39,5% в 2014 г. до 29% в 2016 г.) при одновременном увеличении доли займов на неотложные нужды (с 18 до 30,5% соответственно) и приобретение недвижимости (с 20 до 29% соответственно).

Общее ухудшение материального положения в период кризиса закономерным образом сказалось на выполнении заемщиками своих кредитных обязательств, а именно привело к росту случаев нарушения выплат: если в 2014 году только 21% заёмщиков допустили просрочку очередного платежа по займу, то в 2016 г. их доля возросла до 30%. В этом плане чуть более дисциплинированы женщины и люди старше 30 лет. Кроме того, вероятность неплатежа снижается с ростом величины располагаемых денежных доходов и уровня образования.

Таким образом, анализ содержательного наполнения финансового поведения населения региона позволил выявить определенные изменения в его сберегательных и кредитных практиках, касающиеся прежде всего целей накоплений и займов, форм сбережений и соблюдения кредитной дисциплины.

Заключение

Финансовые стратегии и предпочтения населения во многом определяются характером изменений в экономической ситуации страны и региона в частности. В то же время исследование стратегий финансового поведения населения служит необходимым условием для получения реальной оценки социальных процессов в экономике. «Поведение домохозяйств ... может рассматриваться как индикатор трансформации общества... это сигнал, свидетельствующий о благополучности или неблагополучности институциональной среды» [24, с. 3].

Актуальным с точки зрения принятия управленческих решений в сфере денежно-кредитной и инвестиционной политики, направленной на повышение благосостояния и качества жизни граждан и рост экономики в целом, является изучение стратегий и предпочтений населения в рамках сберегательного, покупательского, кредитного поведения в условиях кризисных этапов развития экономической системы. Проведенный нами анализ финансового поведения населения с упором на изменения вследствие кризиса 2014–2015 гг. дает возможность выделить следующие основные моменты.

1. Накопленный федеральными институтами опыт преодоления кризисных последствий и меры по поддержке банковского сектора в 2014–2015 гг. позволили избежать серьезных осложнений ситуации с вкладами и кредитами населения. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. объемы банковских вкладов россиян сократились лишь на 1%, в Вологодской области – на 3%, а с 2015 г. уже отмечался прирост вкладов физических лиц, продолжившийся и в 2016–2017 гг., но на уровне ниже докризисных темпов прироста данного показателя. В случае показателя задолженности населения по кредитам наблюдается неравномерная динамика: если в 2014 г. уровень задолженности повысился (на 8% по России, на 0,3% в Вологодской области в сопоставимом выражении), а в 2015 г. резко снизился (на 14% по России и на 15% в Вологодской области), то с 2016 г. темпы падения замедляются, и в 2017 г. зафиксировано увеличение задолженности по кредитам (на 6 и 7% соответственно).

2. Население Вологодской области в кризисный период 2014–2015 гг. демонстрировало тенденцию к снижению потребительской активности. В условиях ухудшения основных макроэкономических показателей и снижения реальных денежных доходов, а также учитывая опыт предыдущих кризисных периодов и, возможно, ожидая длительного периода нестабильности, население переключилось на режим «вынужденного» потребления, удовлетворяя в основном текущие нужды, в целях сохранения платежеспособности имеющихся денежных средств. В частности, более чем на 15% сократилась доля населения, имеющего сбережения (причем и по состоянию на 2018 г. доля сберегателей по-прежнему находится на

уровне четверти населения области, не восстановившись до предкризисных значений), снизилась доля накоплений «на старость» и доля займов на приобретение машины, заметно увеличилась доля займов на неотложные нужды и непредвиденные траты, участились случаи просрочки ежемесячных платежей по кредитам.

Однако некоторые характеристики финансового поведения оказались нечувствительными к кризисным процессам 2014–2015 гг., в частности критерии выбора банка и наиболее распространенные формы накопления. В целом данные социологических исследований показали, что в кризисной ситуации 2014–2015 гг. в финансовом поведении населения региона не наблюдалось массовых деструктивных практик, население в общей массе адаптировалось к переменам, происходившим в социально-экономическом положении.

3. В кризисных условиях 2014–2015 гг. население Вологодской области придерживалось неинвестиционных стратегий, аккумулируя большую часть накопленных средств в наличной форме, создавая, таким образом, замкнутый круг. Изъятие значительной суммы денежных средств из оборота обостряет проблему дефицита резервно-инвестиционного потенциала в регионе, что негативно сказывается на состоянии экономики, приводя к ухудшению

уровня жизни граждан в части снижения их реального дохода, который, в свою очередь, во многом определяет масштаб их потребительской и сберегательной активности. Учитывая затянувшийся спад денежных доходов населения (кумулятивные потери россиян в доходах за период 2014–2017 гг. по отношению к уровню 2013 г. достигли 11,4%), можно предположить, что отсутствие решения системных проблем российской экономики и частных проблем региональных экономических систем может привести к деградации экономического, в том числе финансового и потребительского, поведения населения (например, к более массовому распространению стратегий выживания и «затягивания поясов» [25, с. 151]).

Необходимо помнить, что кризис – неотъемлемый этап экономического развития, «проверка на прочность» сложившейся системы. Российская история не раз доказывала, что население страны умеет справляться с кризисными процессами, не исключая, конечно же, заметных потерь в уровне и качестве своей жизни. В такие периоды значимой представляется работа по оперативному изучению настроений и поведения населения, и именно социологические методы исследования (мониторинги, опросы и т.п.) позволяют получать информацию подобного рода, в связи с чем они должны быть в арсенале управленцев.

Литература

1. O'Neill B., Xiao J.J. Financial behaviors before and after the financial crisis: evidence from an online survey. *Journal of Financial Counseling and Planning*, 2012, vol. 23, no. 1, pp. 33–46. Available at: https://my.afcpe.org/system/journals/v23_j3.pdf
2. Белехова Г.В., Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Экономическое поведение предпринимателей и наёмных работников в сфере личных финансов // *Российское предпринимательство*. 2016. Т. 17. № 18. С. 2221–2234.
3. Львова Н.А., Покровская Н.В., Воронова Н.С. Концепция финансовых парадоксов: предпосылки становления и траектории развития // *ЭКО*. 2017. № 6. С. 164–177.
4. Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового российского кризиса // *Вопросы экономики*. 2015. № 4. С. 37–52.
5. Taylor P., Morin R., Kochhar R. et al. *A Balance Sheet at 30 Months: How the Great Recession Has Changed Life in America*. Pew Research Center. Washington, DC. 2010. Available at: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2010/11/759-recession.pdf>
6. Shim S., Serido J. *Arizona Pathways to Life Success for University Students. Wave 1.5 Economic Impact Study: Financial Well-Being, Coping Behaviors and Trust among Young Adults*. University of Arizona. Tucson, AZ. 2010. Available at: https://www.nefe.org/_images/research/APLUS-Wave-1.5/APLUS-Wave-1.5-Final-Report.pdf
7. Bricker J., Bucks B., Kennickell A., Mach T., Moore K. *Surveying the Aftermath of the Storm: Changes in Family Finances from 2007 to 2009*. Federal Reserve Board. Washington, DC. 2011. Available at: <http://www.federalreserve.gov/pubs/feds/2011/201117/201117pap.pdf>

8. Voydanoff P. Economic distress and families: policy issues. *Journal of Family Issues*, 1984, vol. 5, no. 2, pp. 273–288.
9. Varcoe K. Financial events and coping strategies. *Journal of Consumer Studies and Home Economics*, 1990, vol. 14, no. 1, pp. 57–69. DOI: 10.1111/j.1470-6431.1990.tb00036.x
10. Дмитриева О.Ю., Дмитриева Н.А. Финансовое поведение россиян в кризис: сберегать или тратить // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 8-6. С. 21–25.
11. Кузина О.Е. Влияние финансового кризиса на ожидания и поведение россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 1. С. 26–50. URL: [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2009/89/2009_1\(89\)_3_Kuzina.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2009/89/2009_1(89)_3_Kuzina.pdf)
12. Мосесян М.А. Трансформация сберегательного поведения населения в условиях финансового кризиса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2010. № 2 (17). С. 102–107.
13. Щербаль М.С. Сберегательное поведение населения в нестабильных социально-экономических условиях // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 65–71.
14. Ниворожкина Л.И. Текущие доходы и финансовое поведение домохозяйств: кто в кризис теряет больше? // Прикладная эконометрика. 2017. Т. 48. С. 85–96.
15. Орлова Е.В. Трансформации финансового поведения человеческого фактора в условиях кризиса // Вестник РГГУ. 2010. № 6 (49) /10. С. 95–101.
16. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика: несколько комментариев о рациональности и иррациональности // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15. № 3. С. 359–376.
17. Покровская Н.Н. Рациональность экономического поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9 (46). С. 128–137.
18. Желаева С.Э. Методологические принципы исследования поведения человека в экономике // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 1. С. 179–187.
19. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.
20. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений) / под науч. рук. М.К. Горшкова, В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 446 с.
21. Социально-экономическое поведение российских домохозяйств / Г.Л. Воронин, П.М. Козырева, М.С. Косолапов [и др.] // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Вып. 6. / отв. ред. П.М. Козырева. М: НИУ ВШ, 2016. 242 с.
22. Дубинин С.К. Финансовый кризис 2014–2015 гг. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 219–225.
23. Юсупова Л.М., Никонова Т.В., Иванов М.Е. Факторы, определяющие вложение сбережений домашних хозяйств в банковский сектор РФ: современное состояние // Сетевой научный журнал. 2017. Т. 11. № 5 (75). С. 93–101.
24. Козырева Г.Б., Морозова Т.В., Белая Р.В. Социально-экономическое поведение домохозяйств приграничного региона как индикатор трансформации общества // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22 (397). С. 2–20.
25. Россинская Г.М. Факторы и закономерности потребительского поведения домохозяйств в условиях трансформационной российской экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 147–156.

Сведения об авторах

Галина Вадимовна Белехова – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, главный экономист, ООО «Печора» (Российская Федерация, Республика Коми, г. Печора; e-mail: elbas@yandex.ru)

Belekhova G.V., Basova E.A.

Financial Behavior of the Population during the 2014–2015 Economic Crisis

Abstract. The article considers the changes in people's financial behavior that occurred under the influence of the "structural recession" of the Russian economy. Any changes in the economic behavior of the population in the context of its individual types are caused by transformations taking place in society, proceed from people's adaptation to new conditions and affect the duration and consequences of crisis processes. The goal of our study is to identify changes in people's financial behavior caused by the economic crisis of 2014–2015. The paper uses official statistical data and materials of national and regional sociological surveys. We analyze manifestations of the 2014–2015 crisis, such as the changes in the level and use of monetary incomes, bank deposits and loan debt of the population. On the basis of regional sociological studies we reveal the changes in people's financial behavior. We find out that during the crisis processes the growth rates of bank deposits and loan debt decreased, the structure of savings and credit purposes changed, and the violations in the regularity of loan payments became more frequent. In particular, at the regional level (in the Vologda Oblast), the share of inhabitants with savings has decreased significantly, the share of those who are saving money to use when they retire and the share of car loans have decreased; the share of savings for improving housing conditions, for recreation and travel, as well as the share of loans for urgent needs and unforeseen expenses have increased; the number of cases of overdue monthly payments on loans has increased. At the same time, some components of financial behavior turned out to be insensitive to the changing economic situation, among them – the reasons for refusal to form savings, the most common forms of accumulation, and the criteria for choosing a bank. We conclude that there are no mass deviant practices in the financial behavior of the population of the region in the crisis period; in general, people adapt to the changes that take place in the socio-economic situation. We recommend using the results of the monitoring studies of financial and other types of economic behavior in the activities of regional authorities in order to obtain timely information on current changes and make adequate management decisions.

Key words: financial behavior, sociological survey, economic crisis, rationality of behavior.

Information about the Authors

Galina V. Belekhova – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Elena A. Basova – Candidate of Sciences (Economics), Chief Economist, ООО Pechora (Pechora, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru)

Статья поступила 06.06.2019.

Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение*

**Людмила Александровна
БЕЛЯЕВА**

Институт философии РАН

Москва, Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, 12

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331

Аннотация. В статье проанализирована концепция социального капитала как удачной метафоры, объединяющей под своим «зонтиком» целый спектр отношений, способных воздействовать на успешность или неуспешность деятельности человека, малых групп, организаций, предприятий, общества, наконец, межгосударственных объединений и союзов. Показано, что исследование социального капитала сопровождается неустанными спорами о существовании концепции, есть сторонники и противники признания ее правомерности и рациональности использования в научном анализе. Несмотря на имеющиеся разногласия, и сторонники, и критики социального капитала отмечают продуктивность использования этого понятия, за которым стоит сложное социальное явление, требующее углубленного изучения. Социальный капитал рассмотрен применительно к масштабам тех объектов, принадлежностью которых он является и действует на микро-, мезо-, макро- и метауровнях. На любом из них социальный капитал дает выгоды и закрепляется в экономическом, политическом, культурном преимуществе. Составной частью социального капитала, как показал польский социолог П. Штомпка, является моральный капитал, который позволяет выстраивать отношения, основанные на доверии, лояльности, взаимности, солидарности, уважении и справедливости. Встраивание морального капитала в культуру общества создает прочный фундамент отношений, «работающих» на результат развития в той или другой сфере и на прогресс всего общества. Действия по моральным правилам способны смягчить имеющуюся несправедливость в распределении социального капитала. Удачным примером использования концепции социального капитала явилось исследование, выполненное учеными

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-50073-ОГН «Социальное пространство современной России».

Для цитирования: Беляева Л.А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.10

For citation: Belyaeva L.A. Social capital: problem field and empirical research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.10

из Вологодского научного центра на основе разработанной индикаторной модели. Была показана связь социального капитала с социокультурным и экономическим развитием территорий, выявлены актуальные проблемы распространения социального капитала за пределы малых, ближних кругов взаимодействия. Решение этих проблем является актуальной политической и социальной задачей для повышения солидарности в обществе, преодоления отчуждения населения от власти, возникновения и укрепления между ними взаимного доверия.

Ключевые слова: социальный капитал, его компоненты, моральный капитал, индикаторная модель, солидарность.

Введение. Проблематика социального капитала стала чрезвычайно популярной среди российских социологов в последние десятилетия. В российской базе РИНЦ насчитывается около 130 публикаций, вышедших только за период 2010–2018 гг. и использующих в своих названиях термин «социальный капитал». Можно обозначить несколько причин такой популярности. Первая причина, как это ни обидно для отечественного обществоведения, состоит в том, что в этом случае, как и во многих других, разработка нового понятия и нового направления начинается со знакомства с зарубежными публикациями по конкретной теме и происходит с некоторым отставанием от мировых трендов. Трудно назвать понятия, приоритетное изучение которых является заслугой современных отечественных обществоведов. Но после знакомства с зарубежными источниками в стране начинается массированное исследование по новому направлению. Так было и с социальным капиталом. Понятие «социальный капитал» как составную часть нематериального капитала наиболее удачно сформулировал Пьер Бурдьё: социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Социальный капитал дает преимущества, выгоды членам группы, является основой групповых солидарностей [1, с. 15–29]. Свою лепту в теоретическое обоснование и эмпирическое изучение социального капитала внесли Т. Шульц, П. Бурдьё, Г. Беккер, Р. Коулман, Р. Патнем, Ф. Фукуяма, другие западные ученые. Следует подчеркнуть, что основоположники теории выходили далеко за пределы анализа его экономических эффектов, они видели социальное содержание в этом феномене.

Так, Бурдьё говорит о влиянии трех форм капитала на условия существования человека, которые обоснованы *общим объемом капитала* [volume global du capital], понимаемым как совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться: экономический капитал, культурный капитал, социальный капитал. С некоторым опозданием — только в начале 2000-х гг., в России началось исследование социального капитала применительно к разным сферам российского общества, что и определило большой поток публикаций по теме.

Другая причина кроется в накоплении материала, который мог бы дать необходимый объем данных для эмпирического изучения влияния социального капитала на различные сферы общественной жизни и социальные объекты. Так родились такие направления, как связь социального капитала с предпринимательством, деятельностью организаций, образованием, индивидуальной карьерой и т.д. При этом широко использовались данные международных опросов, количественные и качественные исследования внутри России. Стали развиваться методики измерения социального капитала, в том числе индексные, а также компаративные исследования — внутри страны и международные. В основу этих методов положена, как правило, разработанная Р. Патнемом трехфакторная модель социального капитала: *нормы взаимности, доверие и социальные сети*, которая позволяет измерять социальный капитал с помощью индивидуальных индикаторов, сводимых в обобщающие индексы. В силу некоторой неопределенности в трактовке понятия «социальный капитал» не сложилось безоговорочно единого метода его измерения, авторы используют разнообразные методики, но получаемые результаты убеждают, что существует значимая связь социального капитала и результатов функционирования тех или иных сфер общества.

Третья причина внимания к проблеме социального капитала, которая пока четко не артикулирована в отечественной социологии, эмпирически не исследована, но интуитивно ощущается — это взаимосвязь социального и символического капитала. Как отмечал П. Бурдье, социальный капитал всегда функционирует как символический капитал, а это кредит, аванс, который дается тому, кто его демонстрирует. Символический капитал — один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу [2, с. 235]. Среди разновидностей символического капитала основное внимание исследователей притягивает к себе политический капитал, означающий доверие к политическому актору — деятелю или партии, руководителю или институту. Их символический капитал значим для проведения выборов, осуществления преобразований, даже глубоких реформ, затрагивающих жизнь всего общества. Не менее значим, но слабо исследован символический капитал организаций, фирм, руководителей, который важен для хозяйственных отношений, для реализации доверия между хозяйствующими субъектами в достижении их целевых результатов.

Несмотря на активное использование конструкта «социальный капитал», не до конца прояснена суть этого понятия. Есть основания считать, что это довольно-таки эластичный термин, обладающий *зонтичным эффектом*, поскольку он включает множество предметов исследований — от отношений между отдельными людьми до отношений между государствами, междисциплинарные исследования (экономические, социологические, управленческие, психологические и другие дисциплины) и монодисциплинарные подходы, а также зачастую несопоставимые эмпирические методики изучения этого феномена. Объяснить такое положение можно «молодостью» этого понятия в современных исследованиях и отсутствием безусловного авторитетного международного опыта его изучения. Некоторые аргументы «в защиту» концепции социального капитала и его критика будут рассмотрены далее.

Социальный капитал: за и против

Можно привести доводы в защиту социального капитала как исследовательской концепции, отвечающей современной трактовке капитала в качестве ресурса, способствующего

достижению преимуществ в экономической деятельности и вообще жизненного успеха. Но можно найти и аргументы против, показывающие нечеткость термина «социальный капитал», его уязвимые трактовки и многозначность. Рассмотрим эти позиции на примере двух статей — П. Адлера и С. Квон из США и Т. Клариджа из Новой Зеландии.

В статье П. Адлера и С. Квон «Социальный капитал: хороший, плохой и безобразный» [3] представлена аргументация в пользу существования концепции социального капитала и рациональности ее использования для анализа, определения источников, выгод и рисков социального капитала для деятельности организаций. Авторы предлагают свое, довольно удачное определение социального капитала: это ресурс для отдельных и коллективных субъектов, созданный конфигурацией и содержанием сети их более или менее устойчивых социальных отношений. Наряду с другими формами капитала социальный капитал является ресурсом, в который можно инвестировать другие ресурсы — человеческие, экономические, культурные, создавая свою сеть внешних связей как индивидуальных, так и коллективных. В отличие от других форм капитала, социальный капитал «расположен» не в субъектах, а в их отношениях с другими субъектами. И в этом состоит самая общая и принципиальная разница.

Индивиды могут увеличить свой социальный капитал, получив доступ к ценным контактам и информации; коллективные акторы могут укрепить свою коллективную идентичность и расширить свои возможности для эффективного управления, вкладывая средства в развитие своих внутренних отношений. Источники социального капитала сводятся к трем компонентам: сети, нормы и доверие. Обращает на себя внимание, что авторы рассматриваемой статьи настаивают на концептуальном отличии доверия и социального капитала (некоторые ученые их отождествляют, в том числе в эмпирических исследованиях). Доверие, по мнению авторов, является одновременно источником и результатом социального капитала. Доверие — это психологическое состояние индивидов, тогда как социальный капитал является особенностью социальной структуры, характеристикой существующих социальных отношений. Дополнительный вклад в социальный капитал

помимо названных трех компонентов вносит человеческий капитал за счет формирования общих норм и убеждений, а также создаваемых формальных правил и институтов.

Авторы статьи выявляют преимущества, которые дает социальный капитал в рыночной экономике: расширенный доступ к источникам информации; власть, влияние и контроль, позволяющие эффективно руководить коллективом; солидарность на основе единых социальных норм и убеждений (наиболее развиты в закрытых социальных сетях), уменьшение потребности в формальном контроле.

Доводы П. Адлера и С. Квон частично парирует Тристиан Кларидж из Новой Зеландии — специалист по изучению социального капитала и организационной культуре. В статье «Критика теории социального капитала и уроки для совершенствования практики» [4] он рассматривает аргументы, которые выдвигают ученые, несогласные с концепцией социального капитала, указывающие на ее слабые места. Сам автор не является противником концепции социального капитала, но пытается сосредоточить внимание на ее недостатках, чтобы улучшить практику ее использования в проектах — исследовательских и практических. Вслед за критиками он считает, что нельзя говорить о социальном капитале как целостной концепции, хотя и отмечает, что есть некоторое согласие ученых и практиков относительно определения социального капитала, его размеров, измерения и тенденций формирования. Он отмечает, что существующая критика социального капитала относится к сугубо теоретическому подходу в его рассмотрении, тогда как само существование социального капитала не отрицается. Часть ученых, в основном экономисты, ограничивают социальный капитал экономической рациональностью. В этом случае социальный капитал утрачивает свои свойства социальности, социальное в нем преуменьшается и сводится к характеристикам чего-то другого. Хорошим примером социальности социального капитала является доверие, которое можно измерить при выборе адекватных показателей, сосредоточенных не только на личности, но и на воздействии социального окружения на поведение человека.

Следующее направление критики социального капитала сосредоточено на утверждении, что социальный капитал — это вовсе не капи-

тал. Автор статьи соглашается, что использование термина «социальный капитал» не всегда уместно, если для его применения нужно пренебрегать определенными аспектами, не относящимися к социальному.

Выводы автора статьи обращены к исследователям социального капитала и к практикам: не терять «социальное»; не относиться к социальному капиталу как к капиталу, это скорее клей, смазка или катализатор; не использовать термин «социальный капитал», если есть более подходящее понятие; не упрощать и не соединять разнородные элементы социального капитала; не игнорировать контекст, в котором социальный капитал используется; различать уровни, на которых существует социальный капитал. И наконец, Т. Кларидж предлагает не создавать собственное определение социального капитала, а использовать существующие. Можно полностью поддержать призыв этого ученого учитывать сложность рассматриваемого понятия, не упрощать взаимодействие разных аспектов социального капитала и их отношения с социальной средой.

Уровни социального капитала в нематериальных ресурсах общества

Социальный капитал занимает свое место в нематериальных ресурсах общества наряду с человеческим (включающим в себя культурный), экономическим, символическим капиталами и их внутренними структурными разновидностями [5, с. 36–44]. Между этими видами капитала нет четкой иерархии вне контекста качественных особенностей общества, но существует взаимосвязь и взаимовлияние всех видов нематериального капитала. Скажу попутно, что В.И. Даль, выделяя ещё в середине XIX в. в Толковом словаре живого великорусского языка традиционные формы капитала, замечает, что «способности, звания и труд также могут называться капиталом, как даже и самое здоровье или сила рабочего» [6, с. 216]. Общеизвестно, что в современной России пока сохраняются развитые человеческий и культурный капитал, но препятствия в его использовании создаются неразвитостью и особенностями социального капитала, не соответствующими потребностям демократического общества, проводящего модернизацию и переход к новой цифровой экономике. В исторически и цивилизационно других обществах,

прежде всего в развитых странах Европы, социальный капитал оказывает позитивное влияние на экономическое развитие, стимулируя коллективное взаимодействие в достижении общественного блага.

Если рассмотреть социальный капитал применительно к масштабам тех объектов, принадлежностью которых он является, то можно условно выделить четыре уровня. *Микроуровень* – социальный капитал индивида, малой группы, в том числе семьи, круга друзей, его носитель – индивид, малая группа; *мезоуровень* – капитал предприятий, организаций, носителем может быть отдельный индивид, например руководитель, или институт как организация; *макроуровень* – социальный капитал общества, характеризующийся системой вертикальных и горизонтальных связей, наличием близких ценностных систем и идентификацией членов общества, уровнем доверия и консолидации, носителем может быть отдельный индивид, выступающий от лица всего общества, индивиды, организованные в сообщества, взаимодействующие в целях общего развития; и наконец, *метауровень* – социальный капитал страны, репрезентирующийся в нормах международного права и сотрудничества, членстве в международных организациях, международных экологических, правозащитных, других объединениях, весе страны в глобальном мире и в локальных международных союзах. Одним из феноменов глобализации стало формирование «глобального социального капитала». По мнению И.Е. Дискина, он влияет на эффективность мировой экономики через повышение доверия к системе глобальных институтов, через снижение субъективно оцениваемых рисков при совершении трансакций и, соответственно, уменьшение трансакционных издержек. В то же время глобальный социальный капитал является полем борьбы за преимущества обладания им, за выгоды, которые он дает. Сокращение социального капитала страны негативно сказывается на эффективности ее экономики. В этих условиях необходимо снижение зависимости российской экономики от спекулятивных атак производителей «глобального социального капитала». Решение этой задачи – часть установления новых «правил игры» в глобальной экономике. На рынке «глобального социального

капитала» необходима цивилизованная конкуренция [7, 150-159]. Частью этой конкуренции является борьба за располагаемый страной социальный капитал – доверие к реализуемым страной международным проектам, честность в отношениях с другими странами, способность учесть интересы не только свои, но и другой стороны.

На любом из уровней социальный капитал дает выгоды – разного объема и вида для его обладателя. Эта выгода закрепляется в экономическом, политическом, культурном преимуществе. Эффект социального капитала на любом уровне может быть измерен по масштабу его воздействия: влияет ли он на получение локальных выгод – только для своего носителя, или он формирует возможности для получения выгод себе и своему ближнему или дальнему окружению, с которым он взаимодействует. В последнем случае дается толчок к образованию новых связей, норм взаимодействия, новых совместных институтов.

В постсоветском российском обществе наблюдается трансформация структуры социального капитала по его типам. Сохранился и частично увеличился объем социального капитала на микроуровне. При высокой степени атомизированности общества сократился объем социального капитала на более высоких уровнях: индивидуалистические ценности потеснили ценности коллективные, снизилась идентификация с социальной общностью, уровень доверия и консолидации, особенно с органами управления, которые противопоставляются в сознании населения обществу. Свое влияние на эти процессы оказывает постепенный отход от ценностей традиционного общества, каким и было по своей сути советское общество. Делу увеличения социального капитала не способствуют имитационные практики общественного взаимодействия и участия в политической жизни. Ростки социальной самодеятельности: волонтерские движения, общественные фонды поддержки слабых социальных групп, экологические движения, социальные сети и прочее – демонстрируют рост доверия между членами этих образований, способствуют накоплению социального капитала, что в свою очередь дает импульсы к становлению гражданского общества.

Моральный капитал как составная часть социального капитала

Важную особенность социального капитала подчеркнул в докладе на II Форуме по модернизации в Пекине Петр Штомпка, который показал, что важным компонентом социального капитала является моральный капитал. Он позволяет выстраивать отношения, основанные на *доверии, лояльности, взаимности, солидарности, уважении и справедливости* [8]. В соответствии с темой своего доклада на форуме П. Штомпка утверждал, что для модернизации общества важно, какие в нем распространены конкретные социальные отношения, какие ценности в нем главенствуют, а именно, существуют ли моральные узы, которые в совокупности составляют моральный капитал. Автор последовательно рассматривает компоненты отношений, основанных на моральном капитале. Так, *доверие* обеспечивает мост через море неопределенности, что порождает экзистенциальную безопасность, предсказуемость реакций других, готовность инициировать взаимодействие, рисковать и принимать изменения во всех транзакциях. Напротив, недоверие порождает подозрительность и беспоконие, которые парализуют действия и взаимодействия. *Верность, лояльность* инициируют взаимодействие, готовность к риску и переменам. Напротив, нелояльность парализует действия и взаимодействия, поскольку партнеры оказываются не заслуживающими доверия, то есть ненадежными. *Взаимность* укрепляют ранее образованные связи, делая их устойчивыми и лояльными. Это создает плотную сеть отношений, открывающую шансы на сотрудничество. Противоположностью взаимности является односторонняя эксплуатация, которая отталкивает людей от социального взаимодействия. *Солитарность* означает признание и верность идее общего блага, сопровождаемые готовностью пожертвовать некоторыми личными интересами ради «мы», всей группы, сообщества или общества. Это выражение типичного человеческого стремления к социальной идентичности. И это очередная фундаментальная предпосылка сотрудничества. Если это стремление подавляется эгоцентризмом, эксплуатацией за счет других, атомизированное общество не готово к каким-либо рискованным инновационным начинаниям. *Уважение* означает вза-

имное признание достижений партнеров, вознаграждаемое похвалой, славой, престижем, восходящей мобильностью и т.д. Уважение поощряет новаторские и творческие действия, повышает самооценку, что является важным, очень ценным преимуществом для всех. Если признание и уважение отсутствуют, вложение усилий, энергии и времени, необходимых для инновационных действий, просто не окупается. *Справедливость* означает, что полученные вознаграждения пропорциональны, с одной стороны, усилиям, а с другой – ценности результата. Это поощряет стремление к новизне, потому что гарантируется, по крайней мере, некоторое вознаграждение, даже когда инновационные результаты не достигнуты, и максимальное вознаграждение, если они есть. В связи с этим повышается склонность к рискованным модернизационным предприятиям. Если, с другой стороны, распределение вознаграждений является произвольным и основано на специфических критериях (например, кумовстве), мотивация к инновационным усилиям разрушается.

Формирование морального капитала как составной части социального капитала и встраивание его в культуру общества создает прочный фундамент отношений, «работающих» на результат развития в той или другой сфере и на прогресс всего общества. Таким образом, моральный капитал можно рассматривать как составную часть, компонент социального капитала, скрепляющий его невидимыми, виртуальными нитями, делающими этот «клей» отношений еще более прочным.

Социальный капитал и его моральная составляющая находятся под воздействием многочисленных обстоятельств, меняющих их конфигурацию и возможность активно их использовать. Это замечание относится к социальному капиталу всех уровней – микро, мезо, макро и мега. При резких сменах векторов развития общества или положения страны на международной арене меняется наполнение или объем социального капитала на любом из этих уровней. Социальный капитал – это то, что можно утратить, но и то, что можно вырастить и увеличить. Он взаимодействует с системой ценностей данного общества в его прошлом, настоящем в будущем, зависит от институциональной структуры общества и векторов его эволюции. Под влиянием изменения ценностей происходит

изменение и социального капитала. Когда случилось разрушение советского общества, произошло изменение отношений между людьми, организациями, регионами, отношений России со странами мира. Социальный капитал на всех уровнях претерпел глубокие трансформации, одни акторы нарастили свои ресурсы, свой социальный капитал, другие сократили или утратили его. Если говорить о большинстве населения, то «культурная травма» вызвала резкое сокращение его социального капитала, относительно укрепив только семейный социальный капитал. Даже многие дружеские связи не выдержали изменений в человеческих отношениях в связи с трансформацией социального статуса индивидов и разностью оценок происходивших событий.

Проблема справедливости в распределении социального капитала

Социальный капитал, как и все основные виды капитала (экономический, культурный, человеческий, символический), распределен в обществе неравномерно. Но если первые три вида капитала имеют какую-то физическую субстанцию, институционализированы в различных формах: экономический – в форме прав собственности, культурный и человеческий – в форме образовательных квалификаций, званий и признаний, то социальный капитал имеет виртуальную форму, т.к. он формируется в процессе отношений между людьми и институтами, он образовывается «социальными обязательствами (связями), конвертируется при определенных условиях в экономический капитал» [9, с. 60]. Он не может быть отчужден и передан другому человеку, другой организации, другому региону, другой стране. Он – принадлежность именно того субъекта отношений, который его наследовал или сформировал, часто за очень длительный период времени. Размером социального капитала определяются круги влияния – на ближнее или дальнее расстояние. Такие характеристики социального капитала могут быть использованы как средство для измерения социальных дистанций и вообще для измерения социального неравенства в конкретном обществе – по отношению к его социальной структуре, в отношениях организаций и предприятий, регионов и территорий.

Предприятия и организации, которые обладают большим социальным капиталом – престижем, авторитетом, прочными связями с партнерами и с вышестоящими организациями или личными дружескими отношениями руководителей в верхних этажах власти («вхожестью в кабинеты начальства»), обеспечивают себе более успешное наращивание экономического капитала.

Наличие социального капитала определяет устойчивость общества, его стабильность и определенную консолидацию в рамках тех отношений, которые сложились здесь и сейчас. Вместе с тем для современных динамичных обществ стабильные социальные структуры и стабильный социальный капитал являются тормозом для развития, препятствуют становлению новых альянсов, способных действовать более эффективно, а также достижению индивидуальных целей и реализации индивидуальных интересов. Тенденции индивидуализации и ослабления социальных связей фиксируются в современных исследованиях социального капитала, особенно в динамично развивающихся странах с цифровой экономикой. Как отмечает Р. Флорида, обществу нового типа свойственны более разнообразные дружеские контакты, индивидуализация занятий и ослабление связей внутри сообщества. «Ослабленные связи имеют решающее значение для креативной атмосферы... поскольку позволяют быстро интегрировать новых людей и новые идеи и, тем самым, способствуют креативному процессу» [10, с. 296]. Наряду с социальным и другими видами капиталов на сцену выходит креативный капитал, способный преобразовываться в экономический капитал еще с большим эффектом, чем социальный.

Эти наблюдения эмпирически зафиксированы прежде всего по отношению к социальному капиталу на микро- и мезоуровне, и они вступают в противоречие с теми результатами, которые были получены ранее Р. Патнемом, Дж. Коулманом, другими учеными. Видимо, дело в том, что исследования были проведены в разные годы и в обществах, находящихся на разных стадиях развития – индустриальной и постиндустриальной, для которых социальный капитал имеет качественное своеобразие и разную роль в развитии.

В России эмпирические данные начала XXI века показали зависимость объема социального капитала от принадлежности индивида к имущественной страте и от наличия у него властного ресурса. Богатые, руководители в госсекторе и предприниматели обладают наибольшим объемом социального капитала по сравнению с другими группами, у них происходит конвертация одного вида капитала в другой, и это способствует накоплению у них ресурсов, позволяющих занимать в обществе господствующее положение [11, с. 24-35]. Думается, эта тенденция сохраняется в России и сегодня. Но появляются ли признаки того, что креативный капитал формируется в стране и может изменить ситуацию к более справедливому распределению социального капитала? Это проблема, требующая своего изучения.

Справедливость в распределении социального капитала влияет на состояние социального пространства страны, региона, той или иной территории, на напряженность этого пространства [12, с. 51-64]. Концентрация социального капитала в руках одной семьи, клана, рода, олигархического слоя, когда он сосредоточен в относительно узкой группе людей, работает на их интересы и зависит не от профессиональных качеств, культурного и образовательного уровня, а от других факторов – семейных, этнических, местных, от обладания экономическим капиталом, создает напряжение социального пространства, выход из которого не всегда происходит в результате переговоров, посредством мирных, законных акций протеста. Для более справедливого распределения социального капитала иногда организуются активные немирные акции, приводящие даже к смене руководства страны. Но есть и другие, тихие формы протеста в виде маргинализации слоев населения, миграции в другие регионы и территории, где мигрантам видится больше возможностей для развития и формирования своего социального капитала, где не блокируется их бизнес-активность и более открыты пути для восходящей социальной мобильности. К сожалению, в России структуры гражданского общества пока не обладают большими объемами социального капитала, но постепенно он растет, втягивая в орбиту благотворительности, добровольчества, волонтерства, активизма все большее число людей.

Опыт вологодских ученых в изучении социального капитала

На фоне многочисленных отечественных исследований социального капитала, из которых лишь малая часть упомянута в данной статье, заметны работы ученых из Вологодской области, которые вносят свой вклад в разработку теоретических, методических и эмпирических аспектов этой проблемы. Первой в ряду работ вологодских ученых обратила на себя внимание конференция, проведенная в 2012 г. в г. Череповце на базе Череповецкого государственного университета [13]. Во многих докладах рассматривались концептуальные основания теории социального капитала, история возникновения этой концепции. При этом явно доминировала ориентация на политическую составляющую в изучении социального капитала. Так, была выделена роль социального капитала в функционировании политической системы, в частности, в процессах политической мобилизации и протестного поведения, в формировании гражданского общества, особенности функционирования и роль социального капитала в обществах с авторитарными, а также несовершенными демократическими режимами. Был поставлен вопрос о влиянии государства и политических институтов на развитие социального капитала. Сделан важный вывод: недоверие органам власти со стороны населения может быть преодолено за счет подключения общественности в реальное, а не имитационное обсуждение и принятие решений по политическим и социальным проблемам развития современного российского общества [14, с. 11-22].

Конференция продемонстрировала интерес вологодских ученых к изучению социального капитала в широком контексте социально-культурного развития, формирования гражданских инициатив, деятельности СМИ, проведения модернизации и т.д. К этому времени социальный капитал Вологодской области на эмпирическом уровне специально изучался только в некоторых аспектах. Например, с использованием эмпирических данных были сделаны доклады, посвященные доверию в системе регионального гражданского общества, потенциалу протеста населения региона как формы проявления социального капитала, влиянию социального капитала на здоровье пожи-

лого человека, использованию Интернета при формировании социального капитала молодежи и другие.

Активизация в изучении социального капитала произошла с получением группой вологодских ученых гранта Российского гуманитарного научного фонда «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», который позволил провести эмпирическое исследование и подготовить коллективную монографию по этой теме [15]. В монографии представлена концепция социального капитала в ее историческом становлении, раскрыты возможности ее использования для изучения проблем социально-экономического развития региона и локальностей, показаны влияние кризиса на социальный капитал и обратное влияние социального капитала на протекание кризиса.

Аналізу социального капитала предшествовало рассмотрение динамики общественных настроений жителей Вологодской области в период двух кризисов 2008–2009 и 2014–2015 гг., показавшее тот социально-политический контекст, в котором формируется и функционирует социальный капитал региона. Данные мониторинга общественного мнения, проводимого в течение нескольких лет Вологодским научным центром РАН, продемонстрировали довольно низкий и стабильный уровень потенциала протеста во время кризисов и между ними, предпочтение мирным формам возможных выступлений – митингов, демонстраций. Регулярные социологические исследования Центра позволили выявить главный фактор накопления скрытой протестной активности – негативную оценку деятельности различных структур и институтов власти. Второй фактор, показавший тесную связь с уровнем потенциала протеста, относится к социальному самочувствию жителей области. Третий фактор, влияющий на протестное настроение, формируется оценками экономической ситуации в стране и регионе, а также материального положения самого населения.

В изучении социального капитала населения Вологодской области ценен вывод, к которому пришли авторы монографии, основываясь на проведенном анализе: «Значимым фактором, влияющим на развитие гражданского участия населения, является невысокая спо-

собность российской системы политического представительства интегрировать интересы отдельных групп. В настоящее время слабо востребованы такие структуры гражданского общества, как политические партии, профсоюзы, общественные формирования, которые призваны быть проводниками реализации интересов различных групп общества» [15, с. 65]. Не удивительно, что в таких условиях социальный капитал населения развит слабо, имеет локализацию в основном в ближнем круге связей, что и показал проведенный анализ.

Авторы поставили амбициозную задачу измерить социальный капитал региона и его отдельных территорий, показать связь социального капитала с социокультурным и экономическим развитием территорий. Для этого была разработана модель измерения социального капитала. При большом разнообразии методик и набора показателей социального капитала, имеющихся в зарубежной и отечественной литературе (они рассмотрены в монографии), единой общепризнанной методики не существует, такой методики, которая могла бы «примерить» существующие подходы. Предлагая свою модель, авторы рассматривают социальный капитал как социальный индикатор интегрального типа, дающий возможность оценить состояние общественных отношений. «Как индикатор он представляет собой обобщающее понятие, включающее в себя совокупность операциональных понятий, позволяющих соединить его теоретическую и эмпирическую составляющие. В качестве операциональных понятий при измерении социального капитала выступают доверие, сети, ценности и нормы, солидарность, возможность влиять на положение дел» [15, с. 104]. Основным методом сбора информации явился опрос населения, в котором ответы респондентов служили индикаторами каждого компонента социального капитала. Респонденты были разделены на группы по объему социального капитала (критически низкий, низкий, средний, выше среднего, высокий) и была показана взаимозависимость всех групп компонентов (доверие, сети, ценности и нормы).

Анализ данных показал зависимость объема социального капитала, которым располагает население Вологодской области, от территории

проживания. При сравнении двух крупнейших городов области – Вологды и Череповца – оказалось, что больший объем социального капитала сосредоточен в областной столице. Здесь же выше уровень доверия, а жители районов области более настороженно относятся и к ближнему, и к дальнему окружению, чем жители Вологды, и Череповца. Только в отношении своих соседей жители районов более доверчивы, чем жители двух этих городов. В целом исследование показало, что независимо от локализации особенностью социального капитала является ориентация на узкий круг родных и близких; социальный капитал формируется и функционирует в основном на микроуровне, в локальных сетях, при низком уровне институционального доверия и слабой гражданской активности. Социальный капитал положительно коррелирует с оценками экономической и политической ситуации в регионе, с оценками собственного материального благополучия. Наличие более высокого уровня накопленного социального капитала положительно влияет на отношение респондентов к жизни, определяет их активную позицию и ответственность. Напротив, респонденты с низким уровнем социального капитала меньше доверяют окружающим, не чувствуют себя включенными в социальные сети, тем самым не рассчитывают на чью-либо поддержку. Одновременно они не чувствуют себя ответственными за положение дел как в своей жизни, так и в обществе. Всё это формирует их в целом угнетенную жизненную позицию.

Особенности социального капитала в Вологодской области не составляют какого-то исключения в России. Такая же ситуация характерна и для других регионов и локальностей. Если сравнить социальный капитал населения России и других европейских стран, то видны существенные отличия, особенно по отношению к наиболее модернизированным странам, например Северной Европы. Сравнение социального капитала населения России и других европейских стран, выполненное на основе данных Европейского социального исследования, показало, что по уровню межличностного доверия, тесноте дружеского общения, доверию государственным институтам и общественным организациям, гражданской идентичности Россия располагается на одном

из последних мест [16, с. 84-97]. Сравнительное исследование вновь подтвердило, что общества с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия, сильную гражданскую идентичность, позитивные социальные связи и отношения, имеют более благоприятные возможности для экономического развития, для функционирования в стране постиндустриальной экономики и демократического режима. Впрочем, это движение встречное – такой тип экономики и общества стимулирует рост социального капитала на всех уровнях. Как и другие формы капитала, социальный капитал требует поддержки и прирастает в процессе своего активного использования.

В последних главах монографии ученых из Вологодского научного центра РАН, посвященной социальному капиталу, основное внимание уделяется социальному капиталу молодежи и семьи как главной и первой структуры, где начинает формироваться этот ресурс развития человека и общества. Весьма тревожно, что даже в молодежной среде уровень доверия к людям вне семейного круга и к институтам общества очень низкий, широко распространен индивидуализм и отсутствует желание участвовать в общественной жизни. Молодежь является как бы «сколком» с взрослого населения, воспроизводит его отношение к социально значимым формам взаимодействия.

Большая работа, проделанная авторами монографии и участниками проекта, особенно создание индикаторной модели измерения социального капитала, открывает возможности для более детального изучения социального капитала социальных, профессиональных, гендерных, поселенческих, возрастных и других групп и слоев общества, разных типов семей и прочих малых групп, которые, как показал проведенный анализ, являются основными носителями и производителями социального капитала в современном российском обществе. Проблема распространения социального капитала за пределы малых, ближних кругов взаимодействия является актуальной политической и социальной проблемой для повышения солидарности и участия в общественной жизни, преодоления отчуждения власти от населения, возникновения и укрепления между ними взаимного доверия.

Заключение. Данное исследование выполнялось с целью найти те новые аспекты анализа социального капитала, которые позволят выявить неиспользованные ресурсы этой концепции для углубления анализа отношений на нескольких уровнях — микро, мезо, макро и мета. Концепция социального капитала обладает зонтичным эффектом, покрывающим целый спектр отношений, способных воздействовать на успешность или неуспешность деятельности человека, малых групп, организаций, предприятий, общества, наконец, межгосударственных объединений и союзов. Новым ракурсом изучения социального капитала должна стать проблема включенности в него морального капитала, который позволяет выстраивать отношения, основанные на доверии, лояльности, взаимности, солидарности, уважении и справедливости. Встраивание морального капитала в культуру общества создает прочный фундамент отношений, «работающих» на результат развития в той или другой сфере и на прогресс всего общества. Этот аспект анализа требует своего эмпирического исследования с целью превращения социального капитала в открытый, «перекрывающий» капитал, что для такой страны, как Россия, является острой и долгосрочной задачей. Сегодня в России только социальный капитал микроуровня (отношения в семье и с друзьями) приближается к уровню европейских стран, но плохо развито доверие на других уровнях и к государственным и общественным институтам.

Измерение социального капитала, прежде всего в рамках сравнительного исследования, позволяет выявить не использованные для развития возможности, особенно в период становления цифровой экономики, когда субъектом социального развития становится интеллектуально развитый индивид, ценящий доверие, проявляющий солидарность и имеющий тесную сеть отношений. Проблемы становления развитого социального капитала актуальны для всех регионов России, поэтому исследование, проведенное вологодскими учеными в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», вызывает закономерный интерес. Индикаторная модель, разработанная авторами исследования, позволила оценить объем и проследить зависимость социального капитала от социально-экономического развития локальностей, определить структуру его уровней. Можно поддержать вывод, сделанный авторами исследования: независимо от локализации особенностью социального капитала в Вологодской области является ориентация на узкий круг родных и близких; социальный капитал формируется и функционирует в основном на микроуровне, в локальных сетях, при слабо развитом институциональном доверии и низкой гражданской активности. К сожалению, этот вывод актуален не только для Вологодской области, но и для других регионов и страны в целом.

Литература

1. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J. (Ed.). *Handbook of Theory and Research for Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1986. Pp. 241–258. <https://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/bourdieu-forms-capital.htm>
2. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
3. Adler P.S., Kwon Seok-Woo. Social capital: the Good, the Bad, and the Ugly. In: Lesser E.L. (Ed). *Knowledge and Social Capital: Foundations and Applications*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.186928>. (дата обращения: 11.04.2019).
4. Claridge T. *Criticisms of Social Capital Theory: and Lessons for Improving Practice*. Available at: <https://www.socialcapitalresearch.com/criticisms-social-capital-theory-lessons/> (дата обращения: 11.04.2019).
5. Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 36–44.
6. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] / [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 2. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1905. 2030 с.

7. Дискин И.Е. Социальный капитал в глобальной экономике // *Общественные науки и современность*. 2003. № 5. С. 150–159.
8. Sztompka P. Moral capital: an important prerequisite for social change and successful modernization. In: *Global Modernization Review (II): Modernity and Diversity in New Era*. Beijing, Science Press. Available at: <http://en.modernization.ac.cn/upload/filedoc/20181127/FD201811271018052140.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).
9. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2005. Т. 6. № 3. Май. С. 60–74.
10. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: пер. с англ. М.: Классика – XXI, 2007. 430 с.
11. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35.
12. Беляева Л.А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 51–64.
13. Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1. 198 с. Ч. 2. 175 с. Череповец: ЧГУ, 2012.
14. Афанасьев Д.В. Социальный капитал: концептуальные истоки и политическое измерение // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Череповец: ЧГУ, 2012. Ч. 1. 198 с.
15. Региональный социальный капитал в условиях кризиса : монография / Т.А. Гужавина, Д.В. Афанасьев, И.Н. Воробьева и др. : Череповец. гос. ун-т. Череповец : ЧГУ, 2018. 220 с.: ил., табл.
16. Беляева Л.А. Региональный социальный капитал и множественная модернизации в России. К постановке проблемы // *Экономические и социальные перемены*. 2014. № 1. С. 108–115.

Сведения об авторе

Людмила Александровна Беляева — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1; e-mail: bela46@mail.ru)

Belyaeva L.A.

Social Capital: Problem Field and Empirical Research

Abstract. The article analyzes the concept of social capital as a successful metaphor that covers a whole range of relations that can affect the success or failure of activities of an individual, small groups, organizations, enterprises, society, and finally, interstate associations and unions. We show that the study of social capital is accompanied by relentless disputes about the essence of the concept; there are supporters and opponents of its legitimacy and rationality of use in scientific analysis. Despite the controversy, both proponents and critics of social capital note the productivity of the use of this concept, which is a complex social phenomenon that requires in-depth study. Social capital is considered in relation to the scale of those objects whose part it is and in relation to which it operates at the micro-, meso-, macro- and meta-levels. Social capital gives benefits on any of these levels and is fixed in economic, political, and cultural advantage. A component of social capital, as shown by the Polish sociologist P. Sztompka, is a moral capital that helps build relationships based on trust, loyalty, reciprocity, solidarity, respect, and justice. Embedding moral capital in the culture of society creates a solid foundation for the relations that contribute to the development in one or another area and to the progress of the whole society. Acting according to moral rules can mitigate the existing injustice in the distribution of social capital. A good example of the use of the concept of social capital is provided by a study carried out at Vologda Research Center on the basis of an indicator model. The connection of social capital with the socio-cultural and

economic development of the territories is shown, the actual problems of the spread of social capital beyond the small, near circles of interaction are revealed. Addressing these problems is an urgent political and social task; it will help increase solidarity in society, overcome the alienation of the population from power, and create and strengthen mutual trust between them.

Key words: social capital, its components, moral capital, indicator model, solidarity.

Information about the Author

Lyudmila A. Belyaeva – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Reseaecher, RAS Institute of Philosophy (12, Goncharnaya Street, Moscow, Russian 109240, Federation; e-mail: bela46@mail.ru)

Статья поступила 22.05.2019.

От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода

Виталий Николаевич

БАРСУКОВ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: lastchaos12@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7819-8297; ResearcherID: I-8179-2016

Аннотация. В XXI веке нарастающая интенсивность количественных и качественных демографических изменений становится одним из важнейших факторов, определяющих направление социально-экономического развития. Мировые тренды снижения рождаемости и смертности создали условия для перехода к новому качественному состоянию демографической системы. Человечество находится на рубеже переходного состояния между двумя беспрецедентными в его истории феноменами: демографическим «окном» и старением населения. В сложившейся ситуации все большую актуальность приобретают исследования в области изучения факторов и последствий этого системного перехода, т.к. получение релевантной информации о фактическом и прогнозном состояниях демографической системы является одной из ключевых задач стратегического планирования устойчивого развития. В этой связи целью данного исследования стало изучение закономерностей, особенностей и факторов перехода мирового населения от стадии реализации демографического дивиденда к старению. В качестве информационной базы выступили фундаментальные труды зарубежных и отечественных ученых, статистические данные Организации Объединенных Наций и Всемирного банка. В первой части статьи рассмотрены подходы и концептуальное обоснование термина «демографический дивиденд», определены факторы его формирования и варианты реализации возможностей демографического «окна». Во второй части работы представлены результаты апробации методики определения степени реализации демографического дивиденда и трансформации возрастной структуры в сторону ее

Для цитирования: Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11

For citation: Barsukov V.N. From the demographic dividend to population ageing: world trends in the system-wide transition. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11

старения. Делается вывод, что в странах догоняющего развития (как с экономической, так и с демографической точки зрения; «желтая группа») интенсивность и глубина реализации демографического дивиденда существенно выше, чем в странах, уже ее завершивших (преимущественно развитые страны – «красная группа»). При этом доказывается, что ширина «окна» демографических возможностей прямо пропорциональна масштабу потенциальных последствий старения населения, которое неминуемо следует за стадией реализации дивиденда.

Ключевые слова: демографический дивиденд, старение населения, системный переход.

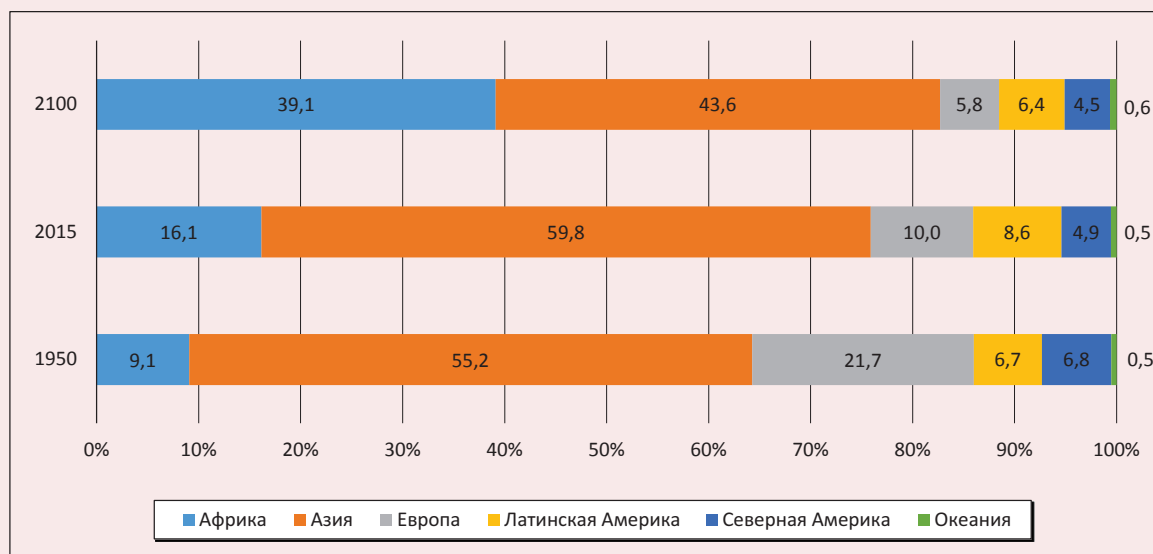
Введение. За последние две тысячи лет население планеты возросло, по разным оценкам [1; 2], в 25–50 раз (со 150–300 млн. до 7,5 млрд. человек), однако наибольший прирост пришелся на вторую половину XX века, когда население мира увеличилось на 4,5 млрд. человек. При этом важно понимать, что темпы прироста населения в разных регионах мира были неодинаковы (рис. 1).

Как можно увидеть из рисунка, демографическая карта мира за последние 65 лет претерпела значительные изменения: доля европейского населения в общей структуре сократилась более чем вдвое, тогда как африканского – возросла на 7%. Согласно среднему варианту прогноза ООН, к 2100 году преобразования структуры мирового населения будут еще более существенными: свыше 80% всего населения планеты будет проживать в Азии и Африке.

Последняя, в то же время, будет являться единственным регионом, в котором численность населения продолжит увеличиваться ускоренными темпами (к 2100 году 40% людей на планете будут проживать в Африке, тогда как сейчас проживает 16%).

Причем на протяжении второй половины XX века количественные изменения демографической системы сопровождались ее качественными трансформациями [3; 4]. Мировые тренды снижения рождаемости и смертности создали абсолютно уникальную для населения планеты ситуацию, когда возрастная структура, имевшая на протяжении предыдущих веков практически неизменную форму, начала стремительным образом изменяться, что проявилось в сокращении удельного веса населения младших возрастов при параллельном увеличении трудоспособного и пожилого населения.

Рис. 1. Структура мирового населения (1950–2100 г.): факт и прогноз, %

Источник: составлено по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Колоссальный рост численности населения и изменение его возрастной структуры стали одними из главных факторов и двигателем социально-экономического развития. Переоценить влияние демографических изменений на экономические процессы достаточно сложно. Например, как показывает исследование М. Юселиуса [5], эффект возрастной структуры населения объясняет основную часть трендовой инфляции и имеет следующую закономерность: рост доли населения трудоспособного возраста способствует ее снижению, в то время как увеличение удельного веса детей и пожилых — возрастанию. С точки зрения экономической теории объяснить связь демографического и монетарного явления представляется затруднительным, однако история свидетельствует о том, что послевоенная эпоха «бэйби-бумеров» или старение населения развитых стран в XXI веке существенным образом повлияли на увеличение средней скорости повышения цен в этот же период. Но эффект возрастной структуры может положительно сказываться на экономическом развитии, если локальная территория вступает в стадию реализации «демографического дивиденда» (ДД).

Проблема взаимосвязи трансформации возрастной структуры и экономического развития представлена в одном из наиболее активно развивающихся направлений экономической теории — «экономике поколений». В основе данной концепции лежит понятие «демографический дивиденд», ставшее одним из центральных в экономико-демографических исследованиях [6]. Новые подходы к его оценке, а также к оценке коэффициентов поддержки с учетом возрастных особенностей получения дохода и потребления были разработаны в рамках системы национальных трансфертных счетов [7]. В сущности, экономика поколения изучает: 1) социальные институты и экономические механизмы, посредством которых поколения или возрастные группы производят, потребляют, перераспределяют и сберегают ресурсы; 2) экономические потоки между поколениями или возрастными группами; 3) явные и неявные контракты, которые управляют межпоколенными потоками; 4) доходы и потребление отдельных поколений и возрастных групп [8].

Возникновение «демографического окна» становится возможным при определенном состоянии возрастной структуры, когда вследствие быстрого снижения рождаемости доля трудоспособного населения стремится к некоторому максимуму, а доля детей и пожилых — к минимуму. Стадия реализации демографического дивиденда рассматривается как период экономического «благоприятствования», а эффективность использования «демографического бонуса» во многом определяет дальнейшее социально-экономическое развитие государства.

Термин «демографический дивиденд» можно трактовать с нескольких позиций:

1. *Демографическая*: ДД — состояние возрастной структуры населения, когда вследствие снижения рождаемости доля трудоспособного населения стремится к некоторому максимуму, а доля иждивенческих групп — к минимуму.

2. *Экономическая*: период реализации ДД рассматривается как время экономического благоприятствования: увеличение доли трудоспособного населения, рост потребления и сокращения сбережений, уменьшение нагрузки на государственный бюджет и пенсионные фонды.

3. *Социальная*: за реализацией ДД неминуемо следует изменение социального пространства, выражающееся в изменении структуры общественных ценностей и норм.

В целом, как показывает опыт развитых стран, период реализации демографического дивиденда положительно сказывается на экономическом развитии государств [9]. Сегодня можно констатировать, что многие азиатские страны завершают реализацию ДД, но, в отличие от Запада, его экономический эффект прослеживается более явно. Так, например, некоторые исследователи связывают «экономическое чудо» Японии и четырех азиатских «тигров» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань) с ростом удельного веса их трудоспособного населения во второй половине XX века [9]. Однако в некоторых случаях данное явление также может привести к негативным последствиям. В частности, А. Коротаев и Ю. Зинькина, рассматривая роль влияния т.н. «молодежного бугра» (увеличение доли молодежи в общей численности населения) на рево-

люционные события в Египте в 2011 году [10], приходят к выводу, что именно трансформация возрастной структуры населения играла определяющую роль в дестабилизации политической ситуации в этой стране.

Таким образом, вступление в стадию реализации ДД не дает гарантий того, что государство автоматически получит экономические дивиденды, т.к. для эффективного использования «демографического бонуса» должны быть созданы стартовые социально-экономические условия. В том случае, если страна не готова к последствиям трансформации возрастной структуры населения, в экономике могут возникать кризисные явления (например, рост безработицы), влекущие за собой дестабилизирующие эффекты в других сферах общественной жизни (рис. 2).

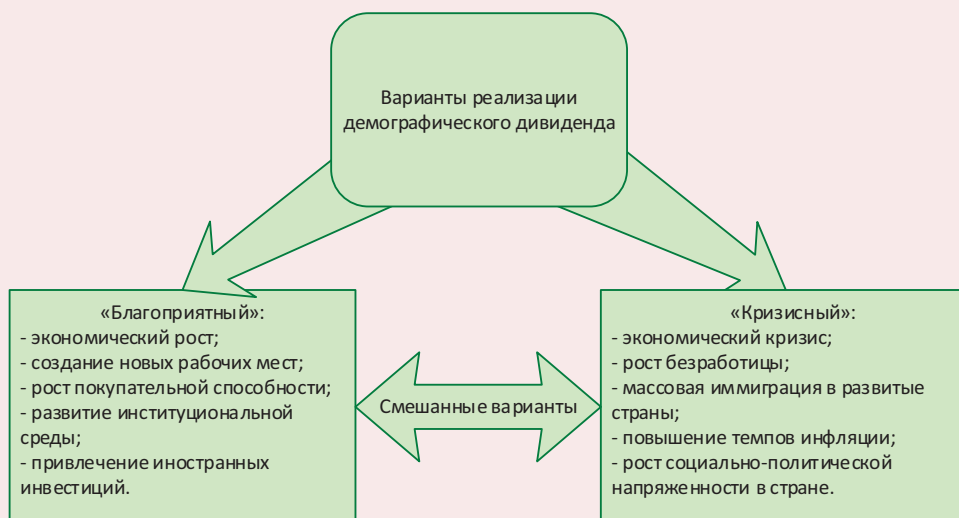
Эффективность реализации ДД во многом определяет степень готовности государства к переходу к «старой» возрастной структуре. Если в этот период удастся обеспечить производительную занятость большей части трудоспособного населения, то темпы роста доходов на душу населения значительно ускорятся, что в перспективе приводит к устойчивому увеличению темпов экономического роста [11]. Период реализации демографического дивиденда и, соответственно, образующегося «окна» может

значительно различаться: в частности, в развитых странах, где старение населения началось значительно раньше, временных возможностей для реализации ДД и осуществления реформ по нивелированию последствий было больше, чем в современных развивающихся странах, где процесс трансформации возрастной структуры происходил гораздо интенсивнее. Таким образом, эффективная реализация демографического дивиденда позволяет создать благоприятные условия для перехода к стадии старения населения и сглаживанию его последствий.

При определенных условиях возможно возникновение второго дивиденда, даже после реализации «демографического бонуса» [11]. Увеличение численности населения пожилого возраста создает дополнительный спрос на отдельные виды ресурсов, необходимых для поддержания потребления на прежнем уровне. Однако на текущий момент большинство стран мира еще не закончили реализацию первого демографического дивиденда, что актуализирует исследования особенностей, закономерностей, а также возможностей и последствий данного процесса для развития государств.

Методология исследования. Демографический дивиденд – это потенциал экономического роста, который может быть обусловлен изменением возрастной структуры населения, в

Рис. 2. Варианты реализации демографического дивиденда

Источник: составлено автором.

первую очередь ситуацией, когда доля населения трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) превышает долю населения нетрудоспособного возраста (младше 14 лет – старше 65 лет) [12]. В этом исследовании методика определения вступления, реализации и завершения стадии демографического дивиденда основывалась на использовании показателя демографической нагрузки населением младше 14 и старше 65 лет на трудоспособное население в возрасте от 15 до 64 лет. Применение данных возрастных границ позволяет в некоторой степени нивелировать дисбаланс в части расхождения границ пенсионного возраста, с одной стороны, и учесть фактор более раннего выхода на рынок труда населения ряда развивающихся и наименее развитых стран – с другой.

Формально ситуация демографического «окна» возникает с момента снижения рождаемости и роста доли трудоспособного населения, однако разница между соотношением непродовольственного населения и продовольственного, например, в пропорциях 1 к 1 или 1 к 2 достаточно велика с точки зрения определения степени положительного экономического эффекта для государства. В ряде работ [13–17] отмечается, что период реализации демографического дивиденда в экономическом смысле гораздо короче, чем в демографическом, т.е. распространяется на короткий промежуток времени, когда доля трудоспособного населения не просто растет, а достигает своих максимальных исторических значений. Таким образом, в нашем исследовании под периодом реализации демографического дивиденда будет пониматься состояние возрастной структуры, когда отношение непродовольственных групп к продовольственному населению составляет 1 к 2 либо ниже (т.е. нагрузка непродовольственным населением составляет менее 500 промилле, а доля населения в возрасте от 15 до 64 лет – 66,6% либо выше).

Исходя из предлагаемой методики страны мира можно разделить на следующие группы:

1. *Завершившие реализацию демографического дивиденда:* коэффициент демографической нагрузки превышает 500 промилле и имеет тенденцию к росту; доля населения в возрасте от 15 до 64 лет уже достигла своего макси-

мального значения, упала ниже 66,6% и имеет устойчивую тенденцию к снижению (условно обозначенные как «красная группа»).

2. *Находящиеся в стадии реализации демографического дивиденда:* коэффициент демографической нагрузки ниже 500 промилле; доля населения в возрасте от 15 до 64 лет превышает 66,6%, при этом имея вектор направленности к ее снижению либо росту (условно обозначенные как «желтая группа»).

3. *Не вступившие в стадию реализации демографического дивиденда:* коэффициент демографической нагрузки выше 500 промилле, но имеет тенденцию к снижению; доля населения в возрасте от 15 до 64 лет имеет тенденцию к росту, но еще не достигла 66,6% рубежа (условно обозначенные как «зеленая группа»).

Следует отметить, что используемая методика определения степени реализации демографического дивиденда позволяет дробить выделенные группы на более частные. Так, например, в красной группе можно разделить страны по оси временной отдаленности от момента, когда доля трудоспособного населения опустилась ниже 66,6%; в желтой – по направленности вектора изменения доли трудоспособного населения относительно 66,6% рубежа (т.е. удаления от него либо обратного приближения); в зеленой – по степени близости к достижению 66,6% отметки. Однако в нашей работе мы будем придерживаться трех выделенных нами ранее групп, т.к. основной задачей является определение общих закономерностей, а не углубленный межстрановой анализ.

Факторы и особенности реализации демографического дивиденда в регионах мира. Данные в *таблице 1* свидетельствуют о том, что в красную группу входят преимущественно развитые и развивающиеся страны: большинство европейских государств, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Грузия, Шри-Ланка и несколько островных государств Карибского бассейна. В численном выражении представительство стран в желтой группе (промежуточная стадия перехода) существенно выше. В нее входят 7 европейских, 6 африканских, 32 азиатские, 15 латиноамериканских и 2 островных государства Океании. Наибольшее количество стран входят в зеленую группу.

Таблица 1. Реализация демографического дивиденда в регионах мира

Регион	Завершившие реализацию дивиденда или страны раннего перехода («красная группа»)	Находящиеся в промежуточной стадии реализации дивиденда («желтая группа»)	Находящиеся в поздней стадии реализации демографического дивиденда («зеленая группа»)
Африка	–	Маврикий, Сейшельские острова, Алжир, Ливия, Тунис, Западная Сахара (всего – 6)	Бурунди, Коморские острова, Джибути, Эритрея, Эфиопия, Кения, Мадагаскар, Малави, Майотта, Мозамбик, Реюньон, Руанда, Сейшельские острова, Сомали, Южный Судан, Уганда, Танзания, Замбия, Зимбабве, Ангола, Камерун, Центральная Африканская Республика, Чад, Конго, Демократическая Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Габон, Сан Томе и Принсипи, Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис, Западная Сахара, Ботсвана, Лесото, Намибия, ЮАР, Свазиленд, Бенин, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея Бисау, Либерия, Мали, Мавритания, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра Леоне, Того (всего – 57)
Азия	Япония, Шри-Ланка, Грузия (всего – 3)	Китай, Гонгконг, Макао, Тайвань, Северная Корея, Япония, Монголия, Южная Корея, Узбекистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Иран, Мальдивы, Бруней, Индонезия, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Армения, Азербайджан, Бахрейн, Кипр, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Турция, Объединенные Арабские Эмираты (всего – 32)	Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Непал, Камбоджа, Лаос, Филиппины, Восточный Тимор, Ирак, Израиль, Иордания, Палестина, Сирия, Йемен (всего – 17)
Европа	Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Россия, Украина, Нормандские острова, Дания, Эстония, Финляндия, Исландия, Ирландия, Латвия, Литва, Норвегия, Швеция, Великобритания, Хорватия, Греция, Италия, Мальта, Черногория, Португалия, Сербия, Словения, Испания, Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Нидерланды, Швейцария (всего – 33)	Беларусь, Молдавия, Словакия, Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Люксембург (всего – 7)	–
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	Барбадос, Кюрасао, Виргинские острова (всего – 3)	Антигуа и Барбуда, Аруба, Багамские острова, Куба, Ямайка, Пуэрто-Рико, Санта Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго, Коста-Рика, Мексика, Бразилия, Чили, Колумбия, Суринам (всего – 15)	Доминиканская Республика, Гренада, Гваделупа, Гаити, Мартиника, Белиз, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама, Аргентина, Боливия, Эквадор, Французская Гвиана, Гайана, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла (всего – 20)
Северная Америка	Канада, США (всего – 2)	–	–
Океания	Австралия, Новая Зеландия (всего – 2)	Новая Каледония, Французская Полинезия (всего – 2)	Фиджи, Папуа Новая Гвинея, Соломоновы острова, Вануату, Гуам, Кирибати, Федеративные Штаты Микронезии, Самоа, Тонга (всего – 9)

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Полученные данные позволяют говорить о наличии экономической и географической дифференциации стран применительно к стадиям реализации демографического дивиденда: к красной группе преимущественно относятся экономически развитые и развивающиеся (согласно методике Всемирного банка) страны Европы, Северной Америки и Океании, к желтой – преимущественно развивающиеся страны Азии и Латинской Америки, к зеленой – ряд развивающихся и наименее развитых стран Африки, Азии, Латинской Америки и Океании. Классификация групп по территориальному признаку дает возможность получить примерное экономико-географическое распределение, однако с точки зрения определения особенностей и закономерностей глобального перехода важнее оценить вклад каждой из выделенных групп в мировые демографические процессы (табл. 2).

На основании полученных данных можно сделать несколько важных выводов. Изменение баланса возрастной структуры населения мира в период с 1950 по 2015 г. характеризовалось снижением удельного веса населения в возрасте до 14 лет (на 8,1%) и параллельным приростом доли трудоспособного населения и представителей старших возрастов (на 4,9 и 3,2% соответственно). В целом это свидетельствует о наличии единого мирового тренда трансформации возрастной структуры, но вклад выделенных нами групп перехода в ее изменение существенно различается. Так, в 1950 году в странах красной группы проживало 25% всего детского населения мира, треть (33%) представителей трудоспособных возрастов и 50% пожилых людей. Однако, ввиду относительно более раннего вступления и завершения стадии реализации демографического дивиденда, красная группа продемонстрировала наибольшее сни-

жение доли младшего и трудоспособного населения, а также наименьший прирост удельного веса представителей старших возрастов. Таким образом, уже к 2015 году вклад красной группы в формирование трех основных групп мирового населения сократился до 11, 18 и 35%. Демографические процессы в равной степени в странах желтой и красной групп способствовали снижению удельного веса детского населения в мировой структуре населения. Тогда как страны промежуточной стадии реализации ДД способствовали наибольшему росту удельного веса трудоспособного (на 4,9%) и пожилого населения (на 2,2%), повысив свой вклад в формирование этих возрастных групп в мировом населении до 61 и 52% соответственно. Зеленая группа – единственная среди всех рассматриваемых групп стран, где наблюдался прирост удельного веса детского населения за период с 1950 по 2015 гг. При этом также был зафиксирован прирост в мировом населении как доли населения трудоспособных возрастов (на 5,7%), так и старших возрастных групп (0,6%, что на 0,2% выше, чем в красной группе).

Причины выявленных различий вклада трех рассматриваемых групп стран в процессы трансформации возрастной структуры мирового населения следует искать в трендах изменения показателей смертности и рождаемости. Установление контроля над многими причинами смертности, подробно описанного в рамках теории эпидемиологического перехода [18;19], является первопричиной изменений, приведших к началу глобального демографического перехода. Обратимся к данным об изменении продолжительности жизни в трех выделенных группах стран (рис. 3).

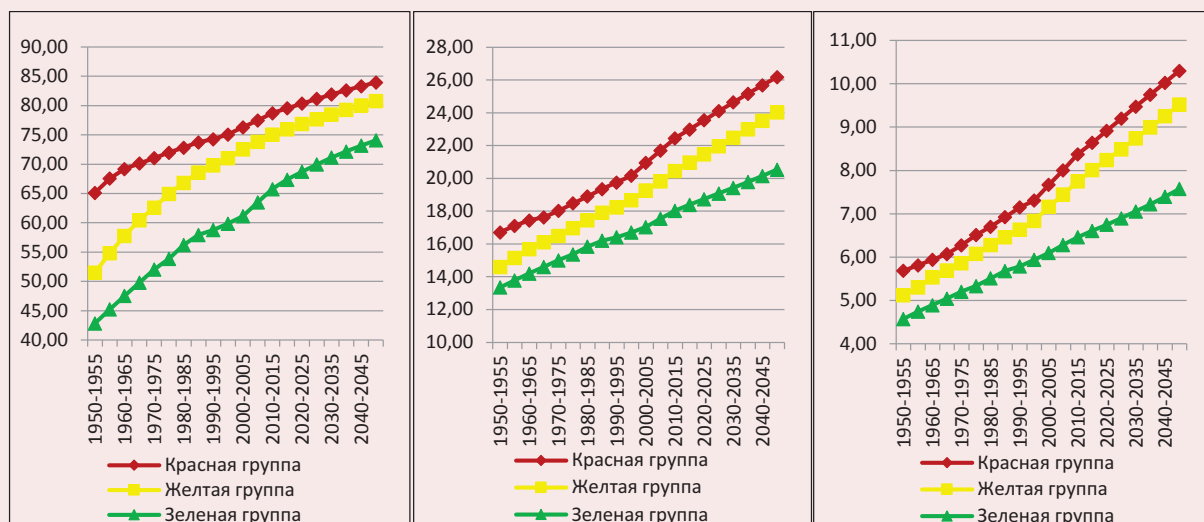
Из представленных на графиках данных видно, что для выделенных групп характерно как фактическое, так и прогнозное увеличение

Таблица 2. Матрица изменения баланса возрастной структуры населения мира, 1950 и 2015 гг.

Год	Вклад в удельный вес мирового населения в возрасте от 0 до 14 лет				Вклад в удельный вес мирового населения в возрасте от 15 до 64 лет				Вклад в удельный вес мирового населения в возрасте старше 65 лет			
	Красная группа	Желтая группа	Зеленая группа	Всего	Красная группа	Желтая группа	Зеленая группа	Всего	Красная группа	Желтая группа	Зеленая группа	Всего
1950	8,7	19,4	6,1	34,2	20,6	31,7	8,4	60,7	2,5	2,1	0,5	5,1
2015	2,8	13,6	9,8	26,1	11,7	39,8	14,1	65,6	2,9	4,3	1,1	8,3
+/-	-5,9	-5,8	+3,7	-8,1	-8,9	+8,1	+5,7	+4,9	+0,4	+2,2	+0,6	+3,2

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Рис. 3. Тренды изменения показателя ожидаемой продолжительности жизни в трех группах стран: факт и прогноз
(А – ОПЖ при рождении; Б – ОПЖ в возрасте 65 лет, В – ОПЖ в возрасте 80 лет)

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

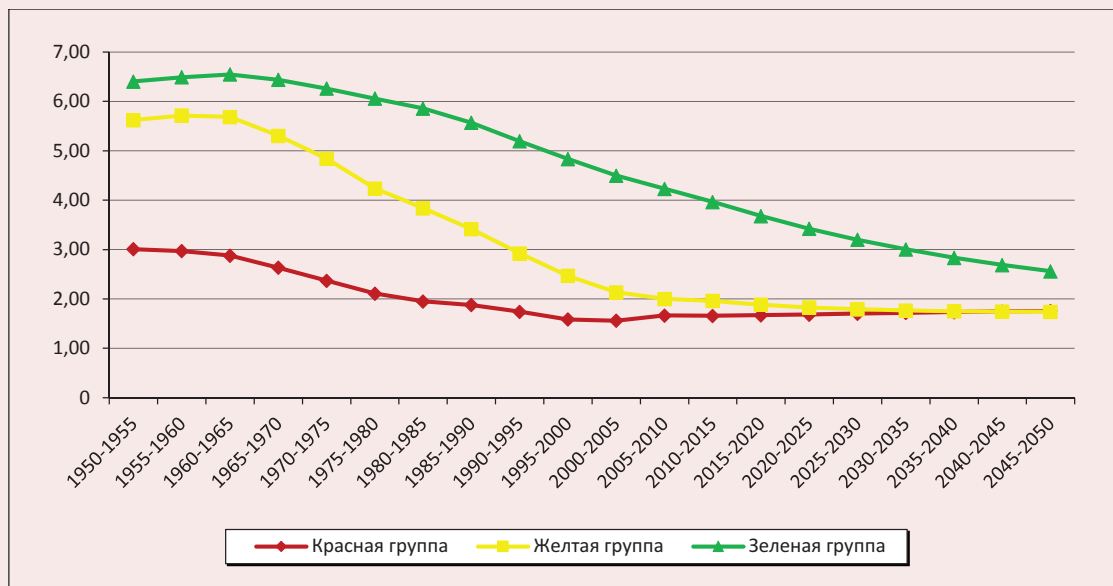
продолжительности жизни во всех возрастах. Страны красной группы по-прежнему опережают остальные регионы по продолжительности жизни населения, однако темпы увеличения ОПЖ при рождении в двух других группах стран за период с 1950 по 2015 г. были выше практически в два раза (13 лет против 23,5 и 24 лет соответственно). Причина кроется в значительно больших резервах снижения показателей младенческой смертности в желтой и зеленой группах стран (сохранявшихся на достаточно высоком уровне), что стало определяющим фактором столь существенного увеличения показателей ОПЖ при рождении. В то же время увеличение ОПЖ в возрасте 65 и 80 лет за рассматриваемый период во всех трех группах было примерно равным: в красной – на 5 и 3 года, в желтой – на 6 и 3, в зеленой – на 5 и 2 года.

С высокой долей определенности можно утверждать, что увеличение продолжительности жизни населения мира стало одной из причин старения его возрастной структуры. Но при этом следует отметить, что темпы старения населения стран красной группы и увеличения их

вклада в формирование мирового населения в возрасте 65 лет и старше ниже, чем в желтой и зеленой группах, где население по-прежнему можно назвать «молодым». Таким образом, группа стран, имеющая значительно больший удельный вес населения старших возрастов, более высокие показатели дожития и «глубины» старения, оказывает наименьшее влияние на старение мирового населения «сверху». При этом страны раннего перехода продемонстрировали наибольшие темпы снижения удельного веса молодого и трудоспособного населения. Парадоксальная на первый взгляд ситуация требует обращения к следующему фактору, определяющему размер основания возрастной пирамиды населения мира, – трендам рождаемости.

Как можно увидеть из графика (рис. 4), различия в изменении суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в трех группах стран более существенные, чем в случае с ОПЖ. Снижение СКР в странах раннего перехода началось с более низкого уровня и происходило гораздо умереннее, чем в промежуточной и группе позднего перехода. Во второй половине XX – начале

Рис. 4. Изменения суммарного коэффициента рождаемости в трех группах стран: факт и прогноз

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

XXI века суммарный коэффициент рождаемости в странах желтой группы уменьшался самыми быстрыми темпами (с 5,6 до 1,9), создав ситуацию, когда, с одной стороны, рождаемость стремительно упала ниже уровня просто воспроизводства населения, с другой – сформировав условия для достаточно быстрого перехода к стадии реализации демографического дивиденда. В странах позднего перехода снижение показателя СКР также было существенным, но его значение по-прежнему находится на достаточно высоком уровне (около 4 детей, приходящихся на 1 женщину репродуктивного возраста).

Далее целесообразно рассмотреть изменение вариации исследуемых показателей для населения мира в целом за период с 1950 по 2015 год (табл. 3).

Проведенные расчеты позволяют говорить о том, что, несмотря на рост средних значений удельного веса населения старше 65 лет, степень неоднородности всей рассматриваемой совокупности показателей в странах мира в 1950–2015 гг. также существенно увеличилась: коэффициент вариации удельного веса населения 65+ возрос с 49,8 до 70,2%. Следует отметить, что рассматриваемая совокупность и в 50-е годы XX века не являлась однородной

Таблица 3. Средние значения и коэффициенты вариации по некоторым демографическим показателям в странах мира за период с 1950 по 2015 г.

Год	Показатель					
	Доля населения старше 65 лет в странах мира		ОПЖ в возрасте 65+		Суммарный коэффициент рождаемости	
	Среднее значение	Коэффициент вариации	Среднее значение	Коэффициент вариации	Среднее значение	Коэффициент вариации
1950 г.	4,9	49,8	11,5	14,9	5,5	30,3
2015 г.	8,4	70,2	16	16,5	2,9	49,6
Изменение 2015–1950 гг.	+3,5	+20,4	+4,5	+1,6	-3,6	+19,3

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

(коэффициент вариации превышал 33%), хотя степень дифференциации все же была несколько меньше, что, безусловно, сказалось и на распределении стран. Таким образом, очевидно, что складывается ситуация, когда население мира в целом стареет, однако разница между двумя полюсами стран («молодыми» и «старыми») нарастает.

Приведенные в таблице данные подтверждают тот факт, что причина наблюдаемых изменений не в увеличении продолжительности жизни населения в старших возрастах. С 1950 по 2015 г. продолжительность жизни в возрасте 65+ имела тенденцию к росту, но коэффициент вариации данного показателя в странах мира за этот же период практически не изменился и сохранился на достаточно низком уровне (15 и 16,5% соответственно). Следовательно, несмотря на разную интенсивность демографического старения в регионах мира, рост ОПЖ в старших возрастах происходит по схожему сценарию и не оказывает существенного влияния на увеличение дифференциации территорий по уровню старости. Главной же причиной выступает разница в темпах снижения рождаемости, как основополагающего фактора старения

населения [20]. Тренд снижения рождаемости является общемировым, что подтверждается данными об изменении суммарного коэффициента рождаемости: с 1950 по 2015 г. в среднем по странам мира показатель снизился с 5,5 до 2,9 (см. табл. 3). Однако коэффициент вариации заметно увеличился (с 30,3 до 49,6%), причем примерно на ту же величину, как в случае с вариацией удельного веса населения старше 65 лет (примерно на 19–20%). Таким образом, общий тренд снижения рождаемости и, соответственно, глобального старения населения определяется группой стран (в районе 40% от общего числа территорий, преимущественно развитых и развивающихся), вступивших в третью фазу демографического перехода. Характерной особенностью этого процесса выступает увеличение отставания остальных территорий, где показатели рождаемости по-прежнему остаются относительно высокими, что и предопределяет увеличение выявленной нами дифференциации.

Для наглядности сравним распределение стран мира по уровню демографической старости в классификациях ООН и Боже-Гранье–Россета в 1950 и 2015 годах (табл. 4 и 5).

Таблица 4. Распределение стран мира по уровню демографической старости в 1950 и 2015 годах (классификация ООН), %

Уровень старости	Доля стран мира, %	
	1950 год	2015 год
Молодое население (доля старше 65 лет менее 4%)	47,5	31,5
Зрелое население (доля старше 65 лет от 4 до 7%)	29	24,5
Зрелое население (доля старше 65 лет превышает 7%)	23,5	44

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Таблица 5. Распределение стран мира по уровню демографической старости в 1950 и 2015 годах (классификация Боже-Гранье–Россета), %

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Распределение стран, %	
		1950 год	2015 год
1	Демографическая молодость (<8)	66	43,5
2	Первое преддверие старости (8–10)	9,5	10
3	Собственно преддверие старости (10–12)	12	7,5
4	Демографическая старость (12 и выше)	12	39
	Начальный уровень демографической старости (12–14)	6	4,5
	Средний уровень демографической старости (14–16)	5,5	5
	Высокий уровень демографической старости (16–18)	1	2
	Очень высокий уровень демографической старости (18 и выше)	0	27,5

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

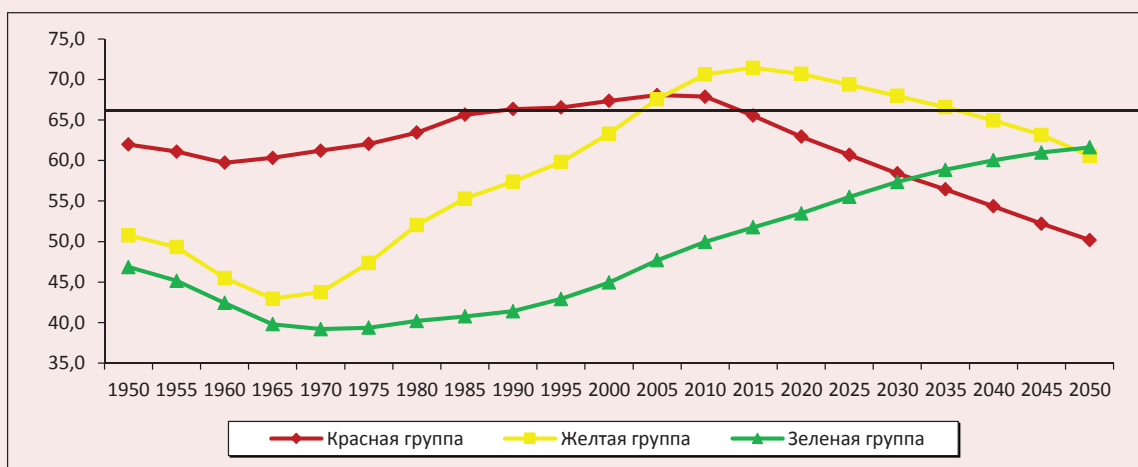
Из представленных в таблицах данных можно сделать несколько важных выводов. Так, наглядно видно, что удельный вес стран мира, которые можно отнести к демографически старым, за период с 1950 по 2015 год вырос в несколько раз: с 23,5 до 44% по методике ООН и с 12 до 39% по шкале Боже-Гранье–Россета. С одной стороны, эта тенденция еще раз подтверждает вывод о достаточно высокой интенсивности процесса демографического старения в мире. С другой стороны, заметно сократилось присутствие стран в «буферной» зоне между молодыми и старыми территориями. Фактически в 50-е годы XX века три условных уровня старости распределялись в порядке убывания от «молодых» к «старым». Однако на текущий момент обе классификации позволяют говорить скорее о существовании двух полюсов, на одном из которых находятся преимущественно молодые территории, на другом – старые.

В свое время Франции потребовалось 120 лет для того, чтобы удвоить численность населения старше 60 лет, в то время как у Китая во второй половине XX века ушло на это чуть более 20 лет. При этом Франция уже длительное время считается одной из самых «старых» стран мира, а Китай по-прежнему находится в максимальной точке реализации демографического дивиденда. Сегодня темпы снижения

рождаемости в желтой и зеленой группах заметно выше, чем в странах красной группы в более ранние периоды, и население этих территорий стремительно преодолевает уровни демографической старости. Это позволяет предположить, что, в условиях интенсивного глобального старения населения, помимо измерения уровней демографической старости сквозь призму удельного веса населения старших возрастов следует оценивать параметры реализации демографического дивиденда на конкретной территории.

Демографический дивиденд – это своего рода бонус, позволяющий создать экономический базис дальнейшего становления государства в новых демографических условиях (дальнейшее старение возрастной структуры). Причем чем больше этот бонус – тем выше вероятность того, что проявление последствий старения населения потенциально может быть более ярко выраженным. Таким образом, именно измерение параметров демографического «окна» становится одной из важнейших задач с точки зрения определения реальных масштабов трансформации возрастной структуры и сопутствующих ей социально-экономических изменений. На рисунке 5 представлены фактическое и прогнозируемое изменение удельного веса населения в возрасте от 15 до 64 лет в трех группах стран относительно границы в 66,6%.

Рис. 5. Изменение доли населения в возрасте от 15 до 64 лет в трех группах стран: факт и прогноз

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Судя по приведенным данным, рост удельного веса трудоспособного населения в красной и желтой группах стал наблюдаться после завершения поствоенного «бэйби-бума» с временным лагом в районе 5–10 лет, в то время как в зеленой группе – заметно позднее. Однако важнее определить параметры достижения максимальных значений показателя в рамках реализации демографического дивиденда (в нашем случае – относительно границы в 66,6%). Как можно увидеть из рисунка, страны красной группы достигли начала максимальной стадии реализации демографического дивиденда в 80-х годах XX века, продолжавшийся примерно до 2010–2015 гг. (т.е. около 30–35 лет). При этом наибольшее значение показателя удельного веса трудоспособного населения в этот период составило 68%. Страны желтой группы вступили в данную стадию в начале XXI века и на текущий момент находятся на пике реализации демографического дивиденда. Несмотря на примерное равенство длительности временного периода у этих стран со странами красной группы, «глубина» реализации ДД в желтой группе значительно больше: с середины «нулевых» годов XXI века удельный вес населения в возрасте от 15 до 64 лет превышает 71%. Страны зеленой группы стремительными темпами приближаются к максимальным параметрам реализации демографического дивиденда, однако, согласно среднему варианту прогноза ООН, большинство из них достигнет этих значений только во второй половине XXI века.

Возникновение более широкого демографического «окна» для стран желтой группы стало возможно благодаря наложению ряда конъюнктурных факторов: сравнительно более быстрого снижения показателей рождаемости и смертности населения во второй половине XX века. Однако относительно быстрое (по меркам истории) получение большого демографического дивиденда уже в ближайшем будущем может

обернуться для многих стран этой группы масштабными последствиями старения возрастной структуры. Возврат к количественным показателям общей демографической нагрузки сопровождается качественными изменениями ее структуры (табл. 6).

Из данных, представленных в таблице, можно заключить, что структура демографической нагрузки во всех трех рассматриваемых группах стран имеет тенденцию к «старению». В красной группе доля нагрузки старшим поколением возросла на 42,5%, в желтой – на 45,2%. Однако следует отметить, что темповые показатели роста демографической нагрузки в странах промежуточной стадии перехода намного выше, чем в других группах стран (прирост более чем в 5,5 раза за 65 лет).

Для большей наглядности рассмотрим коэффициент поддержки – обратный показатель демографической нагрузки населением старше 65 лет (рис. 6).

Как видно, вслед за реализацией колоссального демографического дивиденда в странах желтой группы будет наблюдаться столь же беспрецедентное снижение коэффициента поддержки. Последствия этого процесса уже проявляются во многих сферах. Так, в последние годы наблюдается снижение темпов роста в трех крупнейших экономиках желтой группы (Китай, Индия и Бразилия) [21], во многом определяющих устойчивое развитие всего мира. Также весьма показательным является рейтинг пенсионных систем [22], где подробно рассматривались 43 страны мира. Показательно, что Китай, Индия и Бразилия заняли в нем 40, 42 и 43 места соответственно, продемонстрировав наибольшую отрицательную динамику по всем показателям.

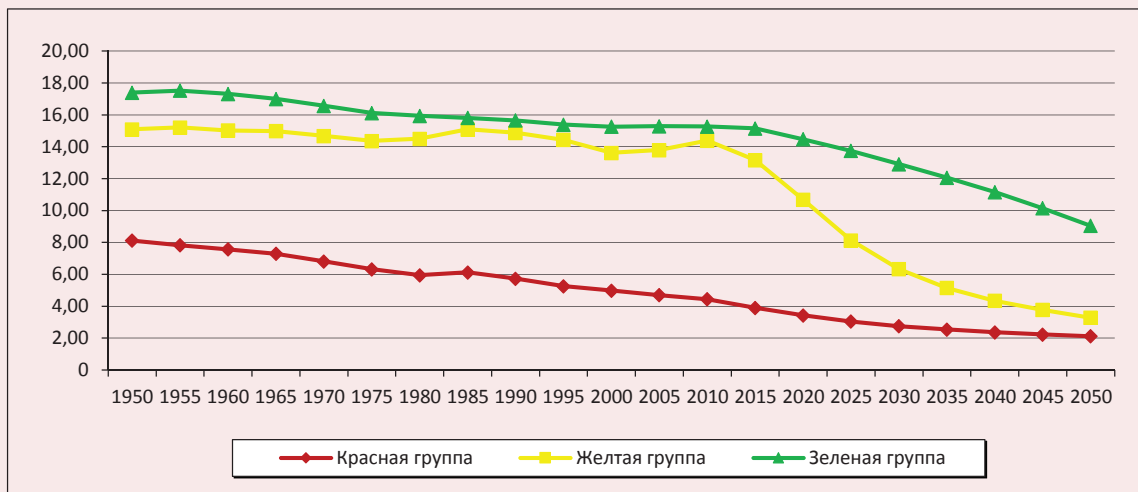
Из сведений об изменении конечного уровня потребления в трех рассматриваемых группах стран (рис. 7) следует, что уровень конечного потребления по отношению к ВВП в зеленой

Таблица 6. Изменение структуры общей демографической нагрузки в трех группах стран, 1950–2015 гг.

Показатель	Красная группа		Желтая группа		Зеленая группа	
	1950	2015	1950	2015	1950	2015
Доля нагрузки детьми в общей демографической нагрузке, %	77,3	34,8	89,8	42,3	91,7	73,8
Доля нагрузки пожилыми в общей демографической нагрузке, %	22,7	65,2	10,2	57,7	8,3	26,2

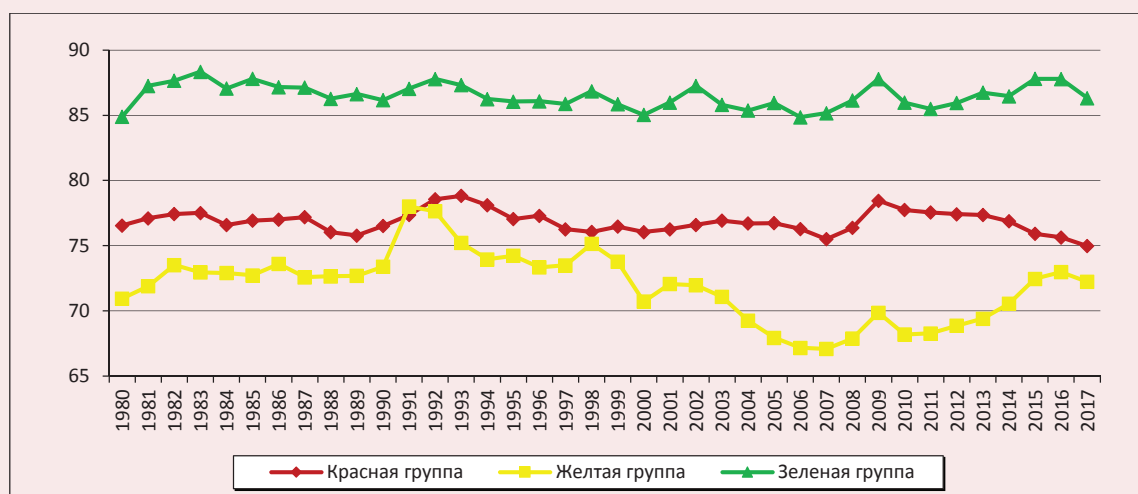
Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Рис. 6. Коэффициент поддержки населения старше 65 лет в трех группах стран: факт и прогноз

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Рис. 7. Изменение уровня конечного потребления в трех группах стран, в % от ВВП, 1980–2016 гг.

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

группе на всем протяжении исследуемого периода заметно превышал аналогичные показатели в красной и желтой группах. Причина кроется в сохраняющихся высоких показателях демографической нагрузки детским населением. При этом уровень подушевого конечного потребления, в свою очередь, является достаточно низким, что объясняется большими трансфертами в отношении детей. Страны желтой группы демонстрировали наиболее за-

метные темпы снижения уровня конечного потребления в связи с реализацией демографического дивиденда, т.е. ситуации, когда население производит заметно больше, чем потребляет, и дефицит жизненного цикла заметно меньше по оси возраста. Однако сейчас набирают ход обратные тренды из-за стремительного роста доли и численности пожилых граждан, что, соответственно, ведет к росту «возрастных» бюджетных расходов государства.

Опыт развитых стран позволяет утверждать, что старение «сверху», т.е. за счет увеличения ожидаемой продолжительности жизни, в дальнейшем станет основным фактором повышения доли пожилого населения, что будет влиять на рост бюджетных расходов, но без компенсирующего эффекта в виде более высокого уровня капиталовооруженности. В итоге наиболее вероятным общим результатом для стареющих обществ оказывается снижение подушевого уровня потребления при сохранении высоких показателей относительно ВВП.

Заключение. Как показал проведенный анализ, с точки зрения трансформации возрастной структуры населения страны мира условно делятся на три группы: красная группа (завершившие стадию реализации демографического дивиденда и вступившие в фазу необратимого старения населения); желтая группа (страны, находящиеся в стадии реализации демографического дивиденда, в том числе только вступившие в нее либо близкие к ее завершению); зеленая группа (страны, не вступившие в стадию реализации демографического дивиденда).

Одним из наиболее важных выводов исследования является установление следующей закономерности: на текущий момент в странах догоняющего развития (как с экономической, так и с демографической точки зрения; желтая группа) интенсивность и глубина реализации демографического дивиденда существенно выше, чем в странах, уже ее завершивших (преимущественно развитые страны). Наблюдаемое явление вписывается в экономическую концепцию бета-конвергенции [22]. Отстающие страны демонстрируют не только более высокие темпы экономического роста, но и стремительно приближаются к развитым государствам по целому ряду демографических показателей. Однако у полученного странами желтой группы колоссального демографического дивиденда есть и обратная сторона: ширина «окна» демографических возможностей прямо пропорциональна масштабу потенциальных последствий старения населения, которое неминуемо следует за стадией реализации дивиденда. На текущий момент целый ряд крупнейших мировых экономик, входящих в желтую группу (Китай, Индия, Бразилия), заметно снизили темпы экономического роста при па-

раллельном нарастании негативных проявлений в социальной сфере (в частности, проблемы пенсионного обеспечения). В зависимости от контекста текущего состояния возрастной структуры населения, странам красной и желтой группы необходимо внедрять целый спектр программ адаптации своей политики к новым демографическим условиям (повышение производительности труда, оптимизация работы институтов социальной сферы и др.).

Для принятия грамотных управленческих решений необходимо осознавать не только сам факт явления демографического дивиденда, но и отслеживать механизм его формирования. Важным элементом выступает способность государства пересматривать свою социальную политику в новых демографических условиях, создавая возможности для сохранения стабильных темпов развития и справедливого перераспределения общественных благ. Помимо этого, как уже упоминалось ранее, для эффективного использования «демографического бонуса» страна должна быть готова к осуществлению политики адаптации экономики к последствиям трансформации возрастной структуры. Вероятно, в ближайшее столетие страны зеленой группы будут главной движущей силой не только демографического, но и экономического развития. Подавляющее большинство стран Африканского континента, а также примерно треть стран Азии и Латинской Америки еще не реализовали свой демографический дивиденд, от которого во многом будет зависеть социально-экономическое развитие мира в целом. По-прежнему актуальным остается вопрос: насколько они готовы к последствиям изменения возрастной структуры? Экономическое развитие стран зеленой группы демонстрирует позитивные тренды, которых, однако, может быть недостаточно для эффективной реализации демографического дивиденда. В этой связи можно выделить несколько возможных направлений, которые помогут подготовить экономику этих стран к стадии реализации ДД:

- создание новых рабочих мест с учетом прогнозируемого увеличения предложения на рынке труда;
- развитие системы образования и здравоохранения;

- привлечение иностранных инвестиций для развития социально-экономической инфраструктуры;
  - искоренение института неформальной занятости и дискриминации на рынке труда;
  - переориентирование экономики на высокопроизводительное и трудоемкое производство;
  - развитие частного сектора и сокращение налогов на бизнес.
- Снижение смертности и рождаемости в сочетании с эффективной реализацией поддерживающих мер политики может принести странам догоняющего развития демографический дивиденд и улучшить качество жизни всех их граждан. Как следствие, зеленая группа может и должна стать одним из основных участников мировой экономики и помочь частично смягчить последствия старения населения в остальном мире. Вместе с тем неспособность использовать возможности, предоставляемые этой новой демографической ситуацией, может создать значительные экономические и социальные риски.

Литература

1. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. OECD, 2003. 657 p.
2. Tanton J. End of the migration epoch? Time for a new paradigm. *The Social Contract*, 1994, vol. 4, pp. 162–173.
3. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76–87.
4. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
5. Юселиус М. Возраст и инфляция // Финансы и развитие. 2016. № 3. С. 19–21.
6. Ли Р., Э. Мэйсон. Что такое демографический дивиденд? // Финансы и развитие. 2006. URL : https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf
7. Prskawetz A., Sambt J. Economic support ratios and the demographic dividend in Europe. *Demographic Research*, 2014, vol. 30, pp. 963–1010.
8. Lee R., Mason A. Population aging and generational economics: key findings. In: *Population Aging and the Generational Economy*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2011. Pp. 3–31.
9. Mason A., Lee M., Abrigo M., Lee S. *Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World*. New York, 2017. 52 p.
10. Коротаев А.В, Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. № 2. С. 5–29.
11. Lee R., Mason A. *Population Aging, Wealth, and Economic Growth: Demographic Dividends and Public Policy*. WESS Background Paper. 2015. 35 p.
12. Bloom D., Canning D., Mansfield R., Moore M. *Demographic Change, Social Security Systems, and Savings*. National Bureau of Economic Research, 2006, 22 p.
13. Bloom D., Canning D., Fink G., Jocelyn E. Fertility, Female Labor Force Participation, and the Demographic Dividend. *Journal of Economic Growth*, 2009, vol. 14, pp. 79–101.
14. Prskawetz A., Bloom D., Lutz W. Population aging, human capital accumulation, and productivity growth. *Population and Development Review*, 2008, vol. 33, pp. 125–145.
15. Meltem I. Economic and social consequences of population aging the dilemmas and opportunities in the twenty-first century. *Applied Research in Quality of Life*, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
16. Orlicka E. Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 30, pp. 598–605.
17. Nerlich C., Schroth J. The economic impact of population ageing and pension reforms. *Economic Bulletin Articles, European Central Bank*, 2018, vol. 2. Available at: <https://ideas.repec.org/a/ecb/ecbart/201800022.html>
18. Вишневецкий А.Г. Похвала старению // Отечественные записки. 2005. № 3(24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniyu>
19. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Quarterly*, 2005, vol. 83(4), pp. 731–757.

20. Lee R., Zhou Y. Does fertility or mortality drive contemporary population aging? The revisionist view revisited. *Population and Development Review*, 2017, vol. 43 (2), pp. 285–301.
21. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2018. № 34. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/17357.pdf>
22. *Global Retirement Index 2018*. Available at: <https://www.im.natixis.com/us/resources/2018-global-retirement-index-report>
23. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth and Convergence across the United States. NBER Working Papers 3419*. 1990. Available at: <https://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/3419.html>

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Барсуков – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lastchaos12@mail.ru)

Barsukov V.N.

From the Demographic Dividend to Population Ageing: World Trends in the System-Wide Transition

Abstract. In the 21st century, the increasing intensity of quantitative and qualitative demographic changes is becoming one of the most important factors that determine the direction of socio-economic development. Global downward trends in the birth and death rates have created conditions for the demographic system to shift to a new qualitative state. Humanity is at the crossroads of a transition between two phenomena it has not witnessed before: demographic “window” and population ageing. Under the circumstances, the research on the factors and implications of this system-wide transition is becoming increasingly important, because obtaining relevant information about the actual and forecast states of the demographic system is one of the key tasks of strategic planning for sustainable development. In this regard, the goal of the present research is to study the patterns, characteristics and driving forces of transition of the world population from the stage of realization of the demographic dividend to the stage of ageing. In our research we use fundamental works of foreign and domestic scientists and United Nations and World Bank statistics. In the first part of the article we consider approaches to the term “demographic dividend” and its conceptual substantiation, drivers of its formation and options to implement the demographic window. The second part of the paper presents the results of testing the methodology for determining the degree of implementation of the demographic dividend and the transformation of the age structure towards its ageing. We conclude that in the countries that are implementing the catching-up development model (from both the economic and demographic points of view; the “yellow group”) the intensity and depth of the implementation of the demographic dividend is significantly higher than in the countries that have already completed it (mainly developed countries – the “red group”). At the same time we argue that the width of the demographic window of opportunity is directly proportional to the scale of potential impact of population ageing, which inevitably follows the stage of the dividend implementation.

Key words: demographic dividend, population ageing, system-wide transition.

Information about the Author

Vitalii N. Barsukov – Junior Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Статья поступила 04.07.2019.

Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи*

Юлия Михайловна

ПАСОВЕЦ

Курский государственный университет

Курск, Российская Федерация, 305000, ул. Радищева, д. 33

E-mail: yulia_pasovets@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3626-7933; ResearcherID: M-4801-2017

Аннотация. Актуальность исследования проблематики вторичной занятости студентов обусловлена необходимостью научного осмысления ее неоднозначного влияния на профессионализацию и социальную интеграцию молодежи в российском обществе. Цель работы – раскрыть на основе анализа эмпирических данных значение вторичной занятости для профессионализации и социальной интеграции студенческой молодежи в современных российских условиях. Оригинальность ее постановки и решения связана с рассмотрением мотивации занятости студентов в соотношении с достигнутыми результатами, реализацией ожиданий от занятости, с определением возможных результатов совмещения учебы и работы для социального и личностного развития обучающихся и выделением ряда функций вторичной занятости студенческой молодежи. Эмпирическую базу исследования составляют результаты авторских опросов студентов, совмещающих учебу и работу (2011 и 2017 гг.). В исследовании выявлена иерархия мотивов вторичной занятости студентов, где лидирующее значение имеют материальные мотивы, меньшую значимость – профессионально-ориентированные мотивы. Отмечены относительная устойчивость этой иерархии в последние годы и снижение значимости для работающих студентов раннего начала профессиональной карьеры. Обосновано разграничение прагматичных и профессионально-ориентированных мотивов вторичной занятости студентов. Установлены реализованность у многих работающих студентов их материальных ожиданий, проявляющая ведущую роль эконо-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-33-01001-ОГН «Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества» (ОГН-МОЛ-А2).

Для цитирования: Пасовец Ю.М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–199. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12

For citation: Pasovets Yu.M. Secondary employment of students as a factor in the professionalization and social integration of young people. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 183–199. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.12

мической функции занятости студентов; девальвация роли опыта вторичной занятости обучающихся как их конкурентного преимущества в сфере социально-трудовых отношений; непродуктивность выполняемой работы для профессионализации у большинства работающих студентов. Наряду с этим определено значимое влияние работы на формирование общей трудовой культуры у этой категории молодежи. Раскрыта необходимость усиления функции профессионализации в рамках вторичной занятости студентов, приведены практические рекомендации. Результаты исследования способствуют развитию теоретических представлений и накоплению эмпирических данных в области экономической социологии и социологии труда, социологии молодежи; могут быть востребованы в работе органов управления, служб занятости, образовательных учреждений профессионального образования.

Ключевые слова: занятость, вторичная занятость, трудовая деятельность, профессионализация, социальная интеграция, молодежь, студенческая молодежь, российское общество.

Введение

Структурные изменения российского рынка труда, связанные с его адаптацией к трансформациям экономической конъюнктуры посредством изменения цены труда и нарастающей деформализацией занятости [1, с. 9–15], непосредственно отражаются на интеграции молодого поколения россиян в систему социально-трудовых отношений общества, актуализируя необходимость исследования проблематики занятости и трудовой деятельности молодежи. В этом плане следует учитывать специфику транзитивного состояния российского социума, обусловленного продолжающейся трансформацией социальных институтов и практик. Ведущие российские исследователи отмечают его значимые характеристики: антиномичность общественного сознания, проявляющуюся в сосуществовании в обществе противоположных ценностей и моделей поведения (Ж.Т. Тощенко [2, с. 65]); усиление рисков социальной интеграции молодых людей, связанное с ее неопределенностью, асимметричностью и альтернативной направленностью (Ю.А. Зубок, В.И. Чупров [3, с. 56–69]); увеличение социальных дистанций между социальными слоями и группами в обществе, приводящее к напряжениям социального пространства и затрудняющее социальную мобильность (Л.А. Беляева [4, с. 9]) и др. Транзитивность социальных условий делает вероятными дисфункциональные проявления занятости: распространение неформальной и нелегальной занятости, дискриминации прав работников и др., которые могут отражаться и на интеграции молодежи в социально-трудовую сферу общества. На основе анализа эмпирических данных «Российского мониторинга

экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) П.М. Козырева и А.И. Смирнов обнаруживают ослабление у российской молодежи уверенности в своем положении на рынке труда, сокращение масштабов ее вторичной занятости, увеличение числа тех, кто готов к работе без оформления письменного трудового договора и на невыгодных условиях [5, с. 55–67]. Вместе с тем для современного российского общества молодежь выступает ключевым ресурсом как демографического [6], так и дальнейшего социального и экономического развития [7; 8], что делает необходимым формирование у большинства молодых россиян продуктивного опыта занятости и трудовой деятельности, реализации в трудовой деятельности сформированного профессионального потенциала.

В этом контексте представляется значимым обратиться к анализу роли вторичной занятости для жизнедеятельности студенческой молодежи, выстраивания ею жизненных планов и их реализации, получения профессионального образования и приобщения к профессиональной деятельности и др. Интерес к исследованию вторичной занятости студенческой молодежи как со стороны зарубежных, так и российских экономистов и социологов обусловлен постепенным расширением масштабов данного явления и неоднозначностью ее последствий для учебной деятельности, развития профессиональных компетенций и приобщения к профессии, социальной адаптации. Основы теоретического осмысления занятости студентов в период их обучения заложены в работах Р. Ryan (концепция перехода «учеба – работа» («school-to-work transition») [9]), М. Trow (концепция

трансформации высшего образования от элитарности к массовости [10]) и др. На протяжении 2000-х гг. осуществляются исследования специфики вторичной занятости студенческой молодежи и ее влияния на академическую успеваемость (М.-Р. Moreau, С.Р. Leathwood [11]; R. Hall [12]; С.М. Kalenkoski, S.W. Pabilonia [13]; P. Robert, E. Saar [14]; М.А. Ворона [15]; Ю.М. Пасовец [16] и др. [17]), результаты которых обнаруживают некоторые сходства в ведущих мотивах совмещения студентами учебы и работы, типах занятости, социальных проблемах этой категории молодежи независимо от страны проживания. Среди отечественных разработок этого периода отметим исследование, которое реализовано Д.Л. Константиновским, Г.А. Чередниченко и Е.Д. Вознесенской и в котором получили отражение многие из этих аспектов [18].

В современных зарубежных исследованиях данная проблематика получает свое дальнейшее развитие, выявляются взаимосвязи между занятостью и успеваемостью обучающихся в новых условиях, между социально-экономическим положением вторично занятых студентов и возможностями для их профессионального развития, повышения квалификации. Н. Simon, D. Casado и другие исследователи выявляют достаточно широкую распространенность регулярной оплачиваемой работы в течение длительного времени среди студентов испанских университетов, в которую в большей степени включены старшекурсники и лица с более высоким уровнем мотивации. При этом авторы отмечают, что в отличие от восприятий, выраженных обучающимися, регулярная работа не оказывает существенного влияния на их реальную академическую успеваемость [19]. Исследуя опыт неполной занятости британских студентов: типы такой занятости, ее мотивацию и проблемы, обусловленные совмещением работы и учебы, R. Hordosy, T. Clark и D. Vickers обнаруживают «двойной дефицит» вторичной занятости студентов, когда низкие доходы обучающихся вынуждают их подрабатывать, чтобы иметь дополнительные средства для продолжения обучения, и в то же время неполная занятость сдерживает как результат, так и их способность повышать квалификацию, необходимую для трудоустройства [20].

В последние три-пять лет иностранные авторы чаще обращаются к изучению влияния вторичной занятости студентов на их профессиональное образование и профессиональную карьеру, а также трудоустройство и уровень занятости после завершения учебного заведения. Изучая готовность к работе у студентов-менеджеров крупного австралийского университета, M. Chavan и L. Carter показывают, что стремление к совмещению работы на неполный рабочий день и учебы возникает у них к концу первого года обучения, а опыт такой занятости в сфере, соответствующей получаемой профессии, благоприятно влияет на понимание учебных предметов и повышение уровня успеваемости [21]. На примере австралийской молодежи D. Jackson и D. Collings, сравнив влияние на полную и неполную занятость выпускников двух форм практического опыта: обучения, интегрированного с работой («work-integrated learning» (WIL)), и оплачиваемой работы в последний год обучения, приходят к выводам об относительной пользе именно вторичной занятости обучающихся, обеспечивающей в итоге более высокий уровень полной занятости тем, кто имел оплачиваемую работу во время учебы [22; 23].

При рассмотрении современного состояния изучения данной темы следует отметить и ряд общероссийских и региональных исследований, в которых решается задача по характеристике социального положения молодежи и наряду с этим затрагиваются некоторые аспекты вторичной занятости студенческой молодежи. В работах уделяется внимание структурным параметрам вторичной занятости студентов: степени ее распространенности в среде студенческой молодежи, модальным видам экономической деятельности – и ее мотивации [24; 25, с. 97–98]; степени готовности к совмещению работы и учебы по очной форме обучения [26, с. 84–88]. Так, на основе данных «Мониторинга экономики образования» НИУ ВШЭ С.Ю. Рошин и В.Н. Рудаков выявляют массовый характер совмещения студентами вузов учебной деятельности и работы в современной России (более половины обучающихся в сфере высшего образования имеют опыт работы); выделяют ряд факторов, имеющих решающее значение для включения студентов в сферу вто-

ричной занятости, среди которых называются отсутствие финансовой поддержки со стороны семьи, желание приобрести опыт работы и др. [24, с. 159, 166–168]. При этом, как показывают данные региональных опросов работающих студентов, с повышением материального положения студента в системе мотивации вторичной занятости большее значение начинает приобретать стремление получить опыт работы [27, с. 101–102; 28, с. 77–78]. Лишь в некоторых исследованиях рассматриваемая тема является основным предметом изучения; в ряде случаев более подробно рассматриваются отдельные аспекты совмещения студентами учебы и работы: роль вторичной занятости обучающихся в их профессиональном становлении [29]; предпочтения студентов в типах занятости при совмещении учебы с работой и др. Достаточно распространены локальные опросы студентов на эту тематику на уровне отдельных университетов.

Оценивая степень изученности отдельных аспектов вторичной занятости студентов, следует отметить, что в большей степени внимание исследователей сосредоточено на выявлении мотивов этого вида занятости, то есть ее мотивационных аспектов; в меньшей степени – на характеристике структурных параметров занятости студенческой молодежи. Наряду с этим в большинстве случаев эта тема рассматривается на примере обучающихся образовательных организаций высшего образования, при этом для обозначения данной категории молодежи используется устоявшаяся в научном сообществе формулировка «студенты вузов». Вместе с тем зачастую остаются без должного внимания определение и анализ функциональных аспектов совмещения студентами очного обучения и работы, связанных с реализацией их ожиданий от занятости, достижением поставленных целей и получением возможных непреднамеренных результатов. С учетом этого, в настоящем исследовании предпринята попытка восполнить недостаток научных разработок в области этого актуального вопроса и обратиться к анализу роли вторичной занятости студентов в их профессионализации и социальной интеграции.

Цель данной работы – раскрыть на основе анализа эмпирических данных значение вторичной занятости для профессионализации и социальной интеграции студенческой молодежи

в современных российских условиях. Оригинальность постановки и решения этой задачи связана с рассмотрением мотивации занятости студентов в соотношении с достигнутыми результатами, реализацией ожиданий от занятости, с определением возможных результатов совмещения учебы и работы для социального и личностного развития обучающихся и выделением ряда функций вторичной занятости студенческой молодежи: социально-экономической; профессионализации; усиления конкурентоспособности; самопознания, самоопределения и самореализации; личностного развития и совершенствования личностного потенциала. Наряду с этим нами проводится разграничение прагматичных (получения опыта любой работы, поиска наиболее подходящей работы) и профессионально-ориентированных (накопления профессионального опыта, развития профессиональных компетенций и др.) мотивов вторичной занятости студентов.

Значимость представленной работы обусловлена необходимостью выявления характера влияния вторичной занятости на профессионализацию и социальную интеграцию молодежи, ее последствий для жизнедеятельности молодого поколения россиян. В условиях социальной трансформации предполагается неоднозначный характер воздействия занятости на социальную и профессиональную адаптацию студенческой молодежи, ее включение в систему социально-трудовых отношений и профессиональное развитие. В этом контексте становятся востребованными научное осмысление функциональных и дисфункциональных проявлений вторичной занятости студентов, в том числе связанных со снижением уровня успеваемости по месту учебы, приобретением негативного опыта взаимодействия с коллегами и руководством, девальвацией профессиональных ценностей и др., и поиск эффективных способов их нивелирования. Решение этих задач представляется важным в теоретическом и практическом плане.

Методология и методика исследования

Прежде всего поясним, что считаем возможным использовать понятие вторичной занятости для обозначения занятости в экономике применительно к обучающимся (студентам) очной формы обучения в образовательных учреждениях среднего профессионального и выс-

шего образования. В этом плане исходим из официальной позиции о том, что обучающиеся очной формы обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, включая обучение по направлению государственной службы занятости населения, являются занятыми¹. В данном случае их трудовая деятельность выступает в качестве дополнительной, или вторичной, занятости. Тем самым вторичная занятость студентов связана с совмещением молодыми людьми очной учебы и работы на постоянной или временной основе.

Рассмотрение вторичной занятости студенческой молодежи в контексте ее социальной интеграции, прежде всего интеграции в сферу труда и занятости, представляется значимым в силу неоднозначных результатов, последствий такого совмещения учебы и работы. С одной стороны, занятость во время учебы может быть продуктивной для студентов. Освоение и выполнение трудовых функций позволяет молодым людям реализовать свои способности, не ожидая получения диплома о профессиональном образовании, приобрести опыт и стаж работы, заработать собственные денежные средства, приобщиться к профессии и профессиональной деятельности при условии близости профиля получаемого образования и работы и т.д. С другой стороны, она может приводить к ряду проблем, труднопреодолимых для обучающихся. Включение в трудовую деятельность одновременно с осуществлением учебной деятельности предполагает более высокую физическую и психологическую нагрузку на студенческую молодежь, что нередко приводит к трудностям в учебе, снижению учебной успеваемости. Кроме того, в случае несовпадения профиля получаемого образования и имеющейся работы возможна потеря интереса к осваиваемой в учебном заведении профессии, девальвация ее личной ценности для студента.

С учетом этой неоднозначности необходимо акцентировать внимание на роли вторичной занятости студенческой молодежи для ее профессионализации. В понимании профессионализации мы исходим из ее трактовки в широком

смысле как приобщения к профессии и профессиональной деятельности, формирования профессиональных знаний, умений и компетенций, их апробации и реализации в практической деятельности, освоения ценностей и норм профессионального труда, совершенствования в профессиональной деятельности путем повышения квалификации и уровня профессионализма. При этом профессионализация в такой интерпретации понимается нами как составляющая социальной интеграции.

В нашем исследовании в качестве основных теоретико-методологических подходов к пониманию вторичной занятости студенческой молодежи выступают системный, структурно-функциональный, экономико-социологический и ресурсный. Использование системного подхода к предмету исследования позволяет ориентироваться и на построение общего описания изучаемого феномена, и на характеристику составляющих его элементов. Применение структурно-функционального подхода дает возможность обратиться к анализу взаимосвязи между этими элементами, рассматривать функциональность вторичной занятости, ее результативность с точки зрения реализации ожиданий, в контексте ее роли для профессионализации и социальной интеграции студентов. С позиции экономико-социологического подхода в исследовании решаются задачи выявления и описания мотивации вторичной занятости студенческой молодежи, оценки студентами своих «выгод», или своеобразных результатов, от включения в сферу занятости, проявляющих взаимосвязь между экономическим статусом и социальным положением. Ресурсный подход позволяет конкретизировать возможности, которые дает студентам совмещение учебы и работы.

Наряду с этим в теоретико-методологическом плане нами предлагается авторский подход к определению возможных результатов совмещения учебы и работы для социального и личностного развития студенческой молодежи и выделению соответствующих функций вторичной занятости студенческой молодежи. Мотивация занятости студентов рассматривается также в соотнесении с их субъективной оценкой реализации на практике этих ожиданий.

¹ О занятости населения в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 19.04.1991 г. № 1032-1. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

Эмпирическую базу исследования составляют результаты двух социологических опросов вторично занятых студентов (обучающихся образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, совмещающих учебу по очной форме обучения и работу) в образовательных учреждениях Курской области, проведенных нами в 2011 г. (N=130 человек) и в 2017 г. (N=150 человек)². Сбор эмпирических данных осуществлялся методом раздаточного анкетирования; опрос проходил по месту учебы респондентов.

Методика опросов отражает концептуальные положения исследования и содержит идентичные показатели, что позволяет осуществить корректное сопоставление данных в повторных опросах. В числе измеряемых показателей исследования — мотивы вторичной занятости студенческой молодежи, оценка результатов тру-

² При формировании выборки исследования исходили из отсутствия исчерпывающих данных об объеме и структуре генеральной совокупности исследуемого эмпирического объекта вследствие достаточно широкой распространенности среди работающих студентов неформальной занятости и необходимости сформировать картину вторичной занятости студентов, обучающихся по направлениям подготовки, представленным в профессиональных образовательных организациях региона. Выборка исследования формировалась как многоступенчатая: отбор учебных заведений с различающимися направлениями подготовки (в 2017 г. — тот же выбор), самих направлений подготовки, курсов обучения и групп с последующим сплошным опросом в отобранных группах студентов, совмещающих учебу по очной форме обучения и постоянную и временную работу. В опросах приняли участие обучающиеся по программам высшего образования: студенты Курского государственного университета, Курского государственного медицинского университета, Регионального открытого социального института; по программам среднего профессионального образования: учащиеся Курского торгово-экономического колледжа (с 2015 г. в структуре КГУ Колледж коммерции, технологии и сервиса), Медико-фармацевтического колледжа (с 2012 г. в структуре КГМУ), Курского колледжа культуры. Структура выборки исследования по уровню получаемого образования: в 2011 г. 76,9% — обучающиеся по программам высшего образования и 23,1% — по программам среднего профессионального образования; в 2017 г. 76,7 и 23,3% соответственно. Структура выборки по источникам финансирования обучения респондентов: в 2011 году 74,7% обучались за счет бюджетных средств и 25,3% — внебюджетных; в 2017 г. — 70,0 и 30,0% соответственно. Возраст респондентов — от 17 до 23 лет. Структура выборки по полу: в 2011 г. — 39,2% мужчин и 60,8% женщин; в 2017 г. — 37,7 и 62,3% соответственно.

довой деятельности как реализации ожиданий от занятости, оценка значимости нынешней работы для овладения будущей профессией и др.

Результаты исследования и их анализ

Как показывают результаты опроса 2017 г., в настоящее время для большинства студентов, совмещающих учебу и работу (78,0%), ключевым мотивом занятости является стремление приобрести материальную самостоятельность, заработать собственные деньги. Около трети из них мотивированы на работу как на возможность оказывать материальную помощь своим родителям. Незначительная часть студентов вынуждена работать из-за необходимости получения дополнительных средств для оплаты профессионального обучения.

Для трети (32,0%) работающих студентов мотивирующим фактором включения в сферу занятости выступает стремление приобрести опыт работы для последующего трудоустройства. Каждый десятый из этой категории молодежи работает руководствуясь желанием найти наиболее подходящую работу путем апробации разных видов трудовой деятельности (см. табл. 1). Здесь отметим, что считаем значимым разграничение таких мотивов вторичной занятости студентов, как стремление получить опыт работы, возможно, по профессии, не связанной с получаемой профессией, и желание накопить профессиональный опыт в сфере деятельности, близкой к направлению профессиональной подготовки. Мотивы получения опыта работы и поиска наиболее подходящей работы напрямую не связаны с профессионализацией (но и не исключают ее), поэтому их можно назвать в большей степени прагматичными, чем профессионально-ориентированными.

Для пятой части (22,7%) вторично занятых студентов их работа оказывается способом развития своей общей и профессиональной культуры, совершенствования знаний, практических умений, компетенций. Примерно такое же количество (19,3%) работающих студентов хотят накопить профессиональный опыт, чтобы сократить период адаптации к работе после окончания учебного заведения. Только каждый десятый обучающийся совмещает учебу и работу, мотивируясь желанием раньше начать свою

Таблица 1. Мотивы вторичной занятости студенческой молодежи (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	2011 г.	2017 г.
Желание быть материально независимыми, иметь свои деньги	86,9	78,0
Необходимость получить опыт работы для дальнейшего трудоустройства	34,6	32,0
Стремление материально помочь родителям	33,1	28,7
Стремление занять свободное время	31,5	27,3
Потребность в развитии своих способностей	21,5	22,7
Желание накопить профессиональный опыт, чтобы сократить период адаптации к работе	20,8	19,3
Желание как можно раньше начать профессиональную карьеру	20,0	10,0
Желание расширить свои знания, приобрести общекультурные и профессиональные умения	18,5	22,7
Стремление расширить круг знакомых	11,5	8,0
Желание создать свое дело, бизнес	10,0	11,3
Необходимость платить за учебу	8,5	5,3
Желание познакомиться во время учебы в вузе с разными видами работ и выбрать ту, которая больше подходит на роль постоянной работы	7,7	10,0
Духовная потребность в работе	6,9	9,3
Другое («для семейного бюджета с мужем», «необходимость обеспечивать дочь», «сложившаяся жизненная ситуация (рождение ребенка)»; «необходимость платить за второе высшее образование»)	2,3	0,7
Всего	313,8	285,3
* Допускалось отметить несколько вариантов ответа. Источники: данные авторских опросов вторично занятых студентов, Курская область, 2011 и 2017 гг.		

профессиональную карьеру. Исходя из того, что эти мотивы связаны с приобщением к профессии и профессиональной деятельности, их можно отнести к профессионально-ориентированным.

Значимые по численности группы студентов воспринимают работу как возможность заполнить свободное время (27,3%) и средство развития своих способностей (22,7%). Меньшее количество работающих студентов связывают свою занятость с желанием реализовать себя в предпринимательской деятельности, организовать свой бизнес, с духовной потребностью в работе или стремлением расширить свои социальные связи.

Анализируя мотивацию вторичной занятости студентов в динамике 2011–2017 гг., можно говорить о двух ее особенностях. Во-первых, наблюдается относительная устойчивость иерархии мотивов с сохранением лидирующего значения материальных, или экономических, мотивов и несколько меньшей значимости профессиональных мотивов, то есть ориентированных на профессионализацию. Во-вторых, отмечается сокращение доли студентов, которые, начиная работать в период обучения, стремятся к раннему началу профессиональной карьеры.

С учетом значительной распространенности у работающих студентов материальных и профессиональных ожиданий от занятости представляется важным соотнести мотивы вторичной занятости студенческой молодежи и те возможности, которые открыла для них работа, а также рассмотреть, насколько ожидания от трудовой деятельности смогли реализоваться на практике. При этом особый исследовательский интерес вызывает ответ на вопрос о том, какую роль, по мнению вторично занятых студентов, имеет приобретенный ими опыт работы для их дальнейшей профессионализации и профессиональной адаптации.

Здесь следует отметить, что в литературе для осмысления социальных явлений и процессов употребляется выражение «коридор возможностей», под которым понимаются те преимущества, которые предоставляет та или иная социальная практика. Исходя из специфики трудовой деятельности и особого социального статуса работающих студентов, нами был представлен так называемый коридор возможностей, открывающихся для студенческой молодежи посредством вторичной занятости. В его рамках отдельные «выгоды» сгруппированы в две условные категории: социальные, включая

экономические и профессиональные возможности, и возможности развития личностного потенциала.

К числу возможных для студентов социальных приобретений от включения в сферу труда и занятости можно отнести:

- знакомство с содержанием профессии, включение в профессиональное сообщество, установление деловых связей (приобщение к профессии и профессиональному сообществу; возможность общения с коллегами, более опытными и квалифицированными специалистами);

- формирование и совершенствование профессиональных компетенций, знаний и умений (умение компетентно, качественно выполнять свою работу, развитие знаний по профессии);

- получение конкурентных преимуществ при дальнейшем трудоустройстве, профессиональной адаптации и построении карьеры (преимущество перед другими выпускниками учебного заведения, не имеющими опыта работы, при дальнейшем трудоустройстве на другую работу; возможность после окончания учебного заведения быстрее включиться в работу по сравнению с другими выпускниками или быстрее продвигаться по карьерной лестнице);

- приобретение материальной независимости, получение источника средств к существованию (возможность иметь собственные деньги).

Предполагаемыми возможностями развития личностного потенциала молодежи в процессе трудовой деятельности можно считать:

- самопознание себя и своего потенциала (открытие для себя своих способностей и возможностей);

- социальное самоопределение (осознание своего социального положения в обществе);

- развитие общекультурных компетенций, значимых для целеполагания и достижения целей, конструирования жизненного пути (умение планировать свою жизнь, ставить жизненные цели; умение выбирать нужные средства для достижения своих целей);

- развитие значимых личностных качеств, в том числе необходимых в профессиональной деятельности (формирование необходимых для работника личностных качеств: ответственности, дисциплинированности и др.);

- самореализация (возможность реализовать свои интересы и склонности).

При этом с профессиональным развитием молодежи оказываются связанными такие возможности, как знакомство с содержанием профессии, включение в профессиональное сообщество, установление деловых связей; формирование и совершенствование профессиональных компетенций, знаний и умений, ориентированные непосредственно на профессионализацию и профессиональную адаптацию; а также развитие личностных качеств, необходимых в профессиональной деятельности; получение конкурентных преимуществ при дальнейшем трудоустройстве, профессиональной адаптации и построении карьеры.

Оценивая роль работы для достижения цели материальной независимости и получения личных денег, в настоящий момент большая часть работающих студентов (69,3%) отмечают, что трудовая деятельность является для них источником собственных денежных средств (табл. 2).

В целом можно говорить о том, что для основной части студентов, имеющих материальные мотивы трудовой деятельности, работа позволяет их реализовать. Значительная часть работающих студентов считают, что их трудовая деятельность позволяет им познакомиться с содержанием профессии и приобщиться к профессиональному сообществу (31,3%), а также общаться с коллегами, более опытными и квалифицированными специалистами (24,0%). В плане развития профессионально значимых умений многие студенты отмечают благоприятное влияние работы на развитие у них умения компетентно, качественно выполнять свою работу, знаний по профессии (24,7%). Говоря о социальных приобретениях от участия в трудовом процессе, связанных с получением конкурентных преимуществ в сфере труда, более десятой части студентов (13,3%) полагают, что опыт работы даст им возможность после окончания учебного заведения быстрее включиться в работу или быстрее продвигаться по карьерной лестнице, чем другим выпускникам, у которых его нет. Такая же часть студентов (10,0%) придерживаются мнения, что у них, благодаря опыту работы, будет преимущество перед другими выпускниками учебного заведения, не имеющими его, при дальнейшем трудоустройстве на иную работу (см. табл. 2).

Таблица 2. Мнение студентов о влиянии их трудовой деятельности на расширение своих социальных возможностей и развитие личностного потенциала (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	2011 г.	2017 г.
Возможность иметь собственные деньги	76,2	69,3
Открытие для себя своих способностей и возможностей	39,2	45,3
Умение планировать свою жизнь, ставить жизненные цели	33,1	36,0
Возможность реализовать свои интересы и склонности	30,8	30,0
Возможность после окончания учебного заведения быстрее включиться в работу (по сравнению с другими выпускниками) или быстрее продвигаться по карьерной лестнице	28,5	13,3
Формирование необходимых для работника личностных качеств (ответственности, дисциплинированности и др.)	27,7	33,3
Осознание своего социального положения в обществе	24,6	18,0
Умение компетентно, качественно выполнять свою работу, знания по профессии	24,6	24,7
Возможность общения с коллегами, более опытными и квалифицированными специалистами	24,6	24,0
Приобщение к профессии и профессиональному сообществу	23,8	31,3
Умение выбирать нужные средства для достижения своих целей	23,1	16,0
Преимущество перед другими выпускниками учебного заведения, не имеющими опыта работы, при дальнейшем трудоустройстве на другую работу	19,2	10,0
Другое («возможность жить независимо от родителей»); («общение с разными людьми в разных ситуациях», «поддержание практического опыта», «усталость, недосып»)	0,8	2,0
Ничего не дала работа	–	0,7
Всего	376,2	354,0
* Допускалось отметить несколько вариантов ответа.		
Источники: данные авторских опросов вторично занятых студентов, Курская область, 2011 и 2017 гг.		

Тем самым, судя по оценке самих вторично занятых студентов, среди социальных возможностей, которые дает им работа, на первый план выходят экономические «выгоды», связанные с получением собственных финансовых средств.

Что касается возможностей для личностного развития в процессе трудовой деятельности, то основная часть работающих студентов считают, что работа позволила им осознать свой потенциал (45,3%) и предоставила условия для реализации своих интересов и способностей (30,0%). Помимо этого, для трети студентов (36,0%) работа выступает сферой жизнедеятельности, где происходит развитие их умений планировать свою жизнь, ставить жизненные цели. Также в процессе труда многие из этой категории молодежи (16,0%) учатся выбирать нужные средства для достижения своих целей. Треть работающих студентов (33,3%) отмечает у себя формирование необходимых для работника личностных качеств: ответственности, дисциплинированности и др. В целом каждый четвертый из числа вторично занятых студентов

(18,0%) считает, что опыт работы имеет значение для осознания своего социального положения в обществе.

Если рассматривать в целом оценки работающими студентами возможностей развития личностного потенциала, которые открывает перед ними трудовая деятельность, то для наибольшего числа этой категории молодежи работа становится источником для самопознания себя и своего потенциала, предоставляет возможности для развития общекультурных компетенций, значимых для целеполагания и достижения целей, конструирования жизненного пути, формирования востребованных личностных качеств.

Рассматривая динамику оценок студентами возможных «выгод» от трудовой деятельности за 2011–2017 гг., можно выделить несколько ее особенностей. Во-первых, также можно говорить об относительной стабильности так называемого коридора возможностей вторичной занятости для студентов, где наиболее распространены приобретениями являются материальные (получение денежного дохода),

личностные (осознание своих возможностей и самореализация) и менее – профессиональные (приобщение к профессиональной деятельности и профессиональному сообществу). Во-вторых, судя по оценкам опрошенных, за этот период в студенческом сознании произошла переоценка роли вторичной занятости в контексте ее конкурентных преимуществ. По сравнению с 2011 г. к 2017 г. доли тех, кто выбрал эти ответы, сократились: с 28,5 до 13,3% для оценки вторичной занятости как конкурентного преимущества для профессиональной адаптации и построения карьеры; с 19,2 до 10,0% – как конкурентного преимущества при дальнейшем трудоустройстве.

В связи с этим считаем необходимым проанализировать оценку работающими студентами роли занятости для профессионализации и профессиональной адаптации. Конкретизировать значение работы для приобщения студентов к профессии позволяют данные наших опросов, отражающие оценку студентами, совмещающими учебу и работу, влияния опыта работы на формирование у них представлений о профессии и профессиональной деятельности (табл. 3).

В настоящее время подавляющее большинство работающих студентов (83,3%) считают, что полученный ими опыт работы имеет значение для формирования у них представлений о тех или иных аспектах трудовой и профессиональной деятельности. Так, около половины

вторично занятых студентов (48,7%) полагают, что работа позволила им понять особенности взаимоотношений между коллегами, делового общения. Многие опрошенные (41,3%) заявляют о значимом влиянии опыта работы на расширение своих представлений о принципах отношений между руководителями и подчиненными.

Значительная часть студентов, совмещающих учебу и работу, благодаря своей трудовой деятельности, стали четко понимать и требования работодателя к личным качествам и профессиональной компетентности работника (26,0%), и содержание профессиональной деятельности, профессиональных обязанностях (38,0%). Только некоторым студентам удалось в процессе работы сформировать более четкие представления о возможностях и ограничениях своего должностного продвижения в организации по месту работы (7,3%) и профессионального развития (5,3%).

Обращает на себя внимание тот факт, что только около 40,0% работающих студентов отмечают влияние своей работы на развитие у себя представлений о содержании профессии и профессиональной деятельности. Одними из причин этого оказываются занятость студентов в тех сферах, которые зачастую не совпадают с осваиваемой в образовательном учреждении профессией, и в сфере низкоквалифицированного труда. Так, в настоящее время лишь у трети студентов (32,0%) профиль их работы связан с

Таблица 3. Оценка студентами влияния опыта работы на формирование у них представлений о профессии и профессиональной деятельности (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	2011 г.	2017 г.
Работа позволила сформировать более четкое представление: Об особенностях взаимоотношений между коллегами, деловом общении	55,0	48,7
О принципах отношений между руководителями и подчиненными	42,0	41,3
О требованиях работодателя к личным качествам и профессиональным знаниям и умениям работника	41,0	26,0
О профессиональных обязанностях или содержании профессиональной деятельности	25,0	38,0
О возможностях и ограничениях Вашего карьерного роста (продвижения по должности) в организации	15,0	7,3
О возможностях и ограничениях развития Вашего профессионального мастерства в организации	11,0	5,3
Нет, данная работа не сыграла никакой роли в формировании Ваших представлений о трудовой деятельности	15,0	16,7
Всего	204,0	183,3
* Допускалось отметить несколько вариантов ответа.		
Источники: данные авторских опросов вторично занятых студентов, Курская область, 2011 и 2017 гг.		

направлением профессионального обучения (в 2011 г. их насчитывалось 44,6%). Большая часть этой категории представлена обучающимися по инженерно-техническим (они работают системными администраторами, инженерами технической поддержки, разработчиками сайтов и др.), экономическим и сервисным (становятся менеджерами, бухгалтерами, кредитными специалистами, администраторами и др.), педагогическим (они – репетиторы, вожатые, педагоги-организаторы и др.) и физкультурно-спортивным (заняты в качестве тренеров, инструкторов) направлениям подготовки. В меньшей степени занятость в сфере будущей профессии характерна для обучающихся по гуманитарным направлениям подготовки (где вероятно высокая конкуренция) и медицинским и фармацевтическим специальностям (где требуется подтвержденная дипломом квалификация). Однако сейчас основная часть вторично занятых студентов (68,0%) работают в сферах экономики, не связанных с направлениями их профессионального обучения, и их труд не требует высокой квалификации (продавец-консультант, менеджер по продажам, мастер маникюра/ногтевого сервиса, промоутер, водитель и др.) или относится к неквалифицированному (разнорабочий, сторож, клинер/уборщик, диспетчер, курьер и др.).

В этом контексте становится понятной поляризованность мнения занятых в экономике студентов относительно полезности их нынешней работы для овладения профессией, по которой они обучаются в образовательном учреждении среднего профессионального и высшего образования (табл. 4).

Таблица 4. Мнение студентов о полезности их нынешней работы для овладения осваиваемой в учебном заведении профессией (в % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	2011 г.	2017 г.
Да	25,4	10,7
Скорее да, чем нет	18,5	22,0
Трудно сказать точно	11,4	9,3
Скорее нет, чем да	15,4	16,7
Нет	28,5	41,3
Отказ от ответа	0,8	–
Всего	100,0	100,0

Источники: данные авторских опросов вторично занятых студентов, Курская область, 2011 и 2017 гг.

Это означает, что в зависимости от того, насколько результативной для освоения будущей профессии может быть их работа, студенты разделились на две значительные по численности категории: тех, кто считает свою работу полезной для овладения получаемой профессией, и тех, кто придерживается иного мнения.

Давая общую оценку значимости их настоящей трудовой деятельности для овладения будущей профессией, только треть работающих студентов (32,7%) утверждают, что она окажется полезной для этих целей (см. табл. 4). Такое мнение высказывают большинство тех, кто занят в сфере будущей профессии (62,5% от численности этой категории), и менее пятой части тех, у кого эти профили не совпадают (18,6% от численности категории). По сравнению с уровнем 2011 г. это соотношение существенно не изменилось (74,1 и 19,4% соответственно).

Между тем большая же часть опрошенных (58,0%) считают, что опыт их нынешней работы не будет востребован в процессе овладения профессией, по которой они обучаются в образовательном учреждении. Эту категорию составляют в основном те, у кого работа не связана с получаемым образованием (73,6% от численности категории в 2017 г. и 68,1% – в 2011 г.); однако такого мнения придерживается и часть студентов, занятых в сфере осваиваемой профессии (25,0% от численности категории в 2017 г. и 13,8% – в 2011 г.). Отсюда в динамике 2011–2017 гг. наблюдается сокращение числа тех, кто уверен в востребованности опыта нынешней работы для будущей профессии, и увеличение доли студентов, убежденных в обратном. Эти изменения вызваны ростом занятости студентов в сфере услуг и продаж и усилением разрыва между профилем получаемого образования и доступной работы.

Как в 2011 г., так и в 2017 г. подавляющее большинство работающих студентов признают благоприятное влияние занятости на формирование своей трудовой культуры и значительно меньшее их число – на развитие профессиональной культуры (см. табл. 3). В большей степени это относится к развитию представлений молодежи о деловых отношениях и общении как компонентов культуры труда, в меньшей – о содержании профессии и профессиональной деятельности как составляющей профессиональной культуры. Что касается роли вторич-

ной занятости для формирования представлений студенческой молодежи о возможностях выстраивания карьерных и профессиональных траекторий в конкретной организации, то в настоящий момент эта роль минимальна и снизилась за последнее время.

Обсуждение результатов

Предпринятое нами обращение к выявлению и анализу социальных и личностных приобретений студентов от трудовой деятельности позволяет охарактеризовать функциональные аспекты их вторичной занятости, рассматривая её как фактор профессионализации и социальной интеграции современной молодежи. Как показал анализ данных наших опросов, многие занятые в экономике студенты отмечают, что работа раскрывает перед ними такие возможности, как формирование и совершенствование профессиональных компетенций, знаний и умений; развитие личностных качеств, необходимых в профессиональной деятельности; а также знакомство с содержанием профессии, включение в профессиональное сообщество, установление деловых связей; получение конкурентных преимуществ при дальнейшем трудоустройстве, профессиональной адаптации и построении карьеры. Эти возможности, связанные как с содержательными аспектами профессиональной и трудовой деятельности, так и с ее формальными сторонами, в целом, по оценкам этой части студентов, способствуют их профессиональной адаптации и повышают конкурентоспособность на рынке труда.

Исходя из нашей позиции в вопросе определения возможных результатов совмещения учебы и работы для социального и личностного развития студенческой молодежи, предлагаем выделять следующие функции вторичной занятости студентов.

В социальном плане:

- социально-экономическую, выражающуюся в получении дохода и достижении материальной самостоятельности, последнее позволяет расширить обозначение этой функции и использовать ее определение как социально-экономической (а не только экономической);
- профессионализации, связанной с приобретением к профессии и профессиональной деятельности, профессиональному сообществу, а также с развитием профессиональных знаний и компетенций, формированием профессиональной компетентности;

- усиления конкурентоспособности, предполагающего получение конкурентных преимуществ при трудоустройстве, выполнении трудовых функций и карьерном росте по сравнению с другими студентами и выпускниками.

В личностном плане:

- функцию самопознания, самоопределения и самореализации, проявляющуюся в открытии для себя своих способностей и потенциала, их реализации, осознании своего социального положения и статуса;
- личностного развития и совершенствования личностного потенциала, что связано с развитием значимых личностных качеств и общекультурных компетенций по целеполаганию и целедостижению, конструированию своего жизненного пути.

Полагаем, что предложенный нами спектр функций вторичной занятости студенческой молодежи, связанных с ее влиянием на жизнедеятельность этой категории молодого поколения, не исчерпывает всех ее функциональных проявлений и может быть дополнен в последующих научных разработках. При этом наш подход позволяет рассматривать значимые для авторского исследования аспекты совмещения студентами учебы и работы, связанные с выявлением роли вторичной занятости студенческой молодежи для ее профессионализации и социальной интеграции.

Наряду с этим, в отличие от предшествующих разработок, предлагаем рассматривать мотивацию занятости студентов во время обучения в соотношении с достигнутыми результатами, их субъективной оценкой самими работающими студентами, ожидания от занятости с их реализацией. Такой подход позволяет выявить социальный и личный эффект вторичной занятости студентов. Здесь подчеркнем специфику социальных приобретений от совмещения учебы и работы и их изменения за последние годы, выявленную в нашем исследовании.

Во-первых, эмпирические данные опросов, проведенных нами, показывают, что у большей части работающих студентов материальные ожидания оказываются реализованными, и по сравнению с другими «выгодами» от занятости это сохраняет первостепенное значение для студенческой молодежи, ее социальной интеграции. Результаты нашего исследования, их сопоставление с данными других исследований

[19; 20; 24; 25; 28] свидетельствуют о ведущей роли социально-экономической функции вторичной занятости для студентов как в России, так и в зарубежных странах в настоящее время.

Во-вторых, если учитывать отражение в субъективных оценках объективного состояния процессов, то следует говорить о том, что за последние годы снизился потенциал конкурентоспособности опыта вторичной занятости для студентов, и это нашло отражение в соответствующих мнениях респондентов, результатах наших опросов. Предполагаем, что основным фактором такого процесса стало массовое распространение совмещения учебы и работы среди студенческой молодежи. Как показывают данные общероссийских и региональных опросов, более половины студентов заняты в экономике на постоянной и временной основе [24, с. 159; 25, с. 97–98; 28, с. 65]. В этой ситуации наличие опыта работы может терять роль именно конкурентного преимущества, оставаясь при этом зачастую необходимым ресурсом для трудоустройства после завершения профессионального обучения.

В-третьих, несмотря на возрастающую общественную потребность в повышении уровня профессиональной компетентности выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования, наличия у них практического опыта работы по профессии, доля работающих студентов, отмечающих продуктивность своей работы для профессионализации, не превышает треть. Главной причиной такой ситуации выступает усиление разрыва между профилем получаемого образования и той работы, которую выполняют студенты, совмещая учебу и работу. Здесь следует учитывать, что во многом решение вопроса о трудоустройстве студентов в сфере будущей профессии зависит и от работодателя, его готовности предоставить такое рабочее место, и от квалификационных требований самой трудовой деятельности. В этом плане студенческой молодежи, не обладающей еще необходимым опытом работы и квалификацией, ограниченной основной занятостью по месту учебы, предлагаются вакансии в сфере неквалифицированного труда, с неполным рабочим днем, без официального оформления трудовых отношений и т.п. Многие студенты, желая иметь собственные деньги уже сегодня, соглашаются на эту рабо-

ту и условия труда, однако такая занятость не только не способствует их профессионализации, но и создает риски их прекаризации. Прекарная занятость, характеризуя неустойчивое, нестабильное положение работника на рынке труда и отсутствие у него гарантий занятости [30, с. 6; 31, с. 101], наибольший риск вхождения в нее несет для молодежи в возрасте до 23 лет [32, с. 38], что соотносится с возрастом большинства студентов. Помимо этого возникают угрозы распространения в молодежной среде практики выбора работы с более низкими требованиями к накопленному потенциалу, или «сверхквалификации» [33, с. 163], нереализованности в трудовой деятельности когнитивного и творческого потенциала [34, с. 92].

Вместе с тем для подавляющего большинства вторично занятых студентов их работа оказывается важным средством формирования трудовой культуры в целом, их представлений о деловых взаимоотношениях и общении. Полученные результаты проявляют необходимость усиления функции вторичной занятости студентов, связанной с их профессионализацией, и создания для этого соответствующих условий как со стороны образовательных учреждений профессионального образования, так со стороны органов управления.

Проанализировав современные практические разработки зарубежных и отечественных авторов по решению этой проблемы [21; 22; 25; 28], полагаем, что в большей степени выполнению обозначенной задачи будет способствовать реализация на практике следующих рекомендаций:

- создание единой специализированной базы вакансий для студентов, желающих совмещать учебу и работу, на уровне региональных служб занятости, возможно, с использованием ресурсов электронного правительства;

- привлечение работодателей к взаимодействию с профессиональными организациями для совместной разработки стратегий занятости студентов и выпускников, формирования предложения рабочей силы по имеющимся в учебном заведении направлениям подготовки, а также к развитию института учебно-производственной стажировки, когда у обучающихся имеется возможность осуществления трудовой деятельности в сфере осваиваемой профессии;

– продолжение практики проведения на базе профильных образовательных организаций ярмарок вакансий, презентаций профессий, мастер-классов, практических конференций и других профессионально-ориентированных мероприятий с участием потенциальных работодателей.

Наряду с этим для усиления связи вторичной занятости студентов с их профессионализацией и интеграцией в сферу труда и занятости можно признать эффективность таких мер, как:

– со стороны государства: разработка и внедрение финансовых стимулов и субсидирования для организаций, которые предоставляют рабочие места студентам по профилю будущей профессии и сотрудничают с профессиональными учреждениями (университетами, колледжами и др.);

– со стороны образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования: активизация взаимодействия с потенциальными работодателями, поиск и предоставление студентам вакансий по профилю получаемого образования, создание собственных служб (отделов, кадровых агентств, бирж труда) содействия занятости студентов, консультационная поддержка студентов при трудоустройстве;

– также со стороны профессиональных образовательных организаций: внедрение практики материального и морального поощрения студентов, занятых по профилю получаемого образования;

– распространение практики организации образовательных кластеров, включающих образовательные учреждения с образовательными программами среднего профессионального (подготовка квалифицированных рабочих, служащих и подготовка специалистов среднего звена) и высшего образования, в рамках которых осуществляется взаимодействие с организациями и предприятиями.

Заключение

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты позволяют представить неоднозначность роли вторичной занятости для развития личностного потенциала, социальной и профессиональной адаптации современной студенческой молодежи. С одной стороны, реализация материальных ожиданий, имеющих приоритетный характер, формирование представлений о взаимоотношениях между

субъектами труда и др. являются значимыми социально-экономическими и личностными приобретениями для большинства работающих студентов. С другой стороны, возможности профессионализации и наращивания своего профессионализма в процессе совмещения учебы и работы остаются нереализованными у основной части занятых в экономике студентов. В этом плане на сегодняшний день можно говорить о значимом влиянии вторичной занятости студентов на формирование их общей трудовой культуры и необходимости усиления ее функции профессионализации, которая будет способствовать развитию профессиональной культуры этой категории молодежи.

Результаты нашего исследования, связанные с разработкой социологической концепции интеграции молодежи в сферу труда и занятости и представленные в данной работе, способствуют развитию теоретических представлений и накоплению эмпирических данных в области экономической социологии и социологии труда, социологии молодежи. Нами предпринята попытка соотнести ожидания от занятости студентов с достигнутыми результатами, определить ее потенциал для социального и личностного развития обучающихся и выделить ряд ее функций: социально-экономическую; профессионализации; усиления конкурентоспособности; самопознания, самоопределения и самореализации; личностного развития и совершенствования личностного потенциала. Также представляется важным обоснование различий между прагматичными (получение опыта любой работы, поиск наиболее подходящей работы) и профессионально-ориентированными (накопление профессионального опыта, развитие профессиональных компетенций и др.) мотивами вторичной занятости студентов.

Полученные результаты могут быть востребованы в практической работе органов управления, служб занятости, образовательных учреждений профессионального образования как необходимая информационная основа для регулирования взаимодействия системы образования и рынка труда с целью сокращения разрыва между профилями получаемого образования и выполняемой студентами работы, формирования у них практического опыта работы по профессии, активизации адаптационного потенциала студенческой молодежи.

Литература

1. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / В.Е. Гимпельсон и др.; под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, С.Ю. Рощина. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с.
2. Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 63–72.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Рос. акад. наук, Ин-т социал.-полит. исслед. М.: Academia, 2008. 272 с.
4. Беляева Л.А. Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // Философские науки. 2014. № 6. С. 8–21.
5. Козырева П.М., Смирнов А.И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 15. М.: Новый хронограф, 2017. С. 49–71.
6. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 36–57. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.2
7. Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Стризов А.Л. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 130–149. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.7
8. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / А.А. Шабунова и др.; отв. ред. А.А. Шабунова. Вологда: Ин-т социал.-эконом. развития территорий РАН, 2013. 148 с.
9. Ryan P. The school-to-work transition: a cross-national perspective. *Journal of Economic Literature*, 2001, vol. 39, no. 1, pp. 34–92.
10. Trow M. From mass higher education to universal access: the American advantage. *Minerva*, 2000, vol. 37, no. 4, pp. 303–328.
11. Moreau M.-P., Leathwood C. Graduates' employment and the discourse of employability: a critical analysis. *Journal of Education and Work*, 2006, vol. 19, no. 4, pp. 305–324.
12. Hall R. The work – study relationship: experiences of full-time university students undertaking part-time employment. *Journal of Education and Work*, 2010, vol. 23, no. 5, pp. 439–449.
13. Kalenkoski C.M., Pabilonia S.W. Parental transfers, student achievement, and the labor supply of college students. *Journal of Population Economics*, 2010, vol. 23, no. 2, pp. 469–496.
14. Robert P., Saar E. Learning and working: the impact of the “double status position” on the labour market entry process of graduates in CEE countries. *European Sociological Review*, 2012, vol. 28, no. 6, pp. 742–754.
15. Ворона М.А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 106–115.
16. Пасовец Ю.М. Мотивы вторичной занятости студентов // Человек и труд. 2011. № 12. С. 25–28.
17. Школа жизни: работа и учеба студентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 3. С. 141–147.
18. Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. Российский студент сегодня: учеба плюс работа / Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Мин-во образования Рос. Федерации, Центр социол. исслед. М.: Изд-во ЦСИ, 2002. 128 с.
19. Simon H., Casado D., Jose M., Castejon C., Juan L. Analysis of university student employment and its impact on academic performance. *Electronic Journal of Research in Educational Psychology*, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 281–306.
20. Hordosy R., Clark T., Vickers D. Lower income students and the “double deficit” of part-time work: undergraduate experiences of finance, studying and employability. *Journal of Education and Work*, 2018, vol. 31, no. 4, pp. 353–365.
21. Chavan M., Carter L. Management students – expectations and perceptions on work readiness. *International Journal of Educational Management*, 2018, vol. 32, no. 5, pp. 825–850.
22. Jackson D., Collings D. The influence of work-integrated learning and paid work during studies on graduate employment and underemployment. *Higher Education*, 2018, vol. 76, no. 3, pp. 403–425.

23. Jackson D. Developing graduate career readiness in Australia: shifting from extra-curricular internships to work-integrated learning. *Asia-Pacific Journal of Cooperative Education*, 2018, vol. 19, no. 1, pp. 23–35.
24. Рошин С.Ю., Рудаков В.Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152–179.
25. Доклад о положении молодежи Республики Башкортостан: коллективная монография / Н.М. Лавренюк и др.; под ред. Н.М. Лавренюк. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 214 с.
26. Социологический портрет молодежи Ростовской области: коллективная монография / М.Ю. Барбашин и др.; отв. ред. Ю.Г. Волков; Рос. акад. наук, Южнорос. филиал Ин-та социологии, Ком. по молодеж. политике Ростов. области, Южный федерал. ун-т. Рн/Д.: Изд-во Март, 2012. 342 с.
27. Пасовец Ю.М. Работа в жизни российской молодежи: монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. 136 с.
28. Сафиуллина Ф.Р., Нагимова А.М. Трудовая занятость современной студенческой молодежи. Казань: Казанская недвижимость, 2015. 164 с.
29. Цылев В.Р., Маринина О.В. Роль вторичной занятости в профессиональном становлении студентов // Социология образования. 2010. № 2. С. 42–57.
30. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
31. Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
32. Повышенные риски неустойчивой занятости для отдельных групп населения / В.Н. Бобков, Н.В. Локтюхина, В.Г. Квачев, Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 36–44. DOI: 10.12737/article_5a3c34a2f347a6
33. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Молодежь в дискурсе современных социологических исследований: региональный аспект // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 154–174. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-154-174
34. Шабунова А., Леонидова Г., Устинова К. Трудовой потенциал современной России: старые тренды, новые вызовы // Общество и экономика. 2017. № 10. С. 79–94.

Сведения об авторе

Юлия Михайловна Пасовец — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Pasovets Yu.M.

Secondary Employment of Students as a Factor in the Professionalization and Social Integration of Young People

Abstract. The relevance of research on the secondary employment of students is emphasized by the necessity to study its mixed impact on the professionalization and social integration of young people in the Russian society. The goal of this article is to clarify the meaning of secondary employment for the professionalization and social integration of young people in modern Russia on the basis of empirical data analysis. Originality of the problem statement and its solution are due to the fact that we consider students' employment motivation in relation to the results achieved, realization of employment expectations, identification of possible outcome from combining studies and work, including the description of studies-work combination results for social and personal development of students and selection of several functions of young people's secondary employment. Empirical basis of the research is compiled from the results of author's interviews with working students (2011 and 2017). The research showed the hierarchy of students' secondary employment motives: financial motives are on the top and professional ones are less important. We note relative permanency of this hierarchy and a decrease in importance of the

early start of professional carrier for working students. Division of pragmatic and professionally oriented motives of students' secondary employment is explained. We point out that many working students have implemented their financial expectations, which reveals the leading role of the economic function in students' employment; devaluation of secondary employment experience as a competitive advantage in social and labor relations; non-productivity of performed work for professionalization of the majority of working students. At the same time, we reveal the significant impact of work on the formation of common labor culture in students. Necessity to strengthen professionalization function within students' secondary employment is revealed, and practical recommendations are given. The results of this research may help develop theoretical models and accumulate empirical data in the sphere of economic sociology, labor sociology, and youth sociology. It can be used by public authorities, employment services, and vocational education institutions.

Key words: employment, secondary employment, labor activity, professionalization, social integration, youth, student youth, Russian society.

Information about the Author

Yuliya M. Pasovets – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor at department, Kursk State University (33, Radishev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru)

Статья поступила 14.01.19.

Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения

Лейла Натиговна

НАЦУН

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9829-8866; ResearcherID: I-8415-2016

Аннотация. В работе представлен анализ показателей инвалидизации населения европейских стран, где прирост числа инвалидов в большей степени определяется высокой первичной инвалидностью лиц старших возрастов. Цель данной работы состоит в выявлении отличительных характеристик инвалидизации населения в группах стран Европы с разными уровнями экономического развития, а также проводящих различную политику в сфере здравоохранения. Для достижения поставленной цели решались следующие исследовательские задачи: группировка стран Европы; сравнительная оценка инвалидизации населения стран в выделенных группах; анализ качества и доступности медицинской помощи как одного из факторов, влияющих на показатели инвалидизации населения; формулировка рекомендаций, направленных на снижение инвалидизации населения России. Страны Европы были разделены на 6 кластеров по показателям инвалидности, доле пожилых в составе населения и ожидаемой продолжительности здоровой жизни в 60 лет. Наибольшая близость этих параметров наблюдается для стран, имеющих сходство в географическом положении и историческом опыте участия в политических объединениях. Российская ситуация характеризуется худшими значениями показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни и сравнительно низкой долей населения пожилого возраста, нежели ситуация в большинстве других европейских стран. В дискуссионной части работы обсуждается качество и доступность медицинской помощи для населения. В России обращение в частные медицинские организации недоступно для значительной части пожилых граждан, которые имеют наибольший риск развития инвалидизирующих патологий. При этом результа-

Для цитирования: Нацун Л.Н. Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 200–219. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.13

For citation: Natsun L.N. The increase in the number of disabled population in European countries as an indicator of the effectiveness of their health policies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 200–219. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.13

тивность реабилитационных мероприятий для людей с инвалидностью остаётся низкой. В заключение обобщены аргументы в пользу применения показателей инвалидности населения при оценке результативности политики стран в сфере здравоохранения. Предложены направления работы для снижения масштабов инвалидности в России. Результаты исследования могут быть полезны для работников сферы социального управления, а также исследователей, чьи научные интересы затрагивают проблемы, связанные с инвалидизацией населения.

Ключевые слова: инвалидность, инвалидизация населения, качество и доступность медицинской помощи, демографическое старение.

Введение

Старение населения во многом определяет тенденции, связанные с первичным выходом населения на инвалидность. Увеличение доли старших когорт в составе населения, как правило, приводит к росту первичной инвалидности. Именно с этой причиной связывает рост инвалидизации населения Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)¹. Помимо медико-биологических факторов, инвалидизации населения способствуют негативные социально-экономические условия жизни. Инвалидность неразрывно связана с проблемами бедности и социального исключения: по данным ВОЗ, она несоразмерно поражает уязвимые группы населения (женщин, пожилых людей, представителей неимущих слоев населения), а также получает большее распространение в странах с низким уровнем дохода². Соотношение воздействия демографического старения и социально-экономических условий формирует характеристики инвалидизации населения в разных странах. В свою очередь, анализ масштабов и структуры инвалидности позволяет получить представление о качестве проводимой социальной политики.

Инвалидизация населения — это процесс нарастания доли людей с инвалидностью в составе населения, обусловленный распространением инвалидизирующих патологий и внешними воздействиями, приводящими к инвалидности. Ведущие причины инвалидизации имеют страновые различия в зависимости от стадии эпидемиологического и демографического пе-

реходов, которые переживают государства, а также в зависимости от качества проводимой ими социальной и демографической политики. Инвалидность, в свою очередь, оказывает определённое влияние на социальное и экономическое развитие общества. Инвалидизация сопровождается снижением потенциала здоровья населения. Рост затрат государства на социальное и медицинское обслуживание, недопроизводство ВВП неработающими инвалидами — проявления воздействия инвалидности на экономику. К социальным следствиям инвалидности относятся потери лет здоровой жизни, усиление риска социальной эксклюзии.

Среди исследований, посвящённых инвалидности, можно выделить несколько тематических направлений. Первое охватывает изучение динамики инвалидизации населения [1; 2] и структуры инвалидности [3], прогнозирование [4] их показателей. Второе направление тесно связано с предыдущим и включает работы о причинах и факторах, определяющих структуру и динамику инвалидности [5]. Третье направление работ ставит целью оценку социально-экономических последствий инвалидизации населения [6]. Более узким по своему предмету является направление работ по изучению социально-экономического положения людей с инвалидностью [7]. К нему можно отнести и статьи, рассматривающие вопросы образования, трудоустройства инвалидов [8], создания доступной среды [9].

Перечисленные направления различаются по своему основному предмету. Для демографических исследований характерно изучение параметров процесса инвалидизации населения, его последствий для общества и экономики. Среди социологических и экономических исследований чаще можно встретить работы, направленные на изучение инвалидности как явления на макроуровне (стран и их регионов),

¹ Инвалидность и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs352/ru/> (дата обращения: 24 апреля 2019 г.).

² 10 фактов об инвалидности / Всемирная организация здравоохранения. URL: <http://www.who.int/features/factfiles/disability/facts/ru/index1.html> (дата обращения: 24 апреля 2019 г.).

мезоуровне (на примере локальных сообществ – в профессиональных коллективах, на предприятиях) и индивидуальном уровне. В то же время проведённое нами разделение носит условный характер, поскольку встречаются трудности, сочетающие рассмотрение общей проблемы инвалидизации населения и вопросов качества жизни [10] или иных комплексных проблем, например результативности государственной политики в сфере здравоохранения и социального обслуживания [11; 12].

В некоторых случаях термин «инвалидность» может и не упоминаться в исследовании, но его выводы отсылают читателя к данной проблематике. Так, в статье В.М. Школьниковой (с соавт.; 2019) рассматривается взаимосвязь качества государственной социальной политики и состояния общественного здоровья. Авторы показали, что при текущем уровне ВВП на душу населения Россия могла бы рассчитывать на более высокий уровень ОПЖ при рождении по сравнению с имеющимся сейчас. К такому выводу они пришли, сравнив показатели для России и ряда стран со сходным уровнем экономического развития. Построив кривую Престона (соотношение ВВП на душу населения и ОПЖ при рождении в разных странах в один момент времени) для каждого года за период 2005–2015 гг., они выявили, что прямой зависимости между темпами роста национального дохода и продолжительности жизни не наблюдается. Однако рост ОПЖ, хотя и медленный, в развитых странах Европы, который происходил даже на фоне экономического кризиса, авторы исследования связывают с инвестированием в развитие новейших методов лечения. Для России они видят необходимость более интенсивного инвестирования национального дохода в улучшение общественного здоровья [13]. И здесь возникает вопрос о том, что важно не просто увеличить среднюю продолжительность жизни населения, но и «растянуть» её здоровый период – без хронических болезней и инвалидности.

Для отечественных работ по демографии характерно рассмотрение показателей инвалидности в числе прочих показателей общественного здоровья [14; 15]. В тематических исследованиях инвалидности чаще обсуждаются учёт численности инвалидов [16; 17], причины первичной инвалидности [18; 19; 20],

качество жизни людей с инвалидностью [21], создание условий для равного участия инвалидов в жизни общества [22; 23], в том числе для их трудовой деятельности [24; 25; 26; 27]. Работы, направленные на выявление особенностей российского процесса инвалидизации населения на фоне общемировых демографических тенденций, встречаются редко [28].

Обращение к тематике инвалидизации населения в зарубежных исследованиях зачастую служит иллюстрацией к более общим проблемам: демографического старения, социального неравенства, потерь общественного здоровья, совершенствования систем социального и медицинского страхования. Инвалидизация населения в развитых и развивающихся странах протекает преимущественно за счёт накопления болезней в старших возрастных группах. Скорость и масштабы этого процесса зависят от качества жизни населения, доступности для него передовых медицинских технологий, а также от государственной политики в сфере здравоохранения. Так, в работе А. Чанг (с соавт.; 2019) показано, что население в разных странах приобретает набор характерных «старческих» заболеваний в разных возрастах. В перечень таких заболеваний авторы включили: онкологические и сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, почечную недостаточность, хронические заболевания дыхательной системы, психологические нарушения, неинфекционные заболевания, болезни органов чувств, кожные и подкожные заболевания. Исследователям впервые удалось показать разрыв между странами мира по показателям, характеризующим бремя болезней населения. Они отмечают, что «результаты анализа эквивалентного возраста [старости] показывают ошеломляющую разницу в 30 лет между странами с самым высоким и самым низким эквивалентным возрастом по сравнению со среднемировым 65-летним возрастом», а также что «даже среди стран с одинаковыми уровнями общего стандартизованного по возрасту бремени смертности, связанного с возрастом, модели накопления бремени в разных возрастах сильно различаются, при этом некоторые группы населения получают возрастное бремя болезней в более раннем возрасте, чем другие». При этом, согласно расчётам исследователей, российский показатель эквивалентного возраста старости составил 60

лет, что на 5 лет ниже среднемирового значения и на 16 лет ниже наилучшего в мире, японского показателя. Авторы пришли к выводу, что введённый ими показатель старения, «который информирует не только о продолжительности жизни, но и о состоянии здоровья и тяжести заболеваний на популяционном уровне», позволяет выявлять страны, которые «добились относительных успехов в отсрочке накопления возрастного бремени болезней по сравнению со своими «сверстниками» с аналогичными уровнями возрастного бремени болезней» [29].

О связи между качеством жизни населения и состоянием общественного здоровья говорят результаты, полученные исследователями из Англии. Они провели лонгитюдное наблюдательное демографическое исследование здоровья отдельной когорты людей в возрасте 50 лет и старше (2 замера показателей с интервалом в 6 лет: в июле 2010 – июне 2011 года и в мае 2016 – июне 2017 года). Было установлено, что воспринимаемая респондентами дискриминация по признаку возраста была связана с повышением для них вероятности плохой самооценки здоровья и риском возникновения серьёзных заболеваний в течение шестилетнего периода. Эти выводы, по мнению авторов, подчеркивают необходимость принятия эффективных мер для борьбы со стигматизацией и дискриминацией по признаку возраста [30].

В названных выше зарубежных работах предметы исследования различаются, но их выводы сходятся в том, что государственная политика в сферах здоровьесбережения и обеспечения качества жизни населения является важнейшим фактором, создающим условия для сохранения и укрепления общественного здоровья. Инвестиции развитых государств в человеческий потенциал – вложение средств в повышение конкурентоспособности на глобальном уровне. Но чем больше эти расходы в расчёте на душу населения, тем выше и предельные издержки, приходящиеся на каждый случай инвалидности или преждевременной смерти граждан. Поэтому замедление прироста показателя ОПЖ в большинстве стран ЕС после 2011 года рассматривается как угроза их устойчивому развитию [31].

На основе проведённого нами анализа литературных источников можно выделить два

наиболее общих наблюдения, касающихся проблемы инвалидизации населения. Первое: демографическое старение сопровождается увеличением доли инвалидов в составе населения стран. Второе: особенно уязвимы перед инвалидизирующими патологиями жители тех стран, где есть проблемы с обеспечением всеобщего доступа граждан к медицинским услугам, недостаточно развиты системы профилактики и ранней диагностики этих заболеваний. В целом, несмотря на то что проблема инвалидности уже, чем проблема сохранения общественного здоровья, её решение может иметь «каскадный» эффект. На этом фоне особую актуальность приобретают усилия по развитию новых, более действенных и доступных методов лечения и реабилитации пациентов, страдающих инвалидизирующими патологиями, дальнейшему совершенствованию профилактической медицины, устранению любых форм дискриминации при получении медицинских услуг, предотвращению распространения среди населения саморазрушительных практик. Данные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного рассмотрения инвалидизации в контексте демографического старения с точки зрения обеспечения результативности политики в сфере укрепления общественного здоровья.

Цель данной работы состоит в выявлении отличительных характеристик инвалидизации населения в группах стран Европы с разными уровнями *экономического развития, проводящих различную политику в сфере здравоохранения.*

Выбранная цель исследования определила постановку следующих задач:

1. Группировка стран Европы в зависимости от их географического положения и участия в современных политических объединениях по показателям ОПЗЖ, инвалидности и доле пожилых в составе населения.

2. Сравнительная оценка инвалидизации населения стран в выделенных группах.

3. Рассмотрение качества и доступности медицинской помощи как одного из факторов, влияющих на показатели инвалидизации населения.

4. Формулировка рекомендаций, направленных на снижение инвалидизации населения России.

Выполнение поставленных задач обеспечено использованием репрезентативных данных и применением математических методов анализа.

Материалы и методы исследования

Информационной базой проведённого исследования послужили данные российской и международной официальной статистики. Объект исследования – инвалидизация населения стран Европы, в том числе Российской Федерации. Предмет исследования – связь инвалидизации населения с социально-экономическим развитием стран.

Поставленные исследовательские задачи предполагали обращение к открытым международным базам статистических данных: «Global Health Observatory» (база данных Всемирной организации здравоохранения), Eurostat (база данных Еврокомиссии), United Nations Disability Statistics Data Portal (портал открытых статистических данных об инвалидности, созданный в рамках программы ООН «United Nations Disability Statistics Programme»), «Global Burden of Disease Study» (исследование, посвящённое оценке бремени болезней в разных странах мира), World Population Prospects 2017 (ООН). Помимо этого, в ходе подготовки статьи мы обращались к данным о здоровье населения разных стран мира, опубликованным в докладах международных организаций: архива публикаций ОЭСР «OECD Health Working Papers», демографического ежегодника ООН «United Nations Demographic Yearbook». Поскольку на международном уровне пока нет практики сбора и систематизации сопоставимых данных об инвалидности населения, в работе особо оговариваются ситуации, когда данные по разным странам нельзя сравнивать напрямую.

В географический регион мира Европа входит более 40 независимых государств. ООН выделяет регионы Северной, Восточной, Южной и Западной Европы. Для того чтобы проанализировать показатели инвалидности в этих странах с привязкой к уровню их экономического развития, они были сгруппированы по уровню доходов, в соответствии с классификацией Всемирного банка³. В то же время качество со-

циальной политики также выступает значимым регулятором уровня инвалидности. В этом отношении наиболее однородную группу образуют страны, входящие в состав Европейского союза. Их социальная политика выстраивается в рамках общих целей и задач. Другую группу стран региона составляют государства, не входящие в это объединение. Учитывая эти три критерия: географическое деление, уровень доходов и членство в ЕС, мы объединили страны в 11 групп (табл. 1).

Большинство европейских стран относятся к высокодоходным, в том числе все страны Северной и Западной Европы (19 государств). Регион Восточная Европа более дифференцирован: присутствуют 4 государства с высоким доходом, 9 – с доходами выше среднего уровня и 2 страны с доходами ниже среднего уровня. В Южной Европе страны с доходами выше среднего уровня – Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия и Черногория. Среди 27 европейских государств, входящих в состав ЕС, большинство являются высокодоходными, только 2 государства имеют доход на уровне «выше среднего» – Болгария и Румыния. Следует отметить, что в последующем анализе также будут представлены данные для Кипра как одного из государств ЕС, географически относимого ООН к региону мира Азия.

Существенным ограничением при проведении анализа инвалидизации в странах Европы выступает дефицит статистических данных по государствам, не входящим в состав ЕС. Для них доступны только данные о доле пожилых в составе населения и величине показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни по состоянию на 2016 год. По странам-участницам Евросоюза на сайте Евростата представлены данные о численности инвалидов, но их последнее обновление приходится на 2012 год. Эти ограничения мы учитывали при формулировке выводов исследования.

Результаты

Согласно данным Всемирного доклада о демографическом старении, численность населения в возрасте 60 лет и старше за период с 1980 по 2017 год удвоилась, достигнув 962 миллионов человек, а очередного удвоения эксперты ожидают к 2050 году. Процесс идёт быстрее в развивающихся странах, и, судя по прогнозу, к 2050 году восемь из десяти пожилых людей

³ World Bank Country and Lending Groups. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/site-content/CLASS.xls> (Accessed 24 April 2019).

Таблица 1. Группировка стран Европы по географическим регионам, членству в Евросоюзе и уровню доходов

Группы стран Европы по доходам	Северная Европа		Западная Европа		Южная Европа		Восточная Европа	
	В составе ЕС (год вступления)	Не в составе ЕС	В составе ЕС (год вступления)	Не в составе ЕС	В составе ЕС (год вступления)	Не в составе ЕС	В составе ЕС (год вступления)	Не в составе ЕС
Высокодходные	Дания (1992) Ирландия (1992) Латвия (2004) Литва (2004) Соединенное Королевство (1992 до 2016) Финляндия (1995) Швеция (1995) Эстония (2004)	Исландия Норвегия	Австрия (1995) Бельгия (1992) Германия (1992) Люксембург (1992) Нидерланды (1992) Франция (1992)	Лихтенштейн Монако Швейцария	Греция (1992) Испания (1992) Италия (1992) Мальта (2004) Португалия (1992) Словения (2004) Хорватия (2013)	Андорра Сан-Марино	Венгрия (2004) Польша (2004) Словакия (2004) Чешская Республика (2004)	
Выше среднего уровня						Албания Босния и Герцеговина Македония Сербия Черногория	Болгария (2007) Румыния (2007)	Беларусь Российская Федерация
С доходом ниже среднего уровня								Молдавия Украина
Источники: Стандартные коды стран или районов для использования в статистике. Секретариат ООН. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_49rev4corr4R.pdf ; What is the euro area? European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/euro-area/what-euro-area_en#whos-already-in ; World Bank Country and Lending Groups. URL: http://databank.worldbank.org/data/download/site-content/CLASS.xls (дата обращения: 12 апреля 2019 г.).								

будут родом из развивающейся страны. В развитых странах процесс демографического старения замедлился в силу того, что основные факторы, которые приводили к преждевременной смертности населения, в основном взяты под контроль и дальнейшее снижение смертности в старших возрастах затруднено. Возможности в этом направлении связаны главным образом с развитием геронтологического профиля в медицине. Самая высокая доля населения в возрасте 60 лет и старше в 2017 году регистрировалась в Европе – 35%. В других регионах мира значения показателя ниже: в Северной Америке – 28%, Латинской Америке – 25%, Азии – 24%, Океании – 23%. Самым «моло-

дым» оказалось население Африки, где доля людей 60 лет и старше составила только 9%⁴.

В странах Европы значения показателя доли лиц в возрасте старше 60 лет в составе населения варьируются от 17,6% в Республике Молдова до 29,4% в Италии. Среднее значение данного показателя составляет 24,03%. Группу стран, где доля пожилых выше этой отметки, составляют 14 государств Евросоюза, среди которых 6 стран региона Южная Европа, по 3 страны Восточной и Северной Европы, 2 страны Западной Европы. Ко второй группе

⁴ World Population Ageing 2017: Highlights. Department of Economic and Social Affairs. United Nations. New York, 2017. 40 p.

Таблица 2. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в составе населения стран Европы, 2016 год

Страна	Географический регион	Членство в Евросоюзе	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в составе населения, %
Финляндия	Северная Европа	Да	27,8
Латвия		Да	26,2
Эстония		Да	25,9
Швеция		Да	25,5
Дания		Да	25,3
Литва		Да	25,3
Соединенное Королевство		Да	23,9
Норвегия		Нет	22,3
Исландия		Нет	20,1
Ирландия		Да	19,1
Германия		Западная Европа	Да
Франция	Да		25,7
Австрия	Да		25,1
Нидерланды	Да		25
Бельгия	Да		24,6
Швейцария	Нет		24,1
Люксембург	Да		19,6
Италия	Южная Европа	Да	29,4
Португалия		Да	27,9
Хорватия		Да	26,8
Греция		Да	26,5
Словения		Да	26,3
Мальта		Да	26,1
Испания		Да	25,3
Сербия		Нет	24,5
Босния и Герцеговина		Нет	23,4
Черногория		Нет	21,3
Республика Северная Македония	Нет	19,5	
Албания	Нет	19	
Болгария	Восточная Европа	Нет	27,7
Венгрия		Да	26
Чешская Республика		Да	25,6
Румыния		Да	24,9
Польша		Да	24
Украина		Нет	23,2
Словакия		Да	21,8
Беларусь		Нет	21,3
Российская Федерация		Нет	21,1
Республика Молдова		Нет	17,6
Кипр	Азия	Да	18,5
Итоговое среднее значение			24,03
Кoeffициент вариации			12%

Обозначения: в столбце 1 зелёным цветом выделены высокоразвитые государства, сиреневым – страны с доходом «выше среднего», розовым – страны с доходом «ниже среднего»; в столбце 4 ярко-оранжевым показаны страны, где доля пожилых в составе населения более 25,5%, светло-оранжевым – доля пожилых от 22,3 до 25,5%, голубым – менее 22,3%. Ранжировано по убыванию значений показателя доли пожилых в составе населения внутри каждого из географических регионов.
Источник: Всемирный доклад о старении, 2017 год. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WPA2017_Report.pdf (дата обращения: 15 апреля 2019 г.).

государств, где доля пожилых в составе населения варьируется от 22,3 до 25,5%, относятся 10 стран Евросоюза и 5 других государств. Географически преобладают страны Северной Европы (5). Также в группу входят по 4 государства Западной и Южной Европы, 3 государства Восточной Европы. Ещё 3 государства Евросоюза и 7 стран, не входящих в него, формируют группу, где доля пожилых в составе населения не более 22,3%. Таким образом, в группу 1 попали большинство стран Южной Европы, в группу 2 – большинство стран Западной и Северной

Европы. Регион Восточная Европа отличается наибольшим разбросом значений анализируемого показателя (табл. 2).

Учитывая то, что старение населения приводит к росту первичного выхода на инвалидность в старших когортах, проанализируем распределение европейских стран по показателю доли инвалидов в составе лиц 60–74 лет. Ниже представлены данные Европейской службы статистики для стран, входящих в Евросоюз, а также для Норвегии и Исландии (табл. 3). Самые высокие значения показателя

Таблица 3. Доля инвалидов среди населения 15 лет и старше и 60–74 лет в странах Европы*, 2012 год

Страна	Географический регион	Членство в ЕС	Доля инвалидов в составе населения 15 лет и старше, %	Доля инвалидов в составе населения 60–74 лет, %
Латвия	Северная Европа	Да	24	42
Литва			23	38
Эстония			20	33
Соединенное Королевство			20	25
Норвегия		Нет	20	23
Исландия		Нет	16	22
Дания		Да	20	21
Финляндия			17	20
Швеция			15	19
Ирландия			н/д	н/д
Австрия	Западная Европа	Да	16	28
Португалия			15	28
Германия			21	27
Люксембург			16	21
Нидерланды			17	19
Бельгия			17	18
Франция			14	16
Греция	Южная Европа	Да	18	31
Словения			18	27
Испания			17	25
Италия			14	21
Мальта			12	20
Хорватия			н/д	н/д
Венгрия	Восточная Европа	Да	25	40
Болгария			21	38
Румыния			18	37
Польша			18	32
Словакия			18	31
Чешская Республика			14	31
Кипр	Азия	Да	15	24
Среднее по указанным странам, %			18	27
Коэффициент вариации			17%	27%

Источник: Population by sex, age and disability status. Database. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database#> (дата обращения: 16 апреля 2019 г.).

теля в 2012 году регистрировались для Латвии (42%), Венгрии (40%), Болгарии (38%), Литвы (38%), Румынии (37%). Самые низкие значения наблюдались во Франции (16%), Бельгии (18%), Нидерландах (19%), Швеции (19%). Следует отметить, что для Швеции и Франции, как было показано выше, характерны высокие доли лиц 60 лет и старше в составе населения, что в сочетании с низким уровнем инвалидности лиц 60–74 лет говорит о высоком качестве жизни в этих странах. Можно предположить, что в них прирост показателя ожидаемой продолжительности жизни обеспечивается именно благодаря увеличению периода активного долголетия граждан.

В теоретической части статьи уже упоминалось, что обеспечение прироста ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения в возрасте 60 лет выступает одной из наиболее актуальных задач для стран Европы. Кроме того, на повестке дня для многих государств остаётся преодоление гендерного разрыва в величине показателя. Согласно данным Всемирного доклада о старении, в большинстве европейских стран прирост ОПЗЖ для женского населения был ниже, чем для мужского. Сохранение этой тенденции в будущем, вероятно, обеспечит преодоление гендерного разрыва. Сам прирост ОПЗЖ в возрасте 60 лет был более интенсивным в странах, недавно вступивших в Евросоюз, и в некоторых государствах, не входящих в него. Ирландия, которая располагалась на первом месте по приросту ОПЗЖ пожилых мужчин и женщин, составила исключение из этого наблюдения. Второе место по приросту показателя для мужчин занимала Россия, третье – Словения, четвертое – Эстония, пятое – Словакия. По приросту ОПЗЖ пожилых женщин на втором месте находилась Эстония, на третьем – Беларусь, на четвертом – Россия, на пятом – Сербия (табл. 4).

Возникает вопрос: с чем связаны различия в уровнях инвалидизации населения старших возрастов в европейских странах? Можно предположить, что они формируются под влиянием условий жизни населения, которые, в свою очередь, зависят от особенностей социальной политики (в том числе политики в сфере здравоохранения), определяемых участием стран в политических объединениях. Чтобы проверить это предположение, был проведён кластер-

ный анализ стран Европы по пяти показателям: ожидаемой продолжительности здоровой жизни мужчин и женщин в возрасте 60 лет (по данным за 2016 год), доли пожилых в составе населения, доли инвалидов среди населения в возрасте 15 лет и старше, а также среди пожилых в возрасте 60–74 лет.

Для разделения стран на группы проведён кластерный анализ с использованием программы SPSS Statistics. Применялся иерархический кластерный анализ. Объединение стран в кластеры осуществлялось методом межгрупповой связи, в качестве способа определения расстояния использовался расчёт квадрата евклидова расстояния, было выполнено z-преобразование исходных данных. В анализе участвовали 28 стран, для которых имелся весь набор необходимых данных (показатели перечислены выше). Оптимальное число кластеров для анализируемого набора данных составило 6. Результаты распределения стран по кластерам и средние значения проанализированных показателей для каждого из них представлены в таблице 5.

Полученное распределение свидетельствует о том, что наилучшие показатели здоровья населения, в том числе в пожилом возрасте, наблюдаются в странах первого кластера – Италии и Франции. По сравнению со странами, вошедшими в третий кластер, здесь заметно ниже уровень инвалидизации населения в возрасте 15 лет и старше и населения 60–74 лет. Кластер 2 отличается от первого и третьего более низкой долей пожилых в составе населения, по остальным показателям занимая промежуточное положение между этими соседними группами. Кластеры 5 и 6 сформировались из стран Восточной Европы и бывших республик Советского Союза. Для этих кластеров характерны низкие показатели ожидаемой продолжительности здоровой жизни и высокий уровень инвалидности. Различие между ними касается показателей инвалидности в возрастной разбивке: в пятом кластере доля инвалидов высока только среди населения 60–74 лет, тогда как для шестого кластера характерно также высокое значение инвалидизации населения 15 лет и старше. Четвёртый кластер занимает переходное положение между третьим и пятым по всем показателям.

Полученные результаты указывают, что на состояние общественного здоровья оказывает

Таблица 4. ОПЗЖ в возрасте 60 лет по группам стран Европы, 2016 год

Страна Европы	Регион Европы	Членство в ЕС	Год вступления в ЕС	ОПЗЖ ₆₀		Ранг по ОПЗЖ ₆₀		Прирост ОПЗЖ ₆₀		Ранг по приросту ОПЗЖ ₆₀	
				м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Франция	WE	Да	1992	19,1	21,9	1	1	16%	9%	15	29
Швейцария	WE	Нет		19	21,2	2,5	3	16%	9%	14	27
Исландия	NE	нет		19	20,3	2,5	10	11%	7%	29	39
Испания	SE	Да	1992	18,7	21,8	4	2	14%	11%	22	21
Италия	SE	Да	1992	18,6	21	5	4	14%	8%	21	32
Норвегия	NE	Нет		18,4	20,7	6	5,5	16%	10%	17	25
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	NE	Да	1992 (до 2016 г.)	18,3	20,1	7	14	17%	11%	6	19
Швеция	NE	Да	1995	18,2	20,1	8,5	14	11%	6%	30	40
Ирландия	NE	Да	1992	18,2	20,1	8,5	14	26%	18%	1	1
Португалия	SE	Да	1992	17,9	20,7	11,5	5,5	17%	14%	9,5	10
Мальта	SE	Да	2004	17,9	19,9	11,5	18	13%	12%	26	15
Австрия	WE	Да	1995	17,9	20,6	11,5	7	15%	10%	19	24
Люксембург	WE	Да	1992	17,9	20,5	11,5	8	17%	8%	9,5	31
Дания	NE	Да	1992	17,8	19,9	14,5	18	17%	13%	7,5	13
Нидерланды	WE	Да	1992	17,8	19,9	14,5	18	17%	9%	7,5	30
Греция	SE	Да	1992	17,5	20,1	16	14	10%	10%	34	23
Финляндия	NE	Да	1995	17,4	20,4	18	9	15%	10%	18	22
Бельгия	WE	Да	1992	17,4	20,1	18	14	13%	8%	27	34
Кипр	A	Да	2004	17,4	20,2	18	11	10%	12%	33	17
Германия	WE	Да	1992	17,3	19,8	20	20	12%	7%	28	37
Словения	SE	Да	2004	16	19	21	21	22%	14%	3	8
Албания	SE	Нет		15,3	17,4	22	29	13%	8%	24,5	33
Чешская Республика	EE	Да	2004	14,9	18,2	23	24	16%	14%	11	9
Польша	EE	Да	2004	14,5	18,4	24	23	16%	13%	13	14
Хорватия	SE	Да	2013	14,4	18	25	25,5	13%	13%	23	11
Эстония	NE	Да	2004	14,3	18,9	26,5	22	21%	17%	4	2
Черногория	SE	Нет		14,3	17	26,5	32	11%	12%	31	16
Словакия	EE	Да	2004	14,2	18	28	25,5	18%	14%	5	6
Республика Северная Македония	SE	Нет		14	16	29	39	9%	7%	37	36
Босния и Герцеговина	SE	Нет		13,8	16,8	30	33,5	9%	7%	36	38
Сербия	SE	Нет		13,6	16,3	31	38	13%	14%	24,5	5
Румыния	EE	Да	2007	13,5	17,2	32	30,5	10%	14%	35	7
Латвия	NE	Да	2004	13,3	17,6	33	28	15%	9%	20	26
Болгария	EE	Да	2007	13,2	16,8	34	33,5	7%	11%	38	18
Венгрия	EE	Да	2004	13	16,7	35,5	35,5	10%	9%	32	28
Литва	NE	Да	2004	13	17,9	35,5	27	4%	8%	40	35
Украина	EE	Нет		12,5	16,4	37	37	16%	13%	16	12
Российская Федерация	EE	Нет		12,4	16,7	38	35,5	23%	16%	2	4
Беларусь	EE	Нет		12,3	17,2	39	30,5	16%	17%	12	3
Республика Молдова	EE	Нет		12	15,1	40	40	7%	11%	39	20

Обозначения: WE – Западная Европа, EE – Восточная Европа, NE – Северная Европа, SE – Южная Европа; желтым цветом выделены страны с высоким доходом, сиреневым – страны с доходами «выше среднего» уровня, голубым – страны с доходами «ниже среднего» уровня (в соответствии с группировкой стран Всемирного банка).

Источник: Всемирный доклад о старении, 2017 год. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WPA2017_Report.pdf (дата обращения: 15 апреля 2019 г.).

Таблица 5. Состав и профили кластеров стран Европы

Показатели (средние значения)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5	Кластер 6
ОПЗЖ мужчин в 60 лет	18,9	18,1	17,9	15,9	14,3	13,1
ОПЗЖ женщин в 60 лет	21,5	20,3	20,4	19,2	18,0	17,3
Доля пожилых (60 лет и более) в составе населения	27,6	19,4	25,4	26,7	24,1	26,3
Доля инвалидов среди населения в возрасте 15 лет и старше	14,0	15,7	17,0	19,7	17,0	23,3
Доля инвалидов среди пожилых 60–74 лет	18,5	22,3	23,1	29,0	32,8	39,5
Страны, вошедшие в кластер	Франция Италия	Исландия Люксембург Кипр	Испания Норвегия Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии Швеция Португалия Мальта Австрия Дания Нидерланды Греция Финляндия Бельгия	Германия Словения Эстония	Чешская Республика Польша Словакия Румыния	Латвия Болгария Венгрия Литва
Всего стран	2	3	12	3	4	4
Примечание. Проверка полученного решения проведена по критерию Краскала–Уоллиса, суммарная ошибка составила 0,019 при уровне значимости $p=0,05$. Источник: составлено автором.						

воздействие различие «стартовых условий» социально-экономического развития стран Европы, в том числе вследствие особенностей, обусловленных участием в политических объединениях (в прошлом или в настоящее время).

Содержание и результативность политики в сфере охраны общественного здоровья непосредственно влияет на распространённость среди населения неинфекционных заболеваний, которые могут приводить к инвалидности. Наибольшие масштабы потерь от инвалидности в странах Европы обусловлены такими группами заболеваний, как нарушения опорно-двигательного аппарата, психические расстройства, неврологические заболевания. За ними следуют хронические респираторные, сердечнососудистые заболевания и новообразования. Наблюдаются различия между средними показателями для стран Западной, Центральной и Восточной Европы⁵. Самые высокие потери

⁵ Здесь деление Европы на регионы приведено согласно методике исследования «Global Burden of Disease Study 2017». <http://ghdx.healthdata.org/gbd-results-tool>

от перечисленных причин наблюдаются в Западной Европе, исключение составляют сердечно-сосудистые и хронические респираторные заболевания, потери от которых выше в Центральной Европе. Российские показатели наиболее сходны со средними по странам Восточной Европы, а наибольшие потери, как и по всему Европейскому региону в целом, связаны с болезнями опорно-двигательного аппарата, психическими расстройствами, неврологическими заболеваниями (табл. 6).

Как показал проведённый нами анализ данных об инвалидности и ожидаемой продолжительности здоровой жизни в европейских странах, наиболее сходная картина наблюдается в высокодоходных странах Западной и Северной Европы, сформировавших ядро Евросоюза в 1992–1995 гг. Они вошли в кластеры №1, 2 и 3. В этих государствах ниже доля инвалидов, выше показатели ОПЗЖ. Несколько «выбиваются» из этой закономерности Норвегия, никогда не входившая в Евросоюз, а также Мальта и Кипр, вступившие в объединение позднее

Таблица 6. Годы, прожитые с инвалидностью (YLDs – «Years Lived with Disability»), по отдельным группам заболеваний, по некоторым странам Европы, в расчёте на 100 000 населения, 2017 год

Регион	Группы заболеваний					
	Н (neoplasms)	ССЗ (cardiovascular diseases)	РЗ (chronic respiratory diseases)	КМС (musculoskeletal disorders)	ПП (mental disorders)	НЗ (neurological disorders)
Европейский регион (по классификации ВОЗ)	216,6	756,6	613,0	2576,0	1773,4	1280,8
Западная Европа	299,9	713,8	646,5	3089,4	2018,2	1383,2
Центральная Европа	192,1	1085,9	722,2	2511,4	1471,4	1191,2
Восточная Европа	176,9	904,1	536,9	2146,2	1634,5	1311,9
Великобритания	340,8	626,2	868,2	3138,9	1954,4	1266,6
Германия	332,4	838,8	756,2	3475,4	2021,6	1339,6
Франция	263,7	752,8	460,9	2739,5	2756,9	1730,2
Венгрия	210,8	1148,4	815,0	2767,4	1577,7	1215,8
Чехия	245,6	1213,1	704,8	2498,9	1521,6	1184,5
Белоруссия	166,6	921,3	562,1	2309,2	1703,7	1276,7
Россия	176,4	879,9	525,1	1985,8	1600,6	1314,4

* Обозначения: Н – новообразования, ССЗ – сердечно-сосудистые заболевания, РЗ – хронические респираторные заболевания; КМС – заболевания костно-мышечной системы, ПП – психические расстройства, НЗ – неврологические заболевания.
Источник: Global Health Data Exchange. GBD Results Tool. URL: <http://ghdx.healthdata.org/gbd-results-tool> (дата обращения: 16 апреля 2019 г.).

(в 2004 году). Германия, вошедшая, наряду с Эстонией и Словенией, в кластер №3, занимающий промежуточное положение, вероятно, продолжает испытывать негативные последствия неблагоприятных исторических событий XX века (участие в войнах и разделение страны). Эстония и Словения, напротив, смогли извлечь максимальный результат от присоединения к Евросоюзу. Косвенным свидетельством этого служит заметный прирост ОПЗЖ мужчин и женщин в этих странах (см. табл. 4). В других государствах, которые вошли в Евросоюз во «вторую волну» (в 2004 году и позднее), ситуация отличается в худшую сторону. В них выше доля инвалидов в составе населения, ниже значения ОПЗЖ мужчин и женщин. Особенностью этих стран, сформировавших кластеры № 5 и 6, является и более значительное различие между долей инвалидов в составе населения 15 лет и старше и долей инвалидов среди населения 60–74 лет, что говорит о большей уязвимости их пожилого населения перед угрозой инвалидности.

Значения показателей ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России (12,4 и 16,7 года) наиболее близки к значениям, характерным для стран, вошедших в кластер №6. Значение доли пожилых в составе

российского населения одно из самых низких среди европейских стран (21,1%). Эти факты свидетельствуют, что российская ситуация отличается худшим состоянием здоровья населения, особенно лиц пожилого возраста.

В свете перечисленных проблем высокую актуальность приобретает развитие системы медицинской профилактики инвалидирующих заболеваний. Для поддержания здоровья населения старших возрастов необходимы адресные меры, направленные на создание комфортных условий в учреждениях здравоохранения, внедрение специальных диагностических программ для своевременного выявления признаков развития инвалидирующих патологий. Но ключевым фактором при этом остаётся обеспечение максимальной доступности для населения качественной медицинской помощи по месту жительства.

Качество и доступность медицинской помощи – условие повышения продолжительности здоровой жизни населения России

Возможность получения эффективной медицинской помощи является неотъемлемым условием достижения высокого качества жизни населения, что, в свою очередь, способствует росту ожидаемой продолжительности жизни, снижению потерь, связанных с инвалидностью.

В странах Евросоюза фиксируется очень низкая доля населения, имеющего неудовлетворённые потребности в медицинском обслуживании (по самооценке) – 3,1% за 2017 год. При этом ведущей причиной неполучения медицинской помощи выступают дороговизна этих услуг (1% опрошенных), нежелание обращаться к врачу в надежде, что проблема «пройдёт сама по себе» (0,6%), очереди (0,6%)⁶. В нашей стране Федеральной службой государственной статистики в 2017 году также проводилось выборочное обследование качества и доступности для населения услуг здравоохранения⁷. Его результаты дают представление о доле граждан, имеющих неудовлетворённые потребности в медицинском обслуживании. Из числа опрошенных 15,8% попадали в ситуации, когда не смогли пройти или отложили на неопределённый срок консультацию (медицинские обследования) у врачей-специалистов. Ещё 7,4% респондентов «не смогли пройти или отложили на неопределённое время необходимые медицинские исследования». Эти данные указывают на то, что среди россиян выше доля тех, кто имеет неудовлетворённые потребности в медицинской помощи, чем среди жителей ЕС. При этом ведущие причины неполучения необходимой медицинской помощи в России иные и облагодают территориальной спецификой.

Основными препятствиями для своевременного получения консультации и прохождения медицинских обследований у врачей-специалистов в городах стали «длительность ожидания очереди, неудобный график работы врача-специалиста» (29%), в сельских населённых пунктах – «отдаленность медицинских организаций, где можно пройти консультацию

⁶ Self-reported unmet needs for medical examination by sex, age, main reason declared and educational attainment level. Eurostat. Database. Cross cutting topics. Quality of life. Health. Access to healthcare. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/data/database?p_p_id=NavTreeportletprod_WAR_NavTreeportletprod_INSTANCE_nPqeVbPXRmWQ&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-2&p_p_col_pos=1&p_p_col_count=2# (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

⁷ Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality17/index.html (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

(обследование; 27%)». При этом в городах-миллионниках основная причина возникновения подобных трудностей – нехватка у людей времени на прохождение медицинского обследования (отметили 37% респондентов, которые имели случаи переносов или отказов от прохождения необходимых медицинских обследований). Главные барьеры для своевременного прохождения медицинских исследований в 2017 году в городах – нехватка времени у самих респондентов (25,9%), длительность ожидания очереди, неудобный график работы врача-специалиста (25,8%). Жителям городов-миллионников мешают своевременно пройти медицинские исследования некие неклассифицированные причины («другие обстоятельства» – 35,1%) и нехватка времени (32,5%). Основные проблемы для жителей сельских населённых пунктов – «отдаленность медицинских организаций, где можно пройти исследование» (27,8%), нехватка времени (24,7%), длительные очереди и неудобный график приёма врачей (18,8%). В среднем по выборке 19,9% опрошенных указали, что не смогли пройти медицинское обследование из-за того, что им предложили только платный вариант, на который у них не было денег. Чаще всего респонденты указывали, что не смогли пройти УЗИ (больше всего доля в городах – 34,4%), МРТ (36% в сёлах) и лабораторные исследования (33,5% случаев в городах-миллионниках). Респонденты, которым не удалось получить консультацию или обследование врача-специалиста, чаще всего указывали на тот же спектр причин: очереди и неудобный график работы врачей (26,1%), нехватка времени (24,1) и отдаленность медицинских организаций (11,6%). В целом, если судить по ответам респондентов, наименее доступны консультации таких специалистов, как невролог, эндокринолог, кардиолог, стоматолог, гинеколог и офтальмолог (окулист).

Частные организации выступают альтернативным каналом предоставления медицинских услуг населению. Российская бесплатная медицина «проигрывает» платной в оснащённости лабораторным и диагностическим оборудованием, гибкости графиков приёма специалистов, наличии в штате врачей востребованных специализаций. В 2017 году за медицинские исследования платили 25,1% респондентов, за приём врачей-специалистов – 32,4%. Обраща-

ясь к платной медицине, граждане стремятся преодолеть такие проблемы, как неудобство графика приёма или отсутствие необходимых специалистов в государственных медицинских организациях, недостаточное качество бесплатных услуг. При этом охват населения услугами платных медицинских организаций остаётся меньшим по сравнению с охватом государственным медицинским обслуживанием. Очевидно, что низкий доход снижает возможности людей по использованию платных медицинских услуг. По этому критерию в менее выгодном положении находятся неработающие лица в возрасте старше трудоспособного. Согласно оценке Росстата, в 2016 году они составляли 11,2% от численности всех малоимущих⁸. При этом, согласно данным выборочного обследования Росстата, 13% среди лиц 60 лет и старше отмечали, что им недостаточно денег для приобретения продуктов, лекарств и одежды. Среди лиц 30–39 лет доля тех, кто может себе ни в чём не отказывать, составляла 9%, доля не испытывающих «особых материальных затруднений» — 55%. Среди лиц 60 лет и старше таких было 35 и 7% соответственно⁹. Доля обращавшихся за платными медицинскими услугами была максимальна в возрастной группе 30–39 лет (26%), тогда как среди респондентов 60 лет и старше не превышала 17% (ниже только показатель у молодёжи 15–19 лет — 15%)¹⁰. В силу ухудшения состояния здоровья потребность в специализированной медицинской помощи среди граждан старших возрастов выше, чем у

населения младших групп. Причём неполучение этих услуг чаще всего связано с нехваткой денежных средств на их оплату или с необходимостью ожидания своей очереди в государственных организациях здравоохранения¹¹. В целом, при низкой платёжеспособности пожилых граждан, развитие частной медицины не может оказать положительного влияния на их здоровье. В определённой мере альтернативу платным услугам для населения, особенно в кризисный период, составляло обращение в государственные медицинские организации с использованием личных связей — через знакомых врачей [38].

По данным выборочного обследования поведенческих факторов, влияющих на здоровье, проведённого Росстатом, самооценки состояния здоровья у населения 60 лет и старше смещаются в сторону неблагоприятных. Большинство (60%) представителей старшего поколения называют своё здоровье удовлетворительным, а ещё 27% — плохим. Следует отметить, что у населения в возрасте до 40 лет преобладают положительные самооценки здоровья. Затем ситуация меняется. В возрасте 40–49 лет практически в равной степени представлены оценки «хорошее» и «удовлетворительное», но уже в группе 50–59 лет доля лиц, оценивающих своё здоровье как «хорошее», резко сокращается и доминирующим вариантом самооценки становится «удовлетворительное» (65%; рисунок).

Одной из ведущих причин инвалидности среди взрослого населения выступают сердечно-сосудистые заболевания, для выявления и профилактики которых не созданы благоприятные условия: консультации врачей-кардиологов в государственных медицинских организациях, как было отмечено выше, входят в перечень наименее доступных. Другой лидирующей по распространённости причиной первичной инвалидности выступают злокачественные новообразования. Консультации онкологов не вошли в число наименее доступных. Однако данный факт может говорить и о том,

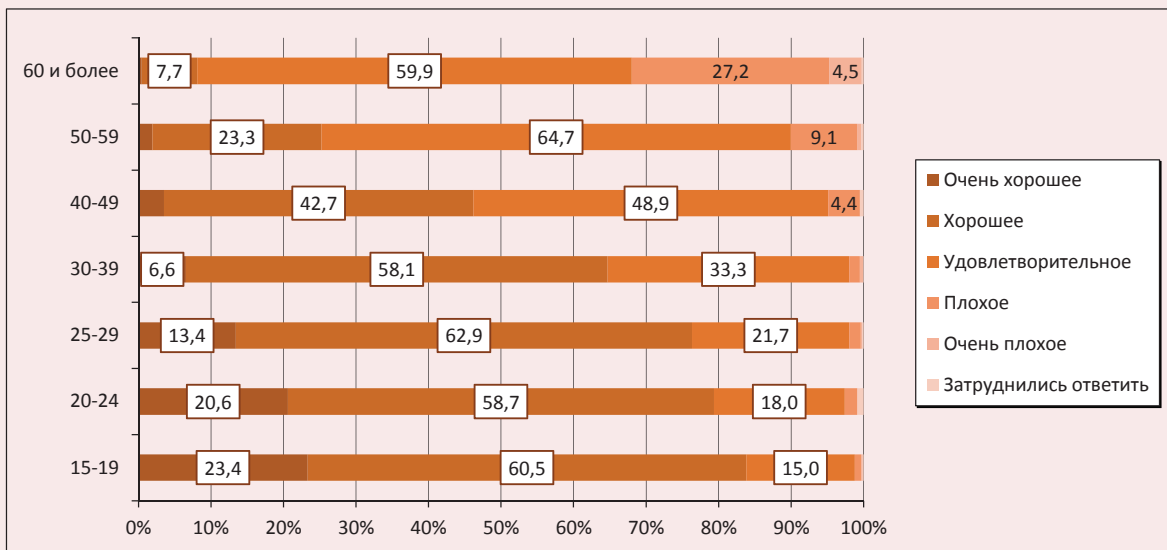
⁸ Распределение общей численности малоимущего населения по основным группам. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2017 / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/IssWWW.exe/Stg/d01/06-18.doc (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

⁹ Распределение респондентов по самооценке материального положения (в %). Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения / Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

¹⁰ Обращения в медицинские организации в разных возрастных группах. Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения / Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

¹¹ Потребности в специализированной медицинской помощи по возрастным группам респондентов в 2016 г. Социальное положение и уровень жизни населения России — 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/IssWWW.exe/Stg/d02/10-18.doc (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

Распределение самооценок здоровья в разных возрастных группах населения России, 2018 год

Источник: Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/index.html (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

что население реже обращается к таким специалистам самостоятельно, без рекомендаций терапевта. Диагноз «сахарный диабет» предполагает постоянное наблюдение врача, кардинально меняет образ жизни человека в плане пищевых привычек, допустимых видов физических нагрузок, необходимости тщательного самоконтроля состояния здоровья. Высокая распространённость этого инвалидирующего заболевания среди лиц в возрасте 60 лет и старше требует расширения доступности консультаций специалистов-эндокринологов, которая, согласно приведённым выше данным, сейчас является недостаточной.

Для россиян характерно обращение к врачу в тот момент, когда симптомы заболевания мешают выполнять обязанности на работе. Отношение к диспансеризации при этом — скептическое. Эту меру профилактической медицинской помощи население считает формальной процедурой, которая никак не способствует улучшению здоровья [39]. В сочетании с обозначенными негативными явлениями данные поведенческие особенности могут препятствовать своевременному выявлению риска хронических инвалидирующих патологий.

В исследовании С.Э. Покровской показано, что медицинская активность населения имеет возрастную специфику. Лица предпенсионного и пенсионного возраста склонны обращаться за медицинской помощью в государственные организации здравоохранения в случае заболевания в большей степени по сравнению с более молодыми группами населения. Они реже надеются на спонтанное выздоровление, как это делают многие молодые люди. В то же время в старших возрастах значительно ниже доля лиц, полагающих, что личные усилия человека могут во многом определять его состояние здоровья. Автор указывает и на принципиальное различие между пожилыми гражданами и людьми с инвалидностью. Среди последних им не удалось выявить никого, кто считал бы личные усилия в поддержании здоровья совершенно незначимыми [40].

Установление человеку группы инвалидности фактически накладывает и на него самого, и на систему здравоохранения дополнительные обязанности по поддержанию его здоровья. В условиях демографического старения населения профилактика инвалидирующих патологий и повышение результативности реабилита-

ции инвалидов являются одними из важнейших направлений развития здравоохранения. По данным уже упоминавшегося выборочного наблюдения Росстата¹², в 2017 году среди людей с инвалидностью 45% указали, что для них не была разработана индивидуальная программа реабилитации (ИПРА). Среди тех, у кого ИПРА имелась, 39% отметили, что она не полностью соответствует их потребностям. Кроме того, 7% респондентов указали, что прописанные в программе мероприятия не выполняются. Отдельной проблемой остаётся обеспечение инвалидов средствами реабилитации и товарами медицинского назначения. В городах 38% инвалидов сообщили, что не обеспечены техническими средствами реабилитации, 73% – что не обеспечены средствами ухода. В сельских населённых пунктах доли таких ответов составили 41 и 67% соответственно.

Заключение

Европейские страны по показателям ожидаемой продолжительности здоровой жизни, инвалидности, а также доле пожилых в составе населения можно объединить в шесть кластеров. Сходство по названным критериям соотносится с географическим положением стран и их участием в политических объединениях (в настоящее время или в недалёком историческом прошлом). Так, показатели инвалидности в России наиболее близки к наблюдаемым в странах Восточной Европы, особенно в бывших советских республиках. Для России основными факторами, способствующими инвалидизации населения, выступают, с одной стороны, демографическое старение, а с другой – неблагоприятные условия жизни значительной части граждан. Причём низкий уровень дохода может быть самостоятельным мотивом получения группы инвалидности или приводить к этому событию опосредованно – через ухудшение питания, снижение доступности качественных лекарств и платного медицинского обслуживания. Особенно тревожно то, что российская система здравоохранения пока не готова к значительному росту потребности населения в ме-

дицинских услугах. Об этом свидетельствуют приведённые выше результаты обследований Росстата, а также данные региональных социологических исследований [41]. «Разгрузить» государственные учреждения благодаря развитию платной медицины не удастся до тех пор, пока не вырастут доходы пожилых граждан, составляющих основной контингент пациентов государственных учреждений здравоохранения. Причём эксперты ожидают роста численности инвалидов в старших возрастных группах населения в связи с недавним повышением пенсионного возраста [42].

В мировой практике есть опыт негативных последствий проведения реформ в сфере здравоохранения. Оптимизация сети медицинских учреждений во многих странах стала причиной снижения доступности медицинской помощи для населения [43]. В работе D. Sakellariou & E.S. Rotarou (2019) проанализировано воздействие неолиберальных преобразований на доступность медицинских услуг для людей с инвалидностью на примере Чили (страна-пионер на пути неолиберальных реформ в здравоохранении) и Греции (активно реализует эти реформы в последние годы). По итогам проведённого ими анализа авторы исследования называют неолиберальные реформы в здравоохранении формой «структурного насилия» (англ. *structural violence*), непропорционально сильно поражающей наиболее уязвимые категории населения, в том числе людей с инвалидностью [44].

Помня о том, что в любом обществе есть уязвимые группы, которые обладают наименее широкими возможностями в получении платных медицинских услуг, необходимо развивать и делать более доступными медицинские услуги государственных учреждений здравоохранения. Вместе с тем для максимально успешного выявления рисков инвалидности профилактическую работу необходимо вести, учитывая половозрастную специфику рисков развития инвалидизирующих заболеваний.

В условиях демографического старения и роста спроса на бесплатные медицинские услуги именно со стороны старшего поколения наиболее комплексного результата в плане профилактики инвалидности можно ожидать от мер, ориентированных на укрепление здоровья

¹² Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сфере образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality17/index.html (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

этой категории населения. В их числе: развитие и совершенствование медицинской помощи геронтологического профиля; включение в программу диспансеризации для старших поколений обследований, позволяющих своевременно выявить признаки онкопатологий и сердечно-сосудистых заболеваний; разъяснительная и просветительская работа с населением, направленная на повышение доверия врачам, приверженности назначенному курсу лечения, медицинской грамотности и закрепление навыков здоровьесберегательного поведения.

Важнейшее направление профилактики инвалидности среди представителей старших возрастов — обеспечение им достойного уровня жизни. Помимо исполнения уже существующих обязательств (предоставление льгот и гарантий в сфере пенсионного обеспечения и занятости) необходимо содействовать повышению финансовой грамотности старшего поколения — информировать людей о способах защиты от действий мошенников, вовлечения в рискованные финансовые схемы, поскольку неумение распоряжаться доходами является одной из причин «застревания» в бедности [45].

Среди населения трудоспособного возраста снижения показателей инвалидности также можно достичь, улучшив доступность консультаций врачей-специалистов для занятого населения, поощряя работодателей к заботе о здоровье работников, совершенствуя методы диагностики инвалидизирующих заболеваний, их применение во время прохождения гражданами регулярной диспансеризации.

Предотвращение потерь здоровых лет жизни из-за инвалидности возможно только после решения проблемы низкого качества жизни населения России, что требует применения целого комплекса управленческих инструментов. В то же время последствия инвалидизации населения также требуют регулирования. Можно предложить три направления работы для сни-

жения уровня инвалидности и сокращения социального и экономического ущерба от этого явления:

1) профилактика инвалидности: включает меры по прогнозированию, выявлению и предупреждению угроз ухудшения общественного здоровья;

2) компенсация текущего экономического ущерба от инвалидизации населения: создание общества равных возможностей: формирование доступной среды, развитие и внедрение этики общения с инвалидами, разработка и реализация программ и проектов поддерживаемого трудоустройства инвалидов;

3) вторичная профилактика, необходимая для предотвращения потерь, связанных с дальнейшим ухудшением состояния здоровья инвалидов, предполагающая совершенствование системы реабилитации и включающая меры, направленные на поддержание высокого качества жизни инвалидов.

Перечисленные направления, безусловно, не охватывают весь спектр проблем, связанных с инвалидизацией населения, однако позволяют структурировать деятельность, направленную на минимизацию экономических и социально-демографических потерь общества, обусловленных инвалидностью.

Проведённое нами исследование позволяет заключить, что инвалидизация сопутствует низкому качеству жизни населения или его отдельных категорий. Демографическое старение само по себе не приводит к инвалидизации населения, а лишь накладывается на уже существующие социально-экономические условия. В зависимости от этих условий и качества социального управления инвалидизация приобретает наблюдаемые масштабы и структурные характеристики. Это определяет возможность использования характеристик данного процесса в качестве индикаторов результативности политики в сфере здравоохранения.

Литература

1. Каспарьян Ж.Э. Динамика инвалидности населения Мурманской области: разработка и построение системно-динамической модели // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 2 (9). С. 138–145.
2. Запарий Н.С., Запарий С.П. Динамика инвалидности вследствие болезней, вызванных ВИЧ, в федеральных округах Российской Федерации за 2007–2008 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2011. № 2. С. 54–57.

3. Спектор С.В. Динамика и структура инвалидности вследствие психических расстройств в Калининградской области за 2008–2011 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2012. № 4. С. 112–116.
4. Васин С.А. Перспективы изменения численности и возрастного состава взрослых инвалидов в России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5 (164). С. 129–139.
5. Yokota R.T.C., Van der Heyden J., Demarest S. et al. Contribution of chronic diseases to the mild and severe disability burden in Belgium. *Archives of Public Health*, 2015. Available at: <https://doi.org/10.1186/s13690-015-0083-y> (Accessed 29 April 2019)
6. Vellopoulou K., Bakakos P., Loukides S., Maniadaakis N., Kourlaba G. The economic burden of asthma in Greece: a cross-sectional study. *Applied Health Economics and Health Policy*, 2019. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40258-019-00469-4> (Accessed 24 April 2019)
7. Addabbo T., Sarti E., Sciulli D. Disability and life satisfaction in Italy. *Applied Research in Quality of Life*, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 925–954. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11482-015-9412-0> (Accessed 24 April 2019)
8. Pag n-Rodr guez R. Disability, training and job satisfaction. *Social Indicators Research*, 2015, vol. 122, no. 3, pp. 865–885. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0719-2> (Accessed 24 April 2019)
9. Мигранова Л.А., Ненахова Ю.С. Программа «Доступная среда» и оценка ее реализации инвалидами // Народонаселение. 2015. № 1 (67). С. 107–122.
10. Ворошилова И.И., Пархоменко Р.С., Ефанов В.Н. Ожидаемая продолжительность жизни, смертность и инвалидность в оценке качества жизни пожилых людей // Клиническая геронтология. 2009. Т. 15. № 12. С. 9–12.
11. Инвалиды в России: причины и динамика инвалидности, противоречия и перспективы социальной политики / С. Васин, О. Голодец, С. Бесфамильная, Т. Малева. М., 1999. 225 с.
12. Муравьёва М.Г. Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями? Обзор истории инвалидности // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 2. С. 151–166.
13. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., Tursun-zade R., Leon D.A. Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis. *The Lancet Public Health*, 2019, vol. 4, no. 4, pp. e.181–e.188. Available at: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lanpub/PIIS2468-2667\(19\)30036-2.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lanpub/PIIS2468-2667(19)30036-2.pdf) (Accessed 24 April 2019)
14. Будилова Е.В., Лагутин М.Б., Мигранова Л.А. Динамика популяционного здоровья населения России в 2005 – 2016 гг. // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 99–109.
15. Здоровье и нездоровье россиян / С.А. Васин, Е.А. Кваша, А.В. Рамонов, Т.Л. Харьковская // Демоскоп Weekly. 2015. № 647–648. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0647/demoscope647.pdf> (дата обращения: 24.04.2019).
16. Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Измерение инвалидности и положение инвалидов: российский и международный подходы // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 22–43.
17. Макаренцева А.О., Васин С.А., Хасанова Р.Р. Как оценить число инвалидов в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 695–696. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0695/tema01.php> (дата обращения: 24.04.2019).
18. Запарий С.П., Коврижных Ю.А. Анализ первичной инвалидности вследствие злокачественных новообразований в г. Москве в 2012–2017 гг. // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2018. № 4. С. 72–78.
19. Саламатина О.В. Первичная инвалидность вследствие злокачественных новообразований у взрослого населения Челябинской области в динамике за 2012 – 2016 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2017. № 3. С. 92–97.
20. Тимонина Ю.В., Петрушина М.В., Казакевич Л.И. Анализ первичной инвалидности вследствие болезней системы кровообращения среди взрослого населения Челябинской области за период 2012–2016 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2017. № 3. С. 75–84.
21. Бутрина В.И. Качество жизни инвалидов: анализ современной ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 4 (194). С. 129–137.
22. Больницкая А.Н. Инвалиды и общество // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4 (122). С. 119–127.
23. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 50–58.

24. Старобина Е.М., Кузьмина И.Е., Кривенков С.Г. О результатах мониторинга потребности инвалидов в трудоустройстве, открытии собственного дела в Санкт-Петербурге // Труд и социальные отношения. 2015. №4. С. 145–158.
25. Ненахова Ю.С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 96–108.
26. Трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда: проблемы и пути решения / [О.А. Александрова, М.С. Токсанбаева, А.В. Ярашева и др.; науч. ред.: О.А. Александрова]; АНО «Совет по вопросам управления и развития». М.: Вариант, 2018. 280 с.
27. Демьянова А.В. Меры государственной поддержки занятости инвалидов в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. №4. С. 160–185.
28. Васин С.А. Лёгкое бремя инвалидности // Демоскоп Weekly. 2007. № 283–284. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0283/analit07.php> (дата обращения: 24.04.2019 г.).
29. Chang A.Y., Skirbekk V.F., Tyrovolas S., Kassebaum N.J., Dieleman J.L. Measuring population ageing: an analysis of the Global Burden of Disease Study 2017. *The Lancet Public Health*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. e159–e167. Available at: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lanpub/PIIS2468-2667\(19\)30019-2.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lanpub/PIIS2468-2667(19)30019-2.pdf) (Accessed 24 April 2019)
30. Jackson S.E., Hackett R.A., Steptoe A. Associations between age discrimination and health and wellbeing: cross-sectional and prospective analysis of the English Longitudinal Study of Ageing. *The Lancet Public Health*, 2019, vol. 4, no. 4, pp. 200–208. Available at: [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lanpub/PIIS2468-2667\(19\)30035-0.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lanpub/PIIS2468-2667(19)30035-0.pdf) (Accessed 29 April 2019)
31. Raleigh V.S. Trends in life expectancy in EU and other OECD countries: why are improvements slowing? *OECD Health Working Paper no. 108*. OECD, 2019. 61 p. Available at: <https://dx.doi.org/10.1787/223159ab-en> (Accessed 29 April 2019)
32. Sugawara, Y.M., Saito Y. Changes in disability-free life expectancy (DFLE) at birth between 2000 and 2010 across Japanese prefectures. *International Journal of Public Health*, 2016, vol. 61, no. 7, pp. 739–749. Available at: <https://doi.org/10.1007/s00038-016-0847-3> (Accessed 24 April 2019)
33. Иванова А.Е., Павлов Н.Б., Михайлов А.Ю. Тенденции и региональные особенности здоровья взрослого населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. Т. 19. № 3. С. 25. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/323/30/lang,ru/> (дата обращения: 17.04.2019 г.).
34. Кулагина Е.В. Профиль инвалидности: демографический и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 11 (434). С. 103–119.
35. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Здоровье населения России: динамика и возрастные особенности (1994–2011 гг.) // Вестник Института социологии. 2012. № 6. С. 8–47.
36. Ворошилова И.Н., Пархоменко Р.С., Ефанов В.Н. Ожидаемая продолжительность жизни, смертность и инвалидность в оценке качества жизни пожилых людей // Клиническая геронтология. 2009. Т. 15. № 12. С. 9–12.
37. Сибурин Т.А., Мишина О.С. Стратегии развития здравоохранения, реализуемые в мире // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 2 (18). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/278/30/lang,ru/> (Дата обращения: 24.04.2019)
38. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения : моногр. / Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: МАКС пресс, 2007. 526 с.
39. Андриянова Е.А., Позднова Ю.А. Факторы формирования социальных стереотипов городского населения в отношении амбулаторно-поликлинической помощи // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 40–45.
40. Покровская С.Э. Факторы, формирующие обращаемость за медицинской помощью // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. № 3 (25). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/278/30/lang,ru/>
41. Груздева М.А., Барсуков В.Н. Здоровье населения старших возрастов: современные вызовы // *Society and Security Insights*. 2018. Т. 1. № 4. С. 184–191.
42. Соловьев, А. К. Повышение пенсионного возраста: демографические условия и макроэкономические риски // *Экономист*. 2015. № 7. С. 3–12.
43. Дуганов М.Д., Шабунова А.А., Калашников К.Н. Опыт постиндустриальных стран в реструктуризации медицинской помощи и уроки для России // Проблемы развития территории. 2016. № 2 (82). С. 65–81.

44. Sakellariou D. & Rotarou E.S. The effects of neoliberal policies on access to healthcare for people with disabilities. *International Journal for Equity in Health*, 2017. Available at: <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0699-3> (Accessed 24 April 2019)
45. Нестерова С.И. Исследование регионального уровня бедности в Российской Федерации // Вестник НГИЭИ. 2018. № 11 (90). С. 33–46.

Сведения об авторе

Лейла Натиговна Нацун – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

The Increase in the Number of Disabled Population in European Countries as an Indicator of the Effectiveness of Their Health Policies

Abstract. The paper presents an analysis of disability indicators in European countries, where the increase in the number of persons with disabilities is largely determined by the high primary disability in the elderly. The goal of our research is to identify distinctive characteristics of disability in groups of European countries that have different levels of economic development and conduct different policies in the field of healthcare. To achieve this goal, we solve the following research tasks: we arrange European countries into groups; we make a comparative evaluation of disability rate in the population in selected groups; we analyze of the quality and accessibility of healthcare as a factor that influences disability indicators; we propose recommendations aimed to reduce the disability rate in Russia's population. We group European countries into six clusters according to disability indicators, the proportion of elderly persons in the population and healthy life expectancy at age 60. The greatest similarity of these parameters is observed in the countries that have similarities in geographical position and historical experience of participation in political associations. The Russian situation is characterized by worse values of healthy life expectancy and a relatively low proportion of elderly population in comparison with the situation in most other European countries. The discussion part of our paper considers the quality and availability of healthcare. In Russia, a significant part of older citizens who have the greatest risk of developing disabling pathologies cannot afford to receive treatment in private medical organizations. The effectiveness of rehabilitation measures for people with disabilities remains low. In conclusion, we summarize the arguments in favor of the use of disability indicators in assessing the effectiveness of countries' health policies. We propose directions of work to reduce disability in Russia. The results of the study can be useful for social management workers and for scientists whose research interests affect the problems associated with disability of the population.

Key words: disability, increase in the number of the disabled, quality and availability of medical care, demographic ageing.

Information about the Author

Leila N. Natsun – Researcher, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Статья поступила 08.07.2019.

Роль индивидуальной ответственности в территориальном развитии

**Илона
ГЕРЕНЧЕР**

Университет Святого Иштвана
Институт региональной экономики и развития сельского хозяйства
Гёдёллэ, Венгрия, 2100, ул. Páter Károly, д. 1
E-mail: gerencserilona16@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3268-3769

Аннотация. В науке о регионах всегда уделялось большое внимание изучению территориальных различий. При определении направлений развития важно, чтобы отдельные территориальные уровни определялись индивидуально. Одной из особенностей поселений является оживленная общественная жизнь. Это дает возможность населению жить своей индивидуальной социальной и культурной жизнью. В поселениях, где жители активны, они обычно проявляют радость к жизни и стремятся улучшить ее в физическом и культурном аспектах. Они трудятся как одна большая семья, образуя сообщество. В некоторых случаях руководство поселений уделяет большое внимание развитию сообществ. Руководство пытается обеспечить развитие поселений формально через локальные правовые акты, а также использует неформальные инструменты. В дополнение к руководству, важную роль в построении сообщества играют индивиды. Их активное участие в развитии местных общественных структур может в значительной степени способствовать успешному развитию поселения. В исследовании рассматриваются несколько местных сообществ с качественными и количественными характеристиками. Цель данной статьи – рассмотреть сообщества в новом ракурсе. Предыдущее исследование было главным образом посвящено сообществам с точки зрения их особенностей, этнической принадлежности, территориальной привязки (школьные сообщества). В настоящем же исследовании мы пытаемся выделить взаимосвязь между территориальным развитием и индивидуальной ответственностью, учитывая все особенности сообществ. Важно отметить, что цель исследования не заключается в представ-

---

Для цитирования: Геренчер И. Роль индивидуальной ответственности в территориальном развитии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 220–233. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.14

For citation: Gerencsér I. The role of individual responsibility in territorial development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 220–233. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.14

лении его полных результатов (корреляционные исследования по отдельным факторам: возраст, уровень образования, доход и их влияние на сообщества), что продиктовано, отчасти, масштабом работы и перспективами будущих исследований. Результаты исследований подтверждают, что уровень и потенциал развития регионов во многом определяется человеческим фактором в данном пространстве. Решения, принимаемые директивными органами с учетом этих принципов, могут реально способствовать развитию территорий. Целью будущих исследований могло бы стать изучение результатов данного развития.

Ключевые слова: сообщество, исследование личности, индивидуальная ответственность, местные лидеры, эндогенное развитие.

Введение

Одной из важнейших задач регионального развития является сокращение различий между регионами с разным уровнем развития. Для создания благоприятных условий жизни необходима не только финансовая поддержка, но и наличие многих других факторов. Во-первых, это географическое положение и природные условия, которые в то же время сильно влияют на потенциал регионов, но могут быть почти не затронуты в региональном развитии. Другим решающим фактором является экономическая среда, в которой будут функционировать поселения. Человек способствует формированию природных ресурсов и экономической среды. В этом процессе ответственность субъектов общества и условия, предусмотренные политикой, неоспоримы. В исследовании представлена роль сообществ в формировании образа поселения на примере шести поселений в Венгрии, вовлечение индивидов в общественную жизнь, роль личной инициативы.

Обзор концептуальных подходов и методологии исследования

«Одно из мнений о сущности территориального развития рассматривает территориальное развитие с социально-экономической точки зрения и считает развитие поселений техническим по своему характеру. Слабость такого подхода заключается в том, что он не учитывает промежуточные уровни и лишь выделяет одни факторы, пренебрегая другими, что приводит к фундаментальным нарушениям в анализе, понимании и влиянии. Другая точка зрения заключается в том, что территориальное развитие подчинено развитию поселения. Территориальное развитие должно трактоваться на разных уровнях, но всегда комплексно (с учетом всех его элементов)» [1, с. 1]. Современная территориальная политика и политика простран-

ственного развития в Венгрии интерпретируют территориальное развитие в основном в соответствии с первой концепцией. Данные направления анализируют пространственные характеристики общества и экономики и концентрируются на корректировке пространственной структуры, отличной от желаемой [2, 3]. Аналогичные причины привели к разработке политики сообщества Европейского союза (ЕС). В целях сокращения региональных диспропорций в развитии, в ЕС были созданы различные фонды финансового развития (ЕФРР, Европейский научный фонд и т.д.). Сегодня они стали важнейшими источниками финансовых ресурсов для пространственного развития регионов, направленными на сокращение различий в развитии между регионами.

Различные уровни развития или отсталости требуют различных направлений и способов решения данных проблем. При определении направлений развития важно, чтобы отдельные территориальные уровни могли быть определены однозначно. Например, регион может быть уникально охарактеризован элементами регионального капитала, такими как географическое положение, размер, природные ресурсы, наследие, инфраструктура и социальный капитал. «Территориальный капитал – это совокупный актив, который является специфическим для территории или области, сосредоточивающий политику развития на местных ценностях и их непрерывном обновлении» [1, с. 25; 4]. Роль социального капитала в рамках территориального капитала имеет первостепенное значение, так как эти качественные характеристики во многом определяют потенциал развития района.

С появлением вопросов регионального развития в региональной политике возникают и новые методологические идеи. Помимо чисто

количественных характеристик, был также поднят вопрос качественных показателей и их измерения. Измерительный подход, основанный на чисто экономических основаниях, дополняется такими понятиями, как человеческое развитие, уровень жизни, счастье. Это характеристики социального капитала. С учетом этих новых понятий измерение территориального развития может дать гораздо более подробную картину социально-экономических характеристик региона. С другой стороны, эта возможность позволит разработать комплекс показателей и методологических подходов [6, 7].

Enyedi отражает данный подход в идее территориальных неравенств. Он заключается в том, что географические различия в человеческом знании лежат в основе новых территориальных неравенств [6, 7]. Такого же мнения придерживается и Molnár, считая, что стоит отказаться от парадигмы, которая гласит, что поселение будет успешно функционировать только при наличии эффективной экономики. По мнению Molnár, успех объясняется не только экономическими факторами [8]. Goda и Kassai также рассматривают развитие человеческого капитала как ключ к смягчению территориальных диспропорций и повышению эффективности политики экономического развития [9]. Важность роли человеческого фактора подчеркивается и появившейся в начале 90-х годов прошлого века новой тенденции развития, получившей название эндогенного развития в территориальной политике.

«Человеческий капитал также играет ключевую роль в теориях эндогенного развития. Изменения основаны на местных ресурсах, таких как потенциал местной экономики, рабочая сила и знания, которые затем связываются с более крупными производственными процессами» [10; 11; 12; 13 с. 21]. Однако в отношении этой теории также важно отметить, что одно лишь эндогенное развитие не решает проблему сокращения территориального неравенства. Неспособность в полной мере учитывать внешние обстоятельства и влияющие факторы тоже ограничивает потенциал развития данной территории [14; 15; 16]. По этой причине эндогенное развитие нельзя игнорировать, поскольку изоляция предотвратила бы влияние внешних условий [17].

Эксплуатация эндогенных ресурсов также имеет решающее значение для развития, т.к. функции и роль сельских и городских районов существенно изменились в результате глобализации. Для правильного функционирования этих новых пространственных функций необходим поиск факторов, способствующих не только экономическому, но и социальному развитию территории. В этом смысле Edel рассматривает сообщество как эндогенный ресурс. По мнению исследователя, это стабильные, но гибкие и существенные ресурсы, которые могут стать основными драйверами трансформации [18; 19; 20]. Это предположение находит отражение и в использовании финансовых ресурсов в развитии. Значительную часть ресурсов развития используют те регионы (областные центры, крупные города), где на местном уровне высока социальная активность и имеются базовые ресурсы [9].

Социальная активность может характеризоваться отношениями и социальным капиталом, который, согласно социальной психологии, является собственностью индивида. На основе определения отношений, которое предлагают Capello и Faggian, можно рассматривать сотрудничество между экономическими субъектами, а также передачу знаний и обмен опытом не только на уровне компаний, но и между странами, регионами и населенными пунктами. Контактный капитал – это своего рода способность достигать общих целей [21; 22; 23]. П. Бурдые [24; 25] ввел понятие социального капитала как ресурса, основанного на принадлежности к группе. Согласно его теории, размер социального капитала человека зависит от масштаба сети отношений, которые он может реально мобилизовать. Социальный капитал обычно состоит из связей, норм, доверия и институтов.

Tönnies описал эту сеть отношений понятием «сообщество». По его мнению, это понятие подразумевает позитивные взаимоотношения [26]. Поэтому его значение чаще всего положительное. Оно также может обозначать:

- группу людей (молодежь, самодеятельное сообщество);
- качество (сообщество или мелкое общество);
- населенный пункт (или общину);

– что-то, созданное совместными усилиями (общественный театр, общественный объект, коммунальные инвестиции);

– чувство, намерение, принадлежность к чему-то;

– одни и те же идеи, цели и ценности [27].

Например, идентичность может быть общим набором ценностей поселений, что сплачивает сообщество [28; 29; 30; 31]. С точки зрения пространственного развития сообщество – это отношения индивида, которые могут способствовать развитию данного территориального уровня (поселения, региона) и могут быть интерпретированы только через формирование сетей между индивидами (социальные сети). В этой сети отношений ключевыми субъектами в жизни поселений являются отдельные лица (индивиды, учреждения/организации, например ассоциации, руководители местных органов власти), которые играют решающую роль как в получении внешних ресурсов, так и в мобилизации внутренних. Таким образом, сеть в основном охватывает функции, которые не могут быть количественно определены. Поэтому их знания требуют качественных исследований.

В исследовании представлен опыт эмпирических исследований в сообществах с успешной социальной сетью. Оно описывает то, как члены сообществ осознали взаимосвязь между территориальным развитием с точки зрения социального капитала и индивидуальной ответственностью в обеспечении развития. Под индивидуальной ответственностью в данном исследовании мы подразумеваем то, как человек реагирует на социальные проблемы в сообществе и участвует в их решении, а также способствует поддержанию ценностей.

Исследование содержит частичные результаты комплексного исследования, охватывающего ряд тем, в том числе сеть сообществ в населенных пунктах. Выбор населенных пунктов, в которых можно наблюдать успешную деятельность по созданию сообществ и контактных сетей внутри них, был важным при определении территории, на которой производилась выборка. В выборку были включены шесть городов Венгрии (Эстергом, Кечкемет, Эрд, Чёмёр, Мишкольц, Эгер). Сообщества анализировались с использованием качественных и количественных характеристик. Количественные

показатели анализировались преимущественно с помощью имеющейся базы данных HCSO.

Методом, используемым для полевых исследований и сбора данных, является анкетный опрос, который подходит для описательных, пояснительных и рекогносцировочных целей [32]. Анкета включала вопросы о ключевых участниках сообщества, сильных и слабых сторонах сообщества. Она также затрагивала сеть контактов внутри и за пределами поселения; показывала участие отдельных лиц в сообществе и лиц, ответственных за развитие местных общественных структур. В шести населенных пунктах (Эстергом, Кечкемет, Эрд, Чёмёр – весна, 2016 г., Мишкольц и Эгер – весна, 2017 г.) было проведено исследование с участием студентов второго курса Университета Св. Иштвана (Szent István University). Выборка произвольная, стремящаяся к репрезентативной. Выборка включает 796 человек, из которых 60% – женщины, 40% – мужчины. Возраст, образование, профессия и доход различные. Общая оценка ответов проводилась с использованием описательных и переменных статистических методов.

Содержание и основные выводы исследования

В остальной части статьи представлены качественные и количественные результаты исследования. В частности, в первую очередь приведены особенности сообществ в изучаемых муниципалитетах на основе доступных статистических данных. Особое внимание в отборе статистических данных уделялось их доступности и достаточности для всех поселений в каждом году периода изучения. Затем основное внимание в исследовании уделяется общему опыту респондентов внутри сообщества.

Физические характеристики социальных сетей

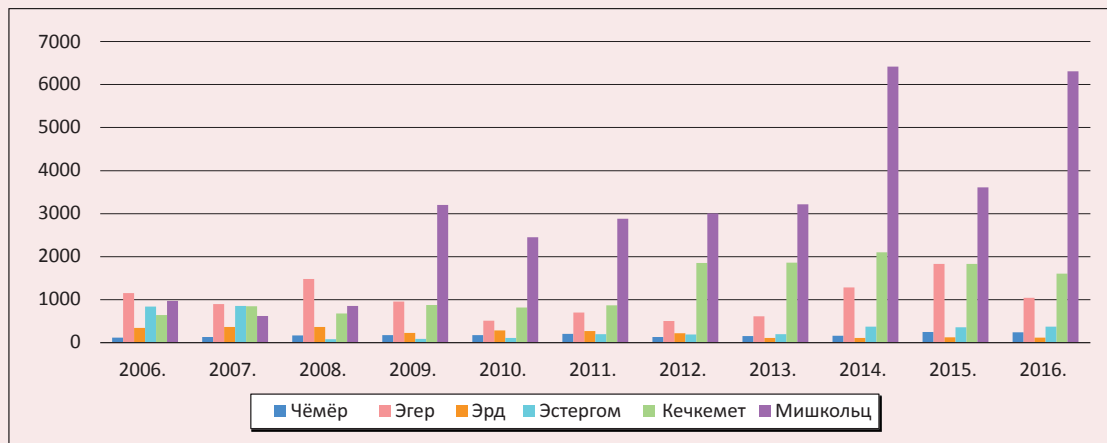
Не только человеческий фактор имеет важное значение для развития сети сообществ. Не менее важными являются физические факторы и места, которые дают возможность получить опыт и развить чувство принадлежности к сообществу. Следовательно, общая характеристика сообществ в поселениях сосредоточена на таких показателях, как культурные мероприятия, которые обеспечивают опыт сообщества, и число профессий в сфере культуры или творческих сообществ.

Культурные мероприятия, организуемые либо муниципальным правительством, либо НПО, являются одной из областей, в которых можно познакомиться с сообществом. Они дают возможность встретиться с людьми, не входящими в круг близких родственников или друзей, но обладающими аналогичными интересами. На *рисунке 1* показано, что число мероприятий, организованных для населения в крупных населенных пунктах за последнее десятилетие, возрастает с каждым годом. Количество мероприятий уменьшилось в населенных пунктах Будапештской агломерации. Причина этого, вероятно, в том, что программы, предлагаемые

столицей, могут иметь эффект втягивания. В Эстергоме некоторый рост наблюдался на протяжении многих лет. Количество участников мероприятий показано на *рисунке 2*. По количеству участников ситуация аналогична ситуации с количеством событий. В крупных сельских населенных пунктах население посещает достаточно большое количество мероприятий, в то время как количество посетителей в близлежащих поселках столицы представлено недостаточно.

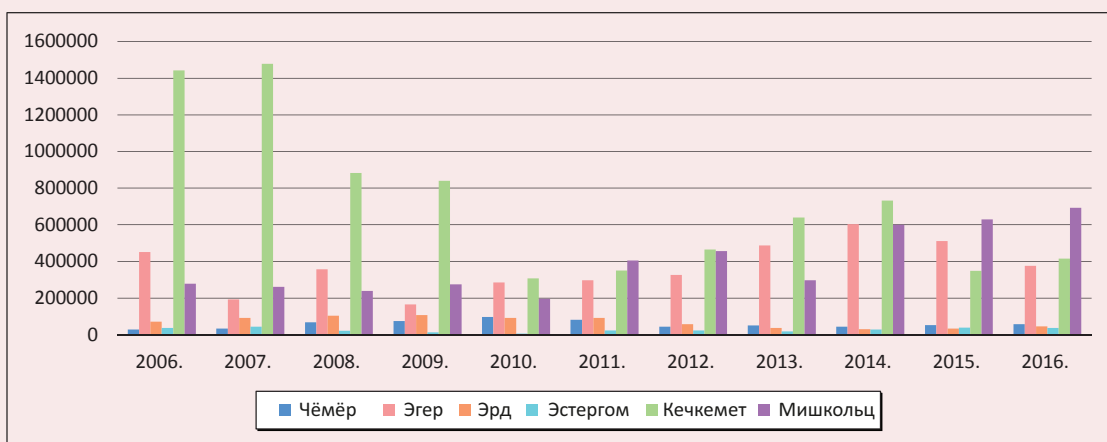
Другой формой жизнедеятельности в сообществе может быть совместная творческая деятельность. На *рисунке 3* показано количество организаций, созданных для этой цели.

Рис. 1. Количество культурных мероприятий (на тысячу жителей)

Источник: база данных HCSO на основе собственного редактирования, 2018.

Рис. 2. Число участников культурных мероприятий (на тысячу жителей)

Источник: база данных HCSO на основе собственного редактирования, 2018.

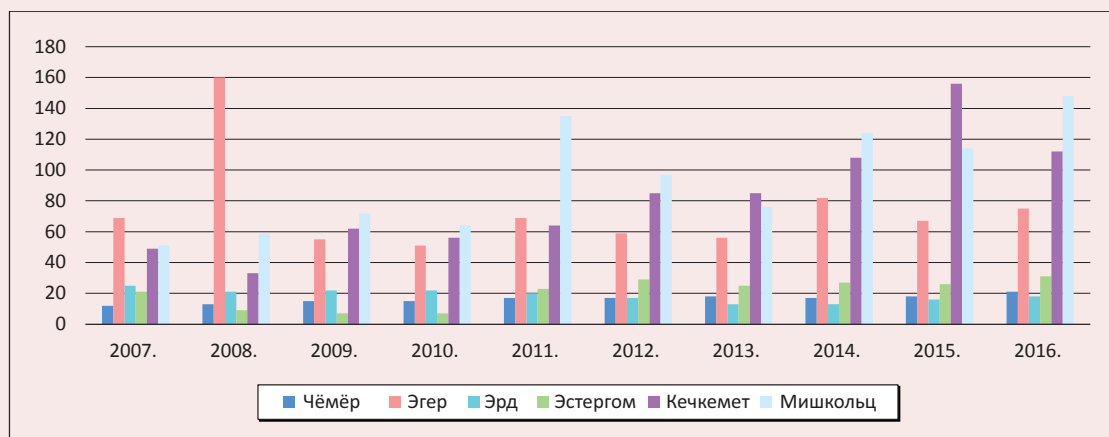
Можно сказать, что практически во всех населенных пунктах количество творческих сообществ в исследуемый период непрерывно увеличивалось. Творческие сообщества – постоянные, стабильно вовлечённые в работу управленческие сообщества, которые представляют результаты индивидуального или совместного творческого процесса обществу. Они сгруппированы следующим образом: художественные группы, художественные группы народного искусства, творческие художественные группы.

Вероятно, это связано с постоянным увеличением числа хорошо функционирующих небольших групп и сообществ. Повышение числа

культурных сообществ может быть связано с увеличением числа заявок. Большая часть финансовых ресурсов стала доступна объединениям на более выгодных условиях. Таким образом, реализация разработок и функционирование самих объединений стали более эффективными. В больших городах увеличение числа культурных сообществ можно объяснить более высокой плотностью населения, более высокой образованностью людей и лучшей инфраструктурой.

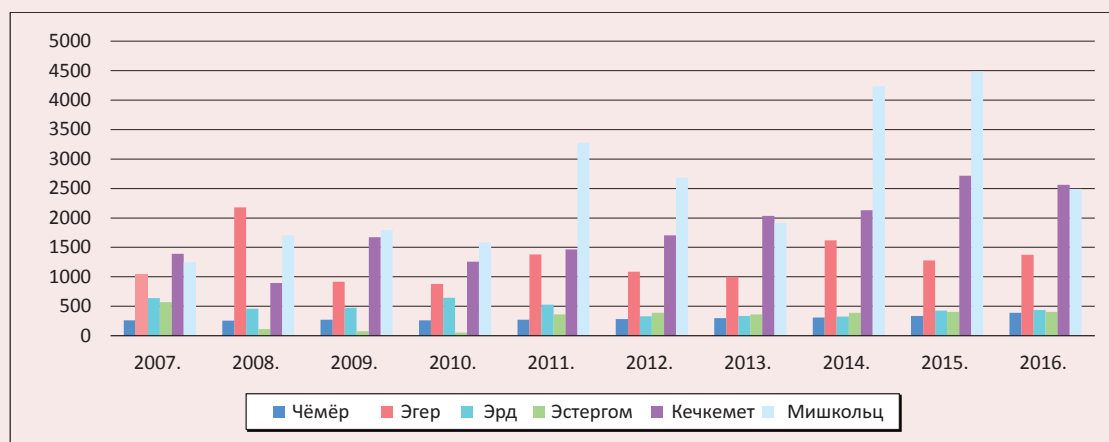
Это предположение также подтверждается рисунком 4, на котором показаны изменения количества членов творческих сообществ.

Рис. 3. Количество творческих культурных сообществ (на тысячу жителей)

Источник: база данных HCSO на основе собственного редактирования, 2018.

Рис. 4. Количество членов творческих культурных сообществ (на тысячу жителей)

Источник: база данных HCSO на основе собственного редактирования, 2018.

Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении числа регулярных культурных мероприятий (*рис. 5*).

На *рисунке 6* показано количество участников культурных мероприятий. Можно видеть, что посещаемость этих мероприятий была далеко не такой высокой в небольших сельских городах или агломерационных поселениях. Действительно, в Мишкольце по сравнению с числом жителей наблюдается довольно низкий уровень участия заинтересованных сторон. На поселенческом уровне эти шаги не были действительно успешными с точки зрения развития местных общественных структур.

Результаты анкетного опроса

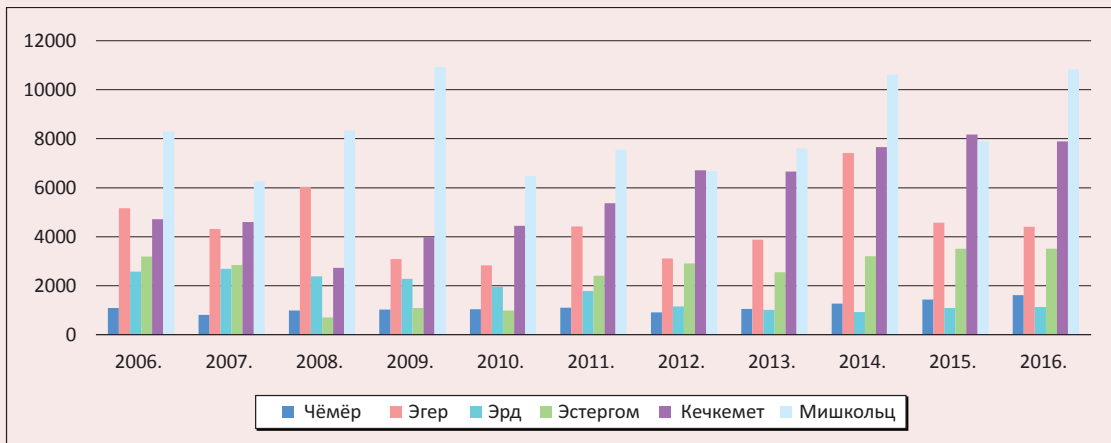
Общие характеристики участников полевых исследований представлены на *рисунках 7–10*.

Более половины (60,4%) респондентов – женщины. Количество мужчин в процентном выражении – 39,6%.

22% населения проживает в Чёмёре, 9% – в Мишкольце, 8% – в Эгере, 10% – в Эрде, 17% – в Кечкемете, 13% – в Эстергом и 21% – в других населенных пунктах.

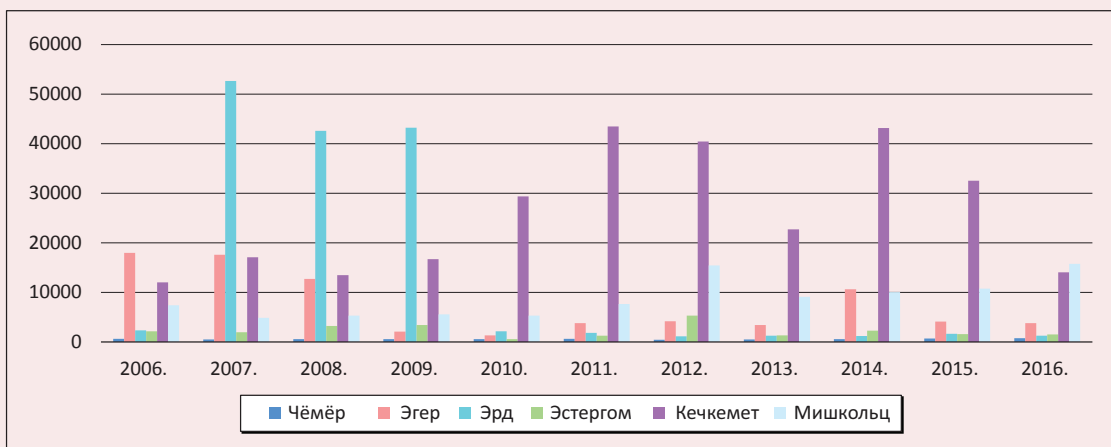
Средний возраст выборки составил от 38 до 47 лет. Целью было представить разные возрастные группы в выборке. Самому молодому респонденту – 12 лет, самому старому – 86 лет.

Рис. 5. Количество регулярных культурных мероприятий (на тысячу жителей)

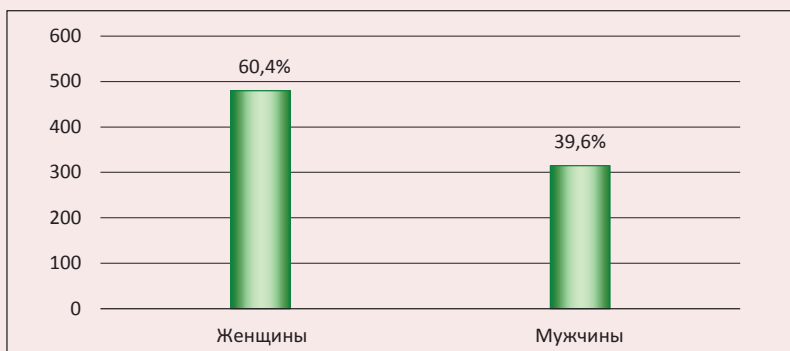
Источник: база данных HCSO на основе собственного редактирования, 2018.

Рис. 6. Число участников регулярных культурных мероприятий (на тысячу жителей)

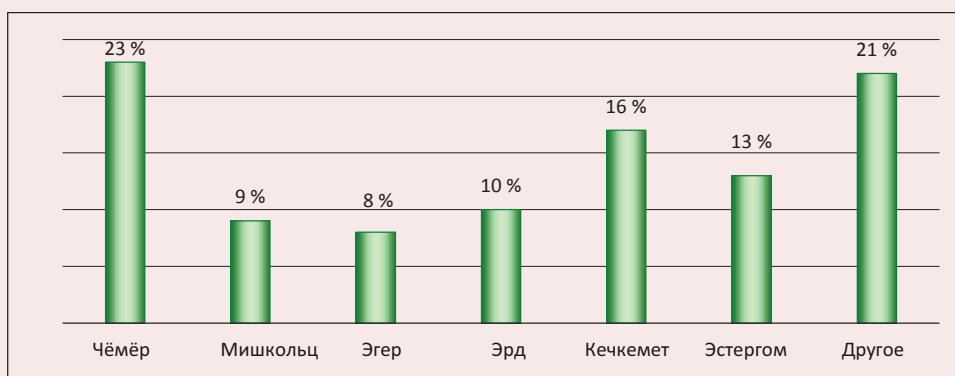
Источник: база данных HCSO на основе собственного редактирования, 2018.

Рис. 7. Распределение респондентов по полу

Источник: авторское исследование (2016–2017).

Рис. 8. Распределение респондентов по постоянному месту жительства

Источник: авторское исследование (2016–2017).

Круг респондентов тоже был широким с точки зрения таких характеристик, как доход, профессия и образование (рис. 9 и 10).

С исследовательской точки зрения было важно сначала изучить, что респонденты думают о термине «сообщество», что оно значит для них. Подавляющее большинство опрошенных отождествляли его с единством, программами, друзьями, надежностью, а само поселение — с этим понятием.

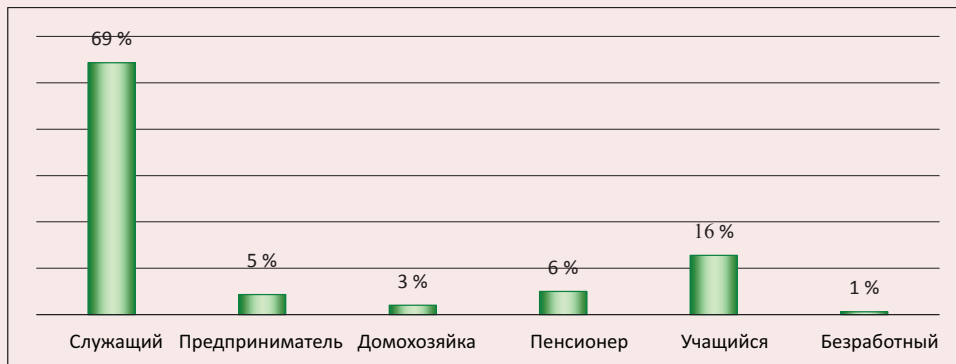
На вопрос о том, есть ли у их сообщества общественное сознание, более 67% респондентов ответили «определенно да», отрицательный ответ дали чуть более трети респондентов (рис. 11) Можно констатировать, что в целом респонденты считают, что у них есть сообщество в той или иной форме.

Значительная доля респондентов (53%), только пассивно посещают мероприятия, не

являясь их организаторами; почти 24% из них вообще не участвуют в них и даже не заинтересованы в их деятельности. 3% респондентов активно участвуют в общественных мероприятиях и являются муниципальными работниками, но доля волонтеров, которые не являются членами какой-либо гражданской организации, и доля активных организаторов также довольно низкие (17%) (рис. 12). Основными движущими силами сообщества поселений являются те, кто на основе патриотизма и преданности своему сообществу захотел участвовать в жизни своего ближайшего окружения и живущих в поселении людей.

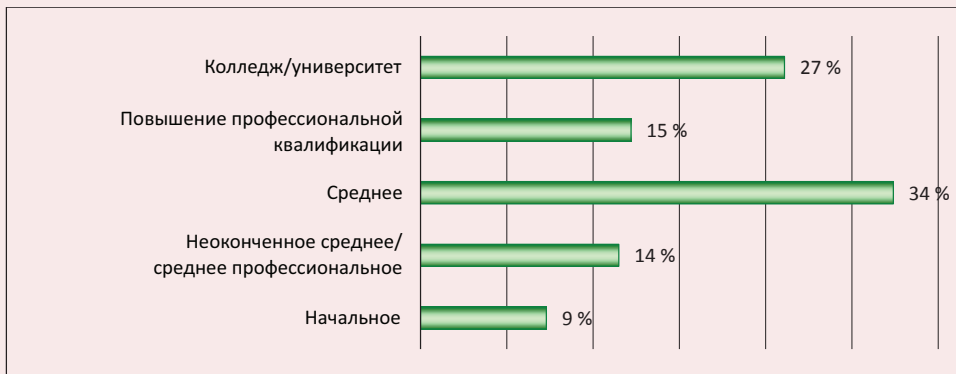
На вопрос об индивидуальной ответственности, о том, каким образом личность и местное самоуправление способствуют развитию сообщества только 6% опрошенных заявили, что это задача исключительно муниципально-

Рис. 9. Распределение выборки в разрезе профессий

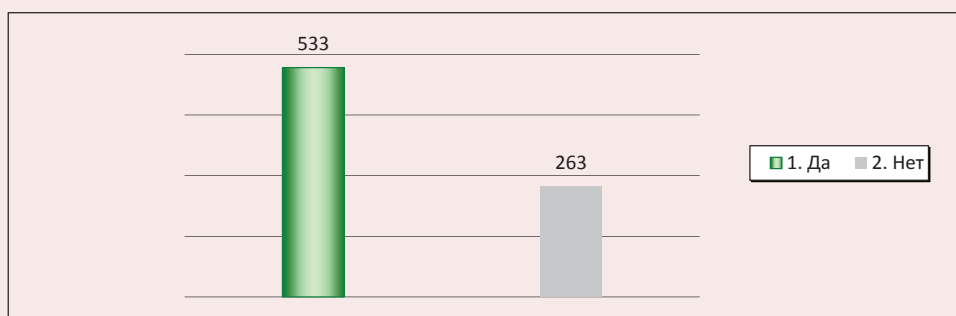
Источник: авторское исследование (2016–2017).

Рис. 10. Распределение выборки по уровню образования

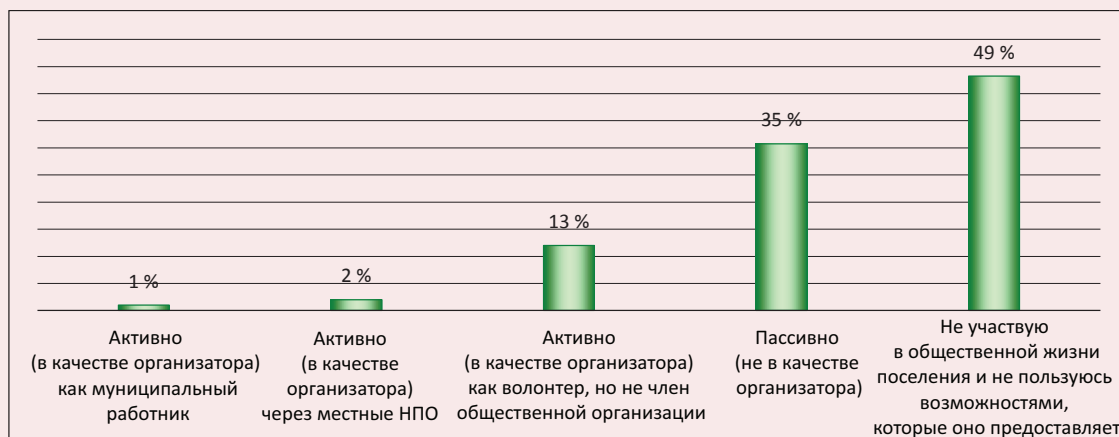
Источник: авторское исследование (2016–2017).

Рис. 11. Можете ли Вы сказать, что в Вашем поселении есть общественное сознание?, человек

Источник: авторское исследование (2016–2017).

Рис. 12. В какой форме жители участвуют в общественной жизни поселения?

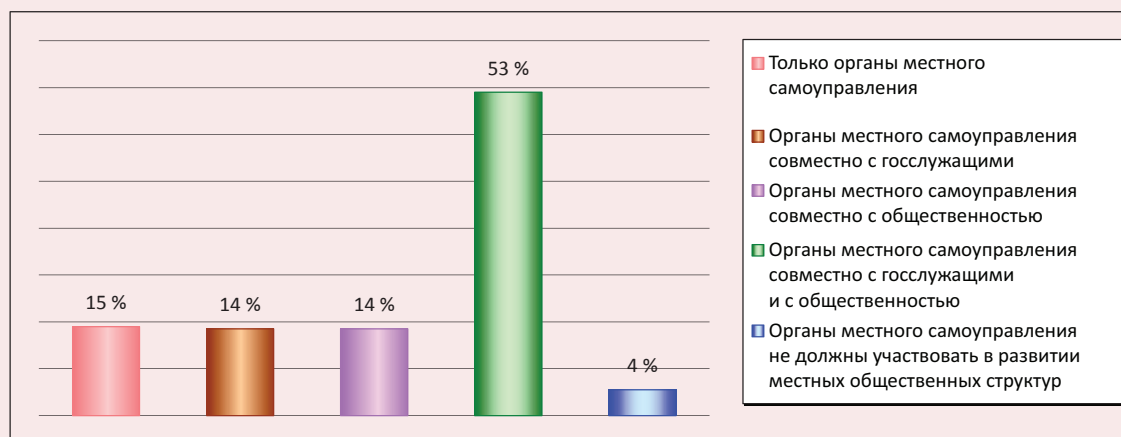

Источник: авторское исследование (2016–2017).

го уровня; 18% заявили, что это задача жителей; еще 26% опрошенных привлекли бы население к развитию местных общественных структур; наибольшее число опрошенных, будучи партнерами органов местного самоуправления, убеждены, что и госслужащие, и широкая общественность должны участвовать в развитии местных общественных структур; число тех, кто не считает, что органы местного самоуправления должны участвовать в развитии сообщества, незначительно (4%) (рис. 13).

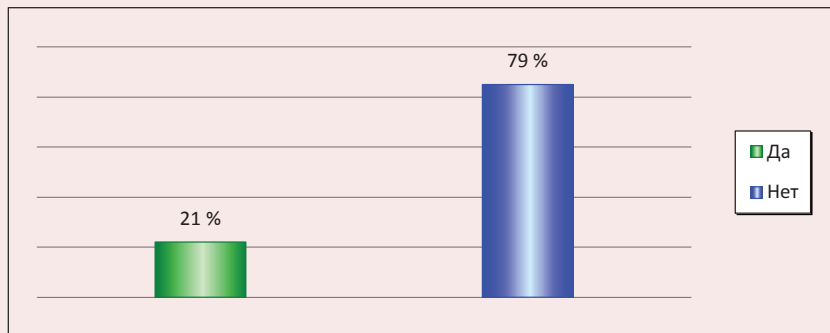
Одной из целей исследования было выяснить, как жители поселения узнают о событиях, происходящих в их непосредственном окружении, как они отслеживают муниципальные мероприятия и события (рис. 14). Ответы респондентов показывают, что, к сожалению, большинство (53%) вообще не знает о деятельности местного самоуправления в их населенном пункте. Это, конечно, не только вина сообщества. Из-за обязательств публикации, связанных с заявителями, трудно объяснить

Рис. 13. Как Вы думаете, кто несет ответственность за развитие местных общественных структур?

Источник: авторское исследование (2016–2017).

Рисунок 14. Знаете ли вы о мероприятиях, проводимых органами местного самоуправления в поселке?

Источник: авторское исследование (2016–2017).

отсутствие в поселениях анонсирования мероприятий, проводимых органами местного самоуправления.

Известные населению мероприятия, проводимые органами местного самоуправления, в основном связаны с такими задачами, как развитие дорожной сети, реконструкция каналов, детских садов, учреждений, озеленение, содержание скверов.

Большинство респондентов (57%) дали отрицательный ответ на вопрос о том, будут ли они играть активную роль в решении проблем поселения, и мы приходим к следующему выводу: несмотря на то что они и осознают важность сообщества и идентичности, их желание сделать что-то для сообщества все еще не является достаточно выраженным.

В результате перекрёстного табличного анализа была выявлена относительно слабая связь между постоянным местом проживания респондентов и их общественной деятельностью. Чёмёр является самым активным сообществом (47%), организатором или членом НПО (44%), что можно объяснить большим количеством молодых интеллектуалов из столицы, работающих в Чёмёре. Доля таких людей довольно небольшая в других населенных пунктах. Среди муниципалитетов Кечкемет является наиболее важным элементом развития местных общественных структур. В других поселениях наблюдается низкая готовность к участию в развитии местных общественных структур со стороны муниципалитетов. Почти все поселения имеют относительно небольшое количество пассив-

ных слоев. В Чёмёре наблюдается наименьшее число тех, кто не участвует в жизни сообщества вообще.

Существует еще одна взаимосвязь между местом жительства и общественным сознанием. Более половины респондентов заявили, что испытывают чувство сплоченности в своем сообществе. Там, где ранее социальная активность была на довольно низком уровне, респонденты чаще говорили, что их сообщество не имеет чувства сплоченности. На самом деле в этих поселениях люди являются наиболее пассивными и возлагают задачу развития местных общественных структур на органы местного самоуправления.

Существует также связь между профессией и общественным сознанием. Респонденты, давшие положительные ответы, — это, как правило, выпускники средней школы, колледжа или университета.

Предложения и выводы

В первой части исследования мы проанализировали международную и отечественную литературу. Мы пришли к выводу, что социальный капитал и сети связей нужно рассматривать как неотъемлемую часть регионального развития. Поэтому развитие человеческого капитала должно быть одной из основных целей политики в области развития, направленной на сокращение территориального неравенства и повышение экономической конкурентоспособности. Многие примеры поселений в Венгрии подтверждают ранее высказанное предположение о том, что экономическое развитие, осно-

ванное исключительно на внешних ресурсах, в долгосрочной перспективе не обеспечивает решения проблемы социально-экономического сближения регионов. В литературе высказывается предположение, что регионы (областные центры, крупные города) используют значительную долю ресурсов развития там, где наблюдается высокая социальная активность на местном уровне и сосредоточены основные ресурсы. Предыдущее мнение также подтверждает, что местные органы власти играют ключевую роль в сообществах, а те субъекты, которые играют ключевую роль в мобилизации как внешних, так и внутренних ресурсов, тоже занимают важное положение. Для регионов с неблагоприятными природными условиями или социальными характеристиками активные сообщества — часто единственная возможность развития. Основываясь на результатах эмпирического исследования, можно сказать, что существует потребность в сообществах внутри поселения и в жизни общины. В то же время наблюдается некоторое безразличие к решению общих вопросов, проблем на местном уровне и в сфере личной ответственности. Было доказано, что роль личности, ответственной за развитие сообщества и общественных сетей, как правило, считается важной для тех, кто занимается интеллектуальной деятельностью. В большинстве исследованных поселений активная общественная жизнь имеет место благодаря интеллигенции, проживающей в поселениях. В этих поселениях опыт организованных культурных мероприятий приветствуется общественностью; жители активно участвуют в создании творческих сообществ. Распространение подобных положительных практик и дополнительная мотивация благодаря сотрудничеству также могут служить стимулом для менее динамичных сообществ. Одним из ключевых моментов будущей политики развития может стать роль сообществ в саморазвитии.

Проанализировав литературу, связанную с темой исследования, можно констатировать, что уровень развития и потенциал развития регионов во многом определяется особенностями

ми человеческого фактора населения, проживающего на данной территории. Сокращение различий в развитии между районами не может быть достигнуто только за счет привлечения внешних финансовых ресурсов; необходима также мобилизация внутренних ресурсов. Среди эндогенных ресурсов ключевым фактором развития могут быть социальный капитал и социальные отношения. Развитие, основанное исключительно на внешних ресурсах, в долгосрочной перспективе не решает проблем социально-экономического характера. Для достижения таких целей помимо привлечения ресурсов требуется иметь знания о существующих условиях (природных, экономических, социальных). Если поселения располагают этими эндогенными ресурсами, то необходимо, чтобы сообщество или некоторые его члены активно участвовали в общественной жизни. Эмпирические исследования показали, что развитие событий характеризуется двойственностью. С одной стороны, образ мышления лидеров имеет решающее значение для определения тенденций, но фактические меры воздействия должны учитывать особенности существующей пространственной системы. Результаты нашего исследования подтвердили это более раннее предположение, которое подчеркивает важность роли индивида в обществе. Было также доказано, что рассмотренные поселения способны выйти на долгосрочный путь развития, где они будут активны в своем сообществе, будут сотрудничать и иметь живое сообщество. Кроме того, необходимо конкретизировать цели, которые должны быть достигнуты в плане развития. Необходимо сформулировать потребности с учетом местных условий и глубже изучить сообщество. Разработки должны осуществляться при активном участии членов общества. Знание целей может побудить членов сообщества к дальнейшему сотрудничеству. Необходимо содействовать развитию в том или ином сообществе. Сочетание всех этих факторов может сделать поселение действительно пригодным для жизни и успешным в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Lackó L. *A területi fejlődés egységes értelmezése. TÉR ÉS TÁRSADALOM*, 1987, vol.1, no. 1, pp. 67–75.
2. Rechnitzer J., Smahó M. *Területi politika*. Akadémiai Kiadó, Budapest, 2011.

3. Egyedné Gergely J. *Az önkormányzatok lehetőségei a szuburbanizációs folyamatok alakításában. A szuburbanizációs hatások térbeli megjelenése és a különbségek mögötti lehetséges okok vizsgálata a Budapesti Agglomeráció példáján* [The opportunities of local governments to influence the processes of suburbanization. The spatial form of suburban effects, and the possible reasons behind the differences—investigating the Agglomeration of Budapest (Doctoral dissertation, Budapesti Corvinus Egyetem)]. 2015. P. 290.
4. Horváth E. *Kicsik között a legkisebbek – a törpefalvak sikerességének kulcstényezői, doktori disszertáció*, Széchenyi István Egyetem, Regionális- és Gazdaságtudományi Doktori Iskola, Győr 2013. P. 205.
5. Szabó P., Farkas M. A fejlettség különböző felfogásai és mérései Európában és Magyarországon. *KÖZÉP-EURÓPAI KÖZLEMÉNYEK*, 2012, vol. 5 no. 1, pp. 86-101.
6. Enyedi Gy. Regionális folyamatok a poszt szocialista Magyarországon. *Magyar Tudomány*, 2004, no. 9, pp. 935–941.
7. Goda P., Kassai Zs. A 2004–2010 közötti gazdaság- és regionális fejlesztő operatív programok összehasonlító kistérségi vizsgálata. *GAZDASÁG & TÁRSADALOM, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó*, 2011, vol. 3, no. 2, pp. 93–110.
8. Molnár M. Factors of success in case of local society. *DETUROPE – THE CENTRAL EUROPEAN JOURNAL OF REGIONAL DEVELOPMENT AND TOURISM*, 2013, vol. 5, no. 3.
9. Goda P., Kassai Zs. A 2004-2010 közötti gazdaság- és regionális fejlesztő operatív programok összehasonlító kistérségi vizsgálata. *GAZDASÁG & TÁRSADALOM, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó*, 2011, vol. 3, no. 2, pp. 93-110.
10. Long A., van der Ploeg J.D. Endogenous development: practices and perspectives. In: van der Ploeg J.D., Long A. (Eds.). *Born from Within – Practice and Perspectives of Endogenous Rural Development*. Assen: Van Gorcum, 1994.
11. Ploeg, J., Long A. *Born from Within: Practice and Perspectives of Endogenous Rural Development*. Assen: Van Gorcum, 1994. P. 298.
12. Goda P., Kassai Zs. A 2004-2010 közötti gazdaság- és regionális fejlesztő operatív programok összehasonlító kistérségi vizsgálata. *GAZDASÁG & TÁRSADALOM, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó*, 2011, vol. 3, no. 2, pp. 93–110.
13. Goda P. *Új rendszerszemléletű helyzetfeltárási módszer a vidéki területek fejlesztésében. Doktori értekezés*. 2012. 172 p.
14. Hoggart K., Buller H. *Vidékfejlesztés*.
15. Madarász I. (Szerk.) *Szöveggyűjtemény a Vidékfejlesztés szociológiája tantárgy tanulmányozásához*. Gödöllő: Szent István Egyetem, 1994.
16. Goda P., Kassai Zs. A 2004-2010 közötti gazdaság- és regionális fejlesztő operatív programok összehasonlító kistérségi vizsgálata. *GAZDASÁG & TÁRSADALOM, Nyugat-magyarországi Egyetem Kiadó*, 2011, vol. 3, no. 2, pp. 93–110.
17. Farkas T. Vidékfejlesztés a fejlődésemelvények és a fejlesztési koncepciók tükrében. *TÉR ÉS TÁRSADALOM*, 2002, vol. 16, no. 1, pp. 41–57.
18. Edel M. Latin American urban studies: beyond dichotomy. In: Morse, R.M., Hardoy J.E. (Eds.). *Rethinking the Latin American City*. Woodrow Wilson Center Press, 1992.
19. Morse, R.M., Hardoy J.E. (Eds.). *Rethinking the Latin American City*. Woodrow Wilson Center Press, 1992.
20. Wilson P.A. Embracing locality in local economic development. *URBAN STUDIES*, 1995, vol. 32, no. 4-5, pp. 645–658.
21. Capello R., Faggian A. Collective learning and relational capital in local innovation processes. *Regional Studies*, 2005, no. 39, pp. 75–87.
22. Tóth B.I. The context of immaterial and territorial capital. *Space and Society*, 2010, no. 24 (1), pp. 65–81.
23. Tóth B.I. *Az immateriális és a területi tőke összefüggései*. *TÉR ÉS TÁRSADALOM*, 2010, no. 24(1), pp. 65–81.
24. Bourdieu P. *Ökonómische Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital*. In: Kreckel R. (Ed.). *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Goettingen: Otto Schartz & Co., 1983. Pp. 183–198.
25. Tóth B.I. The context of immaterial and territorial capital. *Space and Society*, 2010, no. 24 (1), pp. 65–81.
26. Tönnies F. et al. *Közösség és társadalom*. Gondolat, Budapest, 1983. P. 257.
27. Varga A.T., Vercseg I. *Közösségfejlesztés*. Magyar Művelődési Intézet, 1998. P. 247.
28. Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C. *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. Westview Press, Boulder, Colo, 1993. Pp. 4–33.

29. Murdoch J. Networks – a new paradigm of rural development? *Journal Of Rural Studies*, 2000. vol. 16, no. 4, pp. 407–419.
30. Csurgó B., Szatmári A. Vidéki kultúra, helyi közösség és lokális identitás A kulturális örökség szerepe a lokális identitásépítésben és a közösségfejlesztésben Hajdúdorogon és Hajdúhadházon. *Metszetek*. 2019, vol. 8, no. 2.
31. Csurgó B., Szatmári A. *Rural culture, local community and local identity. The role of cultural heritage in local identity building and local community development in Hajdúdorog and Hajdúhadház*. 2014.
32. Babbie E. *The Practice of Social Science Research*. 2001. Pp. 274–291.

Сведения об авторе

Илона Геренчер – младший преподаватель, Университет Святого Иштвана, Институт региональной экономики и развития сельского хозяйства (2100, Венгрия, г. Гёдёллё, ул. Páter Károly, д. 1; e-mail: gerencserilona16@gmail.com)

Ilona Gerencsér

The Role of Individual Responsibility in Territorial Development

Abstract. Within regional science, there has always been a great deal of emphasis on examining territorial differences. When defining development directions, it is important that territorial levels can be identified individually. One of the characteristics of settlements is a lively social life. This will provide an opportunity for the population to live their individual social and cultural life. In settlements where the population is active, people usually love to live, and their inhabitants want to improve their physical and cultural life. They work like a great family, they form a community. In some of cases, settlement leaders place great emphasis on community development. The leaders of the settlement formally try to ensure the development of the settlement with local regulations, however they also have informal tools that they can use for the benefit of their community. In addition to executives, the individual has an important role in community building. The active behavior of individuals in community building can greatly contribute to a successful settlement. The study examines several local communities with qualitative and quantitative modifiers, and presents success factors within each community. The purpose of the study is to approach communities from a new perspective. Previous research has generally examined communities on the basis of their characteristics, ethnicity (minorities), spatial concentration (school communities). This study attempts to highlight the relationship between territorial development and individual responsibility, taking into account all aspects of communities. It is important to note that the purpose of this study is not to present complete research findings (correlation studies on individual factors: age, educational attainment, income, and their impact on communities), partly because of the scale and partly because of future research plans. The research results confirm that the level of development and development potential of the regions are largely determined by the composition of the human factor living in the given space. Decisions made by decision-makers taking these principles into account can really contribute to the development of areas. Scientific study of such development results could be a goal for future research.

Key words: community, identity research, individual responsibility, local leaders, endogenous development.

Information about the Author

Ilona Gerencsér – Assistant Lecturer, Szent István University, Institute of Regional Economics and Rural Development (1, Páter Károly Street, Gödöllő, 2100, Hungary; e-mail: gerencserilona16@gmail.com)

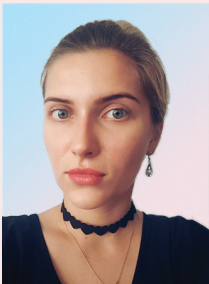
Статья поступила 26.06.2019.

Эффективное управление экономическим журналом: тренды, тенденции, вызовы

**Оксана Олеговна
МЕДВЕДЕВА**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация
E-mail: omedvedeva@ranepa.ru

**Алина Олеговна
ЖУК**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Москва, Российская Федерация
E-mail: zhuk-ao@ranepa.ru

Как меняется контекст развития отечественного экономического журнала? Какие новые тенденции и тренды формулируют журнальную повестку сегодня? Какое влияние они оказывают на редакционную политику и существует ли инструмент для оценки эффективности управления научно-периодическим изданием?

Столь неоднозначные вопросы поднимались на ставшей уже традиционной Секции экономических журналов Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), прошедшей 25 апреля 2019 года в рамках 8-й Между-

народной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2019: стратегия и тактика управления и развития».

Участники секции – ведущие экономисты, представители редакций российских экономических изданий и администраторы науки – дискутировали о внедрении новых практик продвижения и повышения цитируемости отечественных изданий. Модераторами круглого стола выступили председатель и секретарь Секции экономических журналов АНРИ – О.О. Медведева и А.О. Жук (РАНХиГС).

Для цитирования: Медведева О.О., Жук А.О. Эффективное управление экономическим журналом: тренды, тенденции, вызовы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 234–238. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.15

For citation: Medvedeva O.O., Zhuk A.O. Managing an economic journal efficiently: trends and challenges. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 234–238. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.15

В своем выступлении модераторы поделились обзором последних новшеств в научном мире, связанных с постепенным распространением в российском академическом сообществе западной практики публикации препринтов статей в открытых базах данных и специализированных репозиториях. Такая практика, несмотря на широкую популярность в зарубежном научно-издательском мире, вызывает неоднозначную реакцию со стороны российского научного сообщества. Опыт научно-исследовательской работы показывает, что некоторые издания отказываются принимать рукопись на данном основании, воспринимая ее как часть недобросовестной практики исследователя по тиражированию публикации. В связи с этим докладчики постарались максимально подробно раскрыть понятие препринта¹, его значение с точки зрения развития и продвижения научного знания, а также специфику отношения к препринтам в западной научно-издательской среде. Первым серьезным шагом на пути к изменению отношения отечественной научно-издательской среды к препринтам может стать подробно описанная и общедоступная политика редакции в адрес таких практик, размещенная на сайте издания. Анализ данных об изданиях открытого доступа в РИНЦ показал, что только 4,76% экономических журналов открытого доступа имеют у себя на сайте информацию о практике опубликования препринтов. Опрос же представителей редакций продемонстрировал, что до 70% опрошенных относятся к данной практике негативно. Вместе с тем растущая популярность препринтов требует от журналов всё более подробных и точных формулировок при описании редакционной политики. В результате дискуссии слушателям и спикерам было предложено ознакомиться с Декларацией «Препринты в российской экономической науке» с целью поддержать внедрение популярной европейской практики по публикации статей на основе препринтов, размещённых в открытом доступе, а также представить свои комментарии и предложения.

Ведущие эксперты в области ранжирования научных журналов — Е.В. Балацкий и Н.А. Екимова (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правитель-

¹ Препринт (от англ. preprint — предпубликация) — текст, размещенный в открытом доступе до публикации в рецензируемом научном журнале.

стве РФ) — рассказали о новых тенденциях в области построения рейтингов научных экономических журналов. Дело в том, что буквально за год сместился ракурс в подходе к унифицированной оценке качества журнала. Если еще недавно сам факт индексации издания в международной базе данных (WoS и/или Scopus) независимо от квартиля или процентиля расценивался как наивысшая оценка, то теперь наблюдается тенденция к оценке издания на основе данных о его перемещении по рейтинговым позициям внутри международных наукометрических баз данных (МНБД), становится необходимым учитывать квартиль отечественного издания. Второй новый императив в оценке журнала заключается в осознании отечественными редакциями того, что с русскоязычным контентом можно войти в международные базы, но двигаться в них нельзя. Попасты в 1-й и 2-й квартили с русскоязычной версией журнала практически невозможно; для этого необходимо иметь, по крайней мере, полномасштабную англоязычную версию. Указанные обстоятельства привели к изменению алгоритма построения рейтинга. Были рассчитаны дополнительные коэффициенты, учитывающие квартиль журнала в МНБД и наличие англоязычной версии контента. Итоговые результаты ранжирования отражают фактический успех журнала на внутреннем сегменте рынка и фиксируют его потенциальный успех на внешнем сегменте. Детально методология составления рейтинга и перечень ведущих экономических журналов представлены в статье, опубликованной в предыдущем выпуске журнала².

В конце выступления спикеры сделали прогноз о том, что в ближайшее время отечественные авторы практически исчерпают свою возможность публиковаться в российских журналах, вышедших на «внешний рынок»³; такие данные фиксируются из-за увеличения международного авторского присутствия в портфеле статей: так, например, 60,7% контента журнала «Форсайт» в 2018 г. было отдано иностранным исследователям.

² См.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 124–139. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.8

³ Т.е. журналы высокого международного уровня, проиндексированные в МНБД и с динамическим движением по квартилям внутри баз.

В контексте изучения по вопросам механизмов продвижения отечественных журналов в международных рейтингах выступил заместитель главного редактора журнала «Прикладная эконометрика» А.А. Пересецкий. Спикер провел исследование о процедурах механического подсчета цитирований на основе данных, полученных из тематической (экономической) международной базы данных RePEc⁴. Известно, что одной из основных проблем отечественной науки является отсутствие цитирования русскоязычных текстов в международном пространстве, в большей степени обусловленное их языковой недоступностью. В этом ключе уже принято много действий, выпускаются и билингвальные журналы, и гибридные версии, создаются англоязычные версии журналов и выпускаются оригинальные версии изданий на иностранном языке, которые принимают материалы отечественных исследователей исключительно на английском. Однако есть и простые, не требующие серьезного дополнительного финансирования действия, которые может и должна предпринять редакция любого журнала, чтобы не допустить «потери цитирований». Редакция должна заниматься верификацией ссылок в пристатейных списках литературы, на сайте издания должна быть размещена информация о корректном написании информации для цитирования («for citation»). Иногда, непосредственно в процессе цитирования, в списках литературы неправильно указывается и название того журнала, в котором и будет опубликована эта статья. Важно, чтобы редакция учитывала требования к пристатейным спискам литературы от МНБД и не забывала ориентироваться также на специализированные международные базы по экономике, поскольку сегодня это — составляющая успеха в продвижении отечественного журнала в международном научном сообществе.

Так, Т.Ю. Кузнецова, выпускающий редактор журналов «Балтийский регион» и его англоязычной версии «Baltic Region», поделилась опытом издания и продвижения журнала, имеющего переводную версию⁵. Отличает этот успешный кейс прежде всего продуманный

⁴ Research Papers in Economics.

⁵ Т.е. журнал, который выпускается в оригинальной русскоязычной версии, параллельно с которым издается его полная копия на английском языке.

подход к проекту, так как создание периодического издания в двух версиях планировалось изначально и предполагало разные пути развития для изданий, несмотря на идентичное содержание. Оригинальный русскоязычный журнал постепенно вошел в ядро РИНЦ и RSCI на платформе WoS, англоязычная же версия была проиндексирована в Scopus и ESCI WoS, обе версии проиндексированы в DOAJ и ERIN+. Такой подход наиболее интересен для молодых изданий, которые ранее никогда не были проиндексированы в какой-либо МНБД. Однако, выбирая такой путь, редакции следует учитывать необходимость проведения двух типов наиболее серьезных и затратных работ в журнале: во-первых, уделить максимальное внимание качеству перевода в обе стороны, а во-вторых, грамотно выстроить процедуру синхронной постраничной верстки: если в англоязычной версии страницы статьи 1–17, то и в русскоязычной версии номера страниц должны совпадать. Эта процедура позволяет не потерять цитирования и разработать грамотную стратегию продвижения издания. Использование современных технологий в виде DOI⁶ позволяет также избежать двоичности в восприятии информации о статьях роботами МНБД. Подводя итог выступления, Татьяна Юрьевна сформулировала два основных преимущества издания журнала в двух версиях. Первое заключается в доступности статей как для международной аудитории, так и для российских ученых, не владеющих свободно английским языком; второе выражено в эффективных практиках расширения круга рецензентов, ведь практически каждый рецензент — это автор, а каждый автор — это рецензент.

Н.А. Гавриличева (сотрудник редакции, ответственный за продвижение журнала «Форсайт»/«Foresight and STI Governance» в международном научном пространстве) рассказала об опыте развития и продвижения их журнала, имеющего также переводную версию, но уже после его индексации в МНБД. «Форсайт» был одним из первопроходцев в проектировании и продвижения двух версий издания, однако русскоязычная версия журнала была включена в Scopus до создания англоязычной версии, и в дальнейшем именно этот фактор повлек за

⁶ Присваивается один и тот же DOI и статье на русском языке, и статье на английском языке.

собой ряд трудноразрешимых сложностей. Второй практически непреодолимой сложностью стала вынужденная необходимость изменения англоязычного названия журнала, поскольку аналоговое наименование уже существовало и издавалось другим международным издателем. Оба этих «нюанса» повлекли за собой формирование внутри БД Scopus двух профилей журнала, потерю цитирований ввиду расслоения данных и т.д. Длительные переговоры и слушания с экспертами Scopus, на которых было необходимо доказать принадлежность расслоённых профилей к одному изданию, только спустя почти три года привели к формированию единого профиля в МНБД. Техническая процедура создания двух версий совпадает с уже ранее описанной Т.Ю. Кузнецовой; интересен тот факт, что англоязычная версия журнала «Форсайт» существует только в электронном виде, процедуру верстки и затраты на нее такой подход не снимает, но сокращает издательские расходы на печать англоязычного тиража. Для презентации журнала на иностранных мероприятиях и в общении с иностранными авторами печатается минимальный англоязычный тираж, который и предлагается для ознакомления.

Редакция уделяет также большое внимание популяризации издания как с технической стороны вопроса — создание мобильного приложения для журнала, внедрение электронной редакции, так и с социальной — представители редакции активно участвуют в научных дискуссиях, лекциях, семинарах, круглых столах, конференциях; занимаются продвижением в социальных сетях, стараются отслеживать и участвовать в новых международных мероприятиях за рубежом по тематике журнала, а также организуют собственные мероприятия. Такой многосторонний подход к продвижению издания позволяет «Форсайт» вполне закономерно занимать ведущие позиции в экономической области научного знания.

Опытом внедрения перспективных практик в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» и его англоязычной версии «Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» поделилась заместитель главного редактора О.В. Третьякова. В управлении журналом его редакция в 2010 году начала использовать новый инструмент, который за эти годы зарекомендовал себя как эффектив-

ный. Формально это анкетирование, включающее вопросы открытого и закрытого типа; анкеты рассылаются от лица главного редактора респондентам с целью получения обратной связи по вопросам уровня качества статей, а также для сбора предложений по развитию и продвижению журнала. Опрашиваются как члены редколлегии и редсовета, рецензенты, так и авторы, читатели журнала, сотрудники научного центра, на базе которого функционирует издание. Вся собранная по итогам анкетирования информация структурируется и используется редакцией для подготовки аналитики о динамических показателях изданий, а в дальнейшем для корректировки годового плана задач с учетом принятых предложений.

В ходе опроса выявляется, как сложившееся около журнала сообщество определяет научный уровень опубликованных материалов, оценивает работу редколлегии и происходящие в журнале изменения. Важным, по мнению докладчика, является то, что организованная в научном журнале обратная связь способна выступать инструментом пострецензирования статей. Для этого в анкету включен перечень опубликованных за год статей. Респонденты могут отметить публикации, которые их заинтересовали, и сопроводить их небольшими резюме. Собирая такую информацию, редакция формирует годовой импакт-рейтинг опубликованных статей. Результаты пострецензирования позволяют редакции эффективно управлять контентом и тематической направленностью новых выпусков журнала.

Значимым итогом ежегодной экспертной оценки журнала становятся предложения респондентов по популяризации и развитию журнала. Рассказывая о практиках продвижения англоязычной версии журнала, спикер поделилась несколькими кейсами, которые были реализованы в журнале по предложению зарубежных членов редколлегии и редсовета. Так, например, через организацию рассылки журнала в зарубежные национальные библиотеки издание теперь представлено в фондах Библиотеки Конгресса США и Германской национальной экономической библиотеки. Вместе с тем участие в зарубежных конференциях позволяет укрепить позиции журнала в международном научном сообществе: например, издание выступало в качестве «supporting journal» на

конференциях в Италии, Словении, Хорватии. Немаловажную роль сыграл и опыт прямого сотрудничества журнала с Европейской школой социальных инноваций (European School of Social Innovation), для которой журнал стал официальным партнером. Подводя итог, докладчик назвала условия эффективности экспертной оценки в научном журнале, главным из которых является её осуществление на системной основе.

Тему внедрения принципов эффективного управления продолжила Т.А. Лапина – ответственный редактор журнала «Вестник Омского университета. Серия „Экономика”». Выступление было посвящено сложностям и перспективам развития регионального журнала. В качестве основных трудностей выделяется зачастую отсутствие целеполагания у журнала и, как следствие, хаотичность действий редакции, что сложно назвать стратегией развития. С позиций продвижения журнал стремится быть максимально доступным автору и читателю, в связи с этим придерживается принципов открытого доступа, гарантирует бесплатную публикацию и открытость контента в ЭБС,

БД и репозиториях. Именно на эти преимущества в основном обратили внимание участники опроса, проводившегося редакцией в 2018 г. С другой стороны, у издания уже сейчас неплохие показатели в РИНЦ и есть стремление двигаться дальше по пути соответствия требованиям МНБД. Возможно, уже сейчас этого достаточно, чтобы совершенствоваться в применении практик эффективного управления изданием.

* * *

Участники секции поблагодарили выступивших за прикладной характер докладов, который позволил перевести обсуждение в плоскость практической передачи опыта. Спикеры выразили общее мнение, что, несмотря на новые вызовы и угрозы, у отечественных редакций постоянно появляются новые возможности продвижения и развития инструментария эффективного управления изданием. В докладах были предложены конкретные кейсы по развитию практик администрирования журнала и его продвижения в международное научное сообщество.

Сведения об авторах

Оксана Олеговна Медведева – к.и.н., начальник отдела научно-информационного развития, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; председатель Секции экономических журналов АНРИ (Российская Федерация, Москва; e-mail: omedvedeva@ranepa.ru)

Алина Олеговна Жук – руководитель группы научно-периодических изданий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; секретарь Секции экономических журналов АНРИ (Российская Федерация, Москва; e-mail: zhuk-ao@ranepa.ru)

Medvedeva O.O., Zhuk A.O.

Managing an Economic Journal Efficiently: Trends and Challenges

Information about the Authors

Oksana O. Medvedeva – Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Scientific and Informational Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, moderator of the Section of Economic Journals of the ASEP (Moscow, Russian Federation; e-mail: omedvedeva@ranepa.ru)

Alina O. Zhuk – Head of the Scientific Periodicals Group at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, secretary of the Section of Economic Journals of the ASEP (Moscow, Russian Federation; e-mail: zhuk-ao@ranepa.ru)

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области за период с февраля 2018 (начало первого года IV президентского срока В.Путина) по август 2019 г.

Даётся сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год III президентского срока В.В. Путина).

Представлена динамика данных за последние 2 года (2017–2018).

В июне – августе 2019 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился: доля положительных оценок составляет 56%, удельный вес отрицательных суждений – 28–29%.

В динамике общественного мнения о деятельности главы государства ощутимых изменений не наблюдается с апреля 2019 г. (то есть на протяжении последних трёх опросов). Именно тогда была прервана негативная тенденция снижения доли положительных суждений, вызванная, прежде всего, реакцией общества на изменения в пенсионном законодательстве (за период с июня 2018 по апрель 2019 г. удельный вес позитивных оценок деятельности Президента снизился на 14 п.п., с 70 до 56%; однако с апреля 2019 г. он стабильно составляет 56%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

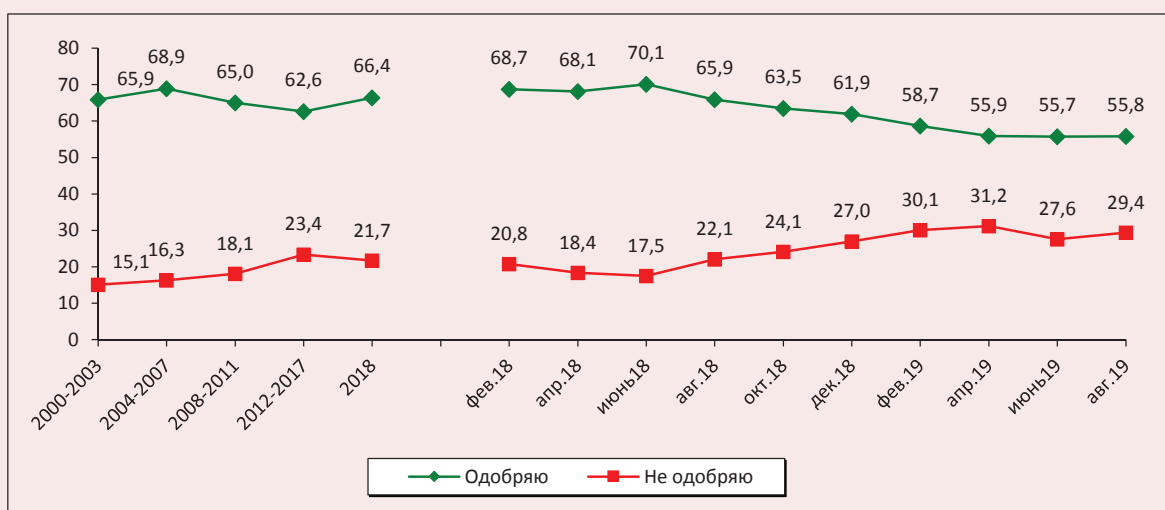
Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Для справки:

По данным ВЦИОМ доля положительных оценок деятельности главы государства в целом по стране в июле – августе 2019 г. составляла 64%, отрицательных – 27-28% (для сравнения: в феврале 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента по данным ВЦИОМ составлял 78%, неодобрения – 12%²).

По данным Левада-Центра поддержка деятельности Президента в июне – июле 2019 г. составила 68%, доля отрицательных суждений – 28% (для сравнения: в феврале 2018 г. доля положительных оценок деятельности главы государства по данным Левада-Центра составляла 76%, отрицательных – 22%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России? (в % от числа опрошенных)*

* Здесь и далее в таблицах и графиках представлены данные ВолНЦ РАН по итогам мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Изменение (+/-) авг. 19 по отношению к...	
																Июнь 19	Фев. 18
Председатель Правительства РФ*																	
Одобрять	-*	59,3	49,6	49,5	48,0	48,3	49,9	52,0	47,4	45,2	45,3	41,6	38,8	40,9	43,1	+2	-5
Не одобряют	-	24,7	33,3	31,1	31,6	30,8	27,8	27,5	31,9	34,8	36,9	39,3	40,2	38,0	36,3	-2	+6
Губернатор																	
Одобрять	55,8	45,7	41,9	39,8	38,4	39,3	39,5	40,5	37,3	35,7	38,3	36,5	34,7	35,4	36,1	+1	-3
Не одобряют	22,2	30,5	33,3	39,3	37,6	37,9	36,1	35,3	36,9	39,1	40,3	41,5	41,4	38,6	38,5	0	+1

* Вопрос задается с 2008 г.

² Следует при этом отметить, что в феврале 2018 г. ВЦИОМ проводил телефонный опрос (по-видимому, в связи с наступающими президентскими выборами). Для сравнения текущих показателей более корректно анализировать результаты январского опроса, согласно которым доля положительных оценок деятельности Президента составила 83%, отрицательных – 11%.

За последние два месяца практически не изменилась доля жителей области, считающих, что Президент успешно справляется с проблемами укрепления международных позиций России (51–52%), наведения порядка в стране (45–46%), защиты демократии и укрепления свобод граждан (35–36%).

Вместе с тем незначительно ухудшились оценки успешности работы главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан: доля положительных суждений снизилась с 29 до 26%, отрицательных – возросла с 58 до 60%.

В целом по данным на август 2019 г. доля положительных оценок деятельности Президента по решению ключевых проблем страны на 4–6 п.п. ниже, чем в феврале 2018 г. и в среднем за 2017, 2018 гг.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Изменение (+/-) авг. 19 по отношению к...	
																Июнь 19	Фев. 18
Укрепление международных позиций России																	
Успешно	58,4	46,2	43,1	55,7	54,2	55,2	56,1	55,6	53,3	51,3	53,5	51,5	50,2	51,9	51,0	-1	-4
Не успешно	24,9	33,7	37,9	26,8	28,4	26,9	26,9	26,7	29,1	30,7	30,3	31,7	32,7	30,3	30,6	0	+4
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	105,2	129,0	125,7	128,3	129,2	128,9	124,2	120,6	123,2	119,8	117,5	121,6	120,4	-1	-8
Наведение порядка в стране																	
Успешно	53,2	36,6	35,4	50,6	51,1	50,9	54,2	55,1	51,0	48,5	46,9	44,2	42,4	44,5	46,1	+2	-5
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,1	35,0	32,7	30,8	32,9	36,2	37,9	39,5	40,7	42,6	39,3	39,3	0	+7
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	84,7	114,5	116,1	118,2	123,4	122,2	114,8	110,6	107,4	103,5	99,8	105,2	106,8	+2	-11
Защита демократии и укрепление свобод граждан																	
Успешно	44,4	32,4	28,8	40,3	40,5	42,8	42,9	43,4	39,8	37,3	36,5	33,5	32,3	34,6	35,5	+1	-7
Не успешно	37,0	48,3	52,3	40,2	40,2	38,7	37,1	38,1	41,4	42,7	43,3	45,3	47,7	45,5	46,1	+1	+7
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	76,5	100,2	100,2	104,1	105,8	105,3	98,4	94,6	93,2	88,2	84,6	89,1	89,4	0	-15
Подъем экономики, рост благосостояния граждан																	
Успешно	47,2	30,7	28,5	29,3	31,0	31,0	31,3	32,3	30,6	30,6	29,9	28,1	28,1	29,1	26,5	-3	-5
Не успешно	39,1	56,1	57,9	56,9	56,2	53,7	55,3	55,2	58,3	57,2	57,6	56,9	58,2	57,8	59,7	+2	+6
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	70,6	72,4	74,7	77,3	76,0	77,1	72,3	73,4	72,3	71,2	69,9	71,3	66,8	-5	-11
* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2018 г.																	

В июне – августе структура политических предпочтений населения не изменилась: уровень поддержки партии «Единая Россия» составляет 34–35%, ЛДПР и КПРФ – 9–11%, Справедливой России – 3–4%.

Следует отметить, что по сравнению с первой половиной 2018 года (февраль – июнь) из всех парламентских партий только «Единая Россия» несколько утратила свои позиции (снижение на 4–5 п.п., с 38–39 до 34–35%).

Доля жителей области, считающих, что никакая из представленных в парламенте партий не отражает их интересы, в июне – августе 2019 г. составила 32%. Это меньше, чем в апреле 2019 года (35%), но больше, чем в начале 2018 г. (29%) и чем среднегодовые оценки за 2017 и 2018 гг. (29%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Изменение (+/-) авг. 19 по отношению к...	
																			Июнь 19	Фев. 18
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	38,4	39,7	38,9	38,1	36,5	36,0	34,6	33,3	34,8	33,5	-1	-5
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	10,1	9,6	9,7	9,7	9,7	8,8	8,9	8,2	9,1	10,5	+1	0
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	7,1	8,1	8,7	10,3	11,1	9,9	9,1	8,0	8,5	8,7	0	+2
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,5	2,5	2,3	2,7	3,4	2,8	2,9	2,9	2,5	3,9	+1	0
Другая	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,7	0,9	1,2	0,5	0,6	0,4	0,4	0,6	0,3	0,3	0,4	0	-1
Никакая	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	28,5	28,8	26,2	26,7	28,5	29,0	31,9	34,2	34,7	32,3	32,1	0	+3
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	11,2	11,1	12,7	13,3	10,0	9,9	10,2	9,7	12,6	12,4	10,9	-2	0

Как и двумя месяцами ранее, в августе 2019 г. доля жителей области, положительно характеризующих свое повседневное настроение, составила 71%. Удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», в июне – августе составил 77 - 78%.

В то же время сложно дать позитивную оценку отсутствию изменений в динамике самооценок уровня и качества жизни населения. За последние два месяца доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», составила 46–47% (это больше, чем удельный вес тех, кто относит себя к людям «среднего достатка» – 43%).

Индекс потребительских настроений фактически на протяжении всего периода с февраля 2018 по август 2019 г. варьируется в пределах от 89 до 92 пунктов (то есть меньше 100 пунктов), что означает преобладание пессимистических суждений в оценках населения относительно будущих перспектив российской экономики и своего собственного материального положения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Изменение (+/-) авг. 19 по отношению к...	
																Июнь 19	Фев. 18
Настроение																	
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	-1	+2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,2	23,1	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	23,5	25,6	25,5	23,5	23,4	0	0
Запас терпения																	
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	77,7	77,1	76,2	79,0	76,5	78,0	75,7	77,1	74,3	76,7	78,0	76,8	-1	+1
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,8	16,3	16,3	14,8	16,6	15,5	17,1	17,5	19,1	17,5	16,5	16,2	0	0
Социальная самоидентификация*																	
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	43,1	42,3	41,2	41,8	43,1	43,3	42,8	41,6	43,8	41,3	43,3	42,9	0	+2
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	46,6	45,4	46,2	46,5	45,3	44,1	45,4	44,7	44,8	46,9	45,8	47,0	+1	+1
Индекс потребительских настроений																	
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	84,6	89,9	89,2	90,3	92,2	89,2	89,2	89,1	90,1	90,0	91,2	91,8	+1	+3

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

За последние два месяца в большинстве социально-демографических категорий населения доля людей, положительно характеризующих свое настроение, существенно не изменилась.

Незначительно возрос удельный вес положительных оценок среди людей в возрасте от 30 до 55 лет (на 4 п.п., с 70 до 74%).

В то же время отмечаются негативные изменения среди жителей области старше 55 лет (доля тех, кто испытывает «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние», уменьшилась на 7 п.п., с 67 до 60%), а также среди людей со средним специальным образованием (на 5 п.п., с 77 до 72%).

Следует также отметить, что в двух из 14 анализируемых социально-демографических групп за период с февраля 2018 по август 2019 г. доля положительных оценок социального настроения ощутимо уменьшилась: среди людей старше 55 лет (на 5 п.п., с 66 до 61%) и среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (на 4 п.п., с 78 до 74%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Изменение (+/-) авг. 19 по отношению к...	
																Июнь 19	Фев. 18
Пол																	
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	71,0	73,4	74,5	73,9	70,8	73,4	69,9	68,6	72,1	71,8	0	+1
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	66,6	70,0	70,9	71,3	71,8	68,4	66,4	69,0	70,8	70,1	-1	+4
Возраст																	
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	74,2	79,6	81,3	77,9	85,1	81,6	76,3	81,2	82,9	85,2	+2	+11
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	68,8	74,0	75,1	74,9	70,9	71,6	68,0	71,5	70,5	74,0	+4	+5
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	65,6	64,2	64,7	66,5	65,4	64,7	64,3	59,8	67,4	60,7	-7	-5
Образование																	
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	60,5	65,5	64,8	66,5	63,8	67,8	61,5	60,4	64,4	65,6	+1	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	68,9	72,7	74,9	72,6	73,5	70,5	68,6	73,0	77,3	72,8	-5	+4
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	77,9	76,2	77,4	78,4	76,5	74,1	73,8	73,3	72,1	73,9	+2	-4
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	47,7	61,8	60,0	53,1	59,6	61,3	50,4	56,1	54,9	53,2	-2	+6
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	70,3	71,7	72,3	74,5	73,1	69,7	67,2	69,9	74,1	72,1	-2	+2
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	82,2	81,5	85,5	83,4	81,3	83,4	86,2	81,0	81,0	81,4	0	-1
Территории																	
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	71,0	73,5	75,4	70,4	68,8	67,1	65,5	68,5	70,3	68,0	-2	-3
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	71,5	75,0	76,7	79,1	77,7	74,5	71,1	67,8	72,1	74,4	+2	+3
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	65,6	68,3	68,6	69,8	69,2	70,5	67,6	69,6	71,7	70,5	-1	+5
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	-1	+2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывают результаты мониторинга, осязаемых позитивных трендов в динамике общественного мнения по ключевым вопросам, характеризующим ситуацию в стране, пока не наблюдается. Примерно с апреля – июня 2019 г. остаются стабильными:

- ✓ уровень поддержки главы государства (56%) и «Единой России» (34%);
- ✓ доля положительных оценок психологического самочувствия (71%) и запаса терпения (77%);
- ✓ удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «людей среднего достатка» (43%), и потребительские ожидания населения (индекс потребительских настроений составляет 91–92 пункта).

Можно было бы говорить о том, что в летние месяцы 2019 г. удалось наконец преодолеть негативную тенденцию снижения поддержки главы государства, которая отмечалась на протяжении почти года (с июня 2018 по апрель 2019 г.) и была вызвана негативным восприятием, прежде всего, пенсионной реформы (напомним, что за этот период доля положительных оценок деятельности Президента уменьшилась на 14 п.п., с 70 до 56%, а отрицательных – увеличилась на 13 п.п., с 18 до 31%).

Однако, во-первых, следует отметить, что летние месяцы – период отпусков и дачных дел – не самый репрезентативный период для того, чтобы делать долгоиграющие выводы. Во-вторых, не вполне понятно, за счет изменения каких индикаторов мониторинга можно ожидать осязаемых позитивных изменений: ни в решении главой государства ключевых проблем страны, ни в динамике самооценок материального положения, ни в тенденциях социального настроения не наблюдается устойчивых положительных трендов. Наконец, в-третьих (и это самое главное), нельзя забывать о том, какие цели государство и общество ставило перед собой в начале текущего политического цикла: на сегодняшний день речь идет лишь о сохранении легитимности власти, но никак не о «решительном прорыве в благополучии наших граждан»³.

На фоне скептических прогнозов экспертов относительно реалистичности выполнения нацпроектов⁴, тревожных ожиданий по поводу скорой (возможно, уже в этом году) рецессии российской экономики⁵, а также не внушающих оптимизма данных официальной статистики, свидетельствующих об отсутствии позитивных изменений в динамике уровня и качества жизни населения⁶, вероят-

³ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

⁴ См., например:

Почему триллионные траты на нацпроекты не улучшают ситуацию // Эхо Москвы 9 апр. 2019. <https://echo.msk.ru/blog/openmedia/2404337-echo/>; Симчера В., Калитин П., Аверьянов В. На изломе поколений. Человеческий «капитал» или человеческий «балласт»? http://zavtra.ru/blogs/na_izlome_pokolenij/; Расширенное заседание Совета регионов «ОПОРЫ РОССИИ» 22.03.2019 / Официальный сайт «Опора России». <http://opora.ru>

⁵ Эксперты Титова предсказали рецессию в 2019 году / Сайт РБК 5 авг. 2019. https://www.rbc.ru/economics/05/08/2019/5d443a6d9a79470cb3c28cbc?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁶ По данным официальной статистики доля жителей Вологодской области с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума растет третий год подряд: в 2016 г. – 13,4%; в 2017 г. – 13,6%; в 2018 г. – 13,8%. В 1 квартале 2019 г. реальная заработная плата составила 96,4% от уровня 4 квартала 2018 г.; реальные располагаемые денежные доходы – 78,1%. Индекс потребительских цен при этом незначительно возрос: 101,5% в 1 квартале 2019 г. к 4 кварталу 2018 г. (источник: данные Территориального органа ФСГС по Вологодской области. <http://vologdastat.gks.ru>; Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – июне 2019 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2019. 83 с.). В 1 квартале 2019 г. реальная заработная плата составила 96,4% от уровня 4 квартала 2018 г.; реальные располагаемые денежные доходы – 78,1%.

ность того, что в осенне-зимний период оценки общественного мнения начнут ухудшаться, является достаточно высокой. И пока что остается только догадываться о том, какими могут быть темпы этих негативных тенденций.

В этих условиях крайне важным является выполнение установки Президента на то, что «уже в этом году люди должны почувствовать реальные изменения к лучшему»⁷. «Людам неинтересны абстрактные обещания, — как отметил В. Путин на одном из совещаний по реализации нацпроектов, — гражданам важен результат, и не в отдалённом будущем, а сейчас. Во всяком случае, люди должны видеть, что идёт процесс, он позитивный и приводит к этим результатам»⁸.

Будет ли реализован этот идеологический, но, в то же время, вполне конкретный посыл главы государства, адресованный, прежде всего, властвующим элитам, ответственным за реализацию национальных проектов; или эта целевая установка в очередной раз «потонет» в море бюрократических отговорок, интерпретаций и манипуляций статистическими данными — об этом будут свидетельствовать дальнейшие замеры мониторинга общественного мнения.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

---

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 2019. 20 фев. / Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁸ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 мая 2019 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60485>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы — не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем — иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

---

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.aks.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка

Л.Н. Воронина

Оригинал-макет

Т.В. Попова

Корректор

Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.08.2019.

Дата выхода в свет 30.08.2019.

Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 29,6. Тираж 500 экз. Заказ № 233.

Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02

E-mail: common@volnc.ru